

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ  
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА»**

**С.А. Нефедов**

**АГРАРНЫЕ  
И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ  
СТАЛИНСКОЙ  
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ**

**МОНОГРАФИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО



**Тамбов 2013**

УДК 947.084.631

ББК 63.3(2) 714

H58

**Ответственный редактор:**

доктор исторических наук, профессор **В.В. Канищев**

**Рецензенты:**

доктор исторических наук, профессор **В.Б. Безгин**;

доктор исторических наук, профессор **В.Н. Владимиров**

*Книга рекомендована к печати ученым советом  
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ-Урал,  
№ 11-11-66003 а/У и Министерства образования и науки  
Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0953*

**Нефедов, С.А.**

H58

Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации : монография / С.А. Нефедов ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283с.

ISBN 978-5-89016-883-2

Монография посвящена рассмотрению вопроса об изменении уровня жизни крестьян и рабочих в результате коллективизации и социального кризиса 1931-1933 годов.

Исследование предполагает сравнение экономических и демографических показателей для докризисного (1925-1928 гг.) и послекризисного периода (1936-1940 гг.) в целом по СССР и по двум регионам: Центрально-Черноземному и Уральскому. Большое внимание уделяется анализу причин и последствий кризиса, связанного с проведением коллективизации.

Книга адресована специалистам-историкам, аспирантам и студентам вузов.

**УДК 947.084.631**

**ББК 63.3(2) 714**

**ISBN 978-5-89016-883-2**

© Нефедов С.А., 2013

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2013

**Tambov State University**

**S.A. Nefedov**

**AGRARIAN AND DEMOGRAPHIC  
RESULTS  
OF STALIN'S COLLECTIVIZATION**



**Tambov 2013**

**Managing editor:**

Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Kanischev

**Reviewers:**

Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Bezgin

Doctor of Historical Sciences, Professor Vladimir Vladimirov

*The book was recommended by the Academic Council  
Tambov State University*

**Nefedov S.A.** Agrarian and demographic results of Stalin's collectivization.  
Tambov: Publishing TSU, 2013. - 281 p.

The study was supported by grant RHF-Ural, № 11-11-66003 a / Y, and project of the Ministry of education and science RF, contract № 14.B37.21.0953

ISBN 978-5-89016-883-2

The monograph is devoted to the question about the changing of living's standard of peasants and workers as a result of collectivization and social crisis of 1931-1933 years.

The study involves the comparison of the economic and demographic indicators for the precrisis (1925-28) and the post-crisis period (1936-40) in the whole of the USSR and in two regions: the Central Black Earth Regions and Ural Region . Much attention is paid to the analysis of the causes and consequences of the crisis caused by the ongoing collectivization.

The book is addressed to specialists, historians and students of universities.

ISBN 978-5-89016-883-2

© Nefedov S. A., 2013.

## **ОГЛАВЛЕНИЕ**

### **Введение 9**

### **Глава 1. Обзор литературы, источники и методология 12**

- 1.1. Обзор литературы по исследуемой проблематике 12
- 1.2. Обзор и критика источников по урожайной и бюджетной статистике 20
- 1.3. Обзор и критика источников по демографической статистике 33
- 1.4. Методология исследования 39
- 1.5. Территориальные рамки исследования 44

### **Глава 2. Демографическая динамика в конце 1920-х – 1930-х годах 46**

- 2.1. Численность населения и миграции 46
- 2.2. Смертность и рождаемость 53
- 2.3. Другие демографические показатели 63

### **Глава 3. Положение в сельском хозяйстве и уровень потребления в 1926-1928 годах 66**

- 3.1. Крестьянство в гражданской войне 66
- 3.2. Посевы, сборы и потребление в СССР периода нэпа 69
- 3.3. Посевы, сборы и потребление на Черноземье и на Урале 77
- 3.4. Аграрное перенаселение 88
- 3.5. Уровень агротехники 94
- 3.6. Экологический кризис 106
- 3.7. Кризис нэпа 114

### **Глава 4. Коллективизация и кризис 1932-1933 годов 124**

- 4.1. Планы модернизации 124
- 4.2. Начало коллективизации 132
- 4.3. Кризис 1932-1933 годов 145
- 4.4. Масштабы голода 158
- 4.5. После кризиса 167

## **Глава 5. Аграрная модернизация 171**

- 5.1. Механизация сельского хозяйства 171
- 5.2. Агротехнические проблемы 179
- 5.3. Динамика сельскохозяйственного производства 192
- 5.4. Распределение сельскохозяйственной продукции 203

## **Глава 6. Уровень жизни в СССР в конце 1930-х гг. 212**

- 6.1. Доходы колхозного крестьянства 212
- 6.2. Аграрное перенаселение и трудозатраты в колхозах 218
- 6.3. Уровень потребления колхозников 224
- 6.4. Уровень потребления рабочих 233
- 6.5. Динамика антропометрических данных 239

## **Заключение 247**

## **Использованные источники 253**

## **Литература 261**

## **TABLE OF CONTENTS**

### **Introduction 5**

#### **Chapter 1. Review of the literature, sources and methodology 8**

- 1.1. Review of the literature on the studied problems 8
- 1.2. Review and critique of sources on yield and budget statistics 16
- 1.3. Review and critique of sources on demographic statistics 29
- 1.4. Research methodology 35
- 1.5. The territorial scope of the study 40

#### **Chapter 2. Population dynamics in the late 1920's - 1930 42**

- 2.1. Population and Migration 42
- 2.2. Mortality and Fertility 49
- 2.3. Other demographic indicators 59

#### **Chapter 3. Situation in agriculture and the level of consumption in the years 1926-1928 62**

- 3.1. The peasantry in the Civil War 62
- 3.2. Seeding, harvest and consumption in the USSR during the NEP 65
- 3.3. Seeding, harvest and consumption on the Black Earth and the Urals 73
- 3.4. Agrarian overpopulation 84
- 3.5. The level of agrotechnics 90
- 3.6. The ecological crisis 102
- 3.7. The crisis of the NEP 110

#### **Chapter 4. Collectivization and the crisis of 1932-1933 120**

- 4.1. Modernization plans 120
- 4.2. The start of collectivization 128
- 4.3. The crisis of 1932-1933 141
- 4.4. The Hunger 154
- 4.5. After the crisis 163

## **Chapter 5. Agricultural Modernization 167**

- 5.1. The mechanization of agriculture 167
- 5.2. Agrotechnical problems 175
- 5.3. The dynamics of agricultural production 188
- 5.4. Distribution of agricultural products 199

## **Chapter 6. Standard of living in the Soviet Union in the late 1930s. 208**

- 6.1. Revenues farm peasantry 208
- 6.2. Agrarian overpopulation and labor on collective farms 214
- 6.3. The level of consumption of the collective farmers 220
- 6.4. The level of consumption of 229 workers
- 6.5. Dynamics of anthropometric data 235

## **Conclusion 243**

## **Sources 249**

## **Literature 257**

## Введение

Известный английский историк Стивен Уиткрофт писал: «Антикоммунисты утверждали, что революция была полным бедствием, полной трагедией, что она ничего не достигла и не могла достичь. Ричард Пайпс в заключение своего труда подчеркивал, что “неудача была неизбежна и заключалась в самих предпосылках коммунистического режима”<sup>1</sup>. Збигнев Бжезинский утверждал, что “никогда прежде не приносилось столь большого числа человеческих жертв для достижения столь малой общественной пользы”<sup>2</sup>. Он утверждал, что жертвы во всех коммунистических странах составляли как минимум 50 млн. человек. Эти оценки опирались на утверждение Роберта Конквиста о 20-30 млн. смертей как сальдо режима Сталина на протяжении 23 лет<sup>3</sup>. *Ни одна из этих оценок не основана на сколько-нибудь серьезной попытке оценить советский жизненный уровень*, рассмотреть его в исторической перспективе, рассмотреть возможность увеличения благосостояния или уменьшения смертности в этот период... Я утверждаю, что кризисы смертности не дают всей картины уровня жизни и демографического развития при Сталине. Кроме кризисов, был замечательный прогресс в улучшении благосостояния, уменьшении смертности, увеличении роста людей... К сожалению, наши академические дебаты не сопоставляют сложную ситуацию, в которой долговременное повышение уровня жизни и уменьшение смертности сопровождается тяжелыми краткосрочными кризисами. Вместо того, чтобы концентрироваться на вопросе “кто виноват”, мы должны более ясно представлять, что же действительно происходило»<sup>4</sup>.

С точки зрения неомальтузианской теории первая половина XX века была периодом *экоциального кризиса* – кризиса, который охватил не только Россию, и проявился в целой серии революций и в двух мировых войнах. Этот кризис знаменовал собой окончание *демографического цикла* – цикла, в котором рост населения приводит к недос-

---

<sup>1</sup> Pipes R. *Russia under the Bolshevik Regime*. New York, 1994. P. 511-512.

<sup>2</sup> Brzezinski Z. *The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. New York, 1990. P. 30-31, 240

<sup>3</sup> Conquest R. *Casualty Figures // The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties*. N.Y., 1968. P. 699-713

<sup>4</sup> Wheatcroft S. *The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // Slavic Review*. 1999. Vol. 58. P. 59-60.

татку продовольственных ресурсов, к голоду, эпидемиям и войнам. Эти бедствия могут продолжаться десятилетиями – до тех пор пока численность населения не уменьшится или пока не будут найдены новые средства к существованию<sup>5</sup>.

России пришлось выдержать несколько ударов экосоциального кризиса: первым ударом был голод 1891-1892 годов, вторым – революция 1905-1907 гг., третьим, самым мощным – Первая мировая война, революция 1917 года и гражданская война. После окончания гражданской войны продовольственное положение улучшилось и собственно российский кризис подошел к концу<sup>6</sup>. Однако экосоциальный кризис в Евразии продолжался и в конечном счете привел к новой вспышке войн за жизненное пространство. Развитие СССР в 1925-1939 годах проходило под знаком подготовки к защите своих границ, и поспешная коллективизация (и индустриализация) в значительной мере были обусловлены потребностями обороны страны.

Это исследование посвящено выяснению причин и последствий кризиса времен коллективизации. Выявление итоговых результатов коллективизации предполагает сравнение состояния аграрной экономики в конце 1920-х и в конце 1930-х годов в целом по СССР и по двум регионам: Центрально-Черноземному и Уральскому. Мы выбрали эти два региона так как они представляют, в известном смысле, два полюса в многообразии экономических районов России. В то время как Центральное Черноземье было страдающим от перенаселения сугубо аграрным регионом, Урал был индустриальной областью, где крестьянство не испытывало недостатка в земле. В конечном итоге, поставленная задача сводится к вопросу: стало ли население России жить лучше и зависели ли изменения от конкретного региона? Ответ на этот вопрос, в первую очередь, предполагает сравнение уровня продолжительности жизни, уровня душевого потребления и антропометрических показателей (средний рост, вес и т. д.). Традиционно считается, что эти показатели связаны между собой, и, в частности, продолжительность жизни и антропометрические показатели в значительной мере определяются уровнем потребления пищи – поэтому при рассмотрении душевого потребления мы ограничимся, в основном, потреблением продуктов питания. Уровень потребления в свою очередь, определяется уровнем сельскохозяйственного производства (размера-

---

<sup>5</sup> См.: Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007.

<sup>6</sup> См.: Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2008.

ми посевных площадей, урожайностью, развитием животноводства и т. д.), а так же уровнем экспорта. С другой стороны, продолжительность жизни и антропометрические показатели зависят также и от некоторых других переменных, в первую очередь, таких как уровень рождаемости и смертности, уровень медицинского обеспечения, распространенность инфекционных заболеваний и т. д.

Таким образом, решение исходной задачи предполагает проведение комплексного исследования, включающего изучение динамики всех перечисленных экономических и демографических параметров с целью их сравнения во временных и пространственных координатах.

## Глава 1. Обзор литературы, источники и методология

### 1.1. Обзор литературы по исследуемой проблематике

Состояние исследований по вопросу об уровне потребления в 1920-1930-х годах характеризуется наличием двух основных и противоречащих друг другу парадигм. Исследователи, работавшие в 1930-1950-е годы, старались доказать наличие к концу 1930-х годов позитивных сдвигов в потреблении по сравнению как с периодом нэпа, так и с дореволюционным временем<sup>7</sup>. В 1960-1980-х отношении к изучаемой проблеме стало более объективным, но в целом специалисты полагали, что в конце 1930-х годов уровень жизни был более высоким, чем в 1920-е годы. На этой точке зрения стояли как авторы «Истории советского крестьянства»<sup>8</sup> и «Истории советского рабочего класса»<sup>9</sup>, так и авторы большинства специальных исследований<sup>10</sup>. При этом данные основного источника, бюджетных обследований, использовались исследователями советского периода лишь выборочно<sup>11</sup>. Единственная работа, основанная на использовании данных бюджетных обследований за несколько лет – это опубликованная в 1971 году статья

---

<sup>7</sup> См., например: Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. М., 1939; Саутин И. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 5. С. 7-17; Несмий М. Доходы колхозов и колхозников // Плановое хозяйство. 1938. № 9. С. 73-107; Шнирлин Ю. Рост потребления рабочего класса Советского Союза // Плановое хозяйство. 1938. №5. С. 75-87; Тулупников А. И. Общественное хозяйство – основа зажиточности колхозников (бюджеты колхозников). М., 1941; Норицин В. П. Борьба Коммунистической партии за повышение благосостояния рабочего класса в года второй пятилетки. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1955.

<sup>8</sup> История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986.

<sup>9</sup> Истории советского рабочего класса. Т. 2. М., 1984.

<sup>10</sup> См.: Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. М., 1970; Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя. 1935-1937. М., 1978; Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М., 1963; Иванова Т. М. Подъем благосостояния трудящихся города в годы второй пятилетки (на материалах промышленных центров РСФСР). Дисс... канд. ист. н. М., 1981, и др.

<sup>11</sup> См., например: Маркус Б. Указ. соч.; Тулупников А. И. Указ. соч.

М. А. Вылцана<sup>12</sup>. В этой работе, в частности, приводятся данные о потреблении «хлеба и хлебных продуктов» в 1937-1940 гг., однако это не исходные данные архива, на которые ссылается М. А. Вылцан, а результаты расчетов, в которые, к сожалению, вкрались ошибки. Ниже мы приводим сопоставление данных, приводимых в работе М. А. Вылцана, с исходными данными бюллетеня «Бюджеты колхозников» за 1938 год (№ 6, 12) и 1939 год (№ 6, 12).

*Таблица 1.1 – Сопоставление данных М. А. Вылцана с исходными данными ЦУНХУ<sup>13</sup>*

Год	Потребление по бюджетам, граммов в месяц						Потребление по бюджетам, кг в год		
	1937		1938		1939		1937	1938	1939
полугодие	I	II	I	II	I	II			
Всего в печеном хлебе (ЦУНХУ)	19986	21746	22555	22806			250,1	271,0	
Мука всякая (ЦУНХУ)	13852	15135	15772	15786	16464	16091	173,9	189,3	195,3
"Хлеб и хлебные продукты" по М. А. Вылцану							249,5	271,1	195,3

В «Бюджетах колхозников» данные приводятся по полугодиям, причем указывается потребление в граммах в месяц – в правой части таблицы мы перевели эти данные в кг в год. До 1939 года в бюллетене имелись две графы «всего в печеном хлебе» и «мука всякая», которые дублировали друг друга: строка «печеный хлеб» получается из строки «мука всякая», умножением на 1,43, что соответствует среднему припеку в 43%. Как видно из табл. 1.1 в 1937 и 1938 годах «Хлеб и хлебные продукты» по М. А. Вылцану равнялись «печеному хлебу», а в 1939 году – муке, то есть в одной графе приводимой М. А. Вылцаном таблицы<sup>14</sup> оказались перемешаны разные продукты.

В упомянутой таблице М. А. Вылцан для сравнения указывает душевое потребление «хлеба и хлебных продуктов» в 1923-1924 годах – 253,1 кг<sup>15</sup>. Сравнение этих двух величин (253 кг хлеба в 1923-1924 годах и

<sup>12</sup> Вылцан М. А. Бюджеты семей колхозников в 1933-1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971. С. 596-604.

<sup>13</sup> Вылцан М. А. Указ. соч. С. 602. Табл. 5; РГАЭ. Фонд 1562. Оп. 82. Д. 1. Л. 411; Д. 2. Л. 251. Оп. 83. Д. 1. Л. 31; Д. 2. Л. 21.

<sup>14</sup> Вылцан М. А. Указ. соч. 602. Табл. 5.

<sup>15</sup> Там же.

250 кг в 1937 году) повторяется в других работах М. А. Вылцана<sup>16</sup>, и на них ссылаются при характеристики уровня потребления отечественные и иностранные авторы, поэтому представляется важным более подробно проанализировать происхождение цифры потребления «хлеба и хлебных продуктов» в 1923-1924 годах. Работа М. А. Вылцана отсылает нас к изданию ЦСУ «Статистический ежегодник 1924. Вып. 1»<sup>17</sup>. Однако в таблицах указанного издания нет графы «хлеб и хлебные продукты»; для 1923-1924 гг. (имеется в виду 1923/24 хозяйственный год) в нем по отдельности указано потребление печеного хлеба и муки (в фунтах в день) для двух обследований, проведенных в феврале и июне 1924 года (см. табл. 1.2)

*Таблица 1.2 – Душевое потребление хлеба сельским населением в 1923/24 хозяйственном году*<sup>18</sup>

Продукты		Потребление в фунтах в день		Потребление в кг в год	
		февраль	июнь	февраль	июнь
Печеный хлеб	ржаной	1,195	1,238	178,6	185,0
	пшеничный	0,421	0,433	62,9	64,7
	ячменный и прочий	0,091	0,115	13,6	17,2
	всего хлеба	1,707	1,786	255,1	266,9
Мука всякая		0,227	0,197	33,9	29,4
Мука в переводе на хлеб		0,325	0,282	48,5	42,1
Мука и хлеб в переводе на хлеб		2,032	2,068	303,7	309,1

В правой части табл. 1.2 мы перевели фунты в день в кг в год и видно, что потребление всего печеного хлеба составляло по февральскому обследованию в расчете на год 255,1 кг. Эта цифра наиболее близка к цифре М. А. Вылцана (253,1 кг). Однако помимо печеного хлеба крестьяне употребляли муку (например, для пирогов), и если мы желаем подсчитать потребление «хлеба и хлебных продуктов», то мы должны перевести эту муку в печеный хлеб (учесть припек в 43%) и найти общее количество муки и хлеба в переводе на хлеб. Для фев-

<sup>16</sup> Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя... С. 208.

<sup>17</sup> Статистический ежегодник 1924 г. Вып.1 //Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 7. М. 1926.

<sup>18</sup> Там же. С. 322-324.

ральского обследования эта цифра равна 303,7 кг, для июньского – 309,1 кг, то есть в любом случае цифра М. А. Вылцана (253,1 кг) оказывается заниженной минимум на 50 кг.

Таким образом, проводимое М. А. Вылцаном сравнение потребления «хлеба и хлебных продуктов» для 1923-1924 годов и для 1937-1940 годов оказывается некорректным. Но при всем том сравнение приводимых М. А. Вылцаном цифр душевого потребления для 1923/1924 годов (253,1 кг) и для 1939 и 1940 годов (соответственно 195,3 и 218,9 кг) должно было бы привести к выводу о том, что потребление хлеба существенно уменьшилось. Такой же вывод можно было бы сделать из приводимых в той же таблице данных о потреблении картофеля, мяса и молока. Однако вместо этого М. А. Вылцан заключает, что «душевой потребление продуктов сельского хозяйства крестьянством в 1940 г. было приблизительно на 10% выше, чем в 1928 г.»<sup>19</sup>. При этом делается ссылка на работу А. А. Барсова<sup>20</sup>. Однако, если мы обратимся к указанной работе, то не найдем там лишь ссылку в примечаниях на некие непубликованные расчеты: «Размеры... душевого потребления в деревне получены путем оценки основных сельскохозяйственных продуктов, оставляемых для потребления крестьян в заготовительных ценах 1927/1928 гг.»<sup>21</sup>. Отсюда ясно, что расчеты проводились балансовым методом, но известно, что этот метод не гарантирует от ошибок.

Нужно отметить, однако, что в отдельных исследованиях советского периода авторы прямо указывают на уменьшение потребления некоторых продуктов, например, мяса, в конце 1930-х годов по сравнению с эпохой нэпа<sup>22</sup>. Кроме того, работы того времени (в том числе перечисленные выше) дают богатый материал об уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве, об успехах механизации, о состоянии агротехники и т.д. Но в то же время данные об уровне производства, которые позволяли бы судить о результатах реконструкции сельского хозяйства, ввиду недоступности в то время многих архивных документов оставались достаточно приблизительными<sup>23</sup>.

---

<sup>19</sup> Вылцан М. А. Бюджеты семей колхозников... С. 602.

<sup>20</sup> Барсов А. А. Против извращения истории советского крестьянства буржуазной историографией //История СССР. 1962. № 2. С. 189-210.

<sup>21</sup> Там же. С. 205. Прим. 205.

<sup>22</sup> Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме. М., 1961; Шкаратан О. И. Указ. соч. С. 40-41.

<sup>23</sup> Вылцан М. А. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке (1933-1937 гг.) М., 1959. С. 123; История советского крестьянства. Т. 2... С. 355.

В постсоветский период в работах многих авторов была вскрыта драматическая картина кризиса 1930-1933 годов, однако исследований, посвященных уровню потребления во второй половине 1930-х годов, было немного. Е. А. Осокина дает сопоставление бюджетных данных о потреблении рабочих лишь в 1926 и 1933-1935 годах.<sup>24</sup> Эти данные показывают, что потребление мяса резко уменьшилось, а потребление хлеба сильно колебалось по годам, но в целом Е. А. Осокина делает вывод об уменьшении потребления. Этот вывод поддерживают также некоторые другие исследователи; крайней позиции в этом вопросе придерживается Ю. М. Иванов, который (без какой-либо аргументации) утверждает, что «в Советском Союзе в течение двух десятилетий бессмысленный принудительный труд обрек население на вымирание от голода и непосильной работы»<sup>25</sup>. В то же время Н. Р. Коровин и С. П. Стеблев отмечают, что к концу 1930-х годов уровень материального благосостояния трудящихся повысился и достиг уровня 1928 года<sup>26</sup>. При этом нужно отметить, что данные, которыми оперируют современные исследователи, как и в прежние времена, имеют выборочный характер; ни в одной работе не приводятся усредненные показатели душевого потребления продуктов питания в предвоенный период в сравнении с потреблением в период нэпа. А. В. Молодчик отмечает, что «далеко не все авторы учитывают многомерность исторического процесса, чаще занимаются поиском виновных, а не объективным анализом социально-экономической действительности»<sup>27</sup>.

В целом, в современный период в российской историографии произошел переход от «оптимистической» к «пессимистической» точке зрения на динамику потребления после кризиса 1930-1933 годов. В зарубежной историографии (как это ни странно) происходит прямо противоположный процесс. До конца 1990-х годов на Западе преобладало мнение о том, что уровень потребления в СССР в конце 1930-х годов

---

<sup>24</sup> Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М., 1997. С. 256.

<sup>25</sup> Иванов Ю. М. В сталинском «фраю». М., 2005. С. 65. См. также: Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28-43.

<sup>26</sup> Коровин Н. Р. Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки // Проблемы социального развития советского общества. Иваново, 1998; Стеблев С. П. Российская повседневность 1921-1941 гг.: новые подходы // Экономика российской повседневности. СПб, 1998.

<sup>27</sup> Молодчик А. В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929-1953 гг. Дисс... докт. ист. н. М., 2004. С. 18.

был ниже, чем в период нэпа<sup>28</sup>. Наиболее подробная работа о жизни российской деревни после коллективизации, принадлежащая перу Ш. Фицпатрик, была опубликована в 1994 году<sup>29</sup>. Американская исследовательница отмечает, что «трудно найти достоверные данные для сравнения уровня жизни на селе в 30-е и 20-е гг. В основном со всей очевидностью можно заключить, что еды и питья в деревне после коллективизации стало меньше»<sup>30</sup>. Однако в подтверждение этой «очевидности» Ш. Фицпатрик ссылается лишь на данные М. А. Вылцана для 1923/24 и 1937 годов<sup>31</sup>, о которых мы говорили выше, и которые сам М. А. Вылцан трактует как свидетельство роста потребления – если сравнение данных за единичные годы вообще может о чем-то говорить.

В конце XX-начале XXI века появились новые работы западных авторов, которые пересматривали прежние взгляды на динамику потребления в СССР; в этих работах прирост потребления в 1930-е годы оценивается примерно в 40%<sup>32</sup>. В новых расчетах учитывается рост потребления промышленных товаров и изменение структуры потребления, однако Роберт Аллен дает и оценку потребления продуктов питания, которая также указывает на значительный рост<sup>33</sup>. Р. Аллен использует понятие «продовольственной доступности» (food availability), при этом доступность каждого исходного продукта рассчитывается как валовая продукция за вычетом семян, фуража, экспорта и потерь при хранении. Получившийся результат переводится в калории с коэффициентами, отражающими специфику переработки и калорийность конечного продукта питания. Подсчеты Аллена показывают, что душевая продовольственная доступность в период нэпа (1925-1928 гг.) была равна примерно 2500 калорий. Кризис времен коллективизации снизил этот показатель до 2000 калорий, но к концу 1930-х годов продоволь-

---

<sup>28</sup> Bergson A. *The Real National Income of Soviet Russia since 1928*. Cambridge, 1961; Chapman J. G. *Real Wages in Soviet Russia since 1928*, Cambridge, 1963; Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 97-117 и др.

<sup>29</sup> Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. Oxford, 1994. Русский перевод: Фицпатрик Ш. *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М., 2008.

<sup>30</sup> Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 243.

<sup>31</sup> Там же. С. 149.

<sup>32</sup> Hunter H., Szyrmer J. M. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928-1940*, Princeton, 1992; Allen R. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, 2003.

<sup>33</sup> Allen R. *Op. Cit.* Fig. 3.7.

ственная ситуация резко улучшилась, и количество доступного продовольствия достигло 2900 ккал на человека в день. «Этот прогресс был более значительным, чем в странах Южной Азии во времена “зеленой революции”», – заключает Р. Аллен<sup>34</sup>.

Книга Р. Аллена вызвала большой резонанс на Западе; известный историк и экономист Джоэл Мокур назвал ее «выдающимся достижением» и констатировал, что «это большое синтетическое исследование будет оспариваться и обсуждаться многие годы после выхода в свет»<sup>35</sup>. Однако серьезных аргументов против выводов Р. Аллена о резком увеличении потребления в конце 1930-х гг. до сих пор не было представлено, и вопрос о реальности достижений коллективизации остается открытым.

Исследования, посвященные изучению уровня потребления во второй половине 1930-х годов в различных регионах СССР немногочисленны и практически все относятся к периоду до 1990 года. Среди современных работ следует упомянуть диссертацию Г. Г. Корноуховой<sup>36</sup>. Среди работ, выполненных в предшествующий период на материалах Уральского региона существенное значение имеют исследования Г. Е. Корнилова<sup>37</sup> и М. А. Ивановой<sup>38</sup>. На материалах Центрально-Черноземного региона были выполнены, в частности, исследования Г. К. Плющева<sup>39</sup> и А. Н. Тулупникова<sup>40</sup>. Как отмечалось выше, для большинства исследований было характерно выборочное использование данных за отдельные годы; ни в одной работе не приводятся усредненные показатели душевого потребления и производства хлебов в

---

<sup>34</sup> Ibid. P. 136.

<sup>35</sup> <http://press.princeton.edu/titles/7611.html>

<sup>36</sup> Корноухова Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-1930-е гг. (На материалах Астраханской области). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.

<sup>37</sup> Корнилов Г. Е. Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985). Свердловск, 1988. С. 52-62.

<sup>38</sup> Иванова М. А. Повышение жизненного уровня колхозного крестьянства Урала в годы второй пятилетки // Там же. С. 41-51; Иванова М. А. Завершение коллективизации сельского хозяйства на Урале (1932– 1937 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1969.

<sup>39</sup> Плющев Г. К. Борьба за повышение уровня жизни рабочих в Курском округе (1928-1939). Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1948.

<sup>40</sup> Тулупников А. Н. Общественное хозяйство – основа зажиточности колхозников (бюджеты колхозников). М., 1941.

конце 1930-х гг. в сравнении с потреблением и производством в период нэпа.

Из литературы, анализирующей демографические проблемы рассматриваемого периода, следует выделить монографии А. Г. Вишневского<sup>41</sup>, В. Б. Жиромской<sup>42</sup>, О. М. Вербицкой<sup>43</sup>, Н. А. Араловец<sup>44</sup>, совместные исследования Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского, Т. Л. Харьковской<sup>45</sup>, коллективные монографии «Население России в XX веке»<sup>46</sup>, «Население Урала. XX век»<sup>47</sup>, диссертационные исследования Д. А. Кирилловой<sup>48</sup> и Е. А. Высотиной<sup>49</sup>. Мы не упоминаем здесь многочисленных работ, посвященных голоду 1932-1933 годов.

Необходимо упомянуть также и о состоянии исследований, посвященных анализу антропометрических данных. Считается, что увеличение роста и веса людей свидетельствуют об улучшении условий существования, росте уровня жизни, поэтому антропометрические материалы могут быть полезны при изучении динамики потребления. Имеющиеся данные были проанализированы в работах С. Уиткрофта и Б. Н. Миронова<sup>50</sup>. Эти материалы более подробно обсуждаются ниже, в пункте 6.5.

---

<sup>41</sup> Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

<sup>42</sup> Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

<sup>43</sup> Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897-1959 гг. (историко-демографический аспект). Москва-Тула, 2009.

<sup>44</sup> Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927-1959 гг. Тула, 2009.

<sup>45</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации, 1927-1959. М., 1998; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. 1922-1991. М., 1993.

<sup>46</sup> Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. / Отв. Ред. Ю. А. Поляков. М., 2000.

<sup>47</sup> Кузьмин А. И. и др. Население Урала. XX век. Екатеринбург, 1996.

<sup>48</sup> Кириллова Д. А. Естественное движение населения СССР в 1930-е годы. Дисс... канд. ист. наук. Чебоксары, 2005.

<sup>49</sup> Высотина Е. А. Социально-демографическое развитие Центрального Черноземья в 1920-1930-е гг. Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

<sup>50</sup> Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // *Slavic Review*. 1999. Vol. 58. No. 1. P. 27-60; Миронов Б. Н. Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным // *Экономическая история. Ежегодник*. 2004. М., 2004. С. 565-588.

Подводя итоги историографического обзора в одной из своих недавних монографий Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов и Е. Ю. Баранов отмечают, что «еще не написано обобщающих работ, в которых содержался бы глубокий анализ аграрного производства страны и регионов в 1920-1930-х годах. Проблема продовольственного обеспечения населения выпала из поля зрения историков и практически не изучалась»<sup>51</sup>.

## **1.2. Обзор и критика источников по урожайной и бюджетной статистике**

В нашем распоряжении имеется значительный корпус источников, содержащий обширные статистические материалы. Это, в первую очередь, официальные материалы, публиковавшиеся в «Трудах Центрального статистического управления», в «Бюллетене ЦСУ», «Трудах Уральского областного статистического управления», журналах «Вестник статистики», «Статистическое обозрение», «Плановое хозяйство», «Социалистическое сельское хозяйство», в справочниках «Сельское хозяйство СССР за 1925-1928 г.», «Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/26 – 1928/29 гг.», «Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923-1927 гг.», «Социалистическое строительство СССР» (выпуски 1934 и 1936 годов), «Социалистическое строительство Союза СССР» (1933-1938 гг.) и др. Значительный массив сведений имеется в фондах Российского государственного архива экономики: фонд 478 (Наркомзем РСФСР), фонд 1562 (ЦСУ СССР), фонд 1943 (Народный комиссариат продовольствия), фонд 3429 (ВСНХ СССР), фонд 4372 (Госплан), фонд 7486 (Минсельхоз СССР), а также Государственного архива Российской Федерации: фонд 374 (ЦСУ РСФСР), фонд 1235 (ВЦИК). Ценные материалы имеются в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), главным образом в фонде 17 (ЦК КПСС). Мы использовали также материалы некоторых местных архивов, в том числе Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Часть этих материалов опубликована в сборнике документов «Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953»<sup>52</sup>.

---

<sup>51</sup> Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928-1934 гг. М., 2009. С. 17.

<sup>52</sup> Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953./сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. М., 2006.

Однако значимость официальных статистических материалов требует критического рассмотрения. В советский период данные сельскохозяйственной статистики ЦСУ 1920-х годов принимались без каких-либо оговорок, однако относительно недавно И. В. Кочетков поднял вопрос о вероятной завышенности этих сведений в результате использования ЦСУ так называемых «поправок на недоучет»<sup>53</sup>. Поэтому возникает необходимость более подробно рассмотреть вопрос о методике сельскохозяйственного учета ЦСУ.

Прежде всего, необходимо отметить, что в 1920-е годы получение данных о посевах и сборах было для ЦСУ непростой задачей. «В прежние, дореволюционные времена, население относилось не так осторожно ко всякого рода статистическим опросам, как теперь, – отмечал руководитель Отдела текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ Н. И. Дубенецкий. – Оно знало, что эти сведения собираются больше для порядка. Налог взимался не по признаку размера посева, пашни и урожая... За годы революции положение резко изменилось. Население воочию увидело тесную связь между статистикой и практикой продовольственного дела, налогового обложения и даже политики. Особенно ярко показали это последние годы военного коммунизма и периода комбедов, когда бывали попытки использовать материалы переписи 1920 года для составления списков “кулаков” и прочих нежелательных элементов, и продналога, особенно в 1921 и 1922 годы... В результате, полученные ответы стали отражать не действительное положение вещей, а некую равнодействующую между этим последним и специфической заинтересованностью»<sup>54</sup>.

В отличие от докризисного периода, налоги в советское время напрямую зависели от посевов и количества скота, и для определения этих (и некоторых других) параметров для каждого хозяйства Наркомфин ежегодно проводил сплошную перепись крестьянских дворов. Данные этих переписей, публиковавшиеся в изданиях того времени, позднее были систематизированы В. П. Даниловым и Т. И. Славко<sup>55</sup>. Во время переписей крестьяне сами предоставляли соответствующие

---

<sup>53</sup> Кочетков И. В. *Зерновое производство в годы НЭПа: действительность и возможности*// Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 83-85.

<sup>54</sup> *Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года* // Труды ЦСУ. 1926. Т. 29. С. 116.

<sup>55</sup> *Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25 – 1927/28 гг. По данным сводок наркомфина СССР*/ сост. В. П. Данилов, Т. И. Славко. Вып. I – III. М., 1977.

данные, и уполномоченные Наркомфина без поверки заносили их в налоговые ведомости. Естественно, что, стремясь уменьшить налоги и будучи уверены в безнаказанности, хозяева намного занижали количество своих посевов и скота – и в целом сбор сведений проходил в столь напряженной обстановке, что о массовом контроле или репрессиях по отношению к укрывающим доходы не могло быть и речи. В этом проявлялась слабость советского государства, которое не могло получить от крестьян необходимые данные и собирать налоги в полном размере<sup>56</sup>.

Ввиду массового укрывания посевов ЦСУ не могло строить свою отчетность по данным Наркомфина, и для того, чтобы определить их реальные размеры, оно проводило ежегодно весной пяти- или десятипроцентный выборочный опрос крестьянских хозяйств. Хотя в данном случае результаты формально не влияли на налоги, крестьяне из опасения сопоставления этих данных с налоговыми обычно давали одни и те же приуменьшенные сведения. Специалисты называли этот эффект «замутнением источников статистического познания»<sup>57</sup>. Несоответствие статистических данных реальности особенно ярко проявилось, когда стали проводиться бюджетные исследования с целью выяснить уровень потребления в крестьянских хозяйствах. Оказалось, что уровень потребления разительно не соответствует данным ЦСУ об уровне производства, о посевах и сборах. Первая же попытка Госплана построить баланс потребления и производства показала, что данные ЦСУ о сборе занижены более чем на 30%. ЦСУ поначалу отвергало балансовый метод и продолжало публиковать заниженные данные, но в конце концов было вынуждено прислушаться к аргументам известных экономистов и статистиков, Н. Д. Кондратьева, В. Г. Громана, М. Н. Вишневого, Н. П. Огановского, А. Е. Лоцицкого, С. Г. Струмилины<sup>58</sup>.

В конечном счете, к 1924 году была выработана методика контроля данных весенних опросов с помощью бюджетных обследований, их корректировки «коэффициентами недоучета» и окончательной про-

---

<sup>56</sup> Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги... С. 21-22.

<sup>57</sup> ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Д. 1640. Л. 17.

<sup>58</sup> Струмилин С. К реформе урожайной статистики // Экономическое обозрение. 1924. № 10. С. 45; Струмилин С. Г. К хозяйственному плану на 1921/22 г // Струмилин С. Г. На плановом фронте. 1920-1940. М. 1958. С. 27; Огановский Н. Ближе к истине // Экономическое обозрение. 1924. № 3. С. 38-46; Вишневский Н. М. Статистика и сельскохозяйственная действительность. М., 1922.

верки путем построения хлебофуражного баланса<sup>59</sup>. Бюджетные обследования предполагали подробное описание 10-15 тысяч крестьянских хозяйств с проверкой данных путем сопоставления доходов и расходов, поэтому они давали более точные размеры посевов<sup>60</sup>. Конечно, бюджетные обследования представляли собой ограниченную выборку, то точность результатов, получаемых по этой выборке, гарантировалась применявшимися методами математической статистики, в частности, известной теоремой Боули<sup>61</sup>. В конечном итоге, найденный по обследованным хозяйствам района коэффициент недоучета посевов распространялся на все хозяйства района; при определении размеров посевных площадей зафиксированная при весеннем опросе площадь умножалась на этот коэффициент (см. таблицу 1.3)<sup>62</sup>.

*Таблица 1.3 – Коэффициенты недоучета посева зерновых в 1925-1927 гг.<sup>63</sup>.*

	1925	1926	1927
По всем районам	1,232	1,205	1,19
ЦЧО	1,230	1,232	1,217
Уральская область	1,252	1,222	1,223

Известный статистик В. М. Обухов оценивал максимальную погрешность определения размеров посевных площадей всей страны с помощью поправок на недоучет в 2%, допуская, что для отдельных регионов она может оказаться большей<sup>64</sup>. Полученные при внесении корректив результаты проверялись с помощью построения хлебофуражных балансов, как для всего Союза, так и для отдельных регионов: таким образом, выяснялось, соответствует ли исчисленный урожай реальным расходам зерна. С этой целью 26 мая 1926 года при ЦСУ

<sup>59</sup> Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг.// Статистическое обозрение. 1928. № 1. С. 21, 25; Обухов В. М. Поправки к посевным площадям 1925 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 5. С. 8.

<sup>60</sup> О бюджетных обследованиях см.: Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.

<sup>61</sup> Струмилин С. Г. К хозяйственному плану... С. 26.

<sup>62</sup> Дубенецкий Н. Указ. соч. С. 20; Шорнель В. Весенний опрос и налоговые списки// Вестник статистики. 1929. № 3-4. С. 231-239; Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С. 125.

<sup>63</sup> Обухов В. М. Поправки к посевным площадям... С. 16.

<sup>64</sup> Там же. С. 17.

был создан Экспертный Совет по оценке хлебофуражной продукции и хлебофуражного баланса СССР<sup>65</sup>.

Методика расчета с опорой на результаты бюджетных обследований использовалась в 1923-1926 годах, но затем метод расчета усложнился. Начиная с 1925 года, стали проводиться контрольные обмеры посевных площадей, которые постепенно приобретали все большие масштабы; 1927 году было обмеряно 1,08% всех посевов. При этом оказалось, что недоучет, зафиксированный при контрольных обмерах, немного (на 1-3%) превосходит недоучет, установленный при бюджетных обследованиях, и в 1928 году Экспертный Совет пересчитал посевные площади 1925-1926 годов, внося соответствующую поправку<sup>66</sup>.

В основу данных об урожайности брались данные, полученные во время ежегодных «осенних» опросов крестьянских хозяйств. Эти опросы были выборочными и распространялись на 2-3% всех дворов. Параллельно с 1925 года были введены опросы примерно 10 тысяч «особо квалифицированных корреспондентов», а также использовались бюджетные обследования. На основе этих данных Институтом экспериментальной статистики были выведены средние коэффициенты недоучета в зависимости от непосредственных сообщений осенних опросов (табл. 1.4).

*Таблица 1.4 – Коэффициенты недоучета урожайности<sup>67</sup>.*

Непосредственное сообщение о сборе кг/га	165	330	495	660	825	990	1155
Коэффициент недоучета	1,383	1,283	1,209	1,135	1,083	1,056	1,043

Как отмечалось выше, величина получившегося урожая проверялась балансовым методом. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что урожайные данные ЦСУ за 1925-1928 году, зафиксированные в источниках тех лет, являются достаточно надежными и их

<sup>65</sup> Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция... С. 20.

<sup>66</sup> Дубенецкий Н. Продукция зерновых культур СССР в 1927 году// Статистическое обозрение. 1928. № 5. С. 17; Обухов В. М. Поправки к посевным площадям... С. 8; Основные элементы продукции... С. 125.

<sup>67</sup> Юрцовский М. Предварительные итоги контрольных нажимов и обмолов в 1929 г.// Статистическое обозрение. 1930. № 3-4. С. 101.

можно использовать для сравнения с данными второй половины 1930-х годов.

Балансовый метод определения урожая давал истинную величину валового сбора лишь по истечении хозяйственного года, когда в распоряжение статистиков поступали бюджетные данные. Этот метод был непригоден для установления размеров хлебозаготовок, которые осуществляются в начале хозяйственного года, сразу после сбора урожая. В 1931 и 1932 годах незнание размеров истинного сбора привело к завышению уровня хлебозаготовок и стало одной из причин кризиса 1932-1933 годов (см. п. 4.3). В конце 1932 года была создана Центральная государственная комиссия по урожайности при Совнарком (ЦГК) и проведена реформа урожайной статистики. С 1933 по 1935 год действовала инструкция ЦГК, в соответствии с которой сначала устанавливался «урожай на корню» или «биологический урожай». Для этого в каждой области отбиралось по 150-200 колхозов и на их посевах в разных местах выделяли несколько сот «метровок» – участков в 1 кв. м. С выделенных «метровок» тщательно собирали и обмолачивали все колосья, полученное зерно взвешивали и получали средний «урожай на корню». Затем для последующих экономических расчетов с этого биологического урожая делали скидки на потери; при комбайновой уборке потери устанавливались в 3-4%, при уборке конными жатками – в 7-8%, но в обоих случаях действительные потери были гораздо больше<sup>68</sup>. После такого учета потерь устанавливалась официальная величина урожайности и валового урожая, которую публиковали в статистических справочниках.

С 1936 года применяемая ЦГК методика установления урожайности изменилась: теперь за исходную величину брался амбарный урожай; к нему добавлялся «недоучет» – выявленное при проверках обмолоченное, но неучтенное зерно, «расходы в поле» – зерно, скормленное в поле скоту и израсходованное на питание жнецов, а также «используемые потери» – зерно, оставленное в соломе и мякине, которое потом скармливалось скоту. После сбора урожая проводилась выборочная проверка колхозов и устанавливался объем используемых и неиспользуемых потерь; в частности проверка 1939 года дала следующие результаты:

---

<sup>68</sup> Вылцан М. А. Методы исчисления производства зерна в 1933-1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. С. 477.

Таблица 1.5 – Выявленные в 1939 году потери и недоучет урожая основных зерновых культур<sup>69</sup>

	Рожь озимая	Пшеница яровая	Овес
Число обследованных хозяйств	129	152	192
<b>Потери (кг на га)</b>			
Оставлено зерна в колосках на стерне	61	65	79
Оставлено зерна в соломе	19	28	26
Оставлено зерна в мякине	16	27	30
Итого выявлено потерь	96	120	135
В том числе используемые потери	35	55	56
<b>Расходы в поле (кг на га)</b>			
Безучетно скормлено скоту	14	3	13
Безучетно израсходовано на питание	0	0	0
Прочие	3	2	2
Итого расходы в поле	17	5	15
<b>Недоучет (кг на га)</b>	14	21	32
<b>Всего</b>	127	146	182

Как отмечалось выше, мы уделяем особое внимание положению в Центрально-Черноземном регионе и на Урале, поэтому представляет интерес сопоставление потерь и недоучета в этих областях.

Таблица 1.6 – Выявленные в 1937 потери и недоучет урожая в Воронежской и Свердловской областях (кг на га)<sup>70</sup>

	Рожь озимая			Пшеница яровая			Овес		
	Недоучет	Расход в поле	Потери	Недоучет	Расход в поле	Потери	Недоучет	Расход в поле	Потери
Воронежская	24	10	87	10	7	68	4	87	98
Свердловская	24,1	3,3	87,2	20	2,8	89,6	19,5	50,8	81,7

<sup>69</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 86. Д. 30. Л. 14.

<sup>70</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 86. Д. 30. Л. 18,20; Оп. 84. Д. 31. Л. 1.

Из этой таблицы можно сделать вывод, что потери в обеих областях были примерно одинаковыми. Недоучет был больше в Свердловской области, а расходы в поле – в Воронежской. Расход овса в поле по сравнению с другими культурами был особенно велик потому, что овсом безучетно кормили лошадей на полевых работах.

В среднем по всем культурам в 1937 году сумма используемых потерь, расхода в поле и недоучета были определены ЦУНХУ в 1,5 ц/га, а амбарный урожай («намолот») – 9,4 ц/га; в 1938 году при намолоте в 7,2 ц/га поправка составила также 1,5 ц/га<sup>71</sup>.

Но в 1939 году были введены дополнительные надбавки. В соответствии с инструкцией, утвержденной 9 июня 1939 года Экономическим советом при СНК СССР, урожайность включала «все потери зерна с момента созревания хлебов до окончания уборки и обмола»<sup>72</sup>. Следуя этой инструкции, путем наложения «метровок» определялись потери от оставленных колосков на стерне, осыпания зерна до уборки, потери при перевозке хлеба и т.д. Фактически это означало, что с помощью метровок определялся биологический урожай, и поправка увеличивалась до разности между биологической урожайностью и намолотом. В итоге, «основываясь на данных повторных обследований, произведенных агрономами УНХУ и на результатах наложения метровок на посевы перед уборкой, а также оценки видов на урожай на 1/IX, ЦУНХУ установил по колхозам общий размер поправок в 2,2 ц на га, не считая недоучета»<sup>73</sup>. Таким образом, средняя урожайность зерновых в 1939 году при реальном намолоте в 7,8 ц/га была приравнена к биологической урожайности, 10,1 ц/га, а валовой урожай, полученный умножением этой урожайности на площадь посева, составил 1008,6 млн. ц (6157 млн. пудов)<sup>74</sup>.

Несомненно, эти надбавки делались для того, чтобы приблизить реальность к указанной В. И. Сталиным цели: получению 7-8-миллиардного урожая. По данным ЦУНХУ в абсолютных цифрах соотношение намолота и надбавок выглядело следующим образом:

---

<sup>71</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 1. Л. 15.

<sup>72</sup> Там же. Л. 8.

<sup>73</sup> Там же. Л. 9.

<sup>74</sup> Там же. Л. 4.

Таблица 1.7 – Намолот, недоучет и потери зерна (млн. пуд.) в 1937-1940 годах (в границах 1938 года)<sup>75</sup>

	1937	1938	1939	1940
Намолот зерна	6009,8	4511	4491,5	5168,3
Данные ЦСУ 1987 года	5946,3	4493,3	4468,9	
Недоучет зерна	271,7	298,5	345,5	232,8
Неучтенный расход в поле	119,6	117,2	144,7	116,4
Потери при уборке и обмолоте	942,6	872,4	1175,8	1087,6
«Валовой урожай»	7343,7	5799,1	6157,5	6605,1
Намолот плюс недоучет	6281,5	4809,5	4837	5401,1
Используемые потери	119,6	116,6	115,4	116,3
Неиспользуемые потери	823,0	755,8	1066,4	1087,6

В этой таблице «валовой урожай» – это сумма намолота, недоучета, расхода в поле и потерь – это та цифра, которая выдавалась за урожай в статистических справочниках 1930-х годов. Эту цифру, конечно, нельзя сравнивать с амбарным урожаем 1920-х годов. В 1987 году в справочнике «Народное хозяйство СССР за 70 лет» ЦСУ<sup>76</sup> опубликовало цифры амбарного урожая для 1930-х годов, которые затем использовались многими исследователями, в том числе С. Уиткрофтом и Р. Дэвисом<sup>77</sup>. Эти цифры (при переводе в пуды) совпадают с приведенными в табл. 1.7 цифрами намолота с точностью до 1% – то есть статистики ЦСУ времен перестройки пренебрегли недоучетом и отождествили амбарный урожай с намолотом. С. Уиткрофт и Р. Дэвис называют эти цифры «низшей оценкой» урожая<sup>78</sup>.

Намолот определялся по данным годовых отчетов колхозов и совхозов; между тем известно, что колхозы стремились приуменьшить собранный урожай с тем, чтобы добиться уменьшения госпоставок и оставить неучтенную часть урожая для собственных нужд. Проблема неполноты предоставляемых крестьянами сведений об урожае была

<sup>75</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 739. Л. 10. Данные ЦСУ: Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический справочник. М., 1987. С. 208. Мы перевели центнеры в пуды.

<sup>76</sup> Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 208.

<sup>77</sup> The Economic transformation of the Soviet Union, 1913–1945, // eds. R.W. Davies, M. Harrison, S. G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 286-287.

<sup>78</sup> Op. cit. P. 287.

характерна как для 1920-х, так и для 1930-х годов. Как отмечалось выше, в 1920-х годах для корректировки этих сведений использовался балансовый метод. В 1930-х годах была налажена другая система определения недоучета: колхозы проверялись сначала участковыми инспекторами ОблУНХУ, а затем специальными агрономами-инспекторами осуществлялась повторная выборочная проверка<sup>79</sup>.

Таким образом, при определении валового сбора логично было бы скорректировать намолот на величину недоучета – в этом случае амбарный урожай был бы равен сумме намолота и недоучета. Однако возникает вопрос о том, насколько точно определялся недоучет, не был ли он завышен. В Воронежской области в 1938 году недоучет, первоначально установленный участковыми инспекторами, резко отличался от недоучета, принятого ОблУНХУ. При этом ОблУНХУ опиралось на результаты проверок, выполненных агрономами-инспекторами, но эти проверки имели место лишь в 60 колхозах.

*Таблица 1.8 – Недоучет зерновых в Воронежской области в 1938 году (кг на га)<sup>80</sup>*

	По данным участковых инспекторов	По данным агрономов-инспекторов	Принятый ОблУНХУ
Озимая рожь	11	42	42
Озимая пшеница	8	27	27
Яровая пшеница	3	14	16
Ячмень	9	22	20
Овес	7	33	40
Просо	5	27	30

Очевидно, что данные участковых инспекторов в сравнении с данными агрономов-инспекторов – это массовые данные, и их неправомерно корректировать на основании немногочисленных свидетельств проверяющих. Тем не менее, ОблУНХУ не только берет эти данные за основу, но и в некоторых случаях завышает уровень недоучета. По-видимому, это делается из стремления во что бы то ни стало подтянуть уровень урожая к «сталинским 7-8 миллиардам пудов». В 1939 году

<sup>79</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 126. Л. 23-25.

<sup>80</sup> Там же.

ЦУНХУ определило недоучет в 50 кг на гектар<sup>81</sup> в то время как данные проверки, проведенной менее чем в 200 хозяйствах, указывали на недоучет по разным культурам от 14 до 32 кг на га (см. табл. 1.5).

Как утверждали специалисты ЦУНХУ, недоучет зерна состоял, главным образом, из некачественного зерна («озадатков» и третьих сортов), которое не включалось в отчеты колхозов, но которое можно было использовать на фураж. При составлении хлебофуражных балансов недоучтенное зерно включалось в фураж, но при этом отдельно указывался «оприходованный фураж»<sup>82</sup>. Кроме того, существовали «используемые потери» – это было зерно, подобранное скотом при пастьбе по стерне, зерно, оставшееся при молотье в соломе и полове и затем скормленное скоту, корм лошадей в поле. Основная часть используемых потерь также включалась в фураж, и в итоге расходы на фураж увеличивались до неправдоподобных размеров, что вынуждало строить баланс с выделением «оприходованных» и «неоприходованных» расходов. Самое главное, однако, заключается в том, что если мы построим баланс для 1937-1940 годов только из «оприходованных расходов», то есть тех, которые определены по отчетам предприятий по переработке, отчетам колхозов и бюджетным обследованиям населения, то сумма расходов практически точно (с точностью до 0,5%) совпадет с намолотом (см. п. 5.4). Это, несомненно, указывает на то, что в 1937-1940 годах недоучет был не больше 0,5% от намолота; таким недоучетом можно попросту пренебречь.

Таким образом, мы будем принимать за валовой сбор величину реального намолота без учета каких-либо поправок. Мы не исключаем, однако, что в 1933-1936 годах недоучет был больше, чем в 1937-1940 годах: в источниках прямо указывается, что с 1937 года учет значительно улучшился<sup>83</sup>. Следовательно, для 1933-1936 годов официальные данные могут быть немного занижены, и это обстоятельство приходится иметь в виду при использовании этих данных<sup>84</sup>.

Ситуация с определением урожайности другой важнейшей продовольственной культуры, картофеля, была такой же, как с урожайностью зерновых. В 1920-х годах урожай картофеля определялся с использованием балансового метода, бюджетных данных и «коэффициентов недоучета». В 1930-х годах в статистических справочниках указы-

---

<sup>81</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 86. Д.

<sup>82</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 739. Л. 4.

<sup>83</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 126. Л.25.

<sup>84</sup> Об урожайных данных 1933-1935 годов см.: Зеленин И. Е. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928-1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. М., 1970. С. 464-473.

вали «биологический урожай», который был существенно выше амбарного урожая, который определяли по отчетам колхозов и совхозов.

Таблица 1.9 – Сопоставление реальной и биологической урожайности картофеля в колхозах в 1936-1939 годах (ц/га)<sup>85</sup>.

	1936	1937	1938	1939
Реальная урожайность	53,8	89,5	43,4	50,4
Биологическая урожайность	67,0	102,2	53,7	71,0

Однако в итоге, каковы бы ни были надбавки, с которыми приводятся урожайные данные в официальных справочниках, имеющиеся в архивах данные позволяют найти величину реального амбарного урожая, как в отношении картофеля, так и в отношении зерновых. Эти данные подтверждены построенными статистиками балансами поступления и расхода продуктов, поэтому они не могут содержать значительных погрешностей.

Величина амбарного урожая была одной из важнейших компонент составляемых ЦУНХУ зерновых балансов, другой чрезвычайно важной компонентой было потребление хлебов. Известный социолог О. И. Шкаратан следующим образом описывал состояние источников по вопросу о потреблении: «За 1917-1929 гг. мы располагаем достаточно большим количеством источников, как опубликованных, так и архивных. В эти годы систематически публиковались данные о реальной заработной плате, итоги бюджетных обследований и обследований питания... Иначе обстоит дело с базой источников по 1930-1932 гг. и особенно по 1933-1937 гг. В 1930-1932 гг. заметно сократился объем статистических публикаций, в них уже нет данных о реальной заработной плате, по бюджетам приводятся только суммарные итоговые показатели... В еще более затруднительном положении оказывается историк, обращаясь к материалам по данной теме, относящимся ко второй пятилетке. *Фундаментальных научных публикаций статистических органов за эти годы нет совсем*»<sup>86</sup>.

Однако благодаря имеющимся в фондах РГАЭ материалам бюджетных обследований за 1937-1940 годы мы можем в значитель-

<sup>85</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 86. Д. 20. Л. 46.

<sup>86</sup> Шкаратан О. И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда)// История СССР. 1963 . № 3. С. 18.

ной степени восполнить пробелы официальных публикаций. Прежде всего, отметим, что данные текущих бюджетных записей, экспедиционных бюджетов и обследований питания служили материалами для установления средних норм потребления хлебных продуктов. В 1920-е годы обследования питания охватывали каждый год 25-26 тысяч хозяйств, экспедиционные бюджеты описывали порядка 10 тысяч семей, число бюджетных записей было примерно таким же. Различные методы давали несколько различающиеся цифры потребления хлебных продуктов, например для 1925/26 года средние душевые нормы по СССР составляли: по бюджетным записям – 15,54 пуда, по обследованиям питания – 15,05 и по экспедиционным бюджетам – 14,1 пуда. В результате проведенного сравнительного анализа точности различных методов Экспертный Совет принял решение положить в основу установления норм потребления хлеба сельским населением данные обследований питания, сделав с них скидку в 5%<sup>87</sup>.

В 1930-е годы основой для исчисления норм потребления были текущие бюджетные записи колхозников, рабочих и служащих. В 1937 году обследовалось 16410 хозяйств колхозников, в 1938 году – 16541 хозяйство. В Центральном Черноземье и на Урале в каждой области обследовалось 500-700 хозяйств<sup>88</sup>. ЦУНХУ осуществляло проверки репрезентативности выборки обследуемых хозяйств. В табл. 1.10 проведено сопоставление выдачи по трудодням в 1935 году в «бюджетных» колхозах, в которых имелись обследуемые хозяйства, и средней выдачи во всех хозяйствах 26 республик, краев и областей.

*Таблица 1.10 – Выдача по трудодням в колхозах в 1935 году<sup>89</sup>.*

	На 1 душу			На 1 трудодень		
	Зерно и бобовые, ц	Картофель, ц	Деньги, руб.	Зерно и бобовые, кг	Картофель, кг	Деньги, руб.
Бюджетные колхозы	207	173	51	2,31	1,91	0,57
Все колхозы	198	167	47	2,28	192	0,54

<sup>87</sup> Лосицкий А. Нормы потребления хлебных продуктов в СССР //Статистическое обозрение. 1927. № 8. С. 13-14.

<sup>88</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 82. Д. 1. Л. 1.

<sup>89</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 56. Л. 33.

Из этих данных можно сделать вывод, что выдача по трудодням основных продуктов питания и денег в «бюджетных» колхозах была немного большей, чем в среднем по стране. По зерну это превышение составляло 4,5%, поэтому можно предполагать, что душевое потребление зерна в среднем для всей страны по данным бюджетных обследований в 1935 году было завышено примерно на 5%. В отдельных областях завышение могло быть большим или меньшим, так в 1936 году завышение (по зерну) составляло в Воронежской области 3,6%<sup>90</sup>.

### **1.3. Обзор и критика источников по демографической статистике**

Для характеристики демографического положения в России в 1920-е годы наибольшее значение имеют материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года. На основании этих материалов С. А. Новосельским и В. В. Паевским были построены таблицы смертности 1926-1927 годов<sup>91</sup>; для Уральской области аналогичные таблицы были построены Ф. Н. Лебедевым<sup>92</sup>. Однако в 1990-х годах Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова подняли вопрос о возможном недоучете переписью 1926 года младенческой смертности<sup>93</sup>. Введенная авторами поправка на недоучет увеличила средний коэффициент смертности 1925-1928 годов (для всей территории СССР) с 20,6% по официальным данным<sup>94</sup> до 26,5%<sup>95</sup>, что поставило под вопрос прежние выводы о динамике смертности в 1920-1930-е годы. Многие исследователи, однако, не приняли поправки Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т.

---

<sup>90</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 80. Д. 56. Л. 1, 12.

<sup>91</sup> Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.-Л., 1930.

<sup>92</sup> Лебедев Ф. Н. Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области. Таблицы смертности по кругам и поселениям области. Свердловск, 1929.

<sup>93</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 15-19; Они же. Демографическая история Российской Федерации. 1927-1959. М., 1998.

<sup>94</sup> Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг.// Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 242-253.

<sup>95</sup> Подсчитано по: Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 120.

Л. Харьковой. Так, например В. Б. Жиромская<sup>96</sup>, А. Г. Вишневский<sup>97</sup>, О. М. Вербицкая<sup>98</sup>, Н. А. Араловец<sup>99</sup> продолжали использовать официальные данные о смертности и продолжительности жизни. С. Уиткрофт писал, что «к утверждениям демографов Андреева, Дарского и Харьковой нужно относиться с некоторой осторожностью»<sup>100</sup>. Неясность в этом вопросе привела к тому, что в некоторых современных обзорных работах не приводится общих данных об уровне смертности в 1925-1928 годах<sup>101</sup>.

Поскольку для настоящей работы представляется существенным выяснение вопроса о том, имело ли место уменьшение смертности и увеличение продолжительности жизни после кризиса 1931-1933 годов, мы остановимся на этой проблеме подробнее. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова опираются на официальные данные учета рождений в 1924-1926 годах<sup>102</sup> и сравнивают их с данными переписи 1926 года; при этом оказывается, что «ожидаемые числа доживших из числа родившихся оказываются больше чисел детей, учтенных при переписи»<sup>103</sup>. При этом ожидаемые числа доживших вычисляются с поправкой на недоучет регистрации рождений «загсами»: считается, что доля населения СССР на территориях, охваченных регистрацией, составляет 85,6%, а полнота регистрации 95,5%<sup>104</sup>. В другой работе, где рассмотрение ограничивается Европейской частью РСФСР, авторы указывают, что «точных данных о доле населения на территориях, охваченных регистрацией, нет, поэтому, на основе косвенных данных нами были приняты следующие оценки: 1924 г. – 97%, 1925 г. – 98%, 1926 г. – 99%. Полнота регистрации для всех трех лет нами принята на уровне

---

<sup>96</sup> Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы... С. 9-10.

<sup>97</sup> Вишневский А. Г. Серп и рубль... С. 117.

<sup>98</sup> Население России в XX веке.... С. 209; Вербицкая О. М. Российская сельская семья... С. 199, 228 и др.

<sup>99</sup> Араловец Н. А. Городская семья в России... С. 85 и др.

<sup>100</sup> Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931-1933 гг.// Трагедия советской деревни. Документы и материалы. Т.3. М., 2001. С. 885.

<sup>101</sup> См., например: Население России в XX веке. Т. 1...

<sup>102</sup> Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925. М., 1928.

<sup>103</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 17.

<sup>104</sup> Там же. С. 18.

не 1927 г. – 95,5%...»<sup>105</sup>. Естественно, что европейская часть РСФСР, в отличие от всего Союза, была практически полностью охвачена регистрацией, но возникает вопрос: почему полнота регистрации в обоих случаях принимается одинаковой – ведь в европейская части РСФСР она должна быть много выше, чем в среднем по Союзу? Критикуя подход Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, В. Б. Жиромская отмечала, что в РСФСР учет младенцев был гораздо более точным<sup>106</sup>. Один из руководителей ЦСУ, М. П. Красильников, писал, что «сопоставление численности детей в возрасте до 1 года по данным переписи с исчисленным количеством их на момент переписи по данным органов ЗАГС о рождаемости и детской смертности обнаружило полноту регистрации фактов естественного движения населения по большинству районов РСФСР даже в отношении грудных детей, где можно было бы ожидать наибольшего числа пробелов в регистрации»<sup>107</sup>. В. Песчанский отмечал, что в Европейской части РСФСР (без Северного Кавказа и Дагестана) в 1926 году было зарегистрировано ЗАГСами 3089769 новорожденных и 588583 умерших в возрасте до одного года<sup>108</sup>. Если считать – как это принято у статистиков<sup>109</sup> – что 67% этого числа умерших (394330) родилось в том же году, то число детей, моложе одного года, доживших до конца 1926 года, определится в 2688197 человек. По данным Всесоюзной переписи оказалось детей моложе одного года на той же территории 2615472 человек, то есть на 2,8% меньше. «Эту разницу, – заключает В. Песчанский, – целиком можно отнести за счет неточности показаний в возрасте детей при переписи, возможных пропусков, а также несовпадения критического дня переписи с концом года»<sup>110</sup>.

---

<sup>105</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации... С. 51.

<sup>106</sup> Жиромская В. Б. Демографическая история России... С. 34.

<sup>107</sup> Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г... С. 5.

<sup>108</sup> Песчанский В. Предварительные итоги естественного движения населения за первое полугодие 1927 года по Европейской части РСФСР //Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 88.

<sup>109</sup> Паевский В.В. Методика измерения детской смертности в возрасте от 0 до 1 года //Антонов А. Н. Смертность грудных детей, е причины и меры борьбы. М.-Л., 1931. С. 207.

<sup>110</sup> Песчанский В. Указ. соч. С. 88.

Поясним ситуацию таблицей 1.11, повторяющей таблицу 2.1 из работы Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой, и дополненной нами в графах, отмеченных звездочкой.

*Таблица 1.11 – Сравнение результатов переписи 1926 года и результатов текущего учета ЗАГС для РСФСР*

		Мальчики			Девочки		
		1924	1925	1926	1924	1925	1926
1	Число зарегистрированных ЗАГСами рождений, тыс.	1690	1811	1799	1590	1698	1687
2	Охват территории регистрации	0,97	0,98	0,99	0,97	0,98	0,99
3	Полнота регистрации	0,955	0,955	0,955	0,955	0,955	0,955
4	Число рождений с учетом коррекции, тыс.	1824	1935	1903	1716	1814	1784
5	Коэффициенты дожития по таблицам смертности 1926-27 гг.	0,708	0,747	0,845	0,741	0,78	0,869
6	Коэффициенты дожития, принятые Андреевым и др.	0,688	0,711	0,886	0,729	0,749	0,92
<b>7</b>	<b>Учтено переписью, тыс.</b>	<b>1196</b>	<b>1250</b>	<b>1519</b>	<b>1192</b>	<b>1235</b>	<b>1479</b>
8	Ожидаемое число доживших до переписи, тыс.	1256	1375	1686	1252	1359	1642
9	Поправки к переписи	1,05	1,1	1,11	1,05	1,01	1,11
<b>10</b>	<b>Ожидаемое число доживших до переписи, тыс.*</b>			<b>1520</b>			<b>1466</b>
	Погрешность регистрации*			0,999			1,009

Как видно из таблицы, авторы корректируют зарегистрированное число рождений, изменяя его в соответствии с оцененной ими полнотой регистрации. Далее экспертным путем выбираются коэффициенты дожития, скорректированная численность родившихся умножается на эти коэффициенты и получается ожидаемое число доживших до переписи. Это число оказывается больше, чем число зарегистрированных переписью, и соответственно, вводятся поправки к данным переписи, достигающие 11%. Результатом введения этих поправок явилось постулирование огромного недоучета младенческой смертности: для 1928 года при официально зарегистрированных в РСФСР 718 тыс. умерших в возрасте до 1 года Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова увеличивают

эту цифру до 1194 тыс., то есть на 54%<sup>111</sup>. Это, конечно, противоречит утверждению М. П. Красильникова о том, что «к 1926 г. регистрация актов гражданского состояния... достигла исчерпывающей полноты».

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в основе расчетов Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковской, лежит ряд неочевидных допущений. Одно из них – это экспертное определение уровней дожития. Другое – это принятие уровня полноты регистрации в 95,5%, о котором мы говорили выше. Как проверить полноту регистрации на практике? Очевидно, это можно сделать, лишь сопоставляя данные регистрации ЗАГСов с данными переписи 1926 года.

Действительно, если мы умножим приведенные в таблице 1.11 числа родившихся по данным «загсов» в 1926 году мальчиков и девочек на приводимые авторами коэффициенты дожития построенной по данным переписи таблицы смертности (строка 5), то получим, что до переписи должно дожить 1520 тыс. мальчиков и 1466 тыс. девочек – числа, практически совпадающие с числом реально переписанных младенцев (1519 и 1479 тыс.). Что касается точности данных о рождаемости в 1924 и 1925 годов, то в свое время А. Я. Боярский, сопоставив эти данные с таблицей смертности, пришел к выводу об «отсутствии большого недоучета родившихся»<sup>112</sup>. В итоге, утверждение М. П. Красильникова о полноте регистрации получает несомненное подтверждение.

Однако в начале 1930-х годов надежность демографической информации резко упала. Это обстоятельство было связано с коллективизацией и голодом 1932-1933 годов, которые породили огромную мобильность населения, бегство крестьян из деревни в города и, в некоторых случаях, прямое нарушение работы ЗАГСов<sup>113</sup>. В 1935 году было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постановке учета естественного движения населения», и ЗАГСЫ были переведены в ведение НКВД. После этого положение улучшилось, в 1935 году охват населения ЗАГСами составил 97,6%. На Украине, в Белоруссии и в 16 областях РСФСР учетом было охвачено все население<sup>114</sup>. В 1936 году охват населения ЗАГСами увеличился до 98,4%<sup>115</sup>.

---

<sup>111</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Демографическая история Российской Федерации... Приложение 2.

<sup>112</sup> Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении... С. 229.

<sup>113</sup> Население России в XX веке. Т. 1... С. 336.

<sup>114</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 109. Л. 1.

<sup>115</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 195. Л. 30.

О качестве работы ЗАГСов свидетельствуют, например, результаты проверки, проведенной Свердловским управлением народнохозяйственного учета в августе 1937 года. В ходе этой проверки было обследовано 480 из 1397 ЗАГСов области. Было обнаружено всего лишь 5 случаев уклонения от регистрации родившихся детей, 17 случаев похорон без регистрации и 2 трупа утопленников, которые также не были зарегистрированы. По результатам проводившейся в то же время проверки двух районов Оренбургской области было выявлено 2 случая незарегистрированных рождений и 1 случай незарегистрированной смерти<sup>116</sup>.

Таким образом, к 1937 году регистрация рождений и смертей производилась весьма тщательно. В 1937 и 1939 году были проведены две переписи, позволившие проверить полноту регистрации; в итоге полнота учета родившихся и умерших младенцев для 1938 года была подтверждена расчетами, аналогичными расчетам В. Песчанского<sup>117</sup>. Несмотря на это обстоятельство, Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. Л. Харькова постулируют недоучет младенческой смертности и для 1930-х годов; они предполагают, что в РСФСР в 1938 году при официальной цифре умерших младенцев в 754 тыс. действительная смертность составила 1109 тыс., то есть не было зарегистрировано 355 тыс. родившихся и затем умерших младенцев<sup>118</sup>. В свете приведенных выше данных о проверках НКВД это предположение представляется совершенно невероятным.

Таким образом, на сегодняшний день мы не имеем оснований не доверять данным официальной статистики и предполагать огромный недоучет младенческой смертности, постулируемый Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским и Т. Л. Харьковской.

Оценка точности переписи 1937 года была проведена Ф. Д. Лившицем, который показал, что (отвергнутые властями) результаты переписи соответствовали действительности и возможный недоучет (по лицам всех возрастов) составлял не более 0,3%, т. е. 450 тыс. чел.<sup>119</sup>

---

<sup>116</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 78. Л. 6, 47.

<sup>117</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 39.

<sup>118</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации... Приложение 2.

<sup>119</sup> Лившиц Ф. Д. Перепись населения 1937 года// Демографические процессы в России. М., 1990. С. 174-207. См. Также: Волков А. Г. Из истории переписи 1937 года// Вестник статистики. 1990. № 8. С. 45-56; Жиромская В. Б., Киселев

Результаты переписи 1939 года являются менее достоверными, так как при их публикации были внесены поправки на недоучет (примерно в 1%), искажающие реальную численность населения<sup>120</sup>. Поэтому предпочтительно пользоваться материалами переписи 1937 года, которые являются достаточно точными.

Вывод, который можно сделать в итоге нашего краткого анализа используемых материалов советской статистики совпадает с выводом, сделанным С. Уиткрофтом:

«Я утверждаю, что советские статистические данные в целом намного более надежны, чем обычно предполагаются, – отмечает С. Уиткрофт. – Во многих отношениях они уникальны... Существует очевидная проблема отстранения от пропагандистских материалов и цензурных ограничений. Однако теперь, когда советские архивы открылись, перспективы благоприятны. Данные относительно потребления пищи на душу населения, валового национального продукта и смертности доступны в удивительных подробностях...»<sup>121</sup>

#### 1.4. Методология исследования

Предлагаемый подход к исследуемой проблеме состоит в рассмотрении совместного воздействия различных движущих сил истории – так называемых *факторов исторического процесса*. Современное состояние теории факторов исторического процесса позволяет описать механизм совместного действия трех факторов, *демографического, технологического и географического*<sup>122</sup>.

Механизм действия *демографического* фактора описывается в рамках неомальтузианской теории и ее современного варианта – так называемой демографически-структурной теории Дж. Голдстоуна<sup>123</sup>. Отличительной чертой демографически-структурной теории является структурный подход, эта теория рассматривает структуру – простой народ, государство и элиту – анализируя динамику и взаимодействие элементов этой структуры в условиях роста или сокращения населе-

---

И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.

<sup>120</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза... С. 31.

<sup>121</sup> Wheatcroft S. The Great Leap Upwards... P. 27.

<sup>122</sup> Подробнее см.: Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I. М., 2010. С. 10-32.

<sup>123</sup> Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. London, 1991.

ния. В контексте данного исследования наиболее существенна динамика того элемента структуры, который обозначается Дж. Голдстоуном как «простой народ» или просто «народ». Изучение этой динамики в рамках данного подхода предполагает, прежде всего, изучение изменений в численности населения. По Голдстоуну (который в данном случае, в основном, следует неомальтузианской парадигме) рост населения должен приводить к аграрному перенаселению, к дроблению крестьянских наделов и к крестьянскому малоземелью. В условиях низкого уровня развития производительных сил крестьянское малоземелье влечет за собой недостаточность средств пропитания, что приводит к уменьшению потребления и к падению уровня жизни. Часть крестьян разоряется и продает свои наделы, крестьяне ищут дополнительных заработков, что приводит к развитию аренды, батрачеству, росту отходничества. Миграции крестьян в города приводят к ускоренному росту городского населения, сравнительно с ростом сельского населения, но в целом рост населения замедляется (если его не ускоряют другие факторы, такие, как развитие медицины). С другой стороны, недостаток пашен приводит к росту арендной платы, а недостаток продовольствия – к росту хлебных цен.

На соответствие картины, рисуемой мальтузианской теорией, реальному развитию России в конце XIX-начале XX века указывали многие современники (обзор мальтузианской литературы того времени можно найти в монографии П. П. Маслова<sup>124</sup>). На современном уровне, с применением демографически-структурной теории, эта проблема была рассмотрена в одной из работ автора<sup>125</sup>. Необходимо, однако, отметить, что падение потребления произошло в России еще в первой половине XIX века, и во второй половине этого столетия среднее душевое потребление находилось на уровне минимально допустимой нормы – хотя временами наблюдались колебания, связанные, в значительной мере, с воздействием географического фактора. В условиях большого разброса в величине крестьянских наделов это означало, что примерно половина населения находилось в условиях постоянного недоедания.

Согласно теории, аграрное перенаселение должно было вызвать *экосоциальный кризис* – крестьянские восстания, революцию и гражданскую войну. Русская революция проходила под лозунгами «Земля и

---

<sup>124</sup> Маслов П. Перенаселение русской деревни. М.-Л., 1930. С. 12-28.

<sup>125</sup> См.: Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

воля!», «Земля – народу!», а гражданская война была, по существу, крестьянской войной, в которой крестьянство сражалось за землю – и получило ее. Но масштабный кризис сопровождался колоссальными разрушениями, гибелью миллионов людей и сокращением численности населения.

После окончания экосоциального кризиса согласно демографически-структурной теории должна была наступить *фаза восстановления*. Теория утверждает, что уменьшение численности населения в результате кризиса должно иметь эффект, противоположный тому, который наблюдается при росте населения. Кризис должен привести к массовым миграциям из городов на село, а после окончания войн и революций должны наблюдаться *увеличение крестьянских наделов, уменьшение хлебных цен и ренты, увеличение потребления, повышение уровня жизни, и в результате – ускоренный рост населения*. На структурном уровне кризис означает трансформацию структуры «народ-государство-элита»: гибель значительного числа крупных собственников и уравнительное перераспределение собственности или ее огосударствление. Происходит перераспределение ресурсов внутри структуры, рента и налоги, в целом, уменьшаются, то есть часть ресурсов, приходящихся на долю народа, увеличивается<sup>126</sup>.

Как было показано в одной из работ автора<sup>127</sup>, эти характерные черты фазы восстановления действительно наблюдались в СССР в 1920-х годах. Раздел между крестьянами помещичьих земель означал радикальное перераспределение ресурсов в структуре «народ-государство-элита»; это привело к увеличению потребления крестьян примерно на 20-40%. Эпоха нэпа была самым сытым временем в жизни крестьянства, когда душевое потребление продуктов питания составляло около 3000 ккал в сутки (больше, чем в наше время), а налоги не превосходили 4% чистого дохода<sup>128</sup>. Более того, крестьяне получили право варить самогон (для собственного употребления) и разрушили во-

---

<sup>126</sup> Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. Екатеринбург, 2007. С. 99-101.

<sup>127</sup> См.: Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009

<sup>128</sup> Там же. С. 121-122,130. В 2005-2010 гг. среднее потребление, подсчитанной по методике, что и для 1920-х гг. (описанной в п. 6.3) составляла 2820 ккал в день. Подсчитано по: Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации – [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc\\_1286360627828](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1286360627828)

дочную монополию, которая прежде была главной статьёй дохода для государства.

Поскольку налоги уменьшились, то государство потеряло часть своих ресурсов и не могло обеспечить оборону страны в условиях нарастающей внешней угрозы. Были нарушены связи города и деревни, так как в дореволюционные времена именно налоги и необходимость платить земельную ренту вынуждали крестьян поставлять в города дешёвый хлеб. Советская власть пыталась заставить крестьян продавать хлеб государству по заниженным закупочным ценам, но эта политика закончилась неудачей. По существу, повторялась ситуация начала 1917 года, когда крестьяне отказывались продавать зерно, делая невозможным снабжение городов, которые были не в состоянии платить требуемой деревней цену.

Помимо проблем во взаимоотношениях крестьян и государства, на селе существовали и свои специфические проблемы. Одной из проблем была архаическая агротехника, которая не могла совершенствоваться в условиях parcelлярного землепользования. Другой проблемой было аграрное перенаселение. Поскольку численность населения восстановилась уже к 1926 году, то в деревне снова образовался избыток рабочих рук. После перераспределения ресурсов продовольствия в деревне было достаточно, но аграрное перенаселение проявлялось в измельчании крестьянских наделов, в большом числе безлошадных хозяйств, в падении производительности крестьянского труда. Аграрное перенаселение носило сезонный характер: в период уборки урожая, один месяц в году, деревня испытывала недостаток рабочей силы, но большую часть года десятки миллионов крестьян оставались без дела<sup>129</sup>.

Демографически-структурная теория описывает происхождение кризисов перенаселения в традиционном, преимущественно аграрном, обществе, и в контексте российской ситуации начала 1920-х годов она оказывается недостаточной для объяснения динамики исторического процесса в связи с усиливавшейся ролью технологического фактора.

Роль *технологического* фактора в новейшей истории описывается в рамках «теории модернизации», разработанная авторитетной школой западных историков в 60-х годах прошлого века; современное изложение этой теории можно найти в работах И. В. Побережникова<sup>130</sup>. По определению одного из создателей теории модернизации, С. Блэка,

---

<sup>129</sup> Струмилин С. Г. Социальные проблемы пятилетки // На плановом фронте. 1920-1930. М., 1958. С. 453.

<sup>130</sup> См.: Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006

модернизация – это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией<sup>131</sup>. Но модернизация и индустриализация происходят не сами по себе; традиционные общества вынуждаются к модернизации под воздействием индустриальных держав, «локомотивов модернизации». Промышленная революция, произошедшая в западных странах, дала им не только новую технику, но и новое оружие. Фундаментальные инновации в области военной техники всегда вызывают волну завоеваний – в данном случае они привели к созданию колониальной системы. Те общества, которые избежали завоевания, под угрозой нашествия были вынуждены спешно перенимать технику завоевателей и строить заводы, производящие эту технику. Таким образом, индустриализация была неизбежным следствием военного давления со стороны промышленно развитых стран. Эта общая закономерность исторического процесса уже не раз проявлялась в истории России: индустриализация была ответом на давление Запада во времена Петра I, и позже, при Вышнеградском и Витте. Индустриализация всегда требовала огромных средств, а их можно было взять только у крестьян. Это всегда приводило к голоду: правление Петра I закончилось катастрофическим голодом 1723-1725 годов, а политика Вышнеградского привела к «Великому голоду» 1892 года.

Итак, в соответствии с общими закономерностями истории, России предстояло третий раз пройти через индустриализацию, для чего требовалось перераспределение ресурсов в структуре «народ-государство-элита»: именно, отнятие части ресурсов у народа и передача их государству. Подобная трансформация структуры была во все времена чревата возможностью катастрофического голода – *структурным кризисом*.

Технологический фактор действовал не только в военно-промышленной сфере. В аграрной области последствия научно-технической революции сказались, главным образом, в появлении минеральных удобрений и в механизации сельскохозяйственных работ. Новая техника могла использоваться, главным образом, в крупных хозяйствах, поэтому ее внедрение подразумевало социальную перестройку на селе, и, в частности, ликвидацию парцеллярных крестьянских хозяйств. Эти перемены должны были вызвать высвобождение значительной части занятой на селе рабочей силы и перемещение крестьян в города, превращение

---

<sup>131</sup> Black C. E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N. Y. 1966. P. 7.

их в промышленных рабочих – то есть, они должны были вызвать быструю индустриализацию. Одновременно механизация и новая агротехника, в теории, позволяли увеличить урожайность и прокормить растущий класс промышленных рабочих, не создавая угрозы голода для крестьян. Таким образом, именно коллективизация открывала возможность для быстрой индустриализации, «великого перелома» или «большого скачка». Коллективизация была таким же результатом воздействия технического фактора, как и индустриализация; это были две стороны модернизационного процесса. Однако теория утверждает, что реформы, связанные с быстрой модернизацией, с коренным изменением образа жизни, всегда встречают упорное сопротивление приверженцев традиций – *традиционалистскую реакцию*.

Помимо технологического и демографического факторов, на протекание исторического процесса влияет и третий фактор – *географический*. Роль географического фактора проявляется в том воздействии, которое оказывают на жизнь людей природные условия различных регионов. В России эта роль проявлялась в существовании двух экономических зон – «черноземной полосы» и «нечерноземной полосы». Для этих зон были характерны различные условия сельскохозяйственной деятельности, что в свою очередь, проявлялось в экономических и общественных отношениях. Как показано в работах Л. В. Милова<sup>132</sup>, в нечерноземной полосе неблагоприятные природные условия способствовали формированию коллективистских общинных традиций. В черноземной полосе земледелие было гораздо менее трудоемким и более продуктивным, и на степном Юге преобладали частнособственнические традиции. Роль географического фактора особенно проявлялась в изменении климата, в усыхании степи и в том экологическом кризисе, который был вызван нерациональной системой земледелия. Этот экологический кризис составлял тот фон, на котором происходили все события 1930-х годов.

### **1.5. Территориальные рамки исследования**

Наше исследование предполагает сравнение экономических и демографических показателей для докризисного (1925-1928 годы) и послекризисного периода (1937-1940 годы) в целом по СССР и по двум регионам: Центрально-Черноземному и Уральскому. Территория СССР рассматривается в границах до 17 сентября 1939 года, что же

---

<sup>132</sup> Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

касается региональных данных, то здесь мы сталкиваемся с серьезными трудностями, происходящими от неустойчивости территориально-административного деления в рассматриваемый период.

В конце 1920-х годов Центрально-Черноземный регион (ЦЧР) обычно отождествлялся с Центрально-Черноземной областью (ЦЧО). Эта область была образована в мае 1928 года путем слияния Воронежской, Тамбовской, Курской и Орловской губерний и просуществовала до июня 1934 года, когда она была разделена на Воронежскую и Курскую области. В сентябре 1937 года из Курской области была выделена Орловская область, причем в последнюю были включены также несколько районов из Западной и Воронежской областей. Тогда же, в сентябре 1937 года, из состава Воронежской области была выделена Тамбовская область, причем в нее было включено несколько районов Куйбышевской области с городом Пензой – но не надолго, в феврале 1939 года эти районы были выделены в самостоятельную Пензенскую область.

Таким образом, если для конца 1920-х годов мы имеем статистические данные для Центрально-Черноземной области, то в 1935-1937 годах – данные для двух областей, Воронежской и Курской, территория которых в совокупности соответствует ЦЧО. В 1938-1940 годах мы имеем отдельные данные для Воронежской, Курской, Тамбовской и Орловской областей. Территории ЦЧО и четырех областей, в основном, но не вполне совпадали, и во многих случаях пересчет данных на территорию ЦЧО оказывается невозможным – в такой ситуации нам приходится приводить данные для отдельных областей.

Под понятием «Урал» в конце 1920-х годов обычно подразумевалась Уральская область (УрО). В январе 1934 года эта область была разделена на три области: Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую. В декабре 1934 года Обско-Иртышская область и несколько южных районов Челябинской области были включены в новообразованную Омскую область. В октябре 1938 года из состава Свердловской области была выделена Пермская область.

Таким образом, если в конце 1920-х годов мы имеем статистические данные по Уральской области, то в конце 1930-х годов – данные по трем областям, Свердловской, Челябинской и Пермской, причем территория этих областей не вполне совпадает с территорией Уральской области. В итоге, там, где невозможен пересчет на единую территорию, нам приходится приводить данные по отдельным областям.

## Глава 2. Демографическая динамика в конце 1920-х – 1930-х годах

### 2.1. Численность населения и миграции

Душевое потребление естественным образом зависит от численности населения, поэтому необходимо, в первую очередь, реконструировать динамику численности населения в 1920-1930-х годах. Такая реконструкция ранее производилась различными авторами, в том числе статистиками ЦСУ, С. Максудовым<sup>133</sup>, Е. Лоримером<sup>134</sup>, а также Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским и Т. А. Харьковской. В всех случаях, кроме последнего, опорными точками для реконструкции являлись результаты переписей населения 1926 и 1939 годов. Однако результаты переписи 1939 года были завышены, поэтому основанные на них оценки содержали существенную погрешность. Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. А. Харькова исходили из более точных результатов переписи 1937 года, однако при этом корректировали официальные данные о рождаемости, смертности и естественном приросте. Как было показано выше, эта коррекция не является оправданной, поэтому имеет смысл реконструировать динамику численности населения, исходя из результатов переписи 1937 года и официальных данных о естественном приросте. Разумеется, официальные данные можно использовать лишь для периодов, когда существовала достаточно надежная регистрация движения населения, то есть для 1927-1930 и 1935-1939 годов. Так же, как Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский и Т. А. Харькова мы определяем численность населения на начало 1937 года по результатам переписи с поправкой на недоучет 0,3%<sup>135</sup>. Полученная таким способом оценка автора приведена в табл. 2.1.

---

<sup>133</sup> Максудов С. Потери населения СССР. Benson, Vermont, 1989.

<sup>134</sup> Lorimer E. The Population of the Soviet Union. History and Prospects. Geneva. 1946.

<sup>135</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С. 26,48.

Таблица 2.1. – Оценки численности населения СССР, млн. чел. на начало года<sup>136</sup>

	1927	1928	1929	1930	1935	1936	1937	1938	1939
Численность населения, млн.	147,1	150,4	154,2	157,4	157,8	160,2	162,5	165,9	169,3
Естественный прирост, млн.	3,3	3,8	3,2		2,32	2,35	3,43	3,36	3,31

Таким образом, в соответствии с нашей оценкой численность населения в 1935 году (157,8 млн. чел.) была примерно такой же, что и в 1930 году (157,4 млн. чел.). Это означает, что демографический кризис 1933 года привел к потере пятилетнего естественного прироста. Число жертв голода в оценках разных авторов варьируется от 4,5 до 8 млн. человек. Наиболее обоснованной из имеющихся оценок является оценка Дэвиса и Уиткрофта, определяющая избыточную смертность в 1932-1933 годах в 5,5-6,5 млн.<sup>137</sup>

Численность умерших от голода в отдельных регионах можно оценить по превышению количества умерших в 1933 году над средним числом умерших в 1930-1931 годах. Официальные данные о смертности, использованные в табл. 2.2, для Украины считаются заниженными, но, по мнению В. В. Кондрашина, для Поволжья они являются достаточно точными<sup>138</sup>.

Таблица 2.2 – Излишняя смертность в 1933 году<sup>139</sup>

	Излишняя смертность (тыс.)	% от населения
Украина	1382	4,8
Северный Кавказ	261	2,8
Центральное Черноземье	142	1,4
Поволжье	231	2,0
Урал	41	0,6
СССР (без Казахстана)	2287	1,5

<sup>136</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 137. Л. 1; Д.191. Л. 1.

<sup>137</sup> Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. New York, 2004. P. 401.

<sup>138</sup> Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов: трагедия советской деревни. М., 2008. С. 245-246.

<sup>139</sup> Подсчитано по таблице: Davies R., Wheatcroft S. – <http://www.soviet-archives-research.co.uk/hunger>

Если исходить из среднего естественного прироста в 1927-1929 годах в 22%, то при таких темпах роста населения и в отсутствие коллективизации население СССР в начале 1935 года составляло бы не 157,8 млн., а 175,8 млн. человек (на 11,4% больше). Это, естественно, повлияло бы на уровень душевого потребления, который при практически постоянных урожаях конца 1920-х годов должен был бы понизиться на соответствующую величину. С мальтузианской точки зрения демографические кризисы всегда приводят к некоторому увеличению душевого потребления, и в данном случае необходимо – в числе прочих эффектов – учитывать и эффект исчезновения пятилетнего естественного прироста.

С началом коллективизации условия жизни крестьян резко изменились: они не были более привязаны к своему наделу и к своему хозяйству. Как быстро выяснилось, оплата труда в колхозах оказалась значительно более низкой, чем оплата в городах и на стройках первой пятилетки, что породило массовую миграцию из деревень в города. Составленный ЦУНХУ «Конъюнктурный обзор движения населения СССР за 1930-1934 гг.» отмечает «исключительный по размерам процесс перемещения населения из села в город», который выразился «как в образовании новых городов и пригородов, так и в огромном притоке сельского населения в старые города»<sup>140</sup>.

Механический прирост городского населения в 1927 году составлял 832 тыс. чел, в 1928 году – 1145 тыс., в 1929 году – 1429 тыс.<sup>141</sup> С началом коллективизации переселение в города резко ускорилось, в 1930 году оно составило 2279 тыс., а за 1931/32 хозяйственный год – 4,5 млн. чел.<sup>142</sup> Фактически это означало, что началось бегство населения из деревень в города. Динамика этой миграционной волны показана на рис. 2.1.

Как показывает график на рис. 2.1 коллективизация не сразу породила миграционную волну: в начале 1930 года обстановка была еще неопределенной, и вдобавок, руководство новосозданных колхозов препятствовало уходу их членов в города. К лету 1930 года многие стройки пятилетки стали испытывать недостаток рабочей силы, и 30 июня 1930 года появился правительственный указ, который легализовал отход колхозников для работы на производстве. В четвертом квартале 1930 года, когда колхозники получили причитающееся им по трудодням (и выяснилось, что выдачи невелики), в город ушло 960 тыс. крестьян. Затем, весной 1931 года деревня снова жила ожиданиями, но когда выяснилось,

---

<sup>140</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3.

<sup>141</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 25. Л. 5.

<sup>142</sup> Там же; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3.

что урожай вновь заберет себе государство, началось повальное бегство: за четвертый квартал из деревни бежало около 2 млн. человек. Чтобы предотвратить всеобщий исход, в декабре 1932 года была введена паспортная система; паспорта выдавали только тем, что постоянно живет и работает в городе; все посторонние выслались в деревню. Это привело к тому, что в первом полугодии 1933 года миграции сменили направление; в деревню вернулись около 400 тыс. высланных из городов. Это было время голода; милиция отправляла назад приходивших в города голодающих и нищих. Однако с четвертого квартала 1933 года миграции возобновились, теперь уже на более упорядоченной основе: теперь в города переселялись те, кто мог найти соответствующую работу. Высокий уровень миграций в города сохранялся и в последующие годы. Механический прирост населения городов составил: в 1936 году – 2,7 млн., в 1937 году – 2,2 млн., в 1938 году – 1,6 млн., в 1939 году – 1,6 млн.<sup>143</sup>

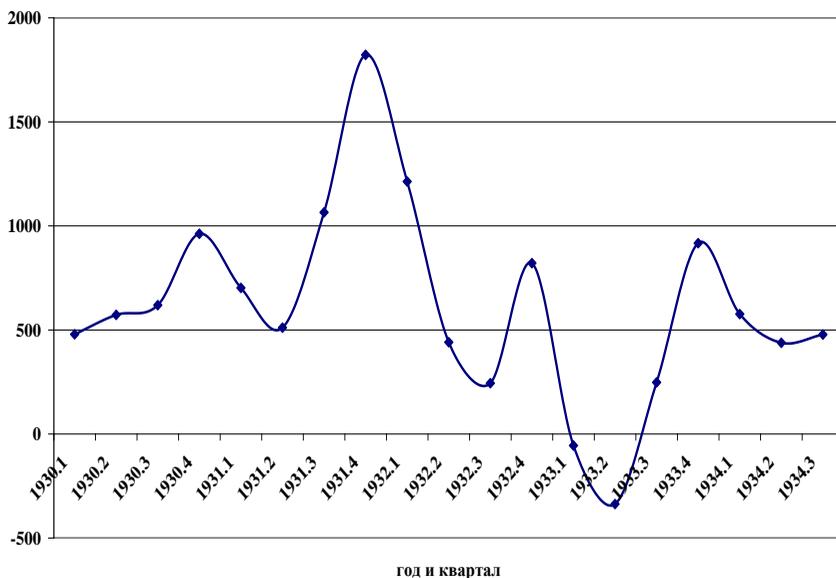


Рисунок 2.1 – Механический прирост населения городов СССР в 1930-1934 годах (по кварталам, в тыс.)<sup>144</sup>

<sup>143</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 195. Л. 4.

<sup>144</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3.

В целом механический прирост городского населения СССР за 1926-1939 годы составил 18,5 млн. человек, естественный прирост – 5,3 млн., кроме того, городское население увеличилось на 5,8 млн. чел. за счет преобразования сельских населенных пунктов в города<sup>145</sup>. В итоге, по официальным данным между переписями 1926 и 1939 годов городское население возросло с 26,3 млн. до 56,1 млн. человек, а сельское население уменьшилось со 120,7 млн. до 114,4 млн. человек. В 1926 году в городах проживало 17,6% населения, а в 1939 году – 32,9%<sup>146</sup>.

Коллективизация и индустриализация по-разному воздействовали на динамику населения в разных регионах СССР. В регионах численность населения менялась не только в результате естественного прироста (или убыли) населения, но и в результате миграций. С. Максудов показал, что в 1926-1939 гг. в Закавказье, Казахстан и в Среднюю Азию прибыло 2 295 тыс. переселенцев. Большая часть из них были выходцами из России и около 280 тыс. приходится на Украину и Белоруссию. В те же годы Россия получила почти 900 тыс. новых жителей из Украины и Белоруссии<sup>147</sup>. Внутренние миграции в пределах России носили более интенсивный характер, поэтому необходимо особо рассмотреть этот вопрос для тех регионов, которым мы уделяем особое внимание – то есть для Центрального Черноземья и Урала. Аграрно-перенаселенная Центрально-Черноземная область была крупнейшим в СССР регионом исхода и миграция в города означала здесь, в основном, переселение в города за пределами области, то есть эмиграцию. По официальным сведениям отток населения из ЦЧО в 1930-1935 годах составлял порядка 150 тыс. человек в год, но в 1936 году подскочил до 416 тыс. человек<sup>148</sup>. Е. А. Высотина считает этот скачок результатом улучшения регистрации и полагает, что в предыдущий период эмиграция была в 2-2,5 раза больше официально зарегистрированной<sup>149</sup>. Учитывая большие масштабы эмиграции и смертность от голода (которая по оценке Л. В. Загоровского составила 195 тыс. человек<sup>150</sup>) Е. А. Высо-

---

<sup>145</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 279. Л. 23.

<sup>146</sup> Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 22.

<sup>147</sup> Максудов С. Миграции в СССР в 1926-1939 годах//Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. Vol. 40. N 4. Octobre-décembre. 1999. P. 786.

<sup>148</sup> Высотина Е. А. Указ. соч. С. 90; Загоровский Л. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928-1934. Воронеж, 1995. С. 114.

<sup>149</sup> Высотина Е. А. Указ. соч. С. 159.

<sup>150</sup> Загоровский Л. В. Указ. соч. С. 107.

тина реконструирует динамику численности населения ЦЧО следующим образом:

*Таблица 2.3 – Динамика численности населения ЦЧО (тыс. чел, на начало года)<sup>151</sup>*

Год	1927	1931	1932	1933	1934	1935	1937	1939
Численность населения	1082 6	1198 9	1212 3	1214 7	1161 7	1118 8	1029 4	1044 0

Таким образом, социально-экономический кризис и последующие миграционные процессы привели к тому, что население ЦЧО уменьшилось за 1931-1937 годы на 15%. Падение численности населения было примерно таким же, как в 1914-1923 годах, когда население уменьшилось с 12019 тыс. до 10370 тыс. человек<sup>152</sup>. В итоге, в 1937 году население ЦЧО было на 14% меньше, чем до революции – таковы были последствия двух кризисов в аграрно-перенаселенном регионе. В контексте мальтузианской теории такие последствия были естественными: кризисы были порождены аграрным перенаселением и они должны были привести к снижению аграрного перенаселения путем уменьшения численности населения.

Сельское население ЦЧР в 1931 году составляло 91% всего населения<sup>153</sup>, а в 1939 году – 84,5% (по сравнению с 67,1% в среднем по стране)<sup>154</sup>. Таким образом, Центральное Черноземье оставалось аграрным регионом; здесь возводилось лишь небольшое число индустриальных объектов, и города области не могли дать работу сотням тысяч покидающих деревню крестьян. В 1931-1937 годах сельское население ЦЧО сократилось на 2,2 млн. чел., или на 20%, в то время как для всей страны сокращение сельского населения в 1927-1939 годах составило 6,3 млн. или 5%<sup>155</sup>. Эти цифры показывают, что Центральное Черноземье было основным районом исхода сельского населения – районом, из которого миллионы крестьян направлялись в города Донбасса, Урала, Централь-

<sup>151</sup> Высотина Е. А. Указ. соч. С. 156. Табл. 21.

<sup>152</sup> Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги... С. 44.

<sup>153</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 29. Л. 23.

<sup>154</sup> Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 22-24.

<sup>155</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 29. Л. 23; Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Краткие сводки. Вып. III. М., 1927. С. 2-3.

Промышленного района. Только в Москву в 1936 году прибыло 174 тыс. мигрантов из ЦЧО<sup>156</sup>.

Урал был одним из регионов прибытия мигрантов, поэтому население росло здесь быстрее, чем по стране в целом. Имеющиеся данные по Уральской области (до момента ее расформирования в начале 1934 года) показывают быстрый рост городского населения, которое пополнялось в значительной степени за счет приезжих.

*Таблица 2.4 – Динамика городского и сельского населения Уральской области<sup>157</sup>*

	1926	1929	1930	1931	1932	1933
Все население	6787	7280	7490	7695	8021	8130
сельское	5374	5586	5656	5523	5214	4963
городское	1408	1694	1834	2171	2807	3167

Из приведенных данных следует, что в годы кризиса, в 1929-1933 годах, городское население Урала увеличилось почти вдвое, на 1473 тыс. человек, в то время как сельское население уменьшилось на 623 тыс. – в основном, за счет ухода в города. Добавочный прирост городского населения в 850 тыс. человек был получен в значительной степени за счет мигрантов из других регионов. Для трех областей Урала имеются данные за более длительный промежуток 1926-1937 годов (табл. 2.5)

*Таблица 2.5 – Динамика населения трех областей Урала<sup>158</sup>*

	17.12.1926	06.01.1937	17.01.1939		
	всего	всего	город	село	всего
Свердловская	3152	4126	1504	1008	2512
Челябинская	2564	2769	1182	1620	2802
Пермская			828	1260	2088
Всего	5716	6895	3514	3888	7402

<sup>156</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 75. Л. 4-10.

<sup>157</sup> ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д.20. Л. 115.

<sup>158</sup> Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 22-24; 44-45.

С 1926 по 1939 год население трех областей Урала увеличилось на 29%, в то время как в целом по СССР оно увеличилось лишь на 15%. При этом сельское население все же сократилось (на 14%), зато рост городского населения бы феноменальным – оно увеличилось на 2,3 млн. человек, почти в три раза! Доля городского населения возросла с 20% до 47%. Это был результат быстрой индустриализации региона: Урал был областью, где создавалась новая промышленная база Советского Союза, и сюда на стройки пятилетки стекались уходившие из колхозов крестьяне; сюда же на «спецпоселение» присылали «раскулаченных» и «врагов народа». В 1937 году в Свердловской области численность спецпоселенцев составляла 98,3 тыс. человек, из них 34,3 тыс. проживали в городах и 64 тыс. – на селе<sup>159</sup>.

Особенно показателен был рост больших городов. Население Свердловска в 1926-1939 годах увеличилось со 135 до 424 тыс. жителей, то есть в 3,1 раза<sup>160</sup>. Город был до крайности перенаселен, на одного человека приходилось лишь 4,3 кв. м жилой площади<sup>161</sup>. Ухудшение условий жизни привело к оттоку населения, и в 1939 году механический прирост сменился убылью в размере 11,2 тыс. чел.<sup>162</sup>. Однако в целом по Свердловской области механический прирост населения оставался значительным: в 1939 году он составил 43,1 тыс., человек, 1,7% к населению области – примерно столько же, сколько составлял естественный прирост (43,7 тыс.)<sup>163</sup>.

## 2.2. Смертность и рождаемость

Для характеристики уровня жизни большое значение имеют данные об уровне смертности; более высокому уровню жизни, очевидно, соответствует более низкий уровень смертности. Голод 1932-1933 гг. ознаменовался чрезвычайно высокой смертностью. Однако, как отмечает С. Уиткрофт, «кризисы смертности не дают всей картины уровня жизни и демографического развития при Сталине. Кроме кризисов, был замечательный прогресс в улучшении благосостояния, уменьшении смертности, увеличении роста людей...»<sup>164</sup>. Конечно, по-

---

<sup>159</sup> Кузьмин А. И. и др. Указ. соч. С. 34.

<sup>160</sup> Всесоюзная перепись населения 1939 года. Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 341.

<sup>161</sup> ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 176. Л. 134.

<sup>162</sup> ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 201. Л. 30.

<sup>163</sup> Там же. Л. 30-31.

<sup>164</sup> Wheatcroft S. The Great Leap Upwards... P. 59-60.

мимо кризисов были и относительно спокойные времена – но имело ли место уменьшение смертности, например, в 1939 году по сравнению с 1927 годом?

Таблица 2.6 – Абсолютные показатели рождаемости, смертности и естественного прироста РСФСР, УССР и БССР в 1935-1939 гг. (тыс.)<sup>165</sup>

		1935	1936	1937	1938	1939
Рождаемость	РСФСР	3648	3666	4228	4220	4154
	УССР	759	893	1214	1113	1073
	БССР	153	179	194	192	194
	три республики	4560	4738	5636	5525	5421
Смертность	РСФСР	1998	2269	2188	2137	2142
	УССР	342	360	428	431	413
	БССР	70	78	67	72	76
	три республики	2410	2707	2683	2640	2631
Естественный прирост	РСФСР	1650	1397	2040	2083	2012
	УССР	417	533	786	682	660
	БССР	83	101	127	120	118
	три республики	2150	2031	2953	2885	2790
Население на начало года	РСФСР	100921	102571	103968	106051	108063
	УССР	27438	27855	28388	29070	29730
	БССР	5013	5096	5197	5317	5435
	три республики	133372	135522	137553	140438	143228

Ответить на этот вопрос непросто, так как официальные данные о смертности для всей территории СССР в 1920-е годах отсутствуют. По расчетам Андреева, Дарского и Харьковской смертность в 1927 году составляла 26,5 ‰, а в 1939 году – 20,1‰, то есть сниже-

<sup>165</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 85. Л. 3-9, 20-21; Д. 109. Л. 4-62; Д. 137. Л. 1.; Д. 191. Л. 1-38; Д. 262. ЛЛ. 1-17; Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сб. док. матер. М., 2007. С. 42-

ние смертности было весьма значительным<sup>166</sup>. Именно на эти расчеты ссылается С. Уиткфорт, говоря о «замечательном прогрессе в уменьшении смертности».

Однако, как отмечалось выше, расчеты Андреева, Дарского и Харьковой не являются достаточно обоснованными. В их основе лежит предположение о значительном недоучете рождений и смертей не только в тех районах, где регистрация была не налажена, но и в европейской части страны. В п. 1.3 было показано, что официальная статистика в действительности давала достаточно точные сведения для европейской части СССР (без республик Северного Кавказа), поэтому для этого региона представляется возможным рассмотреть динамику смертности, опираясь на официальные данные. Правда, для 1930-х годов у нас нет данных для этой части страны, но сравнение можно произвести с совокупностью трех республик, РСФСР, УССР и БССР; в этом объединении на азиатскую часть приходится лишь немногим более 10% населения, что не должно существенно повлиять на показатели смертности. Данные о числе родившихся и умерших в 1937-1939 годах имеются в материалах ЦУНХУ, а данные о численности населения на начало 1937 года берутся по материалам переписи 1937 года. Численность населения за другие годы получается из данных 1937 года добавлением (или вычитанием) естественного прироста, то есть применяемый нами метод не учитывает миграции. Однако миграции между тремя республиками и остальной частью СССР в этот период были небольшими и практически не сказывались на коэффициентах рождаемости и смертности; если даже допустить баланс миграций в 0,5 млн. чел., то это привело бы к ошибке в коэффициентах не более 0,08%.

В итоге, смертность в Европейской части СССР (без Северного Кавказа) в 1927-1929 годах была равна 19,8‰, а смертность в трех республиках в 1936-1939 годах – 19,2‰. Таким образом, по сравнению с временами нэпа уровень смертности практически не изменился, и о «замечательном прогрессе» говорить не приходится. Существенно, что при неизменной общей смертности младенческая смертность уменьшалась. В 1927-1929 годах из каждой тысячи новорожденных в возрасте до одного года умирал 191 ребенок, в 1937-1939 годах – 171 ре-

---

<sup>166</sup> Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза... С.120.

бенюк<sup>167</sup>. Для сравнения в 1934-1935 годах детская смертность составляла в Германии в среднем 83 случая на тысячу новорождённых, во Франции – 69, в Англии – 64<sup>168</sup>.

Таблица 2.7 – Сравнение демографических показателей 1926-1928 и 1937-1939 гг. (в промилле)<sup>169</sup>

Европейская часть СССР						
	1927	1928	1929	среднее 1927-29	1930	1931
Рождаемость	43,4	42,2	39,8	41,8	37,9	35,4
Смертность	21,0	18,2	20,3	19,8	19,7	19,6
Естественный прирост	22,4	24,0	19,5	22,0	18,2	15,8
Три республики						
	1935	1936	1937	1938	1939	среднее 1936-39
Рождаемость	34,2	35,0	41,0	39,3	37,8	38,3
Смертность	18,1	20,0	19,5	18,8	18,4	19,2
Естественный прирост	16,1	15,0	21,5	20,5	19,5	19,1

Смертность в других возрастах можно сопоставить с помощью таблиц смертности, составленных по материалам переписей 1926 и 1939 годов. Необходимо, однако, отметить, что таблицы смертности 1926-1927 годов были построены для Европейской части СССР, а таблицы 1938-1939 годов – для всего Союза. Тем не менее, можно сделать вывод, что изменения в структуре, произошедшие за десять лет, были невелики: на значительном промежутке графики практически совпадают; некоторое уменьшение смертности отмечается только в молодых возрастах (рис. 2.2).

<sup>167</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 17. Л. 1; Д. 49. Л. 16; Д. 50. Л. 1-23; Д. 85, Л. 20-21, Д. 109. Л. 4-62; Д. 137. Л.1; Д. 191. Л.1; Д. 262. Л. 1-17; Д. 396. Л. 1.

<sup>168</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107. Л. 218-219.

<sup>169</sup> Данные для 1920-х гг.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня. М., 1977. С. 20. Данные для 1930-х гг. подсчитаны по табл. 2.8. Данные 1930-1931 годов: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 1-4.

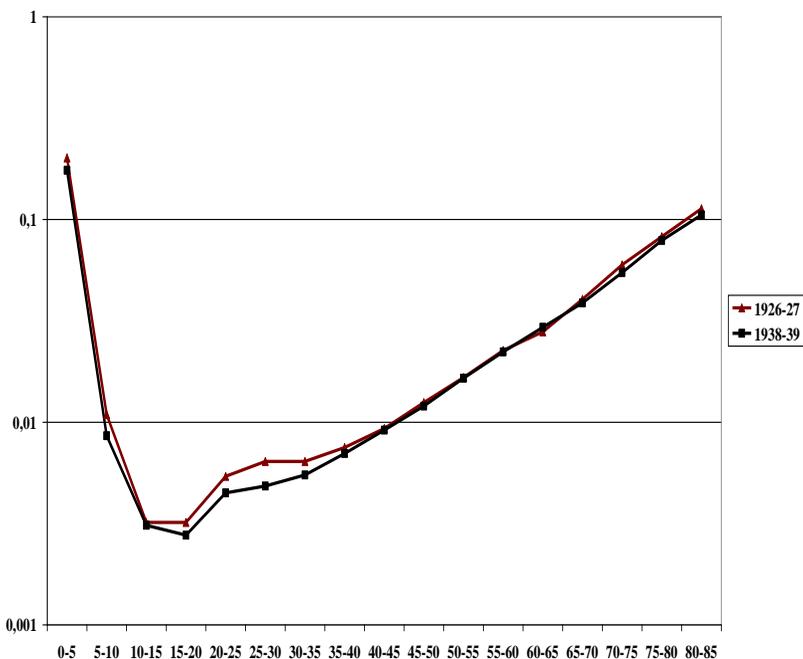


Рисунок 2.2 – Возрастные вероятности смерти мужчин для СССР в 1938-1939 гг. и европейской части страны в 1925-1926 гг. (логарифмическая шкала)<sup>170</sup>.

Однако в отношении смертности, как и в отношении потребления, существовали значительные порайонные различия. В Москве и Ленинграде уровень общей смертности в конце 1930-х годов составлял около 11‰, что было меньше, чем в Нью-Йорке и Париже<sup>171</sup>.

Динамика средней продолжительности жизни, определенная по материалам переписей, приводится в табл. 2.8.

<sup>170</sup> Построено по: Воспроизводство населения СССР/ред. А. Г. Вишнеvский, А. Г. Волков. М., 1983. С. 298.

<sup>171</sup> Маркус. Г. Указ. соч. С. 267.

Таблица 2.8 – Средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного<sup>172</sup>

Годы	Мужчины	Женщины	Оба пола
1896-1897	31,43	33,36	32,34
1926-1927	41,93	46,79	44,35
1938-1939	43,99	49,69	46,92
1958-1959	64,42	71,68	68,59

В этой таблице средняя продолжительность жизни в 1896-1897 годах приводится для 50 губерний Европейской России, в 1926-1927 годах – для Европейской части СССР, а в 1938-1939 и 1958-1959 годах – для всего Советского Союза. Из этих данных можно сделать вывод, что средняя продолжительность жизни к концу 1930-х годов по сравнению с временами нэпа возросла, но этот рост был невелик по сравнению с изменениями в другие периоды.

Как отмечалось выше, смертность в конце 1920-х и в середине 1930-х годов оставалась примерно на одном уровне. Что касается рождаемости, то в этой области изменения были более существенными. Как известно, рождаемость в большой мере зависит от смертности; за понижением уровня экзогенной смертности в процессе демографической модернизации через некоторое время следует понижение рождаемости. Снижение уровня смертности в России началось в конце XIX века, а понижение уровня рождаемости отмечалось с начала XX столетия. Однако это понижение было небольшим, с 1911-1913 по 1927-1928 годы рождаемость в Европейской части СССР понизилась с 45,5 до 42,8‰. Но затем, одновременно с началом коллективизации, началось быстрое падение рождаемости, и в 1931 году она снизилась до 35,4‰ (см. табл. 2.7). Очевидно, это был результат падения уровня в жизни в деревне и создавшейся обстановки социальной нестабильности. Затем последовал голод 1932-1933 годов, и хотя к середине 1930-х годов последствия голода были преодолены, рождаемость оставалась на уровне 35‰.

Помимо понижения уровня жизни, имелись и другие причины резкого падения рождаемости. Коллективизация вызвала огромную миграцию из городов в деревню, которая захватила прежде всего молодежь и нарушила сложившиеся социальные и демографические традиции. Параллельно происходил процесс эмансипации женщины; в

---

<sup>172</sup> Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 84.

качестве члена колхозной артели жена получала вознаграждение за свой труд независимо от мужа. Существенную роль играл рост грамотности; в 1926 году в российских селах было 39% грамотных женщин, а в 1936 году – 79%. Большая самостоятельность молодых людей приводила к отсрочке времени вступления в брак; в сельской местности России в 1926 году доля невест до 20 лет составляла 36%, а в 1934 году – 26%<sup>173</sup>.

С другой стороны, антирелигиозная компания поколебала православную традицию нерушимости супружеских отношений. В 1937 году большинство граждан СССР (57,1%) еще считали себя верующими, но большая часть молодежи 20-29 лет (55,3%) не верила в Бога<sup>174</sup>. Положение усугублялось тем, что Семейный кодекс 1927 года допускал существование незарегистрированных браков; это привело к возрастанию неустойчивости семейно-брачных отношений. В 1937 году 15% матерей жили в незарегистрированном браке, и в случае развода их материальное положение могло резко ухудшиться<sup>175</sup>. Одним из следствий неустойчивости семьи был резкий рост абортот. В 1934 году в Ленинграде число абортов в 2,7 раза превысило число рождений, подобная ситуация сложилась и в некоторых других крупных городах<sup>176</sup>. При этом нужно отметить, что статистика абортов была далеко не полной; по официальным данным в деревне абортов производилось намного меньше, чем в городе: деревенские женщины использовали для прерывания беременности «народные средства».

Советское правительство стремилось задержать процессы ослабления семейных уз и падения рождаемости. Постановление ЦИК и СНК СССР, принятое в июне 1936 года, не только запретило аборты, но и возложило на отцов намного более строгую ответственность по уплате алиментов, тем самым существенно затруднив развод. В некоторой степени это было возвращением к дореволюционному положению, к традиционной православной семье, в которой аборты и разводы были фактически запрещены. Л. Д. Троцкий, живший в то время в эмиграции, писал по этому поводу, что в СССР произошла «торжественная реабилитация семьи»<sup>177</sup>.

В первые месяцы после принятия постановления число разводов уменьшилось более чем в три раза. Число абортов – которые теперь

---

<sup>173</sup> Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 185-186; Араловец Н. А. Указ. соч. С. 83.

<sup>174</sup> Араловец Н. А. Указ. соч. С. 36.

<sup>175</sup> Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 185-187.

<sup>176</sup> Кириллова Д. А. Указ. соч. С. 57.

<sup>177</sup> Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 127.

стали, в основном, криминальными – сократилось в три раза (в Ленинграде – в четыре раза)<sup>178</sup>. В 1937 году рождаемость по трем республикам возросла до 41‰, то есть до уровня 1920-х годов (см. табл. 2.7). Однако возвращения к традиционному типу рождаемости не произошло: всплеск рождаемости оказался кратковременным. К 1940 году коэффициент рождаемости (по всему СССР) упал до 36‰<sup>179</sup>, то есть примерно до того уровня, который был зафиксирован накануне постановления о запрете аборт.

В целом, реальное число рождений, приходящихся на одну женщину репродуктивного возраста, в 1926-1939 годах снизилось с 5,38 до 4,4, то есть женщины стали рожать на одного ребенка меньше<sup>180</sup>. Тем не менее, по сравнению с западноевропейскими странами, где демографическая модернизация уже завершилась, уровень рождаемости в СССР оставался очень высоким. В 1939 году рождаемость в Германии составляла 20,8‰, в Англии – 15,0‰, во Франции – 14,6‰<sup>181</sup>.

Вследствие уменьшения рождаемости естественный прирост в СССР уменьшился с 22,0‰ в 1927-1929 годах до 19,1‰ в 1936-1939 годах. Необходимо отметить, что 22‰ – это был очень высокий демографический рост, характерный для развивающихся стран, в которых демографический переход сопровождается быстрым снижением экзогенной смертности. «В годы нэпа в России произошел мощный демографический взрыв, когда численность населения быстро увеличивалась из-за снижения смертности», – отмечает В. И. Переведенцев<sup>182</sup>. Согласно шкале, предложенной американским демографом Д. Боугом, демографически взрыв происходит, когда естественный прирост превышает 20‰<sup>183</sup>. Госплан СССР в конце 1920-х годов предполагал, что высокий темп прироста (22-23‰) сохранится на протяжении первой пятилетки, а во второй пятилетке прогнозировалось его уменьшение до 18‰<sup>184</sup> – то есть специалисты понимали, что демографический взрыв будет постепенно затухать. Но в реальности

---

<sup>178</sup> Кириллова Д. А. Указ. соч. С. 82, 87; Араловец Н. А. Указ. соч. С. 81.

<sup>179</sup> ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 503. Л. 26.

<sup>180</sup> Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 40, 44.

<sup>181</sup> Араловец Н. А. Указ. соч. С. 84.

<sup>182</sup> Демографическая модернизация России в XX веке («круглый стол»)

// Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 132.

<sup>183</sup> Bogue D. Principles of demography. N. Y. 1968. P. 36.

<sup>184</sup> Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Указ. соч. С. 30.

демографический взрыв был прерван кризисом 1933 года; после кризиса естественный прирост упал до 15% и не показывал тенденции к восстановлению. Как отмечалось выше, прирост удалось лишь временно повысить путем запрета абортов.

Общая картина демографических изменений скрывает за собой существенные порайонные различия. Процесс демографической модернизации в России сравнительно раньше начался в западных районах страны и относительно поздно пришел в восточные районы, в том числе на Урал<sup>185</sup>.

*Таблица 2.9 – Сравнение демографических показателей 1920-х и 1930-х годов для Уральского региона (в промилле)<sup>186</sup>*

	среднее 1927-29	1935	1936	1937	1938	1939	среднее 1937-39
Рождаемость	53,6	32	34,3	40,3	42,1	41,8	41,4
Смертность	29,5	17,7	23,3	24	21	23,4	22,8
Естественный прирост	24,1	14,3	11	16,3	21,1	18,4	18,6

Из таблицы 2.9 видно, что в конце 1920-х годов уровень смертности на Урале (29,5%) был значительно выше, чем в среднем по Европейской части СССР (19,8%). Особенно высока была младенческая смертность – 294 умерших до 1 года на 1000 новорожденных<sup>187</sup>. Соответственно (как это бывает в традиционном обществе) более высокой была и рождаемость – 53,6% против 41,8%. Середина 1930-х годов, как и во всей стране, ознаменовалась на Урале резким падением рождаемости, но затем она поднялась до уровня в 41,4% – более высокого, чем в среднем по стране (38,3%). Разница, впрочем, была не столь велика, как прежде: Урал постепенно наверстывал запоздание в демографической модернизации. Это процесс проявился также в значительном уменьшении смертности – более значительном, чем в целом по трем республикам. Однако младенческая смертность оставалась на

<sup>185</sup> Нефедов С. А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX-начала XX века // Российская история. 2009. № 2. С. 155-162.

<sup>186</sup> Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1. Свердловск, 1930. С. 4-5. Табл. 2; Кузьмин А. И. и др. Указ. соч. С. 8.

<sup>187</sup> Уральское хозяйство... С. 8.

прежнем высоком уровне – в 1936 году она составляла 291 на 1000 новорожденных<sup>188</sup>.

Если обратиться к анализу демографической динамики в Центрально-Черноземном районе, то мы увидим следующую картину:

*Таблица 2.10 – Сравнение демографических показателей 1920-х и 1930-х годов для Центрально-Черноземного региона (в промилле)<sup>189</sup>*

	средние 1927-29	1935	1936	средние 1935-36	1938	1939	средние 1938-39
Рождаемость	44,7	32,5	36,3	34,4	49,0	41,9	45,4
Смертность	17,9	18,1	24,9	21,5	23,2	20,7	21,9
Естественный прирост	26,8	14,5	11,3	12,9	25,9	21,2	23,5

В конце 1920-х годов ЦЧР переживал «демографический взрыв»: смертность здесь упала до уровня, более низкого, чем в среднем по Европейской России, а рождаемость сохранялась на уровне выше среднего. Эта ситуация, очевидно, объяснялась начавшейся демографической модернизацией и повышением уровня жизни после революции и раздела между крестьянами помещичьих земель<sup>190</sup>. Кризис времен коллективизации принес существенные перемены; рождаемость, как и по всей стране, упала. Более того, значительно (с 17,9‰ до 21,5‰) возросла смертность, и если рождаемость в результате запрета абортов увеличилась, то смертность к концу 1930-х оставалась на уровне более высоком, чем в среднем по стране. Нужно особо отметить, что младенческая смертность в ЦЧР сократилась со 182 на 1000 новорожденных в 1925-1927 годах до 165 на 1000 в 1938-1939 годах<sup>191</sup>;

<sup>188</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Д. 195. Л. 110.

<sup>189</sup> Подсчитано по: Ц. Ч. О. Статистический справочник. 1930. Воронеж, 1930. С. 60-61; Высотина Е. А. Указ. соч. С. 101, 131, 156.

<sup>190</sup> См: Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги... С. 47-48, 118-122.

<sup>191</sup> Подсчитано по: Песчанский В. Основные показатели естественного движения населения Европейской части РСФСР в 1927 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 10. С. 92; Высотина Е. А. Указ. соч. С. 101, 131.

таким образом, увеличение общей смертности говорит о значительном повышении смертности взрослого населения.

Повышение смертности, как и массовая эмиграция из района, очевидно, свидетельствовало о падении жизненного уровня крестьянства Центрального Черноземья.

### 2.3. Другие демографические показатели

Переходя к анализу возрастного состава населения, нужно, прежде всего, ответить на вопрос, какие качественные изменения произошли в распределении населения по возрастам после кризиса времен коллективизации. На рисунке 2.3 проведено сопоставления возрастных пирамид 1926 года для населения Европейской части СССР и 1937 года для всего Советского Союза.

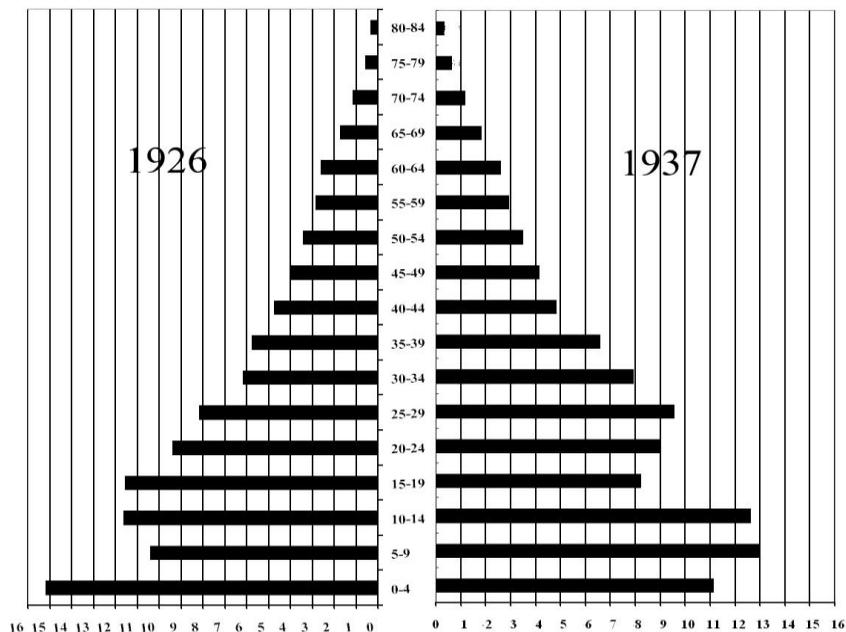


Рисунок 2.3 – Сопоставление возрастных пирамид 1926 и 1937 года<sup>192</sup>. По нижней шкале указан процент данной возрастной группы во всем населении

<sup>192</sup> Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. М., 1928. С. 46-48. Табл. XII; Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. М., 2000. С. 375.

При рассмотрении возрастной пирамиды 1926 года обращает на себя внимание демографическая «яма» в 5-9 летних возрастах – следствие гражданской войны и голода 1921-1922 годов. Другая особенность – чрезвычайно большая численность детей в возрасте 0-4 лет, родившихся в благоприятные времена нэпа. В пирамиде 1937 года это нашло отражение в большой численности 10-14 летних возрастов, а след гражданской войны виден в малой численности 15-19 летних возрастов. Но главная особенность возрастной пирамиды 1937 года – это малая численность младшей когорты (0-4 года), свидетельство кризиса 1933 года и последующего падения рождаемости. Если в 1926 году младшая когорта составляла 15,2% населения, то в 1937 году – только 11,1%.

*Таблица 2.11 – Численность родившихся в 1930-1938 годах по материалам переписи 1939 года (в процентах к общей численности населения в данном регионе)<sup>193</sup>.*

	УССР	РСФСР	Воронежская обл.	Свердловская обл.	Москва
1938	3,18	3,47	3,43	2,68	2,45
1937	3,04	2,87	2,29	2,17	2,48
1936	2,42	2,39	2,48	1,69	1,34
1935	1,91	2,14	2,12	1,53	1,13
1934	1,60	1,86	1,73	1,25	1,03
1933	0,99	1,73	1,63	1,08	1,10
1932	1,29	2,02	2,13	1,31	1,37
1931	1,78	2,30	2,58	1,51	1,41
1930	2,23	2,51	3,02	1,59	1,44
1933/1930	0,45	0,69	0,54	0,68	0,76

Не так давно О. М. Вербицкая предложила использовать для анализа результатов голода 1933 года региональные материалы переписи 1939 года<sup>194</sup>. Уменьшение когорты родившихся в 1933 году по сравнению с другими когортами дает некоторое представление об интенсив-

<sup>193</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 604. Л. 10,19; Д. 697. Л. 172, 286; ГАСО. Ф. 241. Оп. 3. Д. 201. Л. 66.

<sup>194</sup> Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 232.

ности протекания кризиса в разных регионах. В последней графе табл. 2.11 дано отношение численности когорт 1933 и 1930 годов рождения в различных регионах СССР.

Приведенные данные показывают, что падение рождаемости и высокая детская смертность в 1933 году наблюдались во всех регионах СССР, даже в Москве, население которой не испытывало голода. Очевидно, это было следствием общего падения уровня жизни и распространения пессимистических настроений. Однако размеры «демографической ямы» были различными. Основная часть Центрально-Черноземного района (наряду с Украиной и частью Поволжья) оказалась в очаге демографического кризиса, в то время как на Урале и в большей части РСФСР кризис протекал в более мягких формах.

Помимо перемен в возрастной структуре, коллективизация привела также к существенным изменениям в численности семей. Уменьшение численности семей было одним из проявлений демографической модернизации, но в России и СССР на этот показатель влияли и социально-экономические процессы. Передел земли и частичное «раскулачивание» во время гражданской войны способствовали распаду больших семей, а в дальнейшем этот процесс был усугублен облегчением разводов и модернизаторской политикой эмансипации женщин в 1920-х годах. В Центрально-Черноземном районе средняя численность семьи сократилась с 7,4 чел. в 1897 году до 5,3 чел. в 1927 году, на Урале – с 6,8 до 4,8 чел.<sup>195</sup>. Раскулачивание времен коллективизации снова ударило по большим семьям, которые часто относились к «кулакам». В итоге в 1938 году средняя численность семьи составляла в Воронежской области 4,76 чел., в Тамбовской – 5,0 чел., в Свердловской области – 4,77 чел.<sup>196</sup>. Как видно из приводимых цифр, процесс сокращения численности семей был более интенсивным в Центрально-Черноземном районе, где, ввиду ярко выраженного аграрного характера этого района, последствия коллективизации сказывались более сильно, чем на Урале.

---

<sup>195</sup> Данилов В. П. Советская доколхозная деревня... С. 213. Табл. 21; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I. СПб., 1902. С. 4-5.

<sup>196</sup> Вербицкая О. М. Указ. соч. С. 162.

## Глава 3. Положение в сельском хозяйстве и уровень потребления в 1926-1928 годах

### 3.1. Крестьянство в гражданской войне

Уровень жизни крестьян и их положение в Советской России зависели от исхода Гражданской войны 1918-1920 годов. Гражданская война была, по существу, крестьянской войной – но крестьяне воевали на разных фронтах и в разных армиях. Россия была многоликой страной, и влияние географического фактора приводило к тому, что крестьянство в различных частях империи имело разный менталитет. Суровый климат центральной России издавна приучил крестьян к взаимопомощи и общинной жизни – и в эпоху крепостного права эти традиции всемерно поддерживались помещиками. Центральная Россия была областью наибольшего развития помещичьего землевладения; крестьяне не могли прокормить себя на своих наделах, поэтому они мечтали отнять землю у помещиков – мечтали о «черном переделе». Те, кому не хватало земли, уходили в города – города росли, в них развивалась промышленность, но фабрики не могли прокормить всех безземельных и безработных.

Промышленные города Центра получали хлеб с юга, частью из помещичьих имений Центрального Черноземья, частью со степной Украины и с Кубани. Плодородные области степного Причерноморья были особой частью Российской империи. Эти прежде почти необитаемые земли были отвоеваны у татар в конце XVIII века; они заселялись русскими и украинскими переселенцами, которые получали большие наделы и жили по тем меркам очень зажиточно – перед революцией на херсонщине душевое потребление хлеба и мяса было вдвое больше, чем в центральной России<sup>197</sup>.

Традиции и привычки южного крестьянства отличались от традиций крестьянской России. Крестьяне Украины и Северного Кавказа по большей части свободно распоряжались своими землями, они не производили регулярных переделов и были свободны в своей хозяйственной деятельности. «В литературе утвердилось мнение, что малороссы – индивидуалисты по

---

<sup>197</sup> Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги.... С. 63.

преимуществу... – констатирует энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. – Им не свойственны те формы общинного владения землей, в которых проявляется пристрастие к мирскому хоровому началу»<sup>198</sup>.

В экономическом отношении Юг России был «государством в государстве». В то время как в центральной России голод был обычным явлением, хлеб степного Причерноморья в огромных количествах шел на экспорт. В 1913 году вывоз хлеба составил 126 млн. центнеров – по ценности это была половина всего российского экспорта<sup>199</sup>. На эти деньги в Россию (и на Юг) завозились потребительские товары из Европы, но лишь малая часть из них использовалась на нужды промышленного развития<sup>200</sup>. Когда в 1914 году началась Первая мировая война, экспорт хлеба прекратился, и торговые связи нарушились. Русская промышленность не давала достаточного количества потребительских товаров, а бумажные деньги быстро обесценивались – поэтому производители зерна не желали обменивать его на пустые бумажки. В промышленных городах России стала ощущаться нехватка хлеба, потом начались голодные бунты, и большой бунт в Петрограде спровоцировал солдатское восстание – февральскую революцию 1917 года. Но эта революция ничего не дала крестьянам. Земельный вопрос весной-осенью 1917 г. погряз в разговорах правых социалистов об аграрной реформе. Левые социалисты (большевики и левые эсеры), захватив в октябре 1917 г. власть, заявили о немедленном переходе всей земли крестьянам, а в начале 1918 г., провели в жизнь закон о социализации земли, т.е. реально передали огромные массивы частновладельческих земель крестьянским общинам. Однако выиграли от этого главным образом крестьяне срединной и северной части Центральной России, Северо-Запада, Среднего и Верхнего Поволжья, где таких земель было много. На Юге Европейской России, где было сравнительно мало помещиков, а государственные крестьяне и казаки составляли огромное большинство населения, такая земельная прибавка была незначительной.

Исторический парадокс состоял в том, что выиграше от аграрной революции оказались в основном крестьяне потребляющих губерний, которые и в новых условиях не обеспечивали себя полностью хлебом. На Юге, где земельная прибавка после революции не была существенной, была реализована на практике вторая часть знаменитого лозунга «земля и воля». Эту волю крестьяне Юга поняли как свободу от сильно-

---

<sup>198</sup> Поземельная община//Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 47. СПб, 1992. С. 212.

<sup>199</sup> Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб 1995. С. 211-212.

<sup>200</sup> Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. II. М., 2011. С. 330.

го государственного пресса, особенно от принудительных поставок хлеба и призыва в Красную Армию.

Коммунисты захватили власть, но они должны были накормить голодающие города – поэтому они ввели продразверстку (которую впервые попытались осуществить еще при царе). В ответ крестьяне восстали – прежде всего, на Юге. Это была война деревни против города: повстанцы грабили взятые ими южные города и устраивали еврейские погромы<sup>201</sup>. Одновременно это была война Юга с «Москови-ей»: по словам генерала Деникина, все содержание гражданской войны сводилось к тому, что «голодный север шел походом на сытый юг, а юг отстаивал... свое благополучие»<sup>202</sup>. Юг не только отстаивал свое благополучие, но и пользовался случаем, чтобы ограбить «Московию». Генерал Врангель писал о рейде казаков Мамонтова: «Полки генерала Мамонтова вернулись обремененные огромной добычей в виде... возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей, генерал Мамонтов передал по радио привет “родному Дону” и сообщил, что везет “Тихому Дону” и “родным и знакомым ...богатые подарки”. Дальше шел перечень “подарков”, включительно до церковной утвари и риз»<sup>203</sup>.

Юг потерпел поражение, но и Север не одержал победу: крестьянские восстания заставили Ленина отказаться от продразверстки и ввести «нэп». Ленин объяснял неудачу продразверстки и коммун «мелкобуржуазной» психологией крестьянина. «Надо опираться на единоличного крестьянина, – писал Ленин, – *он таков и в ближайшее время иным не будет*, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится»<sup>204</sup>.

Это была победа крестьянского традиционализма. Советская Россия превратилась страну миллионов лапотных крестьян, обрабатывавших свое маленькое поле примитивной сохой. Это возвращение к архаике разрушало все надежды большевиков, мечтавших о технической модернизации. В марте 1923 года Ленин писал: «Мы стоим... в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей

---

<sup>201</sup> Мишина А. В. Н. А. Григорьев – агаман повстанцев херсонщины// Новый исторический вестник. 2007. № 1. С. 144-154.

<sup>202</sup> Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. М., 2006. С. 513.

<sup>203</sup> Врангель П.Н. Записки. Минск, 2003. Т. 1. С. 317-318.

<sup>204</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 181.

разоренности до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму?»<sup>205</sup>

Но независимо от устремлений большевиков победившее в гражданской войне крестьянство получило то, ради чего сражалось. Помещичьи земли были поделены между крестьянами, и зерно с этих земель теперь принадлежало земледельцам. Крестьяне, наконец, получили возможность использовать выращенный ими хлеб по своему усмотрению. «Очевидно, большинство крестьян воспользовалось результатами аграрной реформы прежде всего для повышения своего личного потребления, – констатировал С. Н. Прокопович, – они перестали вести полуголодное существование и стали есть досыта»<sup>206</sup>.

### 3.2. Посевы, сборы и потребление в СССР периода нэпа

Среди историков, однако, до сих пор нет единого мнения по вопросу о том, увеличилось ли потребление крестьян после революции<sup>207</sup>. Поэтому нам придется обратиться к документам. Основными документами, показывающими размеры производства и потребления зерна, являются составленные Экспертным Советом ЦСУ хлебофуражные балансы. В «Статистическом справочнике СССР за 1928 г.» опубликованы такие балансы за 1925/26-1928/29 года<sup>208</sup>, балансы за эти годы имеются так же в фондах РГАЭ<sup>209</sup>. Сравнивая данные валового сбора в этих балансах с опубликованными, можно заметить, в частности, что данные 1925/26 – 1926/27 годов уточнены за счет дополнительного учета сбора на землях, приписанных к городам, из чего можно сделать вывод, что балансы РГАЭ дают материалы, уточненные по отношению к опубликованным в упомянутом справочнике. Таким образом, мы можем брать за основу балансы, хранящиеся в фондах РГАЭ, которые отличаются от опубликованных также и большим уровнем подробности, позволяющим установить, в частности, расходы зерна на фураж, на самогон и потери и т.д. Ввиду важности этого документа мы приводим его полностью (см. табл. 3.1).

---

<sup>205</sup> Цит. по Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 375.

<sup>206</sup> Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. I. Нью-Йорк, 1952. С. 176.

<sup>207</sup> Подробнее см.: Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009.

<sup>208</sup> Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 228-235; см также: Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С.32-35.

<sup>209</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2; Д. 32а, Л. 43. В РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 881. Л. 9. имеется также баланс за 1928 календарный год.

Таблица 3.1. – Хлебофуражные балансы СССР 1925/26 – 1928/29 годов  
(тыс. ц)<sup>210</sup>

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/30
<b>Баланс села</b>				
Валовая продукция	741130	778380	717663	722888
в т.ч. <b>едиличных хозяйств</b>	726550	764910	703552	704361
<b>Расход</b>				
Осеменение	118330	121920	120841	125250
Личное потребление	273600	272360	273007	276524
Корм скоту и птице	193777	227930	222125	207322
Потери, порча, самогон	32060	30850	29204	24057
<b>Итого</b>	<b>617760</b>	<b>653120</b>	<b>645247</b>	<b>633153</b>
Остаток за вычетом расходов	123370	125260	72416	89735
Запасы к началу года	35297	66507	95577	97578
к концу года	66507	95577	97578	112623
Накопление	31210	29070	2001	15045
Сальдо села	93160	96190	70415	74690
<b>Баланс города</b>				
Валовая продукция	5630	5060	10486	10314
Чистая [продукция]	4860	4370	8794	8614
<b>Расход</b>				
Личное потребление	44420	45670	49079	48248
Корм скоту и птице	155530	15550	15392	14623
Потери	3080	2940	2957	3286
<b>Итого</b>	<b>63030</b>	<b>64160</b>	<b>67428</b>	<b>66157</b>
Коллективное потребление и промышленность	10310	11080	11296	11679
<b>Итого расходы города</b>	<b>73340</b>	<b>75240</b>	<b>78724</b>	<b>77836</b>
Расходы города за вычетом городской продукции	68480	70870	69930	69222
Запасы к началу года	14204	17654	17704	14461
к концу года	17654	17704	14461	17502
Накопление	-3450	-50	-3243	3041
Сальдо города	-71930	-70920	-66687	-72267
<b>Сальдо [общее]</b>	<b>20230</b>	<b>25270</b>	<b>3726</b>	<b>-2257</b>
Ввоз-вывоз	19110	25570	4653	-2292
Невязка	1120	-300	-925	-35
Перераспределение товарных запасов	0	0	0	-4684

<sup>210</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2.

Напомним, что в соответствии с методикой составления баланса расходные статьи: потребление в пищу, фураж, накопление, потери и затраты на самогон определялись на основании бюджетных обследований. Эти данные не зависели от приходных статей баланса, от величины посевов, сборов, урожайности, которые находились другими методами и затем согласовывались с расходами. Таким образом, вопрос о «коэффициентах недоучета», правильность нахождения которых ставится под сомнение некоторыми авторами (см. п. 1.2), не имеет прямой связи с вопросом о потреблении.

Для удобства мы выделим основные данные хлебофуражных балансов в отдельную таблицу и дополним их показателями, пересчитанными на душу населения (табл. 3.2).

Таблица 3.2. – Данные хлебофуражных балансов СССР 1925/26 – 1928/29 годов<sup>211</sup>

	1925/ 26	1926/ 27	1927/ 28	1928/ 29	Средние 1925/26-28/29
Население (млн.)	143,6	147,1	150,4	153,9	148,8
Сбор (млн. ц)	746,76	783,46	728,09	733,17	747,91
Высев (млн. ц)	119,25	122,85	122,52	126,95	122,85
Чистый сбор (млн. ц)	627,52	660,61	605,57	606,22	625,06
Душевой чистый сбор (ц)	4,37	4,49	4,03	3,93	4,21
Потребление (мука, крупа) (млн. ц)	318,10	318,10	322,03	324,82	320,72
Душевое потребление (мука, крупа) (ц)	2,22	2,16	2,14	2,11	2,16
Самогон, потери (млн. ц)	35,22	33,74	33,74	32,10	33,74
Фураж (млн. ц)	209,34	243,41	237,51	221,95	228,06
Фураж на душу населения (ц)	1,46	1,65	1,57	1,44	1,54
Промышленность и армия (млн. ц)	10,32	11,14	11,30	11,63	11,09
Вывоз (млн. ц)	19,16	25,55	4,59	-2,29	11,76
Вывоз на душу (ц)	0,13	0,17	0,03	-0,01	0,08
Накопление (млн. ц)	34,73	29,16	-1,31	18,02	20,16
Душевое накопление (ц)	0,24	0,20	-0,01	0,12	0,14
Душевой остаток на потребление (ц)	4,16	4,24	3,94	3,88	4,05

<sup>211</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2. Численность населения: Данилов В. П. Динамика населения СССР ... С. 251.

Положение в области производства и потребления станет более наглядным, если сравнить данные периода нэпа с данными последнего десятилетия Российской империи (табл. 3.3).

Таблица 3.3. – Сопоставление данных о производстве и потреблении в период нэпа с данными 1908-1914гг.<sup>212</sup>

	1908/09- 11/12	1909/10- 13/14	1925/26- 28/29
Население, млн.	122,6	126	148,6
<b>Зерновые</b>			
Чистый сбор зерновых, млн. ц	496,64	558,07	625,06
Чистый сбор зерновых на душу, ц	4,05	4,42	4,21
Вывоз, млн. ц	119,57	117,61	11,79
Вывоз на душу, ц	0,98	0,93	0,08
Расход на винокурение и армию, млн. ц	4,26	5,08	11,14
Остаток на потребление, млн. ц	372,81	435,38	600,98
Душевой остаток на потребление, ц	3,05	3,46	4,05
<b>Картофель</b>			
Чистый сбор, млн. ц	115,97	191,65	338,25
Расход на винокурение, млн. ц	25,72	26,21	7,86
Душевой остаток на потребление, ц	0,74	1,31	2,23
Душевой остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, ц	0,15	0,26	0,44
<b>Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, ц</b>	<b>3,19</b>	<b>3,72</b>	<b>4,49</b>

Анализируя данные таблицы 3.3, нужно, конечно, оговориться, что они относятся к разным территориям: для довоенного периода это 53 губернии Европейской России, для 20-х годов – вся территория СССР. Мы не в состоянии привести довоенные данные к территории СССР,

<sup>212</sup> Данные о зерновых см. табл. 3.1. Данные о картофеле: Милявский И. Балансы специальных культур //Статистическое обозрение. 1928. № 12. С.34; Сельское хозяйство СССР. 1925-1928. М., 1929. С. 220-221. Численность населения: Данилов В. П. Динамика населения СССР ... С. 251.

так как цифры вывоза адресуются к Российской империи, и остаток на потребление можно получить только для 53 губерний. Тем не менее, очевидно, что после кризиса 1914-1922 годов производство зерновых на душу населения сократилось. Иного и нельзя было ожидать: в перенаселенной Европейской России все удобные земли были распаханы еще до революции, и посевы здесь могли только сократиться. Что же касается освоения азиатской целины, то для этого требовались большие средства, которых не было ни у правительства, ни у населения. С другой стороны, в результате демографического взрыва численность населения превосходила довоенный уровень. Урожайность же не могла существенно увеличиться, так как в результате раздела между крестьянами крупных помещичьих экономий состояние агротехники могло только ухудшиться. Таким образом, уменьшение душевого сбора было предопределено демографическим взрывом, который, в свою очередь, был следствием демографической модернизации.

Для дореволюционных времен мы знаем лишь величину *остатка на потребление*, включающую суммарные расходы на потребление в пищу, фураж, самогон, потери и накопление. По сравнению с 1909-1913 годами остаток на потребление в 1925/26 – 1928/29 годах был больше на 20%, а по сравнению с 1908-1911 годами – даже на 40%. Главной причиной увеличения потребления был переход всей земли в руки крестьян, что привело, в частности, к исчезновению земельной ренты, и к почти полному прекращению экспорта, который прежде составлял 20-25% чистого сбора. До революции зерно, производившееся на помещичьих землях, в значительной части вывозилось за границу – так же, как и то зерно, которое крестьяне были вынуждены продавать, чтобы оплатить ренту.

Нужно отметить, однако, что потребление возросло не только благодаря разделу помещичьих земель. Сказались и результаты агротехнической модернизации – правда, они сказались не в улучшении возделывания зерновых, а в распространении картофеля. Как видно из табл. 3.3, картофель дал примерно четверть общего прироста потребления.

Таким образом, данные хлебофуражных балансов говорят о том, что потребление хлеба крестьянами после окончания кризиса увеличилось. В животноводстве (как видно из табл. 3.4) имела место более сложная ситуация.

Во время революционного кризиса количество лошадей сильно сократилось, и в 1927 году оно было еще на четверть меньше, чем в 1916 году. В значительной степени это объяснялось политической советской власти, которая часто зачисляла владельцев двух и

более лошадей в кулаки и облагала их повышенными налогами. Кроме того, при прогрессирующем измельчании крестьянских хозяйств лошадь становилось трудно содержать, и многие семьи в сезон полевых работ предпочитали нанимать ее у соседа. Подсчитано, что в восьми миллионах наиболее слабых крестьянских хозяйств, составлявших третью часть всех хозяйств, постоянное содержание лошади было нерентабельным<sup>213</sup>. Это привело к распространению найма скота и практики «супруги», когда два-три хозяйства объединялись для ведения полевых работ. По обследованию, проведенному весной 1925 года, 51,8% хозяйств обрабатывали землю с помощью своего рабочего скота, 15,1% – «супругой», 26,9% – наемным скотом (остальные использовали смешанные способы)<sup>214</sup>.

Таблица 3.4 – Сопоставление данных о посевах и численности скота в 1916 и 1927 годах<sup>215</sup>.

	СССР		ЦЧО		Урал	
	1916	1927	1916	1927	1916	1927
Численность сельского населения (тыс.)	119159	122821	9653	9922	5517	5549
Посевные площади (тыс. дес.)	89364	102978	7671	8918	4811	5210
Рабочих лошадей (тыс.)	27671	21261	1668	1268	1849	1560
Коров (тыс.)	26032	29166	1289	1595	1926	1873
На душу сел. насел. посевные площади (дес.)	0,75	0,84	0,79	0,90	0,87	0,94
рабочих лошадей	0,23	0,17	0,17	0,13	0,34	0,28
коров	0,22	0,24	0,13	0,16	0,35	0,34

<sup>213</sup> Конюхов Г. А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928-1929). М., 1960. С. 56.

<sup>214</sup> Пластунов Н. И. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне сплошной коллективизации// Труды Томского гос. университета. 1967. Т. 190. С. 252.

<sup>215</sup> Для 1916 года: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923-1927 гг. М., 1930. С. 3, 14, 90. Для 1927 года: Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С. 24-25, 36-37, 55-56.

Положение в молочном животноводстве было иным, содержание коровы обходилось дешевле и, кроме того, выгоднее, так как цены на мясо и молоко, которые не контролировались государством, сильно возросли по сравнению с государственными закупочными ценами на зерно. Ценовая политика благоприятствовала развитию мясомолочного скотоводства, поэтому поголовье коров было восстановлено и даже увеличилось к 1927 году по сравнению с 1916 годом на 12%. Получая хорошие деньги от продажи продуктов животноводства, крестьяне могли оплатить большую часть сельскохозяйственного налога, не продавая зерно. Соответственно, зерно все в больших масштабах расходовалось на фураж, и к 1926/27 году эти расходы достигли 165 кг на душу населения<sup>216</sup>.

Таким образом, крестьяне зарабатывали необходимые денежные средства, в основном, продажей продуктов животноводства и приработками вне своего хозяйства. Средняя месячная оплата сельскохозяйственного рабочего (взрослого мужчины) в 1927 году составляла 22 рубля<sup>217</sup>, в то время как годовой доход крестьянского хозяйства от приработков составлял 158 рублей. Очевидно, что крестьяне не могли заработать такие деньги на селе – они шли на заработки в города, где зарплата была много выше: средняя месячная оплата промышленных рабочих в 1927 году составляла 62 руб.<sup>218</sup> В 1925/26 году в Европейской части СССР было зарегистрировано 3,3 млн. отходников, многие из которых постоянно жили в городах, посылая деньги в деревню<sup>219</sup>. К. Б. Литвак, исследовавший массовые материалы писем в «Крестьянскую газету», утверждает, что у крестьян сложилось устойчивое впечатление о высоких заработках и роскошной жизни в городе. Характерными отзывами о рабочих были: «много получают», «едят хлеб и мясо, а работают 8 часов»<sup>220</sup>. В письмах крестьян чувствовались «зависть и ненависть к городу, который эксплуатировал деревню с помощью “ножниц цен”, а с другой стороны – обеспечивал населению совершенно другие условия труда и быта»<sup>221</sup>. О подобных настроениях крестьян свидетельствуют и уральские материалы;

---

<sup>216</sup> Подсчитано по табл. 3.1.

<sup>217</sup> Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 559.

<sup>218</sup> Там же. С. 546.

<sup>219</sup> Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.-Л., 1929. С. 292;

<sup>220</sup> Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии// НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 194.

<sup>221</sup> Там же.

уральские крестьяне считали, что рабочие получают в 5-6 раз больше крестьян, а работают в 2-3 раза меньше<sup>222</sup>. (В действительности, зарплата в промышленности на Урале, как и по стране в среднем, была втрое больше зарплаты на селе<sup>223</sup>.)

П. П. Маслов (старший) отмечал, что рабочие выиграли от перераспределения доходов во время революции еще больше, чем крестьяне, и поэтому разница в величине доходов горожан и сельчан значительно увеличилась<sup>224</sup>. Действительно, по данным бюджетов 1925/26 года средний душевой доход в рабочих семьях был в 2,5-3 раза больше, чем в крестьянских семьях<sup>225</sup> (см. табл. 3.5). В 1927/28 году расходы на покупку промышленных товаров у городского населения составляли 128 руб. на душу, а у сельского населения – 35 руб. на душу. При этом в число промтоваров у сельского населения входили и некоторые товары производственного назначения<sup>226</sup>. В табл. 3.5 проведено сопоставление данных о потреблении в городе и в деревне продовольственных товаров.

*Таблица 3.5 – Потребление продуктов в городе и в деревне в 1927/28 году<sup>227</sup>*

	Городское население	Сельское население
Хлеб (в зерне), кг	179	221
Мясо, кг	49,1	22,6
Молочные продукты, кг	218	183
Яйца (шт.)	90,7	49,6

Таким образом, горожане потребляли вдвое больше мяса, чем сельчане, значительно больше молока и яиц, и сравнительно меньше – хлеба. Меньшее потребление хлеба было связано с тем, что с энергетической точки зрения работа на фабриках была легче, чем сельский труд. Средняя продолжительность рабочего дня в промышленности в 1927/28 году составляла 7,71 часа, а продолжительность рабочей недели – 44,6 часа. Для сравнения, продолжительность

<sup>222</sup> Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 77.

<sup>223</sup> ГАСО. Ф. 1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 101.

<sup>224</sup> Маслов П. П. Развитие сельского хозяйства до и после революции // Известия ЦК КПСС, 1989. № 10. С. 195.

<sup>225</sup> Подсчитано по: Крестьянские бюджеты 1925-26 гг. Основные материалы. М., 1929. С. 6-8; Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 552.

<sup>226</sup> Пятилетний план... Т. I. М., 1930. С. 103-104.

<sup>227</sup> Там же. С. 106.

рабочей недели в США составляла 49,6 часа, в Англии – 47,1 часа, в Германии – 47-52 часа<sup>228</sup>.

В значительной степени разница в уровне жизни города и деревни объяснялась политикой советской власти, которая считала пролетариат своей опорой и старалась обеспечить рабочим высокую заработную плату. Если в 1910-1913 годах средняя годовая заработная плата рабочих фабрично-заводской промышленности составляла в Европейской России 264 руб.<sup>229</sup>, то в 1925/26 -1926/27 годах – 705 руб.<sup>230</sup> (по всему СССР). Золотое содержание николаевского рубля и советского червонца было одинаковым, но цены за истекшее время повысились почти вдвое. Тем не менее, с учетом разницы в ценах реальная заработная плата рабочих увеличилась примерно на 40%, а при пересчете на хлеб – на 80%. Отметим для сравнения, что душевой чистый остаток хлеба и картофеля в стране увеличился только на 20%, то есть в продовольственном обеспечении рабочие выиграли гораздо больше крестьян.

По подсчетам Международного бюро статистики в 1928 году реальная заработная плата московских рабочих была примерно такой же, как у рабочих в Париже, но в 1,4 раза меньше, чем у рабочих в Берлине и в два раза меньше, чем у рабочих в Лондоне. В этом сопоставлении, однако, учитывались лишь номинальная заработная плата и уровень цен важнейших пищевых продуктов. Учет расходов на квартплату, налоги и социальное страхование (последняя статья расходов у советских рабочих отсутствовала), позволил бы сделать вывод о примерном равенстве реальной заработной платы в Москве и в Берлине<sup>231</sup>. Но, конечно, заработная плата в Москве была значительно выше, чем средняя зарплата советских промышленных рабочих.

### **3.3. Посевы, сборы и потребление на Черноземье и на Урале**

Как и в предыдущем случае, мы отталкиваемся, прежде всего, от данных хлебофуражных балансов, представленных в фондах РГАЭ<sup>232</sup>. Эти данные дают динамику не только посевов и сборов, но и динамику потребления в пищу, расход на фураж, уровень потерь и расходов на

---

<sup>228</sup> Там же. С. 99.

<sup>229</sup> Россия. 1913 год... С. 313.

<sup>230</sup> Подсчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 546.

<sup>231</sup> Пятилетний план... Т. II. Ч. 2. С. 15.

<sup>232</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 26; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 32а. Л. 43. Расчеты душевых показателей выполнены автором.

самогон, а также размеры накоплений (табл. 3.6 и 3.10). Сопоставление данных о производстве и остатков на потребление дается в табл. 3.7.

Таблица 3.6 – Основные данные хлебофуражных балансов Центрально-Черноземной области 1925/26 – 1928/29 годов<sup>233</sup>

	1925 /26	1926 /27	1927 /28	1928 /29	Средние 1925/26- 28/29
Население (тыс.)	10610	10805	11024	11247	10922
Сбор (млн. ц)	57,33	61,90	76,74	58,77	63,69
Высев (млн. ц)	9,14	9,76	9,83	9,93	9,66
Чистый сбор (млн. ц)	48,19	52,14	66,91	48,85	54,02
Душевой чистый сбор (ц)	4,54	4,83	6,08	4,34	4,95
Потребление (мука, крупа) (млн. ц)	25,34	24,83	26,14	25,86	25,54
Душевое потребление (мука, крупа) (ц)	2,39	2,30	2,37	2,30	2,34
Самогон, потери (млн. ц)	3,57	2,69	3,28	2,74	3,06
Фураж (млн. ц)	14,41	17,36	20,33	16,90	17,25
Фураж на душу населения (ц)	1,36	1,61	1,85	1,51	1,57
Душевое потребление с фуражом (ц)	4,08	4,16	4,50	4,05	4,19
Промышленность (млн. ц)	0,59	0,70	0,95	0,64	0,72
Вывоз (млн. ц)	0,87	3,37	10,96	3,60	4,70
Вывоз на душу (ц)	0,08	0,31	1,00	0,33	0,43
Накопление (млн. ц)	3,37	3,16	4,88	-1,33	2,52
Душевое накопление (ц)	0,31	0,29	0,44	-0,11	0,23
Остаток на потребление (ц)	4,41	4,44	4,96	3,93	4,43

Анализируя данные этой таблицы, можно сделать вывод, что по сравнению с благоприятными 1909-1913 годами душевое производство зерна на Черноземье осталось на том же уровне. Однако остаток зерна и картофеля на потребление в ЦЧО увеличился в 1925/26-28/29 годах по сравнению с 1909/10-13/14 годами на 30% (а по сравнению с 1908/09-11/12 на 50%). Это увеличение было более значительным, чем среднее по стране; оно произошло, в основном, за счет сокращения вывоза из

<sup>233</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 26; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 32а. Л. 43.

района зерна с 110 до 43 кг на душу, а вывоз зерна сократился в результате раздела помещичьих земель: получив землю, крестьяне предпочитали потреблять выращиваемое зерно, а не продавать его на вывоз (это явление отмечали многие экономисты, в том числе П.П. Маслов<sup>234</sup>). Центрально-Черноземный район был районом развитого помещичьего землевладения, поэтому эффект земельного передела здесь был более сильным, чем в целом по России и крестьяне должны были получить от революции большие выгоды, чем в других регионах.

*Таблица 3.7 – Сопоставление данных о производстве и потреблении в Центрально-Черноземной области в период нэпа с данными дореволюционного периода*<sup>235</sup>

	1908/09- 11/12	1909/10- 13/14	1925/26- 28/29
Население, тыс.	10776	11079	10922
<b>Зерновые</b>			
Чистый сбор зерновых, млн. ц	46,04	53,37	54,02
Чистый сбор зерновых на душу, ц	4,28	4,82	4,95
Вывоз, млн. ц	11,91	12,24	4,70
Вывоз на душу, ц	1,10	1,10	0,43
Расход на винокурение и армию, млн. ц	0,34	0,43	0,72
Остаток на потребление, млн. ц	33,79	40,70	48,58
Душевой остаток на потребление, ц	3,13	3,67	4,43
<b>Картофель</b>			
Чистый сбор, млн. ц	21,57	24,19	44,70
Расход на винокурение, млн. ц	3,37	3,54	0,80
Остаток на потребление в пересчете на зерно 5:1, млн. ц	3,64	4,13	8,78
Душевой остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, ц	0,34	0,38	0,80
<b>Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, ц</b>	3,47	4,05	5,24

<sup>234</sup> Маслов П. П. Развитие сельского хозяйства... С. 210.

<sup>235</sup> Данные о зерновых см. Табл. 2.5. Данные о картофеле: Милявский И. Указ. соч. С.34; Сельское хозяйство СССР. 1925-1928. М., 1929. С. 220-221.

На повышении уровня жизни сказалось и увеличение потребления картофеля (в пересчете на хлеб с 38 до 80 кг на душу). Эффект развития картофелеводства сказался здесь больше, чем по стране в целом, и кроме того, сыграло роль уменьшение численности населения в период кризиса, которое было значительнее, чем в среднем по СССР. В то время как население Союза в целом в 1926 году не только восстановилось, но и превзошло довоенный уровень, население ЦЧО оставалось меньшим, чем до войны.

Мы не знаем, какая доля остатка на потребление до революции приходилась на потребление в пищу, и какая – на фураж. После кризиса в пищу потреблялось 234 кг муки и крупы и 44 кг картофеля в пересчете на зерно (исключая фураж и потери на хранение)<sup>236</sup> – всего 278 кг (по стране в целом потребление составляло 267 кг).

Душевое потребление на фураж составляло 157 кг зерна и 25 кг картофеля<sup>237</sup> – всего 182 кг (по стране в целом – 170 кг). Если же рассматривать весь продуктовый набор в отношении калорийности, то по данным обследования 1926 года среднее потребление тамбовских крестьян оценивалось в 4250 ккал на взрослого едока. В Воронежской губернии в этом году среднее потребление крестьян составляло 4410 ккал на едока, а в Курской – 4438 ккал на едока<sup>238</sup>. В 1920-х годах ЦСУ СССР считал, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворяет норма в 3750 ккал в день для взрослого мужчины («едока»)<sup>239</sup>. Таким образом, в отношении калорийности питание крестьян ЦЧО в 1926 году было вполне достаточным. (Более подробные данные о питании крестьян будут приведены в п. 6.3)

Отдельно нужно сказать о расходах на самогон, которые по данным обследования 1928 года составляли 16 кг зерна на душу<sup>240</sup>. С 1923 года фактически прекратилась борьба с самогонварением для собственного употребления, и в деревне в огромных масштабах развилось производство самогона; по сравнению с дореволюционным периодом к 1928 году потребление алкоголя (в пересчете на 40-градусный) в

---

<sup>236</sup> Подсчитано по: Милиявский И. Указ. соч. С. 34.

<sup>237</sup> Там же.

<sup>238</sup> Статистический сборник по Тамбовской губернии за 1926 год. Тамбов, 1926. С. 149, 152; Население и хозяйство Воронежской губернии. Вып. 2. Воронеж, 1927. С. 383. Рянский Л. М., Бочаров Л. Н., Травина А. С. Курская деревня в 1920-30-х годах. Коллективизация. Курск, 1993. С. 5.

<sup>239</sup> Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. Т. 30. Вып. 2. – М. 1928. С. 50.

<sup>240</sup> Подсчитано по: Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 38.

сельской местности ЦЧО увеличилось с 7,4 до 11,3 литра на душу (в целом по РСФСР оно увеличилось с 6,5 до 9,3 литров). Рекорд в этом отношении поставила Курская губерния, где душевое потребление самогона достигло 20,2 литра<sup>241</sup>.

При сохранявшейся на прежнем уровне агротехнике большую роль в увеличении потребления сыграло сочетание благоприятных погодных условий; все четыре рассматриваемых года, с 1925/26 по 1928/29 год были относительно урожайными, в то время как на 1909/10-1913/14 год пришелся один значительный неурожай (в 1911 году). Включение в рассмотрение неурожайного 1924/25 года, по-видимому, уменьшило бы душевой остаток – но данные этого года о сборах и потреблении противоречивы и не были увязаны в хлебофуражном балансе.

*Таблица 3.8 – Обеспеченность крестьянских хозяйств рабочей силой, землей и скотом<sup>242</sup>.*

	ЦЧО		УрО	
	1916	1928	1916	1926
Число хозяйств, тыс.	1534	2120	1096	1224
На двор: душ	6,8	5,3	5,2	4,7
рабочих лошадей	1,1	0,76	1,65	1,21
коров	0,9	0,85	1,73	1,46
Посев на двор (с арендой) (дес.)	4,43	3,87	4,34	4,00

Однако следует признать, что до 1925/26 года положение было далеко не столь благополучным, как впоследствии. Неурожай 1924 года тяжело сказался в Центральном Черноземье, и, в отличие от других

<sup>241</sup> Там же. С. 16, 20, 36.

<sup>242</sup> ЦЧО: для 1916 года: Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923-1927 гг. М., 1930. С. 3, 14, 90. Для 1928 года: Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1931. С. 309, 312; Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. С. 25. Данные для Урала подсчитаны по: Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. Приложение. С. 2,7,14,36. Для численности населения УрО на 1916 год нами сделана поправка, так как перепись 1916 года учитывала только наличное население, и размер дворов был меньше, чем в 1920 году. Чтобы учесть отсутствующих (мобилизованных в армию) мы приняли для 1916 года тот же размер дворов, что и в 1920 году.

областей, восстановление сельского хозяйства здесь затянулось. Сопоставление данных о посевах и численности скота в ЦЧО в 1916 и 1927 годах приведено в таблице 3.8. К 1925 году площадь посевов в ЦЧО еще уступала предвоенному уровню, но к 1927 году отставание было ликвидировано. Однако при этом изменилась структура посевов, значительно возросли посевы льна, конопли, подсолнуха и картофеля, в то время как площади под зерновыми еще оставались немного ниже довоенных (по озимой ржи – на 1,5%)<sup>243</sup>. Как отмечалось ранее, это было связано с искусственно занижаемыми властями ценами на зерно; технические культуры давали больше прибыли.

Война и кризис привели к резкому сокращению численности рабочего скота. Поголовье лошадей восстанавливалось с большим трудом, в 1928 году оно было еще на 18% меньше, чем в 1913 году. Напротив, количество коров увеличилось на 22%<sup>244</sup>.

Увеличение потребления, конечно, не означает, что в хозяйстве Черноземья не было проблем. Проблемы были, и очень серьезные. Урожайность зерновых оставалась низкой: по ржи она составляла 8,0 ц/га в 1924-1927 годах против 8,2 ц/га в 1905-1914 годах<sup>245</sup>. Еще одна проблема заключалась в том, что демографическая модернизация и «антикулацкая» политика привели к распаду больших семей, и породили миллионы мелких парцеллярных хозяйств, плохо обеспеченных рабочим скотом и инвентарем.

Из таблицы 3.8 видно, что в ЦЧО обеспеченность двора рабочими лошадьми сократилась в полтора раза. На душу крестьянского населения лошадей приходилось в полтора раза меньше, чем в среднем по СССР, и в два с лишним раза меньше, чем на Урале. Еще более негативная картина раскрывается при рассмотрении распределения числа дворов по количеству лошадей (табл. 3.9). По сравнению с дореволюционным временем число безлошадных хозяйств резко возросло, хозяйства с тремя лошадьми практически исчезли, а доля хозяйств с двумя лошадьми сократилась до 7,5%. Абсолютное большинство крестьянских дворов (51%) имели только одну лошадь – это были «средняки», а безлошадные (40%) считались бедняками.

---

<sup>243</sup> Сергеев В. Восстановление и реконструкция сельского хозяйства Центрально-черноземной области // Пути сельского хозяйства. 1929. № 5. С. 117.

<sup>244</sup> Там же. С. 117.

<sup>245</sup> Логунов В. И. КПСС – организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. Воронеж, 1970. С. 244.

Таблица 3.9 – Распределение дворов по количеству лошадей (%)<sup>246</sup>.

		Количество лошадей			
		0	1	2	3 и более
ЦЧО	1912	32	29,7	20	18,2
	1928	40,4	51,3	7,5	0,8
УрО	1916	25,8	38,9	22,5	12,8
	1927	22,6	43,8	23,4	10,2

Положение в животноводстве определялось, прежде всего, острой нехваткой пастбищ. Сенокос и выгон занимал всего лишь 7,7% общей площади; из-за недостатка сена приходилось кормить скот соломой, которую нужно было посыпать зерном и мукой. В Тамбовской области зерновые по питательности составляли 40% всего используемого фуража<sup>247</sup>.

Экономисты 1920-х годов много писали о начавшемся до революции и продолжавшемся при нэпе «оскудении» Центрально-Черноземной области. «Как резко аграрная область, она в наиболее ярком виде отразила все недостатки нашей аграрной страны... – отмечал Б. А. Тутьхин. – Аграрное перенаселение не является каким-то специфическим признаком одной лишь ЦЧО... Но в ЦЧО это явление приняло наиболее резкие, так сказать, классические формы»<sup>248</sup>.

В 1925/26-1927/28 годах товарная часть продукции крестьянского хозяйства сократилась с 21,8% до 18,8%, причем существенно изменилась ее структура: происходила замена зерна продуктами животноводства<sup>249</sup>. Зерновые излишки теперь направлялись не на рынок, а на корм скоту; полученное мясо реализовывалось на рынке – или потреблялось самими крестьянами. Душевое потребление зерна на фураж за это время возросло с 136 до 185 кг, расход зернового корма на корову увеличился с 79 до 147 кг<sup>250</sup>, росло поголовье свиней, которых кормили по большей части зерном.

<sup>246</sup> Для ЦЧО: Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. Воронеж: Облстатотдел, 1929. С. 175; Статистика Российской империи. Т. 83. Военно-конская перепись 1912 года. Петроград, 1914. С. 4, табл. II, с. 72, табл. V. Для Урала: ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д.13. Л.111; ГАСО. Ф. 239. Оп. 1. Д.797. Л.14.

<sup>247</sup> Покшишевский В. В. Указ. соч. С. 61.

<sup>248</sup> Тутьхин Б. А. Центрально-Черноземная область. М., 1929. С. 20.

<sup>249</sup> Сергеев В. Указ. соч. С. 118.

<sup>250</sup> Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР... С. 128.

Таблица 3.10 – Данные хлебофуражных балансов Уральской области 1925/26 – 1928/29 годов<sup>251</sup>

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	средние
Население (тыс.)	6558	6786	7031	7344	6929,8
Сбор (млн. ц)	44,83	48,63	40,97	49,35	45,95
Высев (млн. ц)	7,04	7,55	7,16	7,96	7,42
Чистый сбор (млн. ц)	37,79	41,08	33,82	41,39	38,53
Душевой чистый сбор (ц)	5,77	6,06	4,82	5,63	5,57
Потребление (мука, крупа) (млн. ц)	15,43	15,54	15,87	16,10	15,74
Душевое потребление (мука, крупа, ц)	2,35	2,29	2,26	2,19	2,27
Самогон, потери (млн. ц)	16,23	17,87	17,18	17,48	17,18
Фураж (млн. ц)	16,59	19,25	16,59	16,95	17,35
Фураж на душу населения (ц)	2,52	2,83	2,36	2,31	2,51
Душевое потребление с фуражом (ц)	5,01	5,47	4,80	4,68	5,00
Промышленность (млн. ц)	0,29	0,41	0,44	0,43	0,39
Вывоз (млн. ц)	2,51	1,39	1,23	3,41	2,13
Вывоз на душу (ц)	0,38	0,21	0,18	0,46	0,31
Накопление (млн. ц)	2,33	2,44	-1,82	2,95	1,47
Душевое накопление (ц)	0,36	0,36	-0,26	0,39	0,21
Остаток на потребление (ц)	5,36	5,83	4,55	5,09	5,21

Ситуация на Урале отличалась от ситуации на Черноземье в двух отношениях: во-первых, здесь не было недостатка в пашнях и пастбищах, и во-вторых – здесь имела развитая горная промышленность, дававшая крестьянам дополнительные заработки. Измельчание хозяйств произошло на Урале еще до революции, и в 20-х годах этот процесс уже затихал. Размер семей на Урале в конце 1920-х годов был меньше, чем на Черноземье (соответственно 4,8 и 5,3 человека). Уральские семьи засевали примерно столько же зерновых, сколько семьи в ЦЧО, но до революции крестьяне Черноземья должны были отдавать значительную часть зерна в качестве арендной платы, теперь же они, как и уральские крестьяне, получали весь урожай – и сравни-

<sup>251</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 26; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 32а. Л. 43.

лись с уральцами в отношении потребления зерновых и картофеля. Сопоставление данных 1909/10-13/14 и 1925/26-28/29 годов (табл. 3.11) говорит о том, что душевой остаток на потребление зерна и картофеля увеличился на Урале с 396 до 534 кг, то есть на 35%. Формально это увеличение было примерно таким же, как на Черноземье (с 405 до 524 кг), но оно произошло не за счет уменьшения вывоза, как на Черноземье, а за счет увеличения душевого чистого сбора.

Таблица 3.11 – Сопоставление данных о производстве и потреблении в Уральской области в докризисное и послекризисное время<sup>252</sup>

	1909/10-13/14	1913/14	1925/26-28/29
Население, тыс.	6226	6370	6930
<b>Зерновые</b>			
Чистый сбор, млн. ц	24,90	34,73	38,49
Чистый сбор на душу, ц	4,00	5,45	5,55
Вывоз, млн. ц	0,23	0,62	2,13
Вывоз на душу, ц	0,03	0,10	0,31
Расход на винокурение и армию, млн. ц	0,39	0,56	0,39
Остаток на потребление, млн. ц	24,28	33,55	36,00
Душевой остаток на потребление, ц	3,90	5,26	5,19
<b>Картофель</b>			
Чистый сбор, млн. ц	2,41	2,74	5,19
Расход на винокурение, млн. ц	0,21	0,31	0,03
Остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, млн. ц	0,44	0,49	1,03
Душевой остаток на потребление, в пересчете на зерно 5:1, ц	0,07	0,08	0,15
<b>Душевой остаток на потребление зерна и картофеля, ц</b>	<b>3,96</b>	<b>5,34</b>	<b>5,34</b>

<sup>252</sup> Данные о зерновых см. табл. 3.36. Данные о картофеле: Милявский И. Указ. соч. С.34; Сельское хозяйство СССР. 1925-1928... С. 220-221. Данные о вывозе для 1913 года: География избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов. М., 1930. С. 13.

Это может привести нас к выводу о том, что после войны на Урале улучшилась агротехника и увеличилась урожайность – однако в действительности это не так, агротехника и урожайность остались прежними (урожайность ржи в 1926-1927 годах составляла 8,11 ц/га, а в 1905-1914 годах – 8,05 ц/га<sup>253</sup>). Дело в том, что сравнение относительного урожайного периода 1925-1928 годов с 1909-1913 годами в приложении к Уралу не вполне корректно: в 1911 году на Урале имел место катастрофический неурожай, когда крестьяне не собрали даже семян. В результате средние данные для 1909/10-1913/14 годов получаются заниженными по сравнению с обычными годами. Здесь мы сталкиваемся с той проблемой, на которую обратил внимание С. Уиткрофт, – с сильными колебаниями урожая (и потребления) не только по отдельным годам, но и по пятилетиям<sup>254</sup>. Это явление было особенно характерным для засушливой полосы Поволжья и Южного Урала – за гибелью урожая в 1911 году здесь последовали два столь же губительных неурожая в 1920-1921 годах. Таким образом, мы можем утверждать, что душевое потребление в 1909/10-1913/14 годах (396 кг) не является характерным для Урала, что более характерны потребление этого периода в Пермской губернии (448 кг) или потребление на территории УрО в 1913/14 году (см. таблицу 3.11). 1913/14 год, также как 1925/26-1928/29 годы был годом хорошего урожая и оказывается, что в 1913/14 году остаток на потребление был таким же, как в 1925/26-1928/29 годах – то есть революция мало что изменила для уральских крестьян. Это естественно – ведь их землепользование (в отличие от землепользования крестьян Черноземья) практически не увеличилось, и условия хозяйствования остались, в общем, прежними.

Оценивая другие показатели, представленные в табл. 3.10 и 3.11 можно отметить, что картофель на Урале еще не получил такого распространения, как в центральных районах – сказывалась замедленность процессов модернизации. Значительно более высоким было душевое потребление зерна на фураж – 251 кг вместо 157 на Черноземье, что объяснялось намного большей численностью скота. Хотя по сравнению с дореволюционным временем количество лошадей уменьши-

---

<sup>253</sup> Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. Свердловск, 1929. С. 7.

<sup>254</sup> Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991. P. 134, 172.



### 3.4. Аграрное перенаселение

Главной проблемой эпохи нэпа была проблема несоответствия численности населения страны уровню развития сельского хозяйства – проблема аграрного перенаселения. «Аграрное перенаселение основных сельскохозяйственных районов страны – болезненно опасная проблема России еще конца XIX – начала XX веков, – предупреждал А. В. Чайнов. – Аграрное перенаселение – тот горячий материал, из которого рванула революция 1917 года»<sup>259</sup>. «Если до войны деревня стояла перед фактом перенаселения, – писал Н. Д. Кондратьев, – то сейчас, хотя перенаселённость деревни и была смягчена благодаря переходу в руки крестьян помещичьей земли, тем не менее, она, особенно по некоторым районам, растёт. И если это противоречие было основным противоречием в развитии сельского хозяйства до войны, то значение его стало еще большим после военно-революционного перелома. Этот диагноз на современном этапе едва ли может быть спорным»<sup>260</sup>.

Известный экономист В. П. Воронцов еще до революции показал, каким образом изменится характер аграрного перенаселения после раздела помещичьих земель. По вычислениям Воронцова, в России было 5 млн. «лишних» трудоспособных мужчин. «Если для примера допустить, – писал В. П. Воронцов, – что 5 млн. взрослых мужчин, которые, согласно нашему расчету, не нужны ни для какого занятия, получают возможность устроиться на земле (а это предположение недалеко от истины), то площадь, для обработки которой достаточно 12 млн. мужчин, распределиться между 17 млн. и рабочий участок каждого сократится на 30%»<sup>261</sup>. Заметим, что под «рабочим участком» здесь имеется в виду не земельный надел крестьянина, а участок, который в принципе может быть обработан одним работником. И далее Воронцов делает вывод: «Это означает, что от  $\frac{1}{4}$  до  $\frac{1}{3}$  рабочей силы останется без употребления... Абсолютная безработица исчезла, но ограниченная безработица распространилась на всех земледельцев...»<sup>262</sup> Таким образом, после раздела помещичьих земель аграрное перенаселение приняло вид «ограниченной безработицы, распространившейся на всех земледельцев».

---

<sup>259</sup> Чайнов А. В. Техничко-экономические вопросы строительства социалистического земледелия // Научное слово. 1930. № 4.

<sup>260</sup> Кондратьев Н. Д. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1925. №4. С. 191-192.

<sup>261</sup> В. В. Судьба капиталистической России. СПб., 1907. С. 187.

<sup>262</sup> Там же.

Советские правительственные органы были обеспокоены проблемой перенаселения, и сразу после окончания гражданской войны Наркомат земледелия поручил научно-исследовательскому Институту землеустройства и переселения разработку вопроса о размерах избыточной рабочей силы в деревне. Эта работа, к которой были привлечены также сотрудники Госплана и Наркомзема, проводилась под общим руководством Л. И. Лубны-Герцыка, Н. В. Турчанинова и И. Я. Ямзина<sup>263</sup>. Предварительные итоги проведенного исследования были опубликованы профессором Л. И. Лубны-Герцыком<sup>264</sup>, который считался мальтузианцем и последователем взглядов Г. Ф. Нефедова. Вслед за известным немецким геополитиком К. Хаусхофером, Л. И. Лубны-Герцык ввел понятие «нормального населения», при котором данному населению соответствует достаточное для поддержания желательного уровня материального благосостояния количество средств существования<sup>265</sup>. В случае превышения этого «нормального» уровня наступает перенаселение и все остальное население считается «излишним». При определении «нормального населения» Л. Лубны-Герцык считал, что один взрослый мужчина может обработать 5 дес. площади удобных земель. При этом условии получалось, что в 1923 году в трех губерниях Центрального Черноземья (Курской, Орловской и Тамбовской) доля излишнего населения составляла 51%<sup>266</sup>. Отсюда следовало, что уравнительный передел, в соответствии с предсказанием П.Б.Струве, лишь немного ослабило аграрное перенаселение. «Ныне все удобные для сельского хозяйства земельные площади находятся в руках крестьянства... - писал Л. И. Лубны-Герцык. – Всеобщий уравнительный передел стал действительностью. Однако земельной нужды русского крестьянства он не устранил... Аграрное перенаселение России после нивелирующего воздействия русской революции выяснилось грозно и недвусмысленно»<sup>267</sup>.

---

<sup>263</sup> Пластунов Н. И. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне сплошной коллективизации// Труды Томского гос. университета. 1967. Т. 190. С. 242-243.

<sup>264</sup> Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР//Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 52-78.

<sup>265</sup> Маслов П. Указ. соч. С. 14, 35.

<sup>266</sup> Подсчитано по: Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде... С. 352.

<sup>267</sup> Лубны-Герцык Л. И. Аграрное перенаселение и аграрный строй// Сельское и лесное хозяйство. 1923. № 10. С. 14.

Более точные подсчеты НИИ землеустройства и переселения предусматривали две нормы производительности труда: 5 га (как у Л. И. Лубны-Герцыка) и 4 га. При этом получались следующие результаты (см. таблицу 3.13).

Сложность проблемы заключалась в том, что наличие излишней рабочей силы не порождало на Черноземье открытой безработицы: излишки относительно равномерно распределялись по миллионам хозяйств, приводя к хронической недозагруженности работников, привязанных к своему наделу. Л. Е. Минц, проанализировав бюджеты рабочего времени, выяснил, что рабочие дни составляли лишь 55% всех дней в году. Из каждых пяти дней один день был выходным или праздничным и еще один не использовался. Конечно, основная масса неиспользуемых дней приходилась на зиму, но, к примеру, и в августе насчитывалось 6-7 выходных и праздничных дней<sup>268</sup>.

Таблица 3.13 – Уровень перенаселения по губерниям Центрально-Черноземного района в 1923 году<sup>269</sup>

	Всего работников в 1923 г. в переводе на взрослых мужчин, тыс.	Всего удобной с/х площади, тыс. га	Количество работников, потребных для с/х		% излишнего населения	
			При 5 га	При 4 га	При 5 га	При 4 га
Орловская	876	2235	447	558	49	36
Курская	1573	3550	710	887	55	44
Тамбовская	1407	3651	730	912	48	35
Воронежская	1660	5179	1036	1295	38	22
4 губернии	5519	14617	2923	3654	47	34

Благодаря обилию самогона долгие деревенские праздники сопровождались массовым запоем. «На масленице пьют наповал, дошибу, на Рождестве пьют в течение двух недель, говоря просто “отсеваются”», – сообщал один из проводивших обследование ЦСУ

<sup>268</sup> Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.-Л., 1929. С. 22,37.

<sup>269</sup> Лацис М. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним. М.-Л., 1929. С. 50.

добровольных корреспондентов<sup>270</sup>. Зимой даже и в рабочие дни производительность труда во многих случаях была столь низкой, что их можно было считать рабочими лишь условно. В конечном счете, недозагруженность означала низкую выработку, и как следствие – бедность<sup>271</sup>. В официальных документах Наркомата земледелия указывалось, что «сущность аграрного перенаселения состоит в том, что при данном уровне развития народного хозяйства... земледельческое население страны, во-первых, имеет устойчиво низкий реальный доход и следовательно, низкий уровень жизни; во-вторых, имея запасы потенциально-свободной рабочей силы, не может найти для нее хозяйственно-целесообразного приложения и тем повысить уровень своего дохода и благосостояния<sup>272</sup>».

Озабоченность по поводу сохранявшегося аграрного перенаселения на Черноземье была высказана в цитированном выше постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1925 года. Работники Плановой комиссии ЦЧО в 1925 году определяли излишнее рабочее население «грубо в 1-2 млн.» при 4 млн. сельского рабочего населения. При этом отмечалось, что вследствие большого естественного прироста число излишних рабочих каждый год увеличивалось на 100 тысяч. «Ввиду застоя в росте городов, ввиду слабого развития промышленности... мы не находим того поглощения крестьянских рабочих резервов промышленностью и горными промыслами, которое является естественной и основной формой ликвидации аграрного перенаселения... Ежегодное переселение 75 тыс. душ... и ежегодное увеличение числа отходников на несколько десятков тысяч являются далеко не преувеличенной потребностью края»<sup>273</sup>.

Опираясь на данные бюджетных исследований, Л. Е. Минц подсчитал, что в 1925/26 году в СССР не использовалось 15,8% потенциального труда, то есть труд 8,3 млн. работников. В этих рас-

---

<sup>270</sup> Алкоголизм в современной деревне... С. 49.

<sup>271</sup> Маслов П. Указ. соч. С. 31.

<sup>272</sup> Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства. М., 1928. С. 13.

<sup>273</sup> Татарчуков А. Н. Об «избыточном» населении Центрально-Черноземной области/Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Т. 1. Воронеж, 1926. С. 36-37. А. Н. Сахаров определял долю «излишнего» сельского населения в Тамбовской губернии в 26%. См.: Сахаров А. Н. Сельскохозяйственные районы Тамбовской губернии. Тамбов, 1928. С. 17-19.

четах за единицу принимался полный работник – взрослый мужчина, взрослая женщина приравнивалась к 0,8 работника, для стариков, юношей и девушек вводились соответствующие коэффициенты<sup>274</sup>. Расчеты Л. Е. Минца учитывали существующую производительность труда. Известный экономист Н. П. Огановский в 1925 году провел расчеты для случая возможного повышения производительности<sup>275</sup>. «На одного работника у малоземельных приходится пашни и посевов в 2,5 раза меньше, чем в группе зажиточных и в 6 раз меньше, чем в группе многоземельных, – писал Н. П. Огановский. – Если бы малоземельные использовали труд своих работников в той же степени, что и середняки – 57% работников оказалось бы в нижних слоях излишними... Общее количество работников в малоземельных слоях по всему Союзу достигает сейчас 13,1 млн. человек. Следовательно, наличие избыточного труда только у малоземельных составляет при уровне производительности средних слоев в 7,5 млн. работников, а при уровне групп выше средних – 9,6 млн., да и середняков при последней норме оказалось бы избыток 10,3 млн., а всего 19,9 млн. работников, или 43% общего количества их в деревне СССР...»<sup>276</sup>.

Н. П. Огановский и Н. Д. Кондратьев обращали внимание на то обстоятельство, что революция привела к измельчанию хозяйств, падению производительности труда и деградации сельского хозяйства. Специалисты искали выход из создавшегося положения, с одной стороны, в переходе к интенсификации сельского хозяйства и увеличении продукции с единицы сельскохозяйственной площади, а с другой стороны – в удалении из деревни избыточного населения, но это было непростой проблемой<sup>277</sup>.

При огромном аграрном перенаселении крестьяне Черноземья были, в массе, все-таки обеспечены продовольствием; среднее душевое потребление хлеба и картофеля составляло 18,7 пуда. Примерно такое же положение имело место и в целом по СССР: крестьяне были обеспечены пропитанием, и большинство из них не нуждалось в приработках. В этом отношении положение в СССР отличалось от положения в докризисной России, где аграрное перенаселение вынуждало крестьянские массы идти в отход, на заработки.

---

<sup>274</sup> Минц Л. Е. Указ. соч. С. 46.

<sup>275</sup> Огановский Н. Сельское хозяйство Союза ССР в 1924/25 г. М., 1925.

<sup>276</sup> Там же. С. XXX.

<sup>277</sup> Кондратьев Н.Д., Огановский Н. П. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. Вып. 1. М., 1924. С. 11, 38.

Необходимо учитывать, что аграрное перенаселение носило ярко выраженный сезонный характер. Эта отличительная черта России, связанная с относительной кратковременностью сельскохозяйственного сезона, была отмечена еще К. Марксом. «Возьмем Россию, – писал Маркс. – Там в некоторых северных местностях полевые работы возможны только 130-150 дней в году. Понятно, какой убыток должна терпеть Россия, когда 50 млн. из 65 всего ее европейского населения останутся без занятия на протяжении 6-8 зимних месяцев, когда все полевые работы должны быть прекращены»<sup>278</sup>. По расчетам С. Г. Струмилина зимой без работы оставалась четверть всей занятой в сельском хозяйстве рабочей силы, однако в период уборки, в августе, избыток сменялся дефицитом рабочей силы<sup>279</sup>. Мужчины, ушедшие на заработки в город, старались вернуться в деревню к жатве – таким образом, земельный надел удерживал их от попыток переселиться в город и стать постоянными рабочими. Как в период до реформы Столыпина, крестьянин, имеющий землю в деревне, не мог продать ее и переселиться в город; он лишь уходил в «отход». В Москве середины 1920-х годов четверть молодых рабочих не были москвичами: это были отходники, имевшие наделы в деревне, и половина из них возвращалась в свою деревню в сезон полевых работ<sup>280</sup>.

Разумеется, индустриализация не могла базироваться на отходниках: создаваемой новой промышленности нужны были квалифицированные городские рабочие. Таким образом, индустриализации была невозможна без решения проблемы сезонного дефицита рабочей силы в деревне. Эта проблема могла быть решена только внедрением уборочных машин, но машины были дороги и недоступны для мелких крестьянских хозяйств. Единственным выходом представлялось развитие кооперативов, «машинных товариществ». Однако опыт показал, что бедняки и середняки часто не в состоянии покупать машины, даже объединившись в машинные товарищества<sup>281</sup>. Для внедрения машин требовалась помощь государства и большие государственные капиталовложения – а также и более глубокая кооперация крестьянских хозяйств.

---

<sup>278</sup> Маркс К. Капитал. Т. II. М., 1988. 172-173.

<sup>279</sup> Струмилин С. Г. Социальные проблемы пятилетки // На плановом фронте. 1920-1930. М., 1958. С. 453.

<sup>280</sup> Жиромская В. Б. Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. М., 1988. С. 78; Красильников М. Связь населения города Москвы с надельной землей // Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 103-107.

<sup>281</sup> Впечатления экспедиции по эффективности мероприятий в сельском хозяйстве ЦЧО // Пути сельского хозяйства. 1928. № 11. С. 142.

### 3.5. Уровень агротехники

В центральных районах СССР агротехнические проблемы были непосредственно связаны с аграрным перенаселением. Рост населения еще до революции вызвал практически полную распашку всех удобных земель в Центрально-Черноземном районе. В четырех губерниях – Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской – в 1850 году пашня занимала 61% всей территории, в 1887 году – 69%, в 1910 году – 71%<sup>282</sup>. «Еще 30 лет назад Курская губерния превратилась в одно сплошное поле, – писал в 1902 году уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А. И. Шахназаров. – Все, что можно было распашать, – распашано, леса сведены, уничтожены выгоны... Ввиду отсутствия естественных пастбищ... неизбежная пастьба скота по полям вдвое сокращает паровой период»<sup>283</sup>. К 1930 году распаханность территории Центрально-Черноземного района достигла 75,3%; по уровню распаханности район не имел себе равных среди регионов СССР<sup>284</sup>. Распашка привела к тому, что за 1887-1916 годы площадь кормовых угодий (лугов, сенокосов и выгонов) сократилась вдвое, до 8% общей площади<sup>285</sup>. Министр земледелия Ермолов писал, что сена у крестьян «в обычные года почти не бывает, потому что луга все давно распашаны»<sup>286</sup>.

Недостаток кормовых угодий вызвал упадок животноводства. По расчетам С. Уиткрофта, поголовье лошадей (на душу населения) в 1905-1914 гг. сократилось на 16%, поголовье крупного рогатого скота – на 21%, поголовье свиней – на 23%. Если же сравнивать данные 1914 года с данными 1850-х годов (которые, возможно, занижены), то соответствующие цифры сокращения поголовья в этом районе составят: для лошадей – 46%, для крупного рогатого скота – 26%, для свиней – 63%. В целом, «для большей части России картина развития животноводства была очень мрачной», – констатирует С. Уиткрофт<sup>287</sup>.

---

<sup>282</sup> Центрально-Черноземная область. Справочная книга. Воронеж, 1931. С. 309.

<sup>283</sup> Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. СПб, 1910. С. 22, 27.

<sup>284</sup> Там же; Покшишевский В. В. Центрально-Черноземная область. М.-Л., 1929. С. 35.

<sup>285</sup> Там же. С. 34.

<sup>286</sup> Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. I. СПб, 1909. С. 321.

<sup>287</sup> Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. Princeton, 1991. P. 144-145.

Состояние агротехники крестьянских хозяйств до революции описано в фундаментальной монографии А. В. Островского<sup>288</sup>, и сопоставление показывает, что изменения, произошедшие во времена нэпа, были невелики. Традиционная трехпольная система предполагает, что поле, находящееся под паром, должно удобряться навозом. Для этого нужно содержать большое количество скота, а для скота нужны пастбища. Агрономы-теоретики рассчитали, что на десятину пара должно вноситься 2400 пудов навоза, и в идеале площадь пастбищ должна быть втрое больше площади полей<sup>289</sup>. Подобное соотношение полей и пастбищ в России наблюдалось только в северных заволжских областях. В нечерноземных областях между Окой и Волгой пастбищ было меньше, но все же в Ярославской губернии на десятину вносилось до 2000 пудов навоза. Скудные почвы не могли обходиться без удобрения: на неудобренных полях урожайность падала вдвое<sup>290</sup>. Земледелие в нечерноземной полосе требовало не только большого количества удобрений, но и многократной вспашки; все это приводило к большим трудозатратам. Роль *географического фактора* была такова, что на обработку одного гектара ржи в Центрально-Промышленном районе требовалось 42 трудодня, в то время как в ЦЧР – 21 трудодень, а на степном Юге – 13 трудодней<sup>291</sup>. В Центральном Черноземье на десятину пара вносилось только 300-400 пудов навоза; крестьяне здесь полагались на естественное плодородие черноземов, и в принципе, удобрения давали здесь меньший эффект. На степном Юге удобрения вообще не применялись, так как считалось, что они не дают прибавки урожайности<sup>292</sup>. Крестьяне использовали плодородие сравнительно недавно поднятых целинных земель, но со временем южные черноземы начинали истощаться, и в ближайшие десятилетия должно было начаться падение урожайности. Агрономы вообще отказывались признавать «трехполье» Черноземья сколько-нибудь рациональной хозяйственной системой. Ю. Г. Жуковский, к примеру, писал: «О трехпольной систе-

---

<sup>288</sup> Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX-начале XX века. СПб., 2012.

<sup>289</sup> Жуковский Ю. Г. Население и земледелие. СПб., 1907. С. 56; Вильямс В. Р. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1949. С. 390.

<sup>290</sup> Островский А. В. Указ. соч.; Писаржевский О. Н. Прянишников. М., 1963. С. 215.

<sup>291</sup> Минц Л. Е. Указ. соч. С. 93, 109.

<sup>292</sup> Прянишников Д. Н. Частное земледелие //Избранные произведения Т. II. М., 1965. С. 241-242; Островский А. В. Указ. соч.

ме без удобрения я не говорю, потому что, она не может считаться системой, при которой урожаи будут оставаться постоянными»<sup>293</sup>.

При трехпольной системе озимые нужно было сеять по парам, но во времена нэпа (в 1929 году) парами обеспечивалось только 64% озимых посевов – в остальных случаях сеяли сразу после уборки, по стерне<sup>294</sup>. По технологии, поле, предназначенное под пар, желательно было пахать после уборки урожая, затем еще раз весной и потом – осенью, непосредственно перед посевом озимых. Только при такой обработке достигалось уничтожение сорняков и в почве накапливались нитраты – это называлось «черным» паром. В крайнем случае можно было отложить первую вспашку до весны – это называлось «ранним» паром. Однако при недостатке пастбищ крестьяне были вынуждены весной и в начале лета пасти скот на парах, что приводило к оттягиванию взмета паров до июня. По минимальным оценкам специалистов такое запоздание («поздний пар» или «толока») по сравнению с ранним паром уменьшало урожай озимых на 17-20%<sup>295</sup>. После подъема паров было чрезвычайно важно поддерживать их в чистом от сорняков состоянии, для чего пары требовалось несколько раз культивировать и бороновать. Это требовало значительных трудовых затрат и было не по силам для многих крестьянских хозяйств.

После озимых обычно сеяли яровые. В идеале требовалось произвести вспашку под яровые осенью, сразу после уборки озимых – это называлось «зяблевой вспашкой». Но при нехватке пастбищ крестьяне практиковали выпас скота по стерне после сбора урожая. Такой выпас не давал возможности проводить зяблевую вспашку; обычно пахали весной («весновспашка»), что уменьшало урожай яровых на 15-17%<sup>296</sup>.

Данные о доле ранних паров и зяблевой вспашки для 1920-х годов несколько разнятся. По данным обследования 25 губерний в 1924 году ранние пары составляли 10% всех паров<sup>297</sup>, а по данным 1927 года в РСФСР они занимали 25% паров<sup>298</sup>. По обследованию 30 губерний в 1925 году зяблевая вспашка проводилась на 35% площади яровых, а по

---

<sup>293</sup> Жуковский Ю. Г. Указ. соч. С. 56.

<sup>294</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т. 4. М., 2002. С. 521.

<sup>295</sup> Квиринг Э. Пути и методы повышения урожайности// Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С. 40.

<sup>296</sup> Там же.

<sup>297</sup> Лежнев-Финьковский П. Я. Очередные задачи в области сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1926. № 3. С. 7.

<sup>298</sup> Квиринг Э. Указ. соч. С. 40.

данным 1927 года в РСФСР доля зяби составляла 32%<sup>299</sup>. В. В. Осинский утверждал, что в 1929 году зябью по всей стране было обеспечено лишь 19,4% ярового клина<sup>300</sup>. Что касается Центрального Черноземья, то в 1927 году доля ранних паров в Тамбовской губернии составляла менее 30% общей площади паров, а доля зяблевой вспашки – 25% от площади посева яровых<sup>301</sup>.

Выпас на парах и стерне был главной причиной, которая обуславливала пониженную урожайность на крестьянских полях в сравнении с полями помещичьих экономий. Но в условиях нехватки пастбищ эти потери были неизбежными. Известный экономист А. Н. Челинцев отмечал «всем известную бесплодность агрономии реализовать чистые пары в массе крестьянских хозяйств» и считал перспективы решения этой проблемы «малоудовлетворительными»<sup>302</sup>.

Другой проблемой, порожденной аграрным перенаселением, была проблема обеспечения миллионов парцеллярных хозяйств тягловой силой. Н. Д. Кондратьев писал, что одна лошадь, в принципе, могла обработать 6 га посева, но в мелких хозяйствах нагрузка на лошадь составляет менее 2,7 га<sup>303</sup>. По данным проведенного в 1920-х годах обследования лошадь использовалась на полевых работах в среднем 90-100 дней в году, а в течение 265-275 дней являлась балластом, «пустокормом»<sup>304</sup>. Стоимость содержания лошади составляла 200-220 рублей в год, в то время как стоимость производимых ею работ в хозяйствах с посевом до 4 га не превосходила 80 руб. Хозяйства с посевом до 4 га составляли две трети от всех хозяйств – то есть для большинства хозяйств содержание лошади было нерентабельно<sup>305</sup>. Однако каждая крестьянская семья стремилась иметь лошадь, которая была символом хозяйственной независимости. В итоге, образовалось много-

---

<sup>299</sup> Там же; Лежнев-Финьковский П. Я. Указ. соч. С. 7.

<sup>300</sup> Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 522.

<sup>301</sup> Акользина М. К. Изменение состояния ресурсов для сельского хозяйства Тамбовского региона во второй половине 1920-х-1930-х гг. как экологическая проблема // Экологическая история России в XVIII – начале XX вв. Тамбов, 2009. С. 89-99. С. 91.

<sup>302</sup> Челинцев А., Тумановский А. Данные опытных учреждений в связи с реорганизацией сельского хозяйства ЦЧО // Пути сельского хозяйства. 1927. № 6-7. С. 50.

<sup>303</sup> Кондратьев Н. Д. Основы перспективного плана... С. 190.

<sup>304</sup> Каврайский А. М. Роль живой тягловой силы при механизации сельского хозяйства и транспорта // Пути сельского хозяйства. 1929. № 8. С. 92.

<sup>305</sup> Свидерский А. И. С.-х. политика за 10 лет // Пути сельского хозяйства. 1927. №10. С. 46-47.

численное излишнее поголовье: по подсчетам А. А. Иванова, в Тамбовской губернии для обработки крестьянской пашни было достаточно 250 тыс. лошадей вместо 600 тыс., имевшихся в наличии в 1916 году<sup>306</sup>.

При острой нехватке пастбищ приходилось в более зажиточных хозяйствах кормить лошадей отчасти зерном, в то время как в бедных хозяйствах хлеба не доставало и людям. Бедняки и середняки были вынуждены сокращать кормовой рацион скота, особенно в зимний период. По отзыву ветеринарной комиссии, обследовавшей состояние животноводства в Тамбовской губернии в 1913 году, в зимний период «содержание и кормление животных практикуется у крестьян такое, какое позволяет лишь не угаснуть в организме жизненным процессам»<sup>307</sup>. Постоянный недостаток кормов привел к деградации скота, к воспроизведению породы малорослых, легковесных и слабосильных лошадей. Средний вес рабочей лошади составлял около 18 пудов, в то время как в Америке – 40 пудов, а в Англии – 55 пудов<sup>308</sup>.

Слабосильная русская лошадь могла тащить только соху, но не плуг, для которого требовались две пары быков. Таким образом, до революции преобладающим пахотным орудием в центральных районах была соха. «Для сохи, – писал современник, – достаточно одной плохой лошади, и хотя соха пашет действительно мелко и плохо, зато всякий хозяин успевает вторично перепашать землю с бороной и засеять под соху с бороной»<sup>309</sup>. Соха пахала не более чем на 12 см, а плуг мог пахать на 25 см, и к тому же он переворачивал пласт земли, что было важно для уничтожения сорняков. Известный экономист А. Н. Челинцев считал, что замена сохи плугом на распашке поздних паров даст прибавку урожая в 14%, но при ранних парах прибавки не отмечается<sup>310</sup>.

Одним из достижений эпохи нэпа была прогрессирующая замена сохи железным плугом. Производство плугов в 1928/29 году по сравнению с 1913 годом увеличилось в 2,5 раза и достигло 1,68 млн. штук<sup>311</sup>. В 1928 году в ЦЧО на 100 хозяйств приходилось 40 плугов<sup>312</sup>. Поскольку плуг был сравнительно дорог и требовал, по крайней мере, двух лошадей или волов, то его использование требовало кооперации

---

<sup>306</sup> Иванов А. А. Указ. соч. С. 53.

<sup>307</sup> Цит. по: там же. С. 107.

<sup>308</sup> Сельскохозяйственная техника... С. 17.

<sup>309</sup> Цит. По: Островский В. А. Указ. соч.

<sup>310</sup> Челинцев А., Тумановский А. Указ. соч. С. 50

<sup>311</sup> Социалистическое строительство СССР. М., 1936. С. 161-162.

<sup>312</sup> Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. Воронеж, 1929. С. 174.

крестьянских хозяйств: два-три хозяйства объединяли усилия и пахали «супрагой». Впрочем, некоторые специалисты весьма критически отзывались о качестве плугов, выпускаемых советскими заводами; профессор К. И. Дебу отмечал, что «чуть ли не половина... выпускаемых плугов никуда не годится»<sup>313</sup>. Отмечалось также, что плуги, предлагаемые крестьянам в пунктах проката, как правило, неисправны<sup>314</sup>.

Как отмечал Н. И. Вавилов, «главным бедствием нашего земледелия» являлась засоренность посевного зерна сорняками, следствием чего было изобилие сорняков на полях<sup>315</sup>. Зерно можно было сортировать с помощью сортировок-«триеров», но из-за дороговизны они были доступны лишь немногим крестьянам, и, будучи сосредоточенными в зажиточных хозяйствах, использовались только на 10% мощности<sup>316</sup>. В 1925 году при высеве 728 млн. пудов было отсортировано только 15 млн. пудов семян; кроме того, было распространено среди крестьян 2 млн. пудов сортовых семян<sup>317</sup>. В 1927 году сортовые посевы составляли 3,1% всех посевных площадей<sup>318</sup>.

Н. И. Вавилов считал внедрение сортовых посевов самым простым и эффективным способом поднятия урожайности; по его оценке, урожайность могла увеличиться на 20-30%<sup>319</sup>. Кроме того, можно было увеличить урожайность за счет применения рядовых сеялок, которые обеспечивали большую всхожесть семян за счет аккуратного заделывания их в почву. А. Н. Челинцев оценивал возможную прибавку урожайности в 10-15%<sup>320</sup>, однако рядовые сеялки были дороги для крестьян. В ЦЧО одна сеялка приходилась на 54 хозяйства, и это были, в основном, не рядовые, а менее эффективные разбросные сеялки<sup>321</sup>.

Большие потери урожайности были связаны с распространением болезней растений. Наиболее распространенной среди болезней была

---

<sup>313</sup> Дебу К. И. Ответ отдела машиноведения на вопрос РКИ о поднятии урожая при помощи машин // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С. 83.

<sup>314</sup> Впечатления экспедиции по эффективности мероприятий в сельском хозяйстве ЦЧО... С. 141.

<sup>315</sup> Вавилов Н. И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С. 75.

<sup>316</sup> Матюхин В. В. К постановлению сессии ЦИК СССР о подъеме урожайности // Пути сельского хозяйства. 1929. №1. С. 15.

<sup>317</sup> Лежнев-Финьковский П. Я. Указ. соч. С. 7.

<sup>318</sup> Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. М., 1930. С. 337.

<sup>319</sup> Вавилов Н. И. Указ. соч. С. 75.

<sup>320</sup> Челинцев А., Тумановский А. Указ. соч. С. 50.

<sup>321</sup> Пятилетний план... Т. III. С. 481.

так называемая «мокрая головня», которая поражала пшеницу и в отдельных губерниях могла погубить до 30% урожая. Средством от «мокрой головни» было протравливание семян перед посевом. Крестьяне редко применяли протравливание, но, например, в Курской губернии имелся положительный опыт существенного сокращения потерь от болезней. Специалисты полагали, что проведение протравливания семян может увеличить урожай на 9-10%<sup>322</sup>.

Еще один комплекс агротехнических проблем был связан с уборкой урожая. Это было самое горячее время страды, когда крестьянские хозяйства испытывали недостаток рабочей силы. В период жатвы крестьяне не только обедали и отдыхали в поле, но и брали с собой грудных детей. Если поля были удалены от села, то семьи отправлялись в отъезд на одну-две-три недели<sup>323</sup>. В Центральной России уборочные машины были редкостью: в ЦЧО одна жнейка приходилась на 72 хозяйства, и хлеб убирали по большей части вручную<sup>324</sup>. Рожь обычно убирали серпом, а овес косили. Косьба позволяла быстрее убрать яровые, но потери зерна были значительно больше – в среднем примерно 16% против 4% при уборке серпом. Примерно 5% составляли потери при перевозке на тока, где хлеб складывали в скирды, а затем молотили. Обмолот производился, в основном, вручную, причем потери достигали 12%. Обмолот с помощью конных молотилок уменьшал потери до 8%, а с помощью «локомотивей» до 4-5%, но молотилок было мало: в ЦЧО одна молотилка приходилась на 46 хозяйств<sup>325</sup>.

В итоге, суммарные потери при уборке оценивались специалистами в 15-23% урожая<sup>326</sup>. В эту цифру, однако, не входили потери от осыпания зерна. Вследствие отсутствия уборочных машин уборка зерновых в крестьянских хозяйствах продолжалась более месяца, что приводило к большим потерям от осыпания; известно, что к 23 дню уборки потери увеличивались вдвое<sup>327</sup>.

---

<sup>322</sup> Ячевский А. А. К вопросу о подъеме урожайности с точки зрения фитопатологии // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С. 94-101; Матюхин В. В. Указ. соч. С. 16.

<sup>323</sup> Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009. 33-34.

<sup>324</sup> Пятилетний план... Т.III. С. 481.

<sup>325</sup> Юрцовский М. Потери зерна при уборке // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 3. С. 108; Пятилетний план... Т.III. С. 481.

<sup>326</sup> Юрцовский М. Указ. соч. С. 108, 119.

<sup>327</sup> Матвеев И. О некоторых вопросах комбайнизации уборки зерновых // Плановое хозяйство. 1937. №7. С. 112, 116.

При господстве парцеллярных хозяйств имели место явления, которые специалисты называли «дезорганизацией сельскохозяйственной территории». Чересполосица достигала крайней степени, так что надел иногда состоял из 40 полос в разных местах. Иной раз ширина полосы составляла всего лишь полтора аршина (крестьяне меряли ширину лаптем). Нередки были селения, имевшие землю в 4-5 участках, пашня от усадьбы отстояла иногда на 25-30 верст. На Черноземье преобладали большие села; в Курской губернии больше половины селений имели свыше 100 дворов и некоторые достигали пяти верст в длину<sup>328</sup>. По данным опроса, проведенного в 1922 году, 62% крестьян высказывали недовольство сложившимися порядками землепользования – главным образом, чересполосицей. Четверть из числа недовольных желала разделить землю на хутора, но большинство стремилось свести свои полосы в отруба или расселиться мелкими поселками с тем, чтобы можно было практиковать многопольный севооборот<sup>329</sup>.

В сентябре 1925 года появилось постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах восстановления Центрально-Черноземных губерний в хозяйственном и культурном отношении». В постановлении констатировалось, что упадок Центрального Черноземья стал фактом еще до войны, и «в настоящее время это упадок выражается в большом количестве избыточного населения, увеличении безлошадности, сокращении посевных площадей и общей культурной и хозяйственной отсталости местного населения»<sup>330</sup>. В соответствии с указанным постановлением за три года в сельское хозяйство Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской губерний было вложено около 50 млн. рублей<sup>331</sup>. За 1925-1928 годах было проведено землеустройство на 40% от всей площади землепользования, создано три тысячи новых поселков, для

---

<sup>328</sup> Тоцкий Н. Центрально-Черноземная область в системе народного хозяйства СССР // Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. С. 21; Муралов Н. Центральная черноземная область // Пути сельского хозяйства. 1925. №3. С. 23.

<sup>329</sup> Бляжер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г. // Вестник статистики. Кн. XIII. № 1. С. 146-147.

<sup>330</sup> Цит. по: Ремейко А. На путях восстановления хозяйства ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. С. 11; данные для Урала подсчитаны по: Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. С. 4.

<sup>331</sup> Логунов В.И. Значение исторического опыта восстановления сельского хозяйства Центрального Черноземья (1921-1927гг.) // [http://rushist.narod.ru/files/saint\\_works/art\\_16.htm](http://rushist.narod.ru/files/saint_works/art_16.htm)

их обеспечения водой вырыто 4 тысячи колодцев и 1200 прудов, орошено 332 тыс. гектаров земель<sup>332</sup>.

По существу, это было, продолжение реформы Столыпина, которая подразумевала землеустройство и расселение крестьян по хуторам. Конечной целью проводимого Столыпиним землеустройства была замена традиционного трехполья многопольем. Это был европейский вариант разрешения аграрного кризиса, который разразился в Западной Европе в конце XVIII-начале XIX века. Как и в России, кризис был вызван истощением земель при традиционных системах земледелия, и он привел к агротехнической революции. Было доказано, что посеянные на парах клевер или люцерна не только обеспечивают корм для скота, но и увеличивают урожайность зерновых. Клубеньковые растения благодаря своему симбиозу с бактериями обладали свойством аккумулялировать азот воздуха и таким образом обогащать почву. Благодаря внедрению в севооборот этих культур урожайность зерновых в Германии, прежде (как и в России) державшаяся на уровне 6,7-7,5 ц/га, к 1880-м годам увеличилась вдвое<sup>333</sup>.

Несмотря на агитацию чиновников в пользу перехода к многополью крестьяне ЦЧО не спешили внедрять клеверные посевы. Во многих случаях общины, перешедшие было к многополью, вскоре возвращались к трехполью<sup>334</sup>. Специалисты отмечали «агрономическую некультурность» крестьян, которые упорно придерживались традиционного трехполья; травами засевалось лишь 2% всех посевных площадей<sup>335</sup>. Однако истинная причина крестьянского консерватизма была в другом: оказалось, что клевер и люцерна не приспособлены к условиям засушливого континентального климата; посевы трав не давали такого эффекта, как в Германии или в Англии<sup>336</sup>. *«Не только нашей малой культурностью, нашей экономической отсталостью, но прежде всего географическими факторами объясняются низкие урожаи нашей страны...»* – подчеркивал Н. И. Вавилов. – Это понижение урожайности стоит в определенной связи с повышением континентальности климата с углублением в Европейско-Азиатский материк, с увели-

---

<sup>332</sup> Сергеев В. Указ. соч. С. 117.

<sup>333</sup> Прянишников Д. Н. Частное земледелие //Избранные произведения Т. II. М., 1965. С. 281.

<sup>334</sup> Впечатления экспедиции по эффективности... С. 139.

<sup>335</sup> Пятилетний план... Т. III. С. 483.

<sup>336</sup> Васьильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 148.

чением испаряемости, резкими колебаниями климата)<sup>337</sup>. Лишь в более увлажненных нечерноземных областях посевы клевера реально увеличивали урожай зерновых. Но вклад этих областей в валовой сбор страны был относительно невелик, поэтому надежды Столыпина на клевер и люцерну были напрасными.

Как отмечалось выше, в географическом отношении Россия не составляла единого целого; и в частности, степной Юг был особой областью, где исторически сложились весьма специфические социально-экономические условия. В южной степной зоне, которая стала осваиваться только в XIX веке, в отличие от центральной части страны, не было аграрного перенаселения, здесь было много земли, и крестьяне имели относительно большие наделы. До революции крестьяне и казаки Юга жили относительно зажиточно; казаки имели наделы порядка 40-50 га, нанимали батраков и широко использовали жнейки на конной тяге. Такое положение отчасти сохранилось и после революции: в Сталинградской губернии в 1925 году средний размер надела составлял 37 га – в четыре с половиной раза больше, чем в Тамбовской губернии. Из этого большого надела половину составляла пашня, а остальное приходилось на пастбище и сенокос<sup>338</sup>.

Изобилие земли и плодородные почвы сочетались на Юге с засушливым климатом, поэтому в степных областях применялись системы земледелия, резко отличающиеся от трехполья центральных областей. Воздействие демографического фактора (отсутствие аграрного перенаселения) сочеталось здесь с воздействием географического фактора (плодородных почв и засушливого климата). Наиболее популярной на Юге системой земледелия была «казацья» система, при которой три года подряд сеяли пшеницу по пшенице, затем три года поле эксплуатировалось как выгон и три года как сенокос<sup>339</sup>. Озимую пшеницу сеяли сразу после уборки с помощью «буккера» – это был совмещен-

---

<sup>337</sup> Вавилов Н. И. Проблема урожайности... С. 73.

<sup>338</sup> Серешников В. Задачи реорганизации крестьянского хозяйства Сталинградской губернии // Пути сельского хозяйства. 1926. № 6-7. С. 49; Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции // Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Вып. 1. Воронеж, 1926. С. 142; Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 117.

<sup>339</sup> Матюхин Н. К. Надо договориться окончательно // Пути сельского хозяйства. 1926. № 3. С. 165.

ный с сеялкой плуг, заимствованный казаками у немецких колонистов. Буккер-«скоропашка» пахал мелко, но он имел до пяти лемехов и благодаря этому обеспечивал относительно быструю вспашку. Однако применение буккера (или заменявшего его двухлемешного плуга) требовало иметь в хозяйстве три пары быков или три-четыре лошади и несколько работников – до революции только такие хозяйства считались на Юге полноценными, «тягловыми»<sup>340</sup>. После революции «тягловые» крестьяне и казаки превратились в «кулаков», и степной Юг считался цитаделью «кулачества». На долю 10% самых зажиточных хозяйств в этом регионе приходилось 35-45% всех средств производства и 30% рабочего скота. Крестьяне-середняки должны были «супрягаться», чтобы составить упряжку, достаточную для буккера. Хозяйства, имеющие такую упряжку, могли применять не только буккер, но и другие машины; уборку хлебов производили, в основном, конными жнейками-«лобогрейками», а обмолот производился конными или паровыми молотилками<sup>341</sup>. Для покупки машин середняки создавали «машинные товарищества»; перед коллективизацией на Украине было 3,3 тыс. таких товариществ, которые объединяли 79 тыс. дворов<sup>342</sup>.

Наряду с зажиточным кулачеством на Юге было много бедноты – «бестяглых» или «пеших» крестьян. На долю слабосильных 30% хозяйств приходилось только 5-7% средств производства, и в массе своей это были хозяйства без рабочего скота. Они не могли полностью обработать свои наделы, поэтому часть пашни пустовала, а часть сдавалась в аренду зажиточным крестьянам. 10% крестьян Юга вообще не вели своего хозяйства, подражаясь работать у «кулаков»<sup>343</sup>.

В целом, хозяйство степного Юга было экстенсивным, оно хищнически эксплуатировало естественное плодородие почв в недавно освоенных областях. В условиях, когда три года пшеницу сеяли по пшенице, поле быстро зарастало сорняками. По свидетельству агроно-

---

<sup>340</sup> Кругов А. И. Земские статистики о крестьянском хозяйстве Юга России на рубеже XIX-XX веков // Великие реформы 1860-1870-х гг. и аграрная Россия. Оренбург, 2011. С. 86-87.

<sup>341</sup> Мошков Ю. А. Зерновая проблема... С. 49; Мацкевич С. Производительность труда в колхозах // Плановое хозяйство. 1938. № 10. С. 88-89; Маторин А. А. Материалы к изучению местной лошади в крестьянских хозяйствах Кубанского края // Пути сельского хозяйства. 1926. № 5. С. 127; Пятилетний план... Т. 2. Ч.1. С. 264.

<sup>342</sup> Мошков Ю. А. Зерновая проблема... С. 49.

<sup>343</sup> Пятилетний план... Т. 2. Ч.1. С. 264; Серешников В. Указ. соч. С. 50.

мов, засоренность полей была «колоссальная»<sup>344</sup>. Буккер был специфическим плугом, который позволял пахать такие засоренные поля. Конные жнейки позволяли убирать большие площади, но допускали большие потери при уборке: до 15% урожая, не считая потерь при перевозке и молотье<sup>345</sup>. Земледельческие системы Юга были ориентированы на получение возможно более дешевого зерна, хотя бы даже это было сопряжено с большими потерями, с истощением почвы и разрушением экосистемы. Эти особенности были следствием вовлеченности Юга в европейскую рыночную экономику: до революции хозяйства Юга получали большие прибыли от экспорта зерна за границу. И. Д. Ковальченко и Л. И. Бородкин отмечали, что, Степной район, характеризовавшийся самым глубоким обуржуазиванием крестьянства, характеризовался также и самой низкой интенсивностью сельскохозяйственного производства<sup>346</sup>. Однако постепенно, по мере уплотнения населения, в отдельных губерниях начинался переход к более интенсивному земледелию, к примеру, на херсонщине начали использовать пар и зяблевую вспашку<sup>347</sup>.

Уральская область в силу своей большой протяженности с севера на юг сочетала в себе черты нечерноземного северного и степного южного земледелия. На Среднем Урале, в Ирбитском уезде, удобряли четверть парового поля, а в Верхотурском уезде – даже 2/3. Здесь использовался четырехпольный севооборот: пар, озимая рожь, ячмень, овес. В лесостепном Зауралье (Челябинский, Курганский, Ялуторовский, Ишимский районы) установленного севооборота не было; на поля здесь вывозилось только 16% имевшегося навоза, остальное сваливалось в овраги. В южном Троицком районе преобладали агротехнические приемы колонизируемых степных областей: удобрения не применялись; пашня подолгу забрасывалась под залежь, и крестьяне переходили на другие земли. В целом по области навозом удобрялось только 5% посевов<sup>348</sup>. Сортовыми семенами засеивалось лишь 1,6%

---

<sup>344</sup> Матюхин Н. К. Указ. соч. С. 166.

<sup>345</sup> Юрцовский М. Указ. соч. С. 108.

<sup>346</sup> Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России//Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. М., 1991. С. 28.

<sup>347</sup> Мацкевич С. Производительность труда в колхозах// Плановое хозяйство. 1938. № 10. С. 88-89.

<sup>348</sup> Воробьев А. Сельское хозяйство Урала. Свердловск, 1926. С.32-34; Лейрих Э. Влияние агромероприятий на поднятие урожайности // Хозяйство Урала. 1929. № 8-9. С. 113.

всей посевной площади; минеральные удобрения практически не применялись. В южных районах в больших количествах применялись плуги, но в целом на Урале 3/5 пахотных орудий составляли старинные сохи, косули и сабаны. В 1925-1926 годах доля ранних паров составляла только 11%, а доля зяби – 5%<sup>349</sup>. В старозаселенных районах Среднего Урала серьезной проблемой была удаленность полей, «дезорганизация сельскохозяйственной территории». В Шадринском округе, где эта дезорганизация была наибольшей, по отзывам специалистов, «зерновое хозяйство уже подошло к кризису»<sup>350</sup>.

В целом по стране конными плугами производилось 89% пахоты, а остальное пахали сохами. Сев на 75% производился вручную и на 25% – конными сеялками. 56% зерновых убирали конными жнейками, 44% – серпами и косами<sup>351</sup>.

Агротехника 1920-х годов лишь незначительно отличалась от до-reволюционной системы хозяйствования на земле. Это была примитивная агротехника; в центральных районах она была обусловлена аграрным перенаселением и слабосильностью крестьянских хозяйств, а на степном Юге – традиционным хищническим отношением к земле. Консервативность этих хозяйственных систем была такова, что ее невозможно было преодолеть в короткое время без решительного вмешательства государства. Между тем, времени оставалось немного: на страну надвигался экологический кризис.

### 3.6. Экологический кризис

Бесконтрольная, неограниченная распашка земель должна было привести к экологическому кризису и к падению урожайности. Кризис был проявлением деятельности человека – но одновременно проявлением роли *географического* фактора. «Природа мстит человеку за то, что он не бережно относится к главному даровому благу – естественному плодородию почв, – писал Н. П. Огановский. – Тогда учащаются неурожайи и наступает аграрный кризис – голодовки, болезни, нищета.

---

<sup>349</sup> Лейрих Э. Соха и плуг на Урале// Хозяйство Урала. 1928. № 3. С. 94; Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале... С. 20; Филагов В. В. Уральское село, 1927-1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия. Магнитогорск, 2006. С. 67-68.

<sup>350</sup> Затеишиков Л. Сельскохозяйственные районы Уральской области // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 92-93.

<sup>351</sup> Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 491.

Такой кризис был во Франции в конце XVIII века, в Германии в 1840-х годах и у нас в центральных губерниях – пятьдесят лет спустя – в 1890-х годах»<sup>352</sup>. «В конечном счете, именно социально-экологический кризис – кризис одновременно и общества, и природы – лежал в основе вани Великой русской смуты XX века», – отмечает Э. С. Кульпин<sup>353</sup>.

Большая работа, проведенная в последние годы известным историком В. В. Канищевым и его учениками, выявила впечатляющую картину нарастания экологического кризиса в Центрально-Черноземном районе<sup>354</sup>. Анализируя общую динамику посевов в ЦЧР, можно отметить, что в 1860-1900 годах процесс расширения пашни привел к тому, что *были распаханы практически все удобные земли*. Тамбовские историки-аграрии, досконально изучившие проблему, пишут, что *«в течение XIX в. в губернии обнаружались естественные пределы развития экономики, демографии и экологии традиционного общества*. К началу XX в. в аграрных регионах России все явственнее проявлялись черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур...»<sup>355</sup> «В Центрально-Черноземном районе относительные размеры распаханной площади достигли предела, какого не знают страны с интенсивной культурой», – признает официальный источник<sup>356</sup>. Распаханность земель в отдельных уездах достигала 80-82%; она намного превосходила среднюю распаханность в Германии и Франции (около 50%)<sup>357</sup>.

---

<sup>352</sup> Огановский Н. П. Популярные очерки экономической географии СССР в связи с мировой. М., 1925. С. 113.

<sup>353</sup> Кульпин Э. С. Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России // Природа и общество: на пороге метаморфоз. М., 2010. С. 176.

<sup>354</sup> Канищев В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2002. С. 513-530; Канищев В. В., Цинцадзе Н. С. Экологическая история российского села в начале XX в. Тамбов, 2010.; Канищев В. В., Цинцадзе Н. С. Экологическая история тамбовского села во второй половине XIX века. Тамбов, 2012. Акользина М. К. Изменение состояния ресурсов... и др.

<sup>355</sup> Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 5.

<sup>356</sup> Сельскохозяйственная техника. Высочайше утвержденное совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903. С. 8.

<sup>357</sup> Там же.

Первые предупреждения о надвигающемся экологическом кризисе в России относятся к концу XIX века. Известный экономист А. И. Васильчиков писал в брошюре, изданной в 1881 году: «В чем состоит этот кризис?.. Землевладельцы и земледельцы бессознательно... истощали производительные силы природы... Степи и нови... были большей частью распаханы и выпажаны... Сенокосы сокращались, [почвы] истощались безобразными посевами прежних лет, из года в год, без отдыха и удобрений... Прежние культуры истощали почву, истревили леса... земли устали, просят отдыха»<sup>358</sup>.

Саратовский губернатор А. П. Энгельгардт так характеризовал состояние центральных земледельческих губерний: «Частые неурожаи захватывают одновременно громадную посевную площадь. Леса вырублены. Сады гибнут. Реки обмелели, водные источники иссякли. Поля покрыты оврагами. На безлесные степные пространства надвигаются сыпучие пески... Безлесье и многоовражье лишают плодородную землю влаги, понижая уровень почвенных вод, и не дают ей необходимой силы для того, чтобы противостоять зною и иссушающим ветрам. Засухи губят растительность полей и лугов; население беднеет, уходя с пустыми руками с трудовой нивы...»<sup>359</sup>.

Проблема наступающего экологического кризиса встала со всей остротой во время четырехлетней засухи 1889-1892 годов. Современник в ярких красках описывает пронесившиеся по Черноземью пыльные бури: «Сухая осень... малоснежная зима и, наконец, сухая весна превратили пахотный горизонт чернозема... в рассыпчатый порошок, который поднимался целыми тучами, заслоня солнечный свет и превращая день в ночь. По единогласному свидетельству очевидцев, явление носило столь грозный устрашающий характер, что все ждали "кончины мира"»<sup>360</sup>. Поезда не могли двигаться из-за заносов; специальные спасательные команды откапывали полустанки. В некоторых

---

<sup>358</sup> Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб., 1881. С. 138-141.

<sup>359</sup> Цит. по: Михайлов А. В. Записка симбирского землевладельца статского советника А. В. Михайлова о причинах, вызывающих упадок экономического благосостояния центрально-черноземных и восточных губерний России, и о мерах, к поднятию благосостояния этого земледельческого региона // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 38. Симбирская губерния. СПб, 1903. С. 303.

<sup>360</sup> Цит. по: Мун Д. Экологическая история российских степей: Василий Докучаев и неурожай 1891 г.// Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 3. С. 56.

уездах чернозем был полностью выдут; черную пыль донесло до Швеции<sup>361</sup>.

Четырехлетняя засуха породила «царь-голод»: в 1889-1892 годов излишняя смертность составила 1,75 млн. человек<sup>362</sup>. Эти драматические события заставили специалистов перейти к научному изучению проблемы. Под впечатлением засухи 1889-1892 годов была написана книга агронома А. А. Измаильского «Как высохла наша степь». «Если мы будем так же беззаботно смотреть на прогрессирующее изменение поверхности наших степей, а в связи с этим и на процесс иссушения степной почвы, то едва ли можем сомневаться, что в сравнительно недалеком будущем наши степи превратятся в бесплодную пустыню», – писал Измаильский<sup>363</sup>. Известный геолог и почвовед В. В. Докучаев издал книгу «Наши степи прежде и теперь», в которой впервые дал описание происхождения и строения степных почв, указал на роль в формировании этих почв степной флоры и фауны. Докучаев писал о губительном влиянии распашек на почвы, климат и экологию степной зоны; он предложил обширную программу водозадержания и добился организации «Особой экспедиции по испытанию и учёту различных способов и приёмов лесного и водного хозяйства в степях России». Экспедиция убедила Докучаева в том, как скромны познания науки и как невежественны, первобытны способы обработки почв. Крестьяне и землевладельцы Юга стремились добиться прибавки урожая любой ценой сегодня, сейчас, пусть даже подорвав плодородие почвы. Земледелие становилось, по образному выражению Докучаева, «биржевой игрой», азартность и ставки которой росли с каждым годом<sup>364</sup>.

Министр финансов С. Ю. Витте обратился к известному химику Д. И. Менделееву за рекомендациями по вопросу о предотвращении усыхания степей, и Менделеев представил записку с проектом мелиоративных работ<sup>365</sup>. В январе 1902 года под председательством С. Ю. Витте было учреждено «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Это совещание заслушало сообщения местных комитетов о состоянии сельского хозяйства в губерниях. Члены там-

---

<sup>361</sup> Борейко В. Е. На колени перед русским черноземом // Биология. 2002. № 22. С.

<sup>362</sup> Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. II. М., 2011. С. 406.

<sup>363</sup> Измаильский А. А. Как высохла наша степь // Измаильский А. А. Избранные сочинения. М., 1949. С. 71.

<sup>364</sup> Борейко В. Е.. Указ. соч. С.

<sup>365</sup> Менделеев Д. И. О сельскохозяйственной мелиорации // Менделеев Д. И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М., 1954. С.

бовского комитета сообщали: «Климат Центральной России изменяется к худшему, и это изменение с каждым годом прогрессирует, чем и объясняется понижение урожайности. Причины этому – уничтожение лесов, увеличение посевных площадей и разрастание оврагов. Безлесье и овраги иссушают землю, мешают задержанию на ее поверхности снега и дождей, и засуха действует привольно, не встречая себе ни в чем помехи»<sup>366</sup>.

Член симбирского комитета А. В. Михайлов писал: «Массовое истребление лесов во всей средней и восточной полосах России не могло не отразиться на климатических особенностях этого обширного чисто земледельческого региона... По мере того, как изменялись климатические условия, недороды стали учащаться и стали под конец хроническими»<sup>367</sup>. А. В. Михайлов отмечал, что в Самарской губернии до 1872 года было только два неурожая, а в 1873-1902 годах – 8 неурожаев; аналогичную статистику он приводит и по другим губерниям Поволжья<sup>368</sup>.

Для представителей общественности связь вырубки лесов с изменением климата и учащавшимися недородами была очевидной. У них не вызывало сомнений, что причиной происходящего является хищническая и бесконтрольная деятельность сельского населения<sup>369</sup>.

Другая экологическая проблема была связана с распространением оврагов. По сведениям 1866 года овраги в Данковском уезде Рязанской губернии составляли 9% площади уезда, а в 1902 году – уже 20%<sup>370</sup>. Члены курского комитета предостерегали: «Если не принять меры к укреплению оврагов, то вместо черноземной Курской губернии может получиться пустыня вроде Сахары»<sup>371</sup>.

Если на степном Юге экологические проблемы были вызваны хищническим отношением крестьян и землевладельцев к природной среде, то в Центральной России эти проблемы были следствием аграрного перенаселения. Подробное описание экологического кризиса в Центрально-Черноземном районе было приведено во втором томе энциклопедического издания «Россия», опубликованного под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского в 1902 году. «Полное географи-

---

<sup>366</sup> Цит. по: Канищев В. В., Цинцадзе Н. С. Экологическая история российско-го села... С. 14.

<sup>367</sup> Михайлов А. В. Указ. соч. С. 297-298.

<sup>368</sup> Там же. С. 298-299.

<sup>369</sup> Канищев В. В., Цинцадзе Н. С. Указ. соч. С. 20.

<sup>370</sup> Там же. С. 15.

<sup>371</sup> Цит. по: там же.

ческое описание» констатирует, что под влиянием недостатка пахотных земель крестьяне вынуждены были распахивать степи, луга, леса. Максимальной распаханностью отличались те территории района, которые были колонизированы раньше других – то есть Тульская, Орловская, Рязанская и Тамбовская губернии. Именно здесь наиболее ярко проявлялись черты «оскудения». Бесконтрольная распашка лесов и степей вызвала катастрофическое сокращение многообразия растительного и животного мира, в то время как возросло разнообразие видов вредных насекомых. По набору насекомых-вредителей Центрально-Черноземный район занимал первое место в России, и бывали годы, когда вредители уничтожали в отдельных уездах треть урожая. Другим негативным следствием истребления лесов явилось образование большого количества оврагов. Искусственное изменение рельефа местности вызвало понижение уровня грунтовых вод, обмеление рек, исчезновение некоторых озер. Еще пагубнее хозяйственная деятельность человека отразилась на состоянии климата Среднерусской равнины, который с каждым десятилетием становился все суше<sup>372</sup>.

Засухи 1889-1892 годов были первым сигналом о начале экологического кризиса. В дальнейшем интенсивность засух несколько спала. На графике, изображенном на рис. 3.1, показана интенсивность засух в 1885-1940 годах, причем мерой интенсивности служит процент уменьшения урожайности на агротехнических станциях в районе засухи по отношению к среднему уровню. Как видно из графика, в первом десятилетии XX века было два засушливых года (1901 и 1906), и урожайность падала только на 36-38%. Во втором десятилетии было три засушливых года (1911, 1914, 1917), наиболее тяжелым был 1911 год, когда урожайность упала на 48%. В начале 1920-х годов последовал второй удар экологического кризиса: разразилась двухлетняя катастрофическая засуха 1920-1921 годов, причем в 1921 году урожайность упала на 58%. Как известно, этот катаклизм вызвал страшный голод и гибель миллионов людей в Поволжье.

---

<sup>372</sup> Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. П. П. Семенова. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб, 1902. С. 11-12, 15, 17-20, 50, 78, 111-112, 193-194.

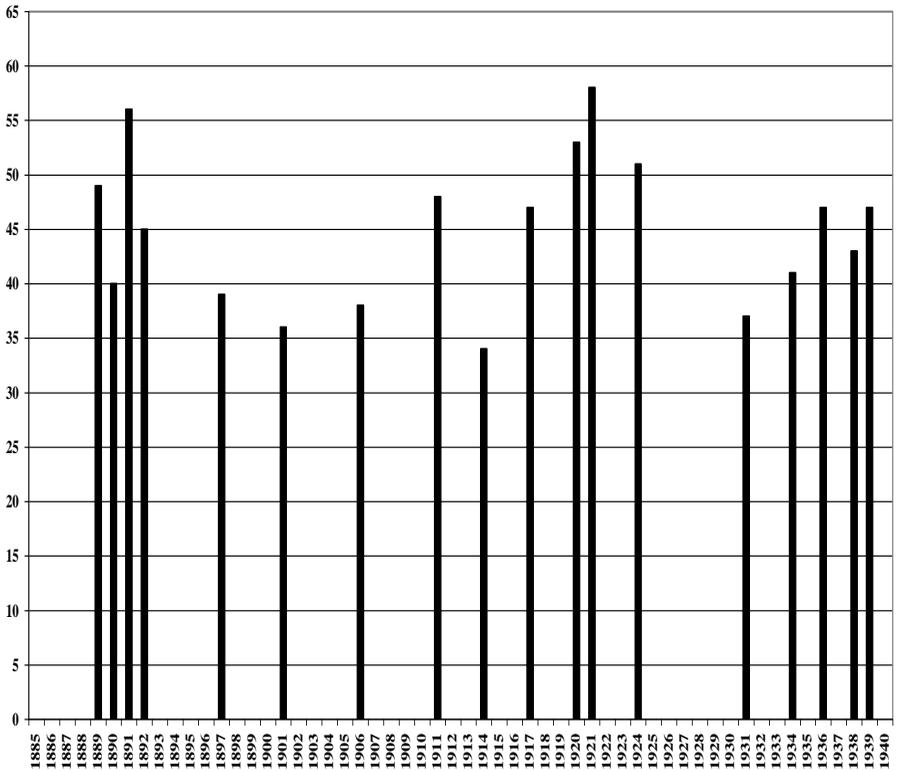


Рисунок 3.1 – Интенсивность засух в 1885-1940 годах<sup>373</sup>

Приведенная на рис. 3.2 карта показывает, насколько увеличился регион засухи в 1921 году по сравнению с 1891 годом. В Центральном Черноземье регион засухи расширился от Воронежа до Орла и Тулы, но наиболее значительными были изменения на степном Юге: область засухи охватывала теперь большую часть Украины и низовья Дона.

<sup>373</sup> Построено по: Алпатьев А. М., Иванова В. Н. Характеристики и географическое распространение засух // Засухи в СССР, их происхождение, повторяемость и влияние на урожай. Л., 1958. С. 162-165.

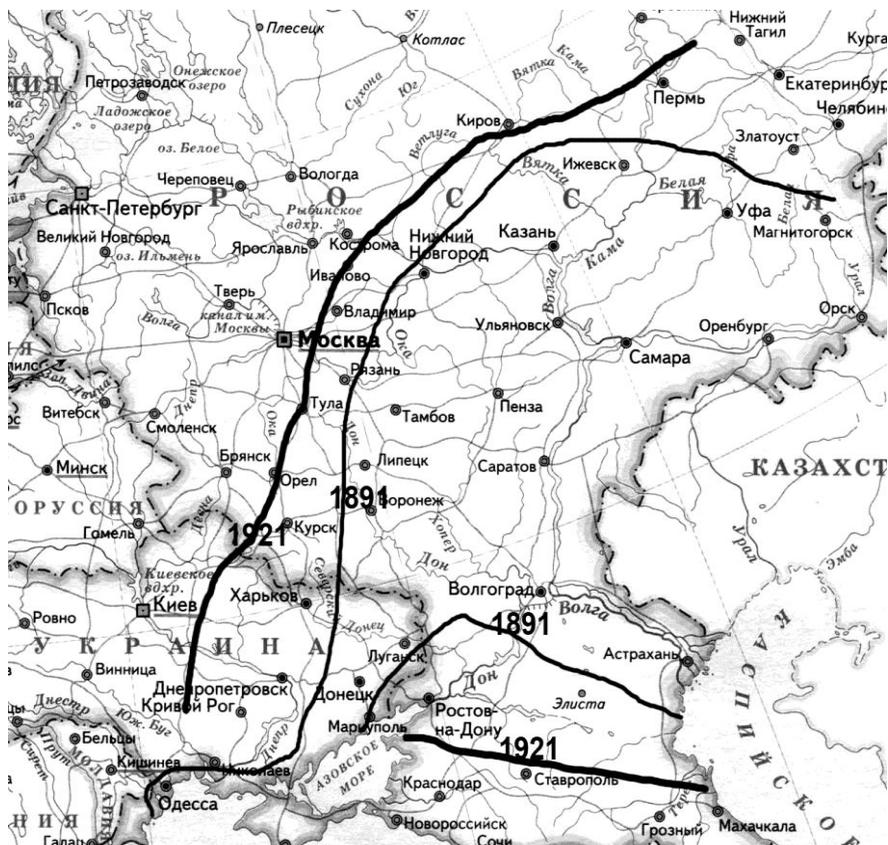


Рисунок 3.2 – Границы районов, пораженных засухой в 1891 и 1921 годах<sup>374</sup>.

В 1925-1930 годах значительных засух не было, и годы нэпа были относительно урожайными. Как отмечалось выше, это отразилось в сравнительно высоком потреблении сельского населения. Однако распашки продолжались, и новое обострение экологического кризиса было неизбежно. Предвестием кризиса были грандиозные пыльные бури конца 1920-х

<sup>374</sup> Составлено по: Алпатьев А. М. Характеристика засух //Климатические ресурсы центральных областей европейской части СССР и использование их в сельскохозяйственном производстве. М., 1956. С. 169.

годов. Во время пыльной бури в апреле 1928 года на Украине ветер поднял с площади около 1 млн. кв. км более 15 млн. т чернозема. Черные облака были унесены на запад, и пыль осела на площади 6 млн. кв. км в Румынии и в Польше. Мощность черноземного слоя в степных областях Украины после этой бури уменьшилась на 10-15 см<sup>375</sup>.

В 1930-е годы экологический кризис нанес новый удар: на десять лет пришлось пять засух – в 1931, 1934, 1936, 1938 и 1939 годах. В предвоенное пятилетие на два благополучных года пришлось три засушливых. Очевидно, эти постоянные засухи должны были отразиться на уровне потребления в 1936-1940 годах – в особенности в сравнении с благополучным периодом нэпа. Таким образом, анализируя изменения в уровне потребления, произошедшие в результате коллективизации, мы должны учитывать, что период, наступивший после 1933 года, был периодом жестокого экологического кризиса.

Нужно отметить, что С. Уиткрофт<sup>376</sup> на основе предложенной В. М. Обуховым<sup>377</sup> регрессионной модели подсчитал уровень падения урожайности, который был вызван засухами в 1920-1930-х годах. Однако указанная модель Обухова базировалась на данных об изменении урожайности в 1885-1915 годах. Между тем, данные об урожайности за 1885-1893 годы были занижены<sup>378</sup> и несравнимы с данными за последующий период, поэтому построенная с их использованием модель, очевидно, должна была содержать погрешности в коэффициентах регрессии. Таким образом, хотя приводимые С. Уиткрофтом материалы представляют определенный интерес, точность соответствующих расчетов может быть поставлена под сомнение.

### 3.7. Кризис нэпа

Как отмечалось выше, по сравнению с началом XX века в 1925-1928 годах не отмечалось увеличения душевых сборов зерна. Однако душевое потребление (в пищу и на фураж) увеличилось на 20% за счет резкого (в 12 раз) сокращения экспорта. В Центральном Черноземье – одном из основных регионов производства товарного хлеба – потреб-

---

<sup>375</sup> Пыльные бури//Мир путешествий и приключений. – <http://www.outdoors.ru/extra/dust.php>

<sup>376</sup> Wheatcroft S. G. The Significance of Climatic and Weather Change on. Soviet Agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). Discussion Papers, SIPS. 1977. No. 11 (CREES, University of Birmingham).

<sup>377</sup> Обухов В. М. Урожайность и метеорологические факторы. М., 1949.

<sup>378</sup> Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики //Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т.14. Пг., 1915. С.75.

ление увеличилось на 30%, также в основном за счет сокращения вывоза из региона. «Наиболее широкие слои деревни ведь сколько-нибудь сносно стали есть только после революции, – говорил в 1928 году председатель Совнаркома А. И. Рыков, – и в связи с этим мы имеем колоссальный рост потребления при понижении роста продукции на душу населения. Это в значительной мере служит основной для кризисных явлений на сельскохозяйственном рынке»<sup>379</sup>. Суть проблемы состояла в том, что крестьяне, поделив помещичьи земли, увеличили личное потребление хлеба и поэтому резко сократили его поставку на рынок, не только ликвидировав экспорт, но и нарушив снабжение городов.

В. С. Немчинов (который был одним из руководителей ЦСУ и на которого ссылаются многие историки) определял для довоенного времени товарную часть хлеба в 1300 млн. пудов из 5000 млн. пудов валовой продукции. В 1926/27 году, по данным В. С. Немчинова, товарная часть составляла 630 млн. пудов из 4749 млн. пудов валовой продукции, то есть сократилась на 670 млн. пудов (110 млн. ц)<sup>380</sup> «Цифры эти не могут претендовать на точность, – отмечал С. Н. Прокопович, – но в общем и целом они правильно рисуют хлебные балансы России 1913 и 1926/27 годов... На товарную часть хлебной продукции аграрная революция оказала катастрофическое действие: она упала наполовину. Сокращение посевов у зажиточных крестьян, естественно, должно было понизить товарность их продукции, но она упала и в хозяйствах бедных крестьян...»<sup>381</sup>

Цифры Немчинова послужили отправным пунктом для политических решений – именно на них ссылался И. В. Сталин при обосновании программы коллективизации: «Ликвидация помещичьего (крупного) хозяйства, сокращение кулацкого (крупного) хозяйства более чем втрое и переход к мелкому крестьянскому хозяйству... должны были привести и действительно привели к резкому сокращению производства товарного хлеба по сравнению с довоенным временем... Выход состоит, прежде всего, в том, чтобы перейти от мелких, отсталых и рас-

---

<sup>379</sup> Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 433.

<sup>380</sup> Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории // Немчинов В. С. Избранные произведения. Т. 2. М., 1967. С. 107.

<sup>381</sup> Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. I. Нью-Йорк, 1952. С. 178. Об оценках товарности в 1920-х годах см.: Karcz J. Thoughts on the Grain Problem // Soviet Studies. 1967. Vol. 18. No. 4. P. 399-432.

пыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам»<sup>382</sup>.

Крестьяне увеличили потребление зерна не только в пищу, но и на фураж. «Зерно в значительной мере стало использоваться на корм скоту, – писали В. П. Данилов и В. А. Козлов в “Истории советского крестьянства”, – то есть для производства мяса, идущего также для собственного потребления крестьян. До революции в крестьянской семье на едока приходилось не более 16 кг мяса в год, а в 1926 г. – уже 30-32 кг. Значение этого факта точно оценил Д. Н. Прянишников – выдающийся ученый. “Только ценой вегетарианства крестьянских масс, – писал он, – мы могли поддерживать мясное питание наших западных соседей. Дело в следующем: для получения пуда свинины нужно сэкономить пять пудов зерна... Если бы наши крестьяне решили увеличить до революции свое мясное питание, давая, например, по фунту свинины каждому члену семьи раз в неделю, на это ушло бы 600 млн. пудов зерна, то есть этот несъеденный фунт свинины по воскресеньям и давал возможность вывозить наш хлеб на пользу датского и германского животноводства”»<sup>383</sup>. «Названная Д. Н. Прянишниковым цифра как раз и составляет большую часть сокращения товарного хлеба по сравнению с дореволюционным временем», – констатируют В. П. Данилов и В. А. Козлов<sup>384</sup>.

Более подробную картину уменьшения товарности дают порайонные данные о ввозе и вывозе зерновых (табл. 3.14).

Как показывают данные табл. 3.14 после революции производящие районы (за исключением Сибири) резко уменьшили вывоз хлеба, в частности, Центрально-Черноземный район уменьшил вывоз в 9 раз, а Поволжье – в 6,5 раз. Это означает, что крестьяне теперь сами потребляли хлеб, который ранее вывозился. Но, с другой стороны, рабочие Центрально-Промышленного района тоже увеличили потребление хлеба, и к 1928 году рост внутреннего потребления фактически привел к прекращению экспорта. Вопрос теперь встал о том, как в условиях высокого крестьянского потребления обеспечить снабжение растущих промышленных городов.

---

<sup>382</sup> Сталин И. В. На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 // “Правда” № 127, 2 июня 1928 г.

<sup>383</sup> История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986. С. 342.

<sup>384</sup> Там же.

Таблица 3.14 – Ввоз и вывоз зерновых по регионам, млн. ц (включая экспорт-импорт)<sup>385</sup>

Район	Вывоз (+) или ввоз(-)		Уменьшение (-) или уве- личение (+) товарности
	1913	1925/26	
Центрально-Черноземный	17,9	2,0	-15,9
Поволжье	29,3	4,4	-24,9
Северный Кавказ	37,7	31,3	-6,4
Украина	50,3	25,4	-24,9
Башкиро-Оренбургский	6,6	3,1	-3,6
Сибирь и Дальний Восток	1,5	4,9	3,4
<b>Всего производящие районы</b>	<b>143,3</b>	<b>71,3</b>	<b>-72,1</b>
Центрально-Промышленный	-23,8	-27,8	-4,3
Север	-2,1	-2,8	-0,7
Северо-Западный	-15,2	-8,7	6,6
Западный и Белорусский	-4,9	-4,4	0,5
Средняя Азия, Казахстан и Закавказье	-2,0	-3,4	-1,5
<b>Всего потребляющие районы (без Северо-Запада)</b>	<b>-32,6</b>	<b>-38,7</b>	<b>-6,1</b>

Высокая товарность хозяйства до революции объяснялась, в частности, тем, что крестьяне должны были продавать зерно, чтобы оплатить налоги, аренду, рассрочку банку за купленные в кредит земли. Платежи крестьян Европейской России (их совокупная рента) в 1912 году составляли в сумме 660 млн. руб. или 6,2 руб. на душу сельского населения<sup>386</sup>. Чтобы оплатить эту сумму при средней заготовительной цене в 5 руб. за центнер<sup>387</sup>, крестьяне должны были поставить на ры-

<sup>385</sup> Поплавский И. Транспортные балансы сельскохозяйственных продуктов// Статистическое обозрение. 1928. № 3. С. 87.

<sup>386</sup> Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901-1912 гг.) //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г. Минск, 1964. С. 502.

<sup>387</sup> Мы берем среднее между заготовительной ценой ржи и пшеницы, см.: Виноградский Н. Н. Болезни хлебного рынка// Плановое хозяйство. 1927. № 4. С. 93.

нок 130 млн. ц хлеба. «Подстегиваемое земельными и прочими платежами крестьянство *вынуждалось*<sup>388</sup> тащить на рынок все, что могло тащить, вырывая из своего рта», – писал Н. П. Огановский<sup>389</sup>. Кроме того, 45 млн. ц поставляли помещичьи хозяйства, так что в целом до-революционная социально-экономическая система подразумевала отнюдь не добровольную поставку сельским населением на рынок продуктов, эквивалентных 175 млн. ц хлеба. За счет этих поставок осуществлялся экспорт (порядка 105 млн. ц), а остальная часть хлеба (то есть 70 млн. ц) шла на снабжение городов и армии – в дополнение к тому, что крестьяне поставляли добровольно, в порядке обмена. Отсюда видно, что взаимобмен между городом и деревней до революции был далеко не эквивалентным, и разрушение существовавшей системы было чревато нарушением снабжения городов. Это снабжение стало нарушаться вместе с ослаблением власти в 1916 году и окончательно рухнуло в 1917 году. Восстановить его можно было, только введя продразверстку, которая впоследствии была заменена продналогом и единым сельхозналогом. В итоге, совокупная рента крестьян резко уменьшилась – и при том, как отмечалось выше, крестьяне уклонялись от уплаты налогов, занижая размеры своих посевов. В 1925/26 году прямые налоги сельского населения СССР составляли 467 млн. руб.<sup>390</sup>. Чтобы оплатить эту сумму, крестьяне при средней заготовительной цене в 6 руб. 40 коп за центнер<sup>391</sup> должны были поставить на рынок 73 млн. ц хлеба – или же продать другие товары на указанную выше сумму. 19 млн. ц хлеба от максимального объема в 73 млн. ц ушло в 1925/26 году на экспорт, а на снабжение городов и армии осталось не более 54 млн. ц. Конечно, это было недостаточное количество (даже если бы все оно было в хлебе), и в новой ситуации уменьшения совокупной ренты основная задача снабжения должна была решаться по каналам добровольного обмена.

Государственные и кооперативные организации закупали у крестьян хлеб, и поскольку рынок был открыт для частника, то цена была в своей основе рыночная. В 1924/25 году ввиду плохого урожая цены поднялись так, что в апреле 1925 года превысили экспортную цену,

---

<sup>388</sup> Выделено Н. П. Огановским

<sup>389</sup> Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // Экономическое обозрение. 1927, июнь. С. 29

<sup>390</sup> Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 804, 812.

<sup>391</sup> Мы берем среднее между заготовительной ценой ржи и пшеницы, см.: Виноградский Н. Н. Указ. Соч. С. 93.

сделав вывоз невозможным<sup>392</sup>. Так как хлеб оставался главным экспортным товаром, то прекращение экспорта резко ограничивало возможность закупок промышленного оборудования. Советское правительство рассматривало экспорт хлеба как инструмент обеспечения индустриализации; оно признавало, что довоенный экспорт хлеба восстановить не удастся, но рассчитывало ежегодно вывозить 200-300 млн. пудов (33-49 млн. ц) для получения необходимой валюты<sup>393</sup>. Было принято решение о снижении закупочных цен в 1926/27 хозяйственном году – и его удалось провести в жизнь, благодаря очень хорошему урожаю и мерам по ограничению частной торговли<sup>394</sup>. На 1927/28 год была поставлена задача по удержанию цены на низком уровне<sup>395</sup> – была выдвинута теория использования в целях индустриализации «ножниц цен», при которых, как пояснял И. В. Сталин, крестьяне «переплачивают на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности... и недополучают на ценах на сельскохозяйственные продукты... это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии»<sup>396</sup>. Советское государство было слабым, оно не могло собрать с крестьян причитающиеся с них налоги, и теперь пытались получить какие-то средства, используя механизм ценообразования в хлебной торговле.

Однако в 1927 году урожаем был хуже прошлогоднего, осенью частные цены поднялись и значительная часть крестьян отказалась продавать зерно государству по прошлогодним (даже немного пониженным) ценам. Цены в частной торговле были примерно на 60% выше, чем у государства, но из-за ограничений властей частные закупки почти прекратились; некоторые крестьяне сами везли хлеб за 150-200 верст в города, чтобы продать его на рынке. Многие кулаки скупали хлеб у своих соседей с целью продать его позже, когда государство окажется вынужденным поднять закупочную цену. Чтобы оплатить налоги, большинство крестьян продавали мясо и другие продукты жи-

---

<sup>392</sup> Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928 гг. М., 1972. С. 110.

<sup>393</sup> Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 448.

<sup>394</sup> Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование... С. 149-150.

<sup>395</sup> Ильиных В. А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях Нэпа (1921-1927) // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. С. 169-170.

<sup>396</sup> Сталин И. В. Сочинения. Т.11. М., 1949. С. 159.

вотноводства, цены на которые оставались рыночными<sup>397</sup>. Заместитель наркома финансов М. И. Фрумкин, посланный с инспекцией на Урал, подчеркивал, что «при *слабом налоге* крестьяне получили полную возможность не только покрывать все свои платежи, но также осуществлять покупку промтоваров, имеющихся в весьма умеренном размере, *не прибегая к продаже хлеба*»<sup>398</sup>. За девять месяцев 1927/28 года уральские крестьяне продали в полтора раза больше мяса и в два раза больше яиц, чем за соответствующий период предыдущего года, хлеба же за октябрь-декабрь на Урале (и по всей стране) было заготовлено вдвое меньше, чем раньше<sup>399</sup>. В Тамбовской губернии была заготовлена только треть планового количества хлеба: крестьяне предпочитали продавать хлеб частным скупщикам, которые давали на 50-60% больше государственной заготовительной цены. Как и на Урале, для уплаты налога предпочитали продавать мясо: пуд свинины стоил, как десять пудов ржи<sup>400</sup>. Кроме того, на руках у крестьян имелось большое количество свободных денег, по некоторым оценкам, в крестьянских сундуках осело около одного миллиарда рублей, в том числе в ЦЧО порядка 130-140 миллионов<sup>401</sup> – так что зажиточные крестьяне могли заплатить налоги, ничего не продавая государству.

Для обеспечения городов, армии и районов производства технических культур государству необходимо было иметь 82 млн. ц хлеба, а к январю закуплено было только 50 млн. Начались перебои с поставкой хлеба в города, у магазинов выстроились длинные очереди, в некоторых местах происходили волнения. На Урале в ряде мест было введено нормированное снабжение хлебом. Тяжелое положение сложилось в хлопковых районах, план поставок хлеба в Узбекистан был выполнен в январе только на 40%<sup>402</sup>.

---

<sup>397</sup> Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927-1931. Т. 1. М., 1999. С. 163; Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966. С. 29; Конюхов Г. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928-1929). М., 1960. С. 72.

<sup>398</sup> Фрумкин М. И. Указ. соч. С. 165.

<sup>399</sup> Конюхов Г. Указ. соч. С. 68.

<sup>400</sup> ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 3933. Л. 2-3.

<sup>401</sup> Мигущенко О. Н. Социально-экономические и политические отношения в деревне ЦЧО. 1928-1934. Дисс... канд. ист. н. Воронеж, 1994. С. 31.

<sup>402</sup> Там же. С. 65-66, 159-160.; Данилов В. П., Ватлин А. Ю., Хлевнюк О. В. Введение// Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 2. М., 2000. С. 6.

В этой обстановке власти прибегли к административным мерам воздействия: была введена в действие статья 107 УК РСФСР, предусматривавшая лишение свободы на срок до трех лет, лиц виновных в злостном повышении цен на товары путем «скупки, сокрытия или невыпуска таковых на рынок». В конечном счете, с помощью применения насильственных мер властям удалось выполнить план хлебозаготовок и обеспечить снабжение городов до сбора нового урожая<sup>403</sup>.

Реакцией крестьян на принудительные меры стало сокращение посевов. В 1928 году посевы сократились на Северном Кавказе – на 9,2%, Украине – на 7,7%. В действительности сокращение было еще больше, так как крестьяне не стали пересевать около 1 млн. га погибших озимых<sup>404</sup>. Это означало, что урожай в 1928 году уменьшится, и проблема хлебозаготовок возникнет вновь.

Правительство расценивало административный нажим зимы и весны 1928 года как чрезвычайную меру и не рассчитывало повторять его вновь. К осени 1929 года были повышены закупочные цены на зерно – но заготовки шли плохо. Снова началась нехватка хлеба, и в результате в начале 1929 года пришлось ввести нормированное снабжение в Москве и Ленинграде, а затем во всей потребительской полосе. В марте 1929 года возобновилось применение чрезвычайных мер, включая статью 107 УК, и в целом в 1928/29 хозяйственном году было закуплено 108 млн. ц зерна – немного меньше, чем в предыдущем году<sup>405</sup>. Хотя острого кризиса удалось избежать, уровень снабжения городов ухудшился. 17 крупнейших городов потребляющей полосы получили в первом полугодии 1929 года на 16% меньше хлеба, чем в соответствующий период 1928 года<sup>406</sup>. Экспорт фактически прекратился, но, тем не менее, в некоторых городах на почве нехватки хлеба произ-

---

<sup>403</sup> Конюхов Г. Указ. соч. С. 99-100, 154; Роголина Н. А. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С. 89, 90; Прозоровский К. Хлебные цены и хлебный рынок в третьем квартале 1927/28 сельскохозяйственного года // Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 55-61.

<sup>404</sup> Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 178.

<sup>405</sup> О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. № 31, 6 мая 1932 г. С. 295.

<sup>406</sup> Мошков Ю. А. Указ. соч. С. 51-52; Антошин И. Снабжение крупнейших экономических центров потребляющей полосы в первой половине 1928/1929 хозяйственного года // Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 8. С. 112.

ходили волнения рабочих<sup>407</sup>. Председатель правительства А. И. Рыков настаивал на необходимости импорта 13-16 млн. ц хлеба, на что требовалось около 200 млн. руб., но Сталин отказался тратить на импорт зерна деньги, собранные для индустриализации, заявив, что лучше выжать хлебные излишки у кулаков<sup>408</sup>.

Заготовительная компания 1929/30 года с самого начала сопровождалась массовыми отказами крестьян продавать хлеб и конфискациями зерна у кулаков. 7 ноября 1929 года в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Год Великого перелома», в которой провозглашалась задача «ликвидации кулачества как класса». Уже осенью 1929 года конфискации привели к забою кулаками скота и к распродаже имущества; в отдельных районах началось бегство кулаков из деревень<sup>409</sup>. Однако благодаря экспроприаторской политике к концу года было заготовлено 160 млн. ц зерна – на 52 млн. больше, чем в предыдущем году<sup>410</sup>.

В ответ на конфискации хлеба, которые затронули и середняков, начались массовые выступления. В октябре в Центрально-Черноземном районе был зафиксирован 21 случай, когда сотни крестьян, собравшись под звук набата, избивали и изгоняли местных руководителей. Всего по стране за октябрь-декабрь 1929 года было зафиксировано 372 массовых выступления, в пять раз больше, чем в предыдущем году; большинство их них явилось реакцией на конфискации хлеба у зажиточных крестьян<sup>411</sup>.

Таким образом, система низких закупочных цен вызвала ожесточенное сопротивление части крестьян и оказалась неэффективной. Для того, чтобы обеспечить снабжение растущих промышленных центров, требовалось создать иную систему изъятия хлеба у крестьянства. В сравнительно небольших размерах такая система уже существовала – это были колхозы. В то время как крестьянские хозяйства продавали (в том числе государству) 1/6 собранного урожая, колхозы продавали больше трети валового сбора<sup>412</sup>. В то время как крестьян нужно было

---

<sup>407</sup> Климин И. И. Российское крестьянство накануне «Великого перелома» (1928-1929 гг.). СПб. 2010. С. 134.

<sup>408</sup> Там же. С. 122.

<sup>409</sup> Трагедия советской деревни. Т. 2... С. 91-92.

<sup>410</sup> The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945/ editors R.W Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge, 1994. P. 290.

<sup>411</sup> Трагедия советской деревни. Т. 2... С. 332, 343.

<sup>412</sup> Горинев М. М. Нэп: поиски путей развития. М., 1990. С. 42.

уговаривать продать хлеб, колхозы весной 1928 года попросту обязали сдавать все излишки зерна государству<sup>413</sup>. Этот пример показывал, что с крестьян можно было взять вдвое больше хлеба – если объединить их в колхозы. Об этих преимуществах колхозов И. В. Сталин говорил на XVI Съезде ВКП(б) в июне 1930 года; на тот момент это было главное обоснование преимуществ коллективизации<sup>414</sup>. Таким образом, если в первом пятилетнем плане коллективизация рассматривалась как естественное следствие механизации сельского хозяйства, то в 1930 году речь шла о коллективизации, как о способе «увеличения товарности» – о способе отнять зерно у крестьян, чтобы обеспечить хлебом быстро растущий рабочий класс. Причем эта задача должна была решаться не постепенно, как планировалось ранее, а возможно более быстро, с тем, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать провал в снабжении городов. «Хлеб был нужен срочно, – пишет М. М. Горинов, – иначе планы индустриализации срывались»<sup>415</sup>.

---

<sup>413</sup> Климин И. И. Указ. соч. С. 232.

<sup>414</sup> Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 288-289.

<sup>415</sup> Горинов М. М. Указ. соч. С. 42.

## Глава 4. Коллективизация и кризис 1932-1933 годов

### 4.1. Планы модернизации

Как отмечалось выше, суть модернизации заключается в адаптации общества к последствиям промышленной революции. Коммунисты (впрочем, так же как и либералы) изначально выступали как партия модернизаторов, которая «прославляла бога прогресса»<sup>416</sup>. В этой роли они были врагами традиционного общества и традиционного крестьянского образа жизни. «История отношений государства и крестьянства с момента революции 1917 г. – подчеркивает Л. Виола, – это история непрекращающейся борьбы двух культур. Коммунисты представляли... атеистическую, технологическую, детерминистскую и, по их понятиям, современную культуру, а крестьянство (с точки зрения коммунистов) представляло их противоположность, отрицание всего, что считалось современным»<sup>417</sup>.

Экономическая подоплека этого противостояния была очевидной. Современные машины и новые аграрные технологии могли применяться только в крупных хозяйствах, поэтому крестьянское parcelлярное хозяйство эпохи нэпа было исторически обречено. Согласно теории модернизации, сельское общество должно было адаптироваться к новым технологиям и претерпеть коренные изменения – аграрную модернизацию. В теории, аграрная модернизация была возможна как на базе государственно-кооперативных, так и на базе крупных фермерских хозяйств (вариант П. А. Столыпина), однако в последнем случае переход происходит постепенно и требует, по крайней мере, «двадцати лет покоя». Кроме того (как показала неудача заготовительных компаний) в этом варианте затруднена эксплуатация сельского хозяйства с целью извлечения ресурсов для индустриализации.

Решение о форсированной модернизации было предопределено исходящей от Запада военной опасностью. Промышленная революция дала Западу не только новую технику, но и новое оружие. Фундаментальные инновации в области военной техники всегда вызывают волну

---

<sup>416</sup> Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010. С. 25.

<sup>417</sup> Там же.

завоеваний. Те общества, которые избежали завоевания, перед лицом военной угрозы вынуждены спешно перенимать технику завоевателей и строить заводы, производящие эту технику. Военная угроза висела дамокловым мечом; атмосфера была насыщена ожиданиями войны, почти истерическим страхом перед неминуемым и близким нападением капиталистических держав<sup>418</sup>. В этой обстановке индустриализация, которая обычно была следствием, становилась причиной и самоцелью развития. «Либо мы сделаем это, – говорил И. В. Сталин, – либо нас сомнут»<sup>419</sup>.

Таким образом, постепенное движение «по пути прогресса» заменялось форсированной модернизацией. Требовалось быстро создать мощную, прежде всего военную, индустрию; нужно было строить заводы и промышленные города. Нужно было переместить миллионы работников из деревни в промышленность и обеспечить их хлебом. Для этого требовалось увеличить сельскохозяйственное производство, что при отсталой крестьянской агротехнике было невозможно без решительного вмешательства государства. Перемещение крестьян на заводы также было непростой проблемой: в период уборки урожая село испытывало недостаток рабочей силы. Деревня не могла отпустить миллионы работников в города, да сельчане, в массе, и не испытывали такого желания: хлеба и самогона было в достатке, а о чем-то большем они и не помышляли. Потребности крестьян были очень ограниченными, на уровне 20 пудов хлеба в год на душу. «Как только цель достигнута, – писал Л.Н. Литошенко, – 20 пудов хлеба и пара сапог обеспечены, стимулы к труду не только падают, но прямо исчезают, и крестьянин предпочитает целыми днями лежать на печи»<sup>420</sup>.

Единственное возможное решение проблемы перемещения работников из деревни в промышленность заключалось в механизации сельского хозяйства. Можно было решить проблему сезонной нехватки рабочих рук внедрением жнеек на конной тяге – как это делалось на степном Юге еще до революции. Но большевики, как партия истинных модернизаторов, стремились к чему-то большему: они ориентировались на самые совершенные западные образцы. Что представляли собой эти образцы?

Десятилетие, прошедшее после окончания Первой мировой войны было временем *американской агротехнической революции*. Эта революция была связана с появлением тракторов и комбайнов. В 1896 году

---

<sup>418</sup> Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 49.

<sup>419</sup> Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: ОГИЗ, 1949. С. 39.

<sup>420</sup> Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 432.

американские инженеры Харт и Парр создали первый трактор с двигателем внутреннего сгорания, в 1912 году фирма «Холт» освоила выпуск гусеничных тракторов, и к 1920 году на американских фермах работало уже 200 тыс. тракторов. Трактор взял на себя не только полевые работы, его двигатель использовался для приведения в действие молотилок, косилок, мельниц и других сельскохозяйственных машин. Следующим шагом на пути аграрной механизации было создание зерноуборочного комбайна. Хотя первые комбайны с двигателем внутреннего сгорания появились в 1907 году, экономичная и надежная конструкция комбайнов была выработана только в 1920-х годах – и тогда же началось их массовое применение на полях Америки. В 1925-1928 годах количество комбайнов на Великих равнинах увеличилось в четыре раза и достигло 20 тысяч. По сравнению с конными жнейками комбайн увеличивал производительность труда примерно в десять раз, сокращал потери при уборке и резко удешевлял производство зерна. Однако новая машина могла использоваться только в крупных хозяйствах; она не получила распространение в Европе, но широко применялась на просторах Америки и Австралии. К концу 1920-х годов в Аргентине комбайны убрали больше половины всех площадей, а в Австралии – 80%<sup>421</sup>.

Зерноуборочный комбайн стал символом американских «агрофабрик». «Масштабная механизированная фабрика-ферма стала образцом модерна в сельском хозяйстве», – констатирует М. Таугер<sup>422</sup>. Механизация сельского хозяйства означала, что отныне один сельскохозяйственный рабочий может получить продукцию, достаточную для прокормления десяти городских семей. Со временем это должно было привести к невиданным переменам в социальной структуре общества и к исчезновению крестьянства как социального класса. «Вряд ли в истории агрономии можно указать такой крупный переворот в сельском хозяйстве... какой был сделан в США», – писал профессор А. Т. Кирсанов<sup>423</sup>.

Самой знаменитой американской агрофабрикой стало хозяйство Томаса Кэмпбелла, основателя «Кэмпбелл фарминг корпорейшн». Кэмпбелл происходил из потомственной фермерской семьи; после окончания Первой мировой войны он организовал в штате Монтана полностью

---

<sup>421</sup> Дмитриев Л. Д. К вопросу о применении жней-молотилок // Пути сельского хозяйства. 1929. №5. С. 66-77; Дмитриев В. Комбайнизация уборки в колхозах // Плановое хозяйство. 1938. № 12. С. 66.

<sup>422</sup> Таугер М. Сталин, советское сельское хозяйство и коллективизация // Еженедельник 2000. 2007. № 52.

<sup>423</sup> Кирсанов А. Т. Что желать, что и как делать в области земледелия // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С. 91.

механизованное производство зерна. Агрофабрика Кэмпбелла имела 38 тысяч гектаров земли, полсотни тракторов и два десятка комбайнов. Однако при высоком уровне механизации хозяйство имело экстенсивный характер; урожайность была невысокой: всего лишь 7 ц/га, но использование тракторов и комбайнов позволяло получать очень дешевое зерно. Кэмпбелл сознательно экономил на агротехнических мероприятиях, он говорил, что «современное фермерство – это 90% механизации и 10% сельского хозяйства»<sup>424</sup>.

Как любая *фундаментальная инновация*, механизация сельского хозяйства распространялась путем диффузии – это было неизбежным следствием общих закономерностей исторического процесса. В известной работе Е. В. Алексеевой показано, что инновации могут распространяться различными способами, в том числе и через личностные каналы<sup>425</sup>. В данном случае большую роль сыграла деятельность видного члена III Интернационала, американского коммуниста Гарольда Уэйра. Уэйр убедил американских филантропов послать тракторы в Советский Союз, где он со своими друзьями продемонстрировал советским руководителям и агрономам возможности новых машин. В Советском Союзе трактор был воспринят как средство, позволяющее продемонстрировать преимущества социализма. А. В. Чаянов писал, что «*советский аграрный социализм есть диктат государства на национализированных землях плюс американская техника (100-процентная механизация)*»<sup>426</sup>. Одним из инициаторов перенимания американского опыта был академик Н. М. Тулайков, который в 1927 году посвятил описанию хозяйства Кэмпбелла статью в журнале «Нижнее Поволжье». Когда в июле 1928 года пленум ЦК ВКП(б) обсуждал вопрос о создании новых совхозов, И. В. Сталин привел обширную цитату из этой статьи и настоял на том, чтобы создаваемые совхозы имели характер американских «агрофабрик»<sup>427</sup>. В январе 1929 года Т. Кэмпбелл был приглашен в Москву и удостоился самого радужного приема Сталина. Л. Троцкий саркастически отмечал, что Сталин пожимал американцу руку своими обеими ру-

---

<sup>424</sup> Fitzgerald D. K. Every farm a factory: the industrial ideal in American agriculture. New Haven and London:, 2003.

<sup>425</sup> Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.). М., 2007.

<sup>426</sup> Чаянов А. В. К вопросу о проектировании крупных совхозов // Совхоз. М., 1930. № 11. С. 7.

<sup>427</sup> Сталин И. В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 191.

ками и беседовал с капиталистом неприлично долго, всю ночь, до самой зари<sup>428</sup>.

В июле 1928 года было принято решение о создании «Зернотреста», который должен был объединить новые советские «зерновые фабрики». Уэйр уговорил известного агронома и менеджера Милбурна Уилсона создать технический проект для «зерновой фабрики». Проект был разработан Уилсоном, Уэйром и еще одним известным агрономом, Риггином, в декабре 1928 года в одном из отелей в Чикаго; он детально расписывал последовательность сельскохозяйственных работ, которые выполнялись тракторами и комбайнами. В качестве основного севооборота предлагалась модель с двумя полями озимой и яровой пшеницы и с обязательным паровым полем – модель, соответствующая обычному трехполью. В 1929 году Уилсон и Уэйр по мере возможности реализовали этот проект в образцово-показательном «Совхозе №2» неподалеку от Ростова-на-Дону. В этом совхозе функционировали курсы, на которых около тысячи советских агротехников перенимали американские методы ведения сельского хозяйства. Таким образом, американский проект «зерновой фабрики» предполагалось скопировать в более чем сотне совхозов Зернотреста<sup>429</sup>.

Когда в октябре 1929 года Уилсон вернулся в США, в письмах к своим коллегам он выражал свое восхищение Советами за то, что они взялись за осуществление столь грандиозного проекта модернизации сельского хозяйства. Однако в отчете, предназначенном для Зернотреста, Уилсон писал о многих недостатках в организации совхозов, об отсутствии исполнительской дисциплины, о недостаточном уходе за техникой, о своеволии работников, нарушавших предписания технического проекта. Проект Уилсона состоял из множества взаимосвязанных деталей и нарушения в одном пункте влекли за собой массу отрицательных последствий, которые должны были со временем проявиться<sup>430</sup>.

Создание совхозов было прелюдией коллективизации, первым шагом в модернизации сельского хозяйства. Вторым шагом должна была стать коллективизация: ведь колхозы, как крупные хозяйства, должны были обладать теми же преимуществами в отношении механизации, что и совхозы. Эта идея громко прозвучала в речи Сталина от 27 декабря 1929 года, возвестившей о начале массовой коллективизации. «Оптимизм Сталина (и не только его) в отношении данного проекта отличался

---

<sup>428</sup> Цит. по: Никулин А. "Ты теперь в совхозе!.."// Знамя. 2008. № 10.

<sup>429</sup> Fitzgerald D. Blinded by Technology: American Agriculture in the Soviet Union, 1928-1932 //Agricultural History. 1996. Vol. 70, No. 3. P. 459-486.

<sup>430</sup> Ibid.

некоей фанатичностью, – пишет М. Таугер, – ему, должно быть, казалось, что с помощью коллективизации советскому правительству удастся, наконец, разрешить давнее проклятие – так называемый крестьянский вопрос... У него была четкая уверенность в том, что *применение американской технологии и организации ферм позволит легко преодолеть все трудности*<sup>431</sup>. С другой стороны, как отмечает В. В. Кондрашин, «для Сталина вера в приоритет общественной формы производства и механизации давала основания для применения жестоких средств к “невежественным” крестьянам, не понимающим “своего счастья”»<sup>432</sup>.

Таким образом, коллективизация была в значительной мере следствием американской агротехнической революции, следствием появления тракторов и зерноуборочных комбайнов. Трактор не только намного увеличивал производительность труда – он должен был показать крестьянам всю неизбежность перемен, показать всю бессмысленность сопротивления новому и увлечь молодежь на путь коллективизации.

Но для осуществления механизации сельского хозяйства требовались огромные расходы. По первому пятилетнему плану на строительство заводов, производящих машины для сельского хозяйства, выделялось более 234 млн. руб.; это составляло примерно 30% всех вложений в машиностроение. К концу пятилетки планировалось догнать США по выпуску сельхозмашин в расчете на площадь посева<sup>433</sup>. Среди строящихся заводов были два огромных предприятия: комбайновый завод в Ростове-на-Дону и тракторный завод в Сталинграде. В своем приветствии рабочим Сталинградского завода Сталин писал: «50 тысяч тракторов, которые вы должны давать ежегодно, есть 50 тысяч снарядов, взрывающих старый буржуазный мир и прокладывающих дорогу новому, социалистическому укладу в деревне»<sup>434</sup>.

Наиболее важный аспект механизации сельского хозяйства заключался в том, что она позволяла решить ключевую проблему индустриализации – проблему перемещения работников из деревни в промышленные города, проблему аграрного перенаселения. «Без механизации мы не смогли бы изжить аграрного перенаселения... – писали авторы пятилетнего плана. – Дело в том, что аграрное перенаселение деревни – явление в высокой степени сезонное. Громадный избыток труда в зимнее время, достигавший в феврале 1928 г. около 15,9 млн. работников

---

<sup>431</sup> Таугер М. Указ. соч.

<sup>432</sup> Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов: трагедия советской деревни. М., 2008. С. 342.

<sup>433</sup> Пятилетний план... Т.1. С. 47; Т. 2. Ч. 1. С. 161.

<sup>434</sup> Сталин И. В. Собрание сочинений. Т. 12. С. 234.

(25,4% общего их итога), перекрывается в рабочую пору дефицитом рабочей силы (в августе 1928 г. около 1,6 млн. раб.) вынуждающим к работе в праздничное время, к использованию труда детей и стариков, к чрезмерному увеличению рабочего дня и т.д. Машинизация труда как раз снижает эти летние пиковые нагрузки. Два с половиной миллиона годовых работников, освобождаемых в 1932-33 г. в связи с машинизацией, в пересчете на весьма короткий сезон работы этих машин, в среднем не свыше 1-2 месяцев, означают экономию в эту пару месяцев не менее 15 млн. душ. И эти 15 млн. работников освобождаются машинами в самую горячую рабочую пору. В результате получается гораздо более равномерная годовая нагрузка сельскохозяйственного населения. *И благодаря этому деревня может... отпустить часть своих избытков рабочей силы на постоянную индустриальную работу в города*<sup>435</sup>.

Однако не все было так просто. По расчетам первичная механизация должна была высвободить 15 млн. работников. Но городу пока не требовалось так много рабочих: в рамках пятилетки планировалось принять до 3 млн. рабочих из деревни<sup>436</sup>. Авторы пятилетнего плана хорошо понимали эту проблему. «Ежегодно население СССР возрастает на 3,5 млн. душ... – говорится в программном документе. – За 5 лет весь прирост составит 17,9 млн., в том числе в рабочем возрасте (16-59 лет) около 9,1 млн. (11,1%). Если к этому добавить аграрное перенаселение деревни, которое мы до сих пор определяли в 8-9 млн. и городскую армию безработных – около 1 млн., то в общем перед нами встает грандиозная задача – обеспечить в предстоящей пятилетке работой до 19 млн. работоспособных лиц»<sup>437</sup>.

Экономист Я. Греф указывал, что «основная проблема: куда девать освобожденные через трактор и коллективизацию миллионы рабочих рук?»<sup>438</sup> Известный теоретик социализма О. Крицман делал из этого вывод, что колхозы (в отличие от совхозов) станут «специфической формой существования перенаселения в земледелии», то есть станут центрами скопления излишней рабочей силы<sup>439</sup>. О. Доманевская приводила данные по 22 коммуна Шадринского округа УрО: согласно этим

---

<sup>435</sup> Пятилетний план... Т. 2. Ч. 2. С. 10.

<sup>436</sup> Там же. Т. 1. С. 94.

<sup>437</sup> Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 8.

<sup>438</sup> Греф Я. Коллективизация деревни и относительное перенаселение // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. №11. С.

<sup>439</sup> Крицман Л. Решающий этап коллективизации // На аграрном фронте. 1930. № 5.

данным мужская рабочая сила использовалась в коммунах на 54%, а женская – на 31%. На совещании по труду в колхозах в январе 1931 года отмечалось, что наличная рабочая сила используется внутри колхозных хозяйств примерно на 50%<sup>440</sup>.

В соответствии с пятилетним планом основная масса высвобождаемой рабочей силы должна была остаться в деревне. Планировалось использовать ее для интенсификации сельского хозяйства: многократной обработки пашни и посевов, возделывания трудоемких технических культур, планировалось создание многочисленных животноводческих ферм и предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов. При всем этом предполагалось, что к 1932 году проблема аграрного перенаселения еще не будет полностью решена и в деревне сохранится излишек примерно в 2,6 млн. рабочих<sup>441</sup>.

Разработчики первого пятилетнего плана полагали, что коллективизация будет постепенной, что к концу пятилетки колхозы объединят только 17-20 млн. (примерно 1/6 часть) сельского населения<sup>442</sup>. Предполагалось, что коллективизация будет добровольной, что индивидуальные крестьяне будут по-прежнему пользоваться щадящим налогообложением, и обеспечат  $\frac{3}{4}$  поставок товарного зерна. Планировалось, что производство будет увеличиваться в обоих секторах, что к концу пятилетки оно вырастет на 40% и достигнет 6 млрд. пудов. Лишь по достижении этого уровня производства предполагалось отправить 50 млн. ц зерна на экспорт<sup>443</sup>. Однако даже при столь благоприятном развитии событий разработчики предупреждали о возможных трудностях в процессе коллективизации: «Новизна этого дела, отсутствие опыта других стран... *специфические общественные трудности этого дела в условиях крайне низкого культурного уровня* и вместе с тем громадный его размах, обязывают направить на его осуществление исключительно большие усилия и обеспечить бдительный надзор за реальным ходом строительства обобщественного сектора»<sup>444</sup>.

Однако планы постепенной и добровольной коллективизации потерпели полный крах. Заготовительная компания 1928/29 года показала, что производители товарного зерна, зажиточные крестьяне, отказывают-

---

<sup>440</sup> Бумбер Я. К вопросу о ликвидации перенаселения в советской деревне // На аграрном фронте. 1933 № 4. С. 85.

<sup>441</sup> Пятилетний план... Т. 2. Ч. 2. С. 10.

<sup>442</sup> Там же. Т. 1. С. 58.

<sup>443</sup> Там же. С. 87, 89.

<sup>444</sup> Там же. С. 58.

ся продавать хлеб по низким закупочным ценам. Промышленные центры испытывали нехватку хлеба, в крупных городах были введены карточки. По существу, повторялась ситуация 1917 года: тогда крестьяне точно так же отказались поставлять в города хлеб, отказались выполнять введенную Николаем II продразверстку – и голодные бунты в городах спровоцировали февральскую революцию.

В 1918 году большевики все-таки сумели ввести продразверстку – но то было временное решение. К концу 1920-х годов стало очевидно, что единственным реальным решением проблемы снабжения промышленных городов является форсированная коллективизация. Нужно было в течение нескольких лет объединить крестьян в колхозы, снабдить их тракторами и, увеличив производство хлеба, обеспечить его поставку в индустриальные города и на экспорт. При этом нужно было отнять у крестьян их земельные наделы, их луга и сенокосы, их лошадей, их плуги и бороны – все, что составляло их собственность или владение, все, что составляло их традиционный мир. Сталин верил, что «применение американской технологии и организации ферм позволит легко преодолеть все трудности», но задача была «архисложной». Люди не могут так просто расстаться с традициями – модернизация всегда вызывает сопротивление, *традиционалистскую реакцию*. При той поспешности, с которой брались за дело руководители ВКП(б), традиционалистская реакция могла привести к восстаниям и к гражданской войне.

## 4.2. Начало коллективизации

6 января 1930 года было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству»<sup>445</sup>. Постановление содержало принципиально важный момент: оно указывало, что нельзя «сдерживать развитие коллективного движения из-за недостатка тракторов и сложных машин». Таким образом, разрывалась имевшаяся в пятилетнем плане связь между темпами механизации и коллективизации. Утверждалось, что коллективизацию можно производить при существующей технической базе – и поэтому ее можно ускорить. Утверждалось, что «коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя Волга, Средняя Волга и Северный Кавказ, может быть в основном закончена осенью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г.». Но одновременно делалась важная оговорка:

---

<sup>445</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984. С. 72-75.

«Вместе с тем ЦК со всей серьезностью предостерегает парторганизации против какого бы то ни было “декретирования” сверху колхозного движения, могущего создать опасность подмены действительно социалистического соревнования по организации колхозов игрой в коллективизацию»<sup>446</sup>.

Тем не менее, в прессе началась активная кампания за быструю коллективизацию. Газета «Правда» писала: «Последняя наметка коллективизации — 75 процентов беднячко-средняцких хозяйств в течение 1930/31 года — не является максимальной»<sup>447</sup>. В регионах развернулась массовая кампания по объединению крестьян в колхозы. Ш. Фицпатрик пишет, что «коммунисты и комсомольцы толпами хлынули на село, чтобы разделаться с кулаками, коллективизировать деревню, закрыть церкви и вообще втащить отсталое крестьянство за шиворот в XX век»<sup>448</sup>. Четких инструкций по проведению коллективизации не было, приезжие энтузиасты и местные коммунисты часто действовали на свой страх и риск, вооружали «актив» и проводили собрания сельчан, на которых действовали не только уговорами, но и угрозами. Под таким натиском уже к 20 февраля в колхозы вступили 53% крестьян (в ЦЧО — 79%, на Урале — 66%)<sup>449</sup>. При этом колхозы, которые организовывались зимой 1930 года, были в большинстве случаев устроены по типу коммун — они предполагали обобществление не только земли, но и лошадей, коров, даже мелкого скота и птицы, что вовсе не рекомендовалось постановлением ЦК.

Одновременно с созданием колхозов происходило «раскулачивание». Руководители ВКП(б) понимали опасность новой крестьянской войны, поэтому, как в 1919-1921 годах, они стремились разделить крестьян и обратить бедноту против кулаков<sup>450</sup>. Зажиточные крестьяне, кулаки, составляли ядро недовольных советской властью, поэтому по ним было решено нанести превентивный удар: намечалось выслать в отдаленные края примерно 200 тыс. кулацких семей (порядка 0,8% крестьянского населения). При всей жестокости и несправедливости эта военно-полицейская операция позволила избежать крупномасштабной гражданской войны. В ЦЧО, где предполагалось более активное сопротивление, чем в других местах, было «раскулачено» 3,6% крестьянских хозяйств —

---

<sup>446</sup> Там же. С. 73.

<sup>447</sup> Правда. 1930. 3 февраля. С. 1.

<sup>448</sup> Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 61.

<sup>449</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 364.

<sup>450</sup> Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. М., 2008. С. 47.

значительно больше «нормы»; имущество кулаков досталось новообразованным колхозам<sup>451</sup>. «Раскулачивание проходило при активном участии бедноты, а в ряде районов – и середняка, – докладывал в ЦК секретарь Центрально-Черноземного обкома И. М. Варейкис. – Бедняки большими группами ходят вместе с комиссией по кулацким дворам, отбирают имущество. По ночам по своей инициативе сторожат на дорогах... с целью задерживать убегающих кулаков, на общих собраниях выносят решения, требуя немедленно выселить из области особо злостных кулаков...»<sup>452</sup> Но при этом, отмечает Варейкис, раскулачиваются некоторые середняки. «Имеют место и такого рода факты, когда отбирают у кулаков все, вплоть до детского белья. В отдельных местах наблюдаются моменты дележки “по душам” забранного у кулаков имущества...»<sup>453</sup>

Создание колхоза и «раскулачивание» часто сопровождалось закрытием церквей и конфискацией (или разграблением) церковных ценностей. До сих пор остается неясным, предпринимались ли такие действия по указаниям сверху или – как считает Ш. Фицпатрик – они были результатом местной инициативы<sup>454</sup>. Активисты обычно обращались со священниками, как с кулаками, многие из них были «раскулачены» и высланы. Молодежь воспринимала происходящее с энтузиазмом. В шахтерской Горловке на площади было сожжено четыре тысячи икон, а вокруг костров веселилась и плясала толпа в 15-18 тыс. человек<sup>455</sup>. Но для большей части населения разорение церквей было духовной трагедией. По данным переписи 1937 года спустя семь лет после разрушения церквей 57% граждан СССР еще верили в Бога<sup>456</sup>.

Закрытие церквей, гонения на священников, расставание со своим наделом, со своей лошастью и коровой – все это являлось сильнейшим ударом по менталитету крестьян. Многие крестьяне забивали свой скот, чтобы не отдавать его в колхоз; к 1 февраля в ЦЧО была забита половина коров и две трети овец<sup>457</sup>. Численность лошадей по всей стране уменьшилась с 24,2 млн. летом 1928 года до 20,9 млн. летом 1930 года,

---

<sup>451</sup> Загоровский Л. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928-1934. Воронеж, 1995. С. 72.

<sup>452</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 228

<sup>453</sup> Там же. С. 231.

<sup>454</sup> Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 73.

<sup>455</sup> Там же. С. 58, 73.

<sup>456</sup> Араловец Н. А. Указ. соч. С. 35.

<sup>457</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 228.

численность коров с 30,7 до 26,7 млн.<sup>458</sup> Конечно, крестьянам обещали безбедную жизнь в колхозах, обещали кредиты и трактора, но многие не верили в эти обещания. В деревне произошел раскол. «Беднота в основном поддерживает лозунги партии, активно участвует в колхозном движении и настроена резко против кулака, – докладывал И. М. Варейкис. – Во многих деревнях беднота встречала кольями агитирующих против коллективизации кулаков»<sup>459</sup>. Но отношение середняков было иным. «Большинство середняков, – отмечалось в сводке чекистов Рязанской губернии, – отрицательно смотрят на колхозы под влиянием кулаков, как на барщину»<sup>460</sup>. Какое-то время оставалось неясным, ухудшится или улучшится жизнь крестьян после коллективизации, но в любом случае насильственная модернизация должна была вызвать ожесточенное сопротивление сторонников вековых традиций.

Крестьянские восстания начались уже в январе 1930 года, причем, как показывает статистика ОГПУ, первые восстания очень часто были выступлениями в защиту церкви<sup>461</sup>. Деревенские священники призывали народ к неповиновению, и церкви становились местом сбора недовольных. «Кто верует в Бога, в колхоз не входит... – говорилось в одной из распространяемых среди женщин листовок. – И если в колхоз вы, о сестры, войдете, Антихриста имя невольно примете»<sup>462</sup>.

Волнения нарастали, как снежный ком, в марте их число превысило 6 тысяч, а число участников достигло 1,4 млн. человек. Эпицентрами волнений были Украина, Северный Кавказ и Центрально-Черноземная область<sup>463</sup>. И. М. Варейкис докладывал в ЦК, что только с декабря 1929 по 14 февраля 1930 года в области произошло 38 крупных крестьянских выступлений, в которых приняли участие более 25 тыс. человек. «В отдельных местах, — сообщал Варейкис, — толпы выступавших достигали двух и более тысяч человек... Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезками и охотничьими ружьями»<sup>464</sup>. Для подавления этих выступлений нередко применялась вооруженная

---

<sup>458</sup> Davies R., Wheatcroft S. *The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933.* – New York, 2004. P. 449; *Животноводство СССР за 1916-1938 гг.* М.-Л. 1940. С. 5.

<sup>459</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 231.

<sup>460</sup> Цит. по: Климин И. И. Указ. соч. С. 202.

<sup>461</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С.793-798.

<sup>462</sup> Цит. по: Виола Л. Указ. соч. С. 5.

<sup>463</sup> Там же. С. 171-173.

<sup>464</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 230.

сила. В Острогожском округе ЦЧО шесть выступлений крестьян были подавлены войсками<sup>465</sup>.

По характеру требований это был бунт традиционалистов против модернизации: восставшие требовали вернуться к старым порядкам. Масштаб выступлений был огромным, это выглядело, как начало крестьянской войны. ЦК ВКП(б) впоследствии признавал, что «если бы не были тогда незамедлительно приняты меры... добрая половина наших “низовых” работников была бы перебита крестьянами»<sup>466</sup>. Упомянутое ЦК «принятие мер» фактически означало приостановку коллективизации. 2 марта 1930 года была опубликована известная статья «Головокружение от успехов», в которой Сталин обвинил местных руководителей в излишней поспешности и «перегибах». В статье говорилось о том, что «нельзя насаждать колхозы силой», что вовсе не обязательно превращать колхоз в коммуну и обобществлять весь скот. 14 марта было принято постановление ЦК ВКП(б), запрещавшее закрывать церкви в административном порядке<sup>467</sup>. Спешно, «за 24 часа», был разработан и принят «Примерный устав сельскохозяйственной артели», который гарантировал колхозникам право иметь одну корову и мелкий скот<sup>468</sup>. Насилие над крестьянами прекратилось, третья часть раскулаченных в ЦЧО была реабилитирована и получила назад свое имущество<sup>469</sup>. Начался массовый выход из колхозов; к 20 июля в колхозах ЦЧО осталось только 15% крестьян, а в уральских колхозах – 25%<sup>470</sup>. Это показывает, что коллективизацию поддерживала сравнительно небольшая часть крестьян, что сторонников традиционного ведения хозяйства было гораздо больше.

Опыт первой волны коллективизации показал, что эта важнейшая аграрная реформа была плохо организована, что ЦК, пресса и местные органы действовали несогласованно. Местные власти фактически игнорировали изначальную директиву ЦК, которая предусматривала, что период коллективизации должен длиться до осени 1931 года, и предупреждала против «декретирования» колхозного движения. Контроль центра над происходящим на местах был в значительной степени утра-

---

<sup>465</sup> Там же.

<sup>466</sup> Там же. С. 368.

<sup>467</sup> Зеленин И. Е. Введение (Кульминация крестьянской трагедии)// Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 18.

<sup>468</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 270.

<sup>469</sup> Загоровский Л. В. Указ. соч. С. 63.

<sup>470</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 570.

чен, и в движении имелся сильный элемент стихийности – в частности, погромы церквей имели преимущественно стихийный характер. Центр не давал определенных указаний (и поначалу, видимо, сам не знал) какой должна быть степень обобществления в колхозах. Поэтому коммунисты на местах обобществляли мелкий скот и птицу, проводя, как отмечал Сталин, политику, «выгодную лишь нашим заклятым врагам»<sup>471</sup>. Возможность традиционалистской реакции крестьян на насильственную модернизацию была недооценена, и в конечном счете эта реакция оставила процесс коллективизации.

Первый натиск коллективизации не смог нарушить проведение посевной компании 1930-го года, погода была благоприятной, и вопреки многим предсказаниям в этом году был собран прекрасный урожай; по официальным данным валовой сбор составлял 835 млн. ц<sup>472</sup>. Однако эти данные были преувеличены, так как в действительности при сборе имели место большие потери. Эти потери были в значительной степени вызваны применением «конвейерного метода» уборки урожая, при котором зерно не скирдовали из опасения хищений снопов из скирд. Скошенное зерно лежало в поле, дожидаясь, когда его отвезут на обмолот; при этом оно попадало под дождь и портилось<sup>473</sup>.

Тем не менее, урожай 1930 года был больше, чем рекордный урожай 1913 года; на какое-то время он решил все проблемы. В 1930/31 хозяйственном году было заготовлено 228 млн. ц зерна – вдвое больше, чем в кризисном 1928/29 году. Это позволило обеспечить снабжение промышленных городов и даже направить часть зерна на экспорт. В 1928/29 году экспорта практически не было, в 1929/30 было экспортировано 13,3 млн. ц зерна, а в 1930/31 году – 58,3 млн. ц<sup>474</sup>. Для сравнения можно отметить, что в 1913 году экспорт хлеба составил 126,1 млн. ц, а доля хлеба во всем экспорте равнялась 45%<sup>475</sup>. В 1930-1931 годах, когда вывоз хлеба был наибольшим, он принес 365 млн. руб., что составляло лишь 22% от стоимости всего экспорта<sup>476</sup>. Однако, как неоднократно подчеркивали советские руководители, экспорт хлеба был чрезвычайно

---

<sup>471</sup> Сталин И. В. Головокружение от успехов //Правда. 1930. 2 марта. С. 1.

<sup>472</sup> Социалистическое строительство СССР. М. 1934. С. 203; The economic transformation... Р. 286.

<sup>473</sup> Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 71.

<sup>474</sup> Там же. С. 130, 133.

<sup>475</sup> Россия 1913 год... С. 211-212.

<sup>476</sup> Подсчитано по: Социалистическое строительство СССР. М., 1936. С. 686-687.

важен для финансирования крупнейших индустриальных строек, так как вследствие падения цен на все экспортные товары нехватка средств ощущалась очень остро<sup>477</sup>. «Надо поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3-4 млн. пуд. минимум, – писал Сталин В. М. Молотову в августе 1930 года. – Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский и проч.) заводов»<sup>478</sup>. Экспорт был важен и для продолжения коллективизации: в 1931 году было закуплено тракторов и сельскохозяйственных машин на 102 млн. руб.<sup>479</sup>

Таблица 4.1. – Распределение урожая в колхозах<sup>480</sup>

	Средний сбор (ц/га)		Сдано государству (%)			Выдано по трудодням (%)		
	1931	1932	1930	1931	1932	1930	1931	1932
УССР	6,7	5,1	33,9	57,8	37,3	23,8	15,8	13,6
Северный Кавказ	7,0	3,9	45,1	55,3	60,7	20,0	18,4	10,0
Нижняя Волга	нет св.	3,7	47,0	57,7	58,3	20,7	15,5	11,3
Средняя Волга	нет св.	5,0	41,2	нет св.	39,3	28,4	нет св.	21,9
ЦЧО	нет св.	6,4	31,0	нет св.	53,8	28,4	нет св.	21,9
УрО	2,5	4,2	42,8	49,3	48,4	18,8	23,7	16,7
Западная Сибирь	3,7	7,7	38,7	45,1	32,6	14,8	23,8	31,3

Наиболее важными вопросами, возникшими в ходе коллективизации, были вопросы о степени обобществления хозяйств и о нормах сдачи хлеба при хлебозаготовках. Именно вокруг этих вопросов развернулась дальнейшая борьба между крестьянами и государством. Летом 1930 года Политбюро установило для колхозов норму сдачи хлеба в 1/3 часть валового урожая, и еще 1/4 часть взималась за работы, производимые

<sup>477</sup> Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 23.

<sup>478</sup> Голод в СССР. 1929-1934. Т. 1. Кн. 1. М., 2011. С. 340.

<sup>479</sup> Социалистическое строительство СССР. М., 1934. С. 382.

<sup>480</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 76. Д. 158. Л. 21-22.

машинно-тракторными станциями (если колхоз пользовался их услугами)<sup>481</sup>. Реально на Украине было сдано 34% собранного колхозниками зерна, а на Северном Кавказе – 45%, по трудодням было выдано соответственно 24% и 20% (см. табл. 4.1).

В ЦЧО по трудодням на потребление колхозников и на фураж для оставшегося у них домашнего скота было выдано 28,4% сбора, в то время как до коллективизации, в 1929/30 году, на личное потребление шло 33,6% от сбора и еще 19,3% приходилось на фураж<sup>482</sup>. Таким образом, доля зерна, потреблявшегося в хозяйстве крестьян, уменьшилась почти вдвое.

Тем не менее, рекордный урожай 1930 года помог колхозникам справиться с непосильной в обычных условиях нагрузкой и создал впечатление успешного проведения реформы. По официальным данным, душевой доход в колхозах оказался больше, чем у единоличников – в первую очередь потому, что колхозники имели больше земли и более производительно использовали своих лошадей<sup>483</sup>. На волне эйфории XVI съезд ВКП(б) заявил о том, что партия на основе колхозов «успешно разрешила в основном зерновую проблему». Осенью 1930 года власти предприняли вторую попытку массовой коллективизации, и она оказалась более успешной. На этот раз крестьянам обещали, что в их пользовании останутся приусадебный участок, коровы и мелкий скот. Эти обещания сопровождалось усилением нажима на зажиточные хозяйства: их облагали индивидуальным налогом и давали повышенные задания по хлебопоставкам<sup>484</sup>. Но, пожалуй, наиболее важным обстоятельством было то, что на колхозных полях появились трактора. В МТС Центрально-Черноземной области в 1930 году был лишь 341 трактор, а год спустя – 4274 трактора, которые обработали 26% колхозной пашни<sup>485</sup>. Появление тракторов должно было убедить крестьян, что модернизация началась, что она неизбежна, что за колхозами – будущее. «Когда крестьяне увидели трактора, они пошли в колхоз», – говорил позднее Л. М. Кага-

---

<sup>481</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 489.

<sup>482</sup> ГАРФ. Ф. А374. Оп. 16. Д.129. Л. 8,15.

<sup>483</sup> О колхозном строительстве. Постановление VI съезда советов СССР // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 3. С. 43.

<sup>484</sup> Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 9-12; Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 157.

<sup>485</sup> Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО. М., 1963. С. 275.

нович<sup>486</sup>. Если первая волна коллективизации проходила на прежнем техническом уровне, и, с внешней стороны, не была технически обусловленной, то вторая волна, в соответствии с теорией, имела характер адаптации общества к новым условиям, порожденной промышленной революцией. Крестьяне поняли, что придется приспособляться к новой действительности, которую олицетворял трактор. Поэтому на этот раз массовых протестных выступлений против коллективизации не было<sup>487</sup>. К 1 апреля 1931 года в целом по стране было объединено в колхозы 42% крестьянских хозяйств, к началу июня – 53% (в ЦЧО – 55%, на Урале – 60%). К 20 ноября процент коллективизации достиг 62% (в ЦЧО – 70%)<sup>488</sup>.

Однако при вступлении в колхозы крестьяне продолжали забивать или продавать скот – хотя это запрещалось «Примерным уставом». Количество рабочих лошадей за 1930/31 хозяйственный год уменьшилось с 20,9 млн. до 19,5 млн. голов, а коров – с 26,7 млн. до 24,4 млн. голов<sup>489</sup>. Тем не менее, ОГПУ сообщало, что «в процессе подготовки к весенней посевной компании в основном выявляются здоровые производственные настроения, как среди колхозников, так и среди широких слоев единоличников»<sup>490</sup>. Но в отличие от предыдущего года, погодные условия в 1931 году были неблагоприятными: восточные районы страны поразила засуха, и урожай был намного меньше, чем рекордный урожай 1930 года. Ситуация осложнялась тем, что правительство не имело достаточно точных сведений о размерах урожайности. Как отмечалось выше, валовой сбор и урожайность определялись балансовым методом, при котором относительно точные данные могли быть получены только по истечении хозяйственного года, то есть через год после сбора урожая. Первичные же данные об урожайности, по-существу, представляли собой экспертные оценки и были весьма неточными. В 1931 году исчисление валового сбора производилось Народным комиссариатом земледелия (Наркомземом) который по данным, собранным на 1 августа, оценивал валовой урожай в 780 млн. ц. Однако эти данные, исходя из которых

---

<sup>486</sup> Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 101.

<sup>487</sup> Виола Л. Указ. соч. С. 169.

<sup>488</sup> Мошков Ю. А. Указ. соч. С. 98; Шарова П. Н. Указ. соч. С. 272; Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 154.

<sup>489</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 449.

<sup>490</sup> Трагедия советской деревни... Т. 2. С. 68.

определялись размеры хлебозаготовок, оказались завышенными. В мае 1932 года ЦУНХУ предоставило сведения о действительном сборе, который оказался равным 684 млн. ц – на 100 млн. меньше, чем сообщал Наркомзем<sup>491</sup>. На октябрьском (1931 года) пленуме ЦК эти цифры были еще неизвестны и объем хлебозаготовок был установлен исходя из завышенных данных Наркомзема; он составил 245 млн. ц – больше, чем в урожайном 1930 году<sup>492</sup>. Этот экстремистский план мотивировался стремлением «выполнить пятилетку в четыре года»: для оплаты заказанного за границей промышленного оборудования требовалось наращивать экспорт хлеба<sup>493</sup>.

Планы ЦК в значительной степени основывались на ожиданиях роста урожая в совхозном секторе. К этому времени был в основном реализован амбициозный план создания «агрофабрика» американского образца. Было создано 228 зерновых совхозов; на каждый совхоз приходилось в среднем 56 тыс. га земельных угодий и 100 тракторов<sup>494</sup>. В 1930 году намолот с гектара составил 6,7 центнера, что было в пределах проектных показателей. Но 1931 год принес неожиданное и катастрофическое падение сборов – до 3,4 ц/га<sup>495</sup>. Специальная комиссия выяснила, что недостатки организации, о которых в свое время предупреждал Уилсон, приняли вопиющий характер: зерно расходовалось по совершенно незаконным нормам, урожаи занижались, должный учет отсутствовал<sup>496</sup>. Уход за техникой был небрежным, запчастей не хватало и в результате во время уборки простаивала почти половина тракторов<sup>497</sup>. Но главные причины падения сборов заключались в грубом нарушении агротехники. Добиваясь увеличения размеров посева, руководители «Трактороцентра» отказались от паров и сеяли пшеницу по пшенице, уменьшив к тому же глубину вспашки. Осенью сеяли по мелко вспаханной стерне, а яровые – по весновспашке. Эта упрощенная агротехника базировалась на рекомендациях академика Н. М. Тулайкова, который, ссылаясь на американский опыт, утверждал, что плодородие целинных

---

<sup>491</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 375.

<sup>492</sup> Там же. С. 111.

<sup>493</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4. Л. 2-4.

<sup>494</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928-1941. М., 1982. С. 22.

<sup>495</sup> Там же. С. 31.

<sup>496</sup> Голод в СССР... Т. 1. Кн. 1. С. 607.

<sup>497</sup> Гайстер А. Сельское хозяйство в последний год пятилетки // Плановое хозяйство. 1932. № 1. С. 153.

земель позволяет применять подобные приемы в течение четырех-пяти лет. Однако этот американский опыт – это был опыт экстенсивных хозяйств Среднего Запада, а не тот севооборот, который предусматривал проект Уилсона. По существу, «упрощенная агротехника» была близка традиционной «казачьей» системе, в которой пшеницу по пшенице нельзя было сеять больше трех лет, так как поля зарастали сорняками. 1931 год был четвертым годом ее использования в совхозах, и поля заросли сорной растительностью до такой степени, что она заглушила посеvy зерновых. Заросшие поля стало невозможно убирать комбайнами: молотильные аппараты забивались сорняками и выходили из строя. В результате уборка затянулась, и большая часть урожая была потеряна из-за осыпания перестоявшего зерна<sup>498</sup>.

Столкнувшись с кризисом совхозного сектора, власти пытались увеличить заготовки в колхозах. Запланированные на 1931/32 год нормы изъятия хлеба были дифференцированными для разных регионов: в потребительской полосе, где крестьяне и так перебивались с трудом, они были небольшими (например, в Западной области – 0,46 ц/га). Но в производящей полосе, там, где крестьяне жили более зажиточно, изъятие было намного большим: на Северном Кавказе оно составляло для колхозников 2,67 ц/га, а для единоличников даже 3,06 ц/га<sup>499</sup>. Для этих районов уровень хлебозаготовок намного превосходил норму в 1/3 валового сбора, установленную летом 1930 года. Конечно, это вызывало противодействие крестьян хлебных областей, крестьян Украины, Кубани, Нижнего Поволжья – отчасти и крестьян Центрального Черноземья. Речь шла не просто о попытке Центра обеспечить индустриализацию, отнять хлеб у крестьян, а о попытке отнять хлеб у зажиточных крестьян южных регионов. Таким образом, голодный Север снова, как в гражданскую войну, шел походом на сытый Юг, чтобы отнять у крестьян хлеб и накормить промышленные города.

Однако хлебозаготовительные планы Сталина натолкнулись на сопротивление руководителей Поволжья, которые, ссылаясь на засуху, сумели добиться снижения поставок для своих краев. На Украине засухи не было, и первый секретарь ЦК КП(б)У Станислав Косиор зая-

---

<sup>498</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 35, 179; Курбатов А. Вредительство в планировании сельского хозяйства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1933. № 8. С. 165-171; Москалев Б. Голодомор. Новый взгляд на трагедию// Единое отечество. 2008. 4 апреля. – <http://www.otechestvo.org.ua/main/20084/421.htm>

<sup>499</sup> Голод в СССР... Т. 1. Кн. 1. С.491.

вил, что, хотя достоверных цифр об урожайности нет, план хлебозаготовок является «реальным». Но на местах, говорил Косиор, колхозники и местные коммунисты считают план невыполнимым. Один председатель колхоза так и заявил: «Вас хотят ограбить, не сдавайте хлеб». «В августе мы послали своих членов Политбюро по деревням, – продолжал Косиор. – Когда они вернулись, то раскрыли перед нами картину массовой утайки урожая, раскрадывания хлеба в колхозах, раскрыли такую картину, которая нас буквально, что называется, оглушила, потому что это было нечто совершенно невиданное и неожиданное»<sup>500</sup>.

Доклад Косиора свидетельствовал, что крестьянское сопротивление коллективизации не закончилось, что оно приняло новые формы: опасаясь, что у них отнимут весь хлеб, крестьяне начали утаивать и расхищать собранное зерно. В различных колхозах ситуация с урожайностью складывалась по-разному, и власти не могли определить, имеет ли место утайка зерна, или же урожайность действительно низкая и план заготовок превышен. При этом появлялось подозрение, что в колхозах, которые справились с планом, план заготовок в действительности занижен, что они могут сдать больше зерна. План в целом не выполнялся, положение со снабжением было тяжелым, и в январе 1932 года пленум ЦК постановил, что районы, выполнившие план заготовок, должны выдвигать «встречный план» и продолжать сдачу хлеба<sup>501</sup>. Это было одно из самых разрушительных управленческих решений, когда-либо принятых большевиками. В результате этого решения, как свидетельствует Косиор, «в хороших, добросовестных колхозах значительная часть хлеба, предназначенного на личное потребление, была изъята по хлебозаготовкам, а те, кто работал плохо, кто утаивал, отделались выполнением 50-60% плана»<sup>502</sup>. План заготовок изначально был непосильным, и к тому же часть хлеба была расхищена, но местные руководители, опасаясь за свою судьбу, заставляли крестьян сдавать все, что было – иногда даже семенное зерно<sup>503</sup>. Государство забрало себе 58% колхозного урожая, а колхозники получили по трудодням лишь 16%, урожая, по 430 кг зерна на семью – вдвое меньше, чем в прошлом году (см. табл. 4.2).

Весной 1932 года на Украине начался голод – однако Косиор писал Сталину, что голодают лишь «отдельные села», что это лишь результат

---

<sup>500</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 197-199.

<sup>501</sup> Цит. по: Ивницкий Н. А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М., 2009. С.116.

<sup>502</sup> Цит. по: там же. С. 115.

<sup>503</sup> Там же. С. 112-115.

«перегибов»<sup>504</sup>. Реакция Сталина была резкой, он отвечал: «Похоже на то, что в некоторых местах УССР советская власть перестала существовать»<sup>505</sup>. Некоторые районные руководители были отданы под суд; обсуждался вопрос об отстранении Косиора; украинских лидеров обвиняли в том, что они не знают положения на местах. Украине была оказана срочная продовольственная помощь, и, поскольку своих запасов не было, то пришлось закупать зерно за границей<sup>506</sup>.

Таблица 4.2. – Выдача зерна по трудодням в колхозах<sup>507</sup>

	На 1 хозяйство (ц)			На 1 трудоспособного (ц)			На 1 трудодень (кг)	
	1930	1931	1932	1930	1931	1932	1931	1932
УССР	9,4	4,3	3,2	3,7	1,8	1,7	1,6	1,5
Северный Кавказ	5,8	7,8	3,9	2,1	3,6	1,9	2,7	1,3
Нижняя Волга	6,6	4,5	5,4	2,6	1,9	2,4	нет св.	2,3
ЦЧО	7,0	нет св.	4,8	2,5	нет св.	2,0	нет св.	2,1
УрО	нет св.	3,4	5,6	нет св.	1,6	3,6	нет св.	2,9
Западная Сибирь	5,5	5,1	13,3	2,1	2,4	6,1	1,4	4,0

Жестокое хлебозаготовки 1931 года разрушили то примирительное отношение крестьян к колхозам, которое создалось после обильного урожая 1930 года. К осени 1932 года колхозы покинуло больше миллиона хозяйств; начался массовый исход из деревни в город<sup>508</sup>. За 1931/32 год в город ушло 4,5 млн. крестьян – страна никогда не знала подобных массовых переселений<sup>509</sup>. Единоличники реагировали на новую продразверстку так же, как в 1920 году: они отказывались производить сев озимых хлебов, и спущенный им план был выполнен только на 60%<sup>510</sup>. Особенно тяжелым было положение в пораженных голодом областях

<sup>504</sup> Голод в СССР. 1929-1934. Т. 1. Кн. 2. М.: МФД, 2011. С. 228.

<sup>505</sup> Там же. С. 229.

<sup>506</sup> Там же. С. 243, 249, 266-267; Мошков Ю. А. Указ. соч. С. 194.

<sup>507</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 76. Д. 158. Л. 23.

<sup>508</sup> Мошков Ю. А. Указ. соч. С. 193.

<sup>509</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 131. Л. 3.

<sup>510</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 105.

Украины: здесь план сева не выполняли не только единоличники, но и колхозы. Обычно сев заканчивается в конце мая, но в 1932 году к 20 июня план сева яровых на Украине был выполнен лишь на 86%, а в Киевской области – только на 64%<sup>511</sup>. «Во многих случаях почва обрабатывается скверно, – отмечается в спецсправке ОГПУ. – Сев вручную имел распространённый характер. Наряду с этим, в процессе сева имели место случаи разбазаривания и хищения посевного материала и расходование последнего на продовольственные нужды за счет сокращения нормы высева»<sup>512</sup>.

Председатель СНК Украины Чубарь писал Молотову, что трудовая дисциплина в колхозах совершенно развалилась, что возросли антисоветские настроения, что положение усугубляется чрезвычайным развитием мелких и крупных краж<sup>513</sup>. Приобретенный крестьянами горький опыт говорил, что в создавшихся условиях не будет голодать лишь тот, кто похитит как можно больше зерна и спрячет его в ямы. Каганович сообщал Сталину, что Украина стоит перед опасностью «стихийной, неорганизованной уборки и расхищения хлеба с полей»<sup>514</sup>.

«Чтобы обеспечить себя на зиму лучше, чем в предыдущем году, начнется массовое хищение хлеба», – предупреждал Чубарь<sup>515</sup>. Таким образом, кризис 1932-1933 годов был запрограммирован ходом событий – и многие знали о том, что должно случиться.

### 4.3. Кризис 1932-1933 годов

Сталин признавал, что в заготовительную кампанию 1931 года были допущены ошибки. План хлебозаготовок на 1932 год был уменьшен: если в 1931 году план для колхозов и единоличников составлял 224 млн. ц зерна (при фактическом выполнении 194 млн. ц), то в 1932 году – 181 млн. ц. Для Украины план составил 58,3 млн. ц против 71,1 млн. ц в прошлом году (при реальном выполнении 64,7 млн. ц)<sup>516</sup>. При этом урожай ожидался лучше, чем в прошлом году, и после выполнения заготовок крестьянам разрешили свободную продажу хлеба на рынке. Первоначальный план экспорта хлеба был сокращен втрое (до 20 млн. ц). Это решение сразу же привело к замедлению темпов индустриализации, и

---

<sup>511</sup> РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 142.

<sup>512</sup> Там же. Л. 143.

<sup>513</sup> Голод в СССР... Т. 1. Кн. 2. С. 231, 233.

<sup>514</sup> Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М., 2001. С. 173.

<sup>515</sup> Голод в СССР... Т. 1. Кн. 2. С. 232.

<sup>516</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 478.

правительство колебалось: через некоторое время план был увеличен, а потом вновь сокращен<sup>517</sup>. Сталин хотел добиться «крутого перелома» в отношениях с крестьянами и распорядился в три с лишним раза увеличить поставку на село промышленных товаров, оголив для этого городские прилавки. В частности, в деревню предписывалось отправить весь рыночный фонд хлопчатобумажных тканей<sup>518</sup>. Чтобы угодить крестьянам, правительство восстановило традиционную «христианскую» рабочую неделю с воскресеньем в качестве выходного дня<sup>519</sup>.

Однако снижение плана хлебозаготовок в сравнении с реальными заготовками 1931 года было не столь значительным, чтобы добиться «крутого перелома». Вдобавок, Сталин приказал добавить к планам районов 4-5% на случай, если какой-то район не справится с заготовками, и, кроме того, нужно было возвращать ссуды по оказанной весной продовольственной помощи. В итоге, получилось, что в некоторых районах план был даже выше, чем в прошлом году, когда все амбары были выметены «в чистую»<sup>520</sup>. Оглашение новых планов вызвало среди местных руководителей самую настоящую панику. «Доведение планов... вызвало у ряда работников *упадочные и панические настроения*», – свидетельствует докладная записка украинского ГПУ<sup>521</sup>. Записка приводит характерные высказывания местных начальников, одни говорили: «Если принять план, то это будет означать, что мы обрекаем на гибель население», но другие готовились к сопротивлению: «В этом году сперва себя обеспечим хлебом, потом государство. Их дело – давать планы, а наше дело, – не давать хлеба». 446 сельсоветов на Украине отказались принимать эти планы: многие руководители клали на стол партбилеты, а некоторые даже спасались бегством<sup>522</sup>.

Такая же ситуация сложилась на Северном Кавказе, где положение осложнялась засухой: в отличие от других регионов урожай здесь был хуже, чем в прошлом году. Местные руководители говорили: «План будем выполнять – оставим колхозников без хлеба, а сами после разбежимся, чтобы не побили нам головы». «Нужно прежде распределить хлеб колхозникам... а остальное отдать государству, иначе у нас будет

---

<sup>517</sup> Ibid. P. 141, 142; Сталин и Каганович... С. 190-191.

<sup>518</sup> Сталин и Каганович... С. 482.

<sup>519</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 181.

<sup>520</sup> Ibid. P. 140.

<sup>521</sup> Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.3. Кн. 2. М., 2005. С. 185.

<sup>522</sup> Там же. С. 187,188, 203.

то, что на Украине»<sup>523</sup>. На Северном Кавказе проживало много украинцев; весной 1932 года сюда бежали тысячи голодающих крестьян с Украины и здесь были слышаны об украинском голоде.

Паника быстро распространилась на все сельское население. ОГПУ сообщало о том, что на еще не убранных полях стригут колосья, что при уборке оставляют в поле часть урожая, чтобы потом его собрать, что при обмолоте оставляют в соломе зерно, чтобы потом его присвоить, что зерно прячут в ямах-схронах. Зачастую колхозники просто не выходили на работу или только делали вид, что работают – на Западе это называлось «итальянской забастовкой». В результате хлеб оставался в поле нескошенным или лежал в скирдах<sup>524</sup>.

Необходимо отметить, что в 1932 году, в отличие от предшествующих лет, колхозниками предписывалось скирдовать хлеб перед обмолотом<sup>525</sup>. Применявшийся прежде «конвейерный метод» обмолота оборачивался большими потерями, поэтому руководство решило вернуться к традиционному скирдованию. Но эта традиционная технология делала возможным хищение зерна из скирд.

Хищения происходили тайно, ночами, поэтому вышестоящее начальство не знало об их масштабах. Но первые сообщения о ходе хлебозаготовок показали, что в июле на Украине сдано в семь раз меньше хлеба, чем год назад. Сталин считал, что трудности с уборкой являются результатом голода, и нужно помочь пострадавшим колхозам, «скостив» для них 50% плана. В итоге, в середине августа план для Украины был уменьшен до 51,7 млн. ц<sup>526</sup>. Сталин распорядился как можно быстрее сообщить об этом колхозникам – но было уже поздно.

Крестьяне действовали под впечатлением голода весны 1932 года и пытались спасти себя от голода весной 1933 года. Но их действия срывали хлебозаготовки и неизбежно должны были привести к голоду в городах. Сталин писал, что крестьяне «проводили “итальянку”... и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию – без хлеба... по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор...»<sup>527</sup> Это была «тихая гражданская война», но оружие, которое применялось в этой войне – голод – могло уничтожить миллионы людей. Сталин нанес ответный удар. «Колхозное крестьянство есть союз-

---

<sup>523</sup> Там же. С. 195-197.

<sup>524</sup> Там же. С. 170-175, 203-261.

<sup>525</sup> Об уборочной кампании 1932 г. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 7. С. 1.

<sup>526</sup> Сталин и Каганович... С. 245; Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 478.

<sup>527</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 720.

ник рабочего класса... – заявил Сталин на заседании Политбюро 27 ноября 1932 года. – Но это еще не значит, что среди колхозников и колхозов не может быть отдельных отрядов... поддерживающих саботаж хлебозаготовок. Было бы глупо, если бы коммунисты... не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом»<sup>528</sup>.

Началась «война за хлеб». Постановление украинского ЦК гласило: «Во всех районах немедленно организовать изъятие от отдельных колхозников и единоличников хлеба, разворованного у колхозов и совхозов... особенно имея при этом в виду различного рода рвачей и лодырей, не имеющих трудней, но имеющих запасы хлеба. При проведении этого мероприятия необходимо опереться на колхозников-передовиков... не допуская применения массовых обысков у колхозников и единоличников»<sup>529</sup>. Несмотря на голод весны 1932 года, в деревне еще имелись энтузиасты коллективизации. «Многие... сельские активисты, коммунисты и комсомольцы... искренне верили в необходимость насилия над крестьянами, – пишет В. В. Кондрашин. – Они полагали, что только таким образом можно построить новую счастливую жизнь – социализм... Работая не покладая рук на полях... они видели, как основная масса односельчан недобросовестно относится к труду, как многие из них воруют зерно...»<sup>530</sup> Активисты указывали, где можно найти спрятанное зерно, и работники ОГПУ забирали все, что находили, не оставляя ничего крестьянам. За декабрь и январь на Украине было вскрыто 17 тысяч тайных ям и «черных амбаров», из которых было извлечено 1719 тыс. пудов хлеба<sup>531</sup>. В среднем на вскрытую яму приходилось около 2 тонн зерна, а на Кубани – 3 тонны, причем встречались ямы с 40 тоннами зерна – очевидно, это были запасы, предназначенные для торговли. Как это ни удивительно, до конца 1932 года на рынках продавали похищенный хлеб, например в Новороссийске за 10 дней сентября было продано 10 тыс. пудов хлеба<sup>532</sup>.

Однако то, что было обнаружено в ямах – это была капля в море. Для получения хлеба использовались другие, более эффективные, методы: из колхозных амбаров изымалось все, вплоть до семенного зерна, и если план все же не выполнялся, то арестовывали руководство колхоза, а села подвергали блокаде, лишая всех поставок извне. Заго-

---

<sup>528</sup> Там же. С. 559.

<sup>529</sup> Там же. С. 543.

<sup>530</sup> Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 161.

<sup>531</sup> Там же. С. 180.

<sup>532</sup> Советская деревня... С. 204, 223, 255.

товители особенно свирепствовали среди единоличников, заставляя их выполнять «твердый план» независимо от размеров посева. Если не было зерна, то отнимали все продовольствие, которое находили в доме<sup>533</sup>. Единоличников обвиняли в хищениях колхозной собственности. На 1 марта 1933 года за хищения в колхозах было осуждено 65 тыс. человек, но колхозников среди них было только 29 тыс. – остальные были единоличниками<sup>534</sup>.

Сталин настоял на том, чтобы минимальный срок заключения за хищения социалистической собственности составлял 10 лет. Он считал, что хищения – это проявление психологических традиций старого общества. «Капитализм не мог бы разбить феодализм... если бы не сделал частную собственность *священной собственностью*... – писал Сталин. – Социализм не может добить и похоронить... индивидуальнорываческие привычки, навыки, традиции (служащие основой мировства)... если он не объявит общественную собственность... священной и неприкосновенной»<sup>535</sup>.

Как бы то ни было, в 1932/33 хозяйственном году на Украине в колхозах и индивидуальных хозяйствах удалось заготовить лишь 36 млн. ц зерна – это было почти вдвое меньше, чем год назад. На Северном Кавказе было заготовлено 16 млн. ц – 64% от прошлого года; остальные регионы справились с планом заготовок, но в целом по стране было заготовлено лишь 149 млн. ц зерна, на четверть меньше, чем в прошлом году<sup>536</sup>. Это сразу же отразилось на снабжении городов: в первом квартале 1933 года поставки хлеба уменьшились на четверть, были сокращены выдачи продуктов не только рабочим, но даже красноармейцам<sup>537</sup>. В начале марта 1933 года ОГПУ сообщало о тяжелом положении рабочих во многих районах страны: «В связи с урезкой хлебного пайка получающие невысокую зарплату и обремененные большими семьями занимаются нищенством, посылая для этого своих детей... На отдельных предприятиях отмечены случаи, когда рабочие употребляли в пищу падаль... В некоторых случаях рабочие падают от истощения у станков...»<sup>538</sup>.

---

<sup>533</sup> Кульчицкий С. В. Украинский голодомор как геноцид // Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР. М., 2011. С. 172, 183.

<sup>534</sup> Подсчитано по : Трагедия советской деревни... Т. 3.727-729.

<sup>535</sup> Там же. С. 240.

<sup>536</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 478.

<sup>537</sup> Ibid. P. 185-186.

<sup>538</sup> Советская деревня... С. 315-317.

Ухудшение снабжения рабочих привело к падению производительности труда и к забастовкам<sup>539</sup>. Экспорт хлеба резко уменьшился, что привело к недопоставкам оборудования на строящиеся объекты. Во многих отраслях наблюдался уже не рост, а падение производства. Индустриализация на какое-то время остановилась<sup>540</sup>.

Советские руководители не сомневались, что урожаем 1932 года был больше урожая прошлого года<sup>541</sup>. Хлебозаготовки были намного меньше, чем в прошлом году – следовательно, в деревне должно было остаться значительно большее, чем в прошлом году, количество хлеба. Когда в середине декабря секретарь Харьковского обкома Терехов предупредил Сталина о начинающемся голоде, Сталин заявил, что это «сказки»<sup>542</sup>. Число сообщений множилось, но власти не могли поверить фактам. В начале февраля Политбюро предписало облизполкомам тщательно проверять сообщения об «имеющихся случаях голодания» и «не оставлять ни одного такого случая без принятия немедленных мер»<sup>543</sup>. Никто не мог представить, что число этих «отдельных случаев» скоро пойдет на миллионы: для советского руководства голод был столь же неожиданным, как землетрясение.

«Это – отчасти тайна, как без стихийного бедствия самые богатые области страны были поражены страшным голодом», – пишет Анн Пеннер<sup>544</sup>. В попытке объяснить эту тайну историки создали несколько теорий; одна из них – это теория «искусственного голода»: Сталин якобы специально организовал голод, чтобы преодолеть сопротивление крестьян-единоличников, сломить их частнособственническую психологию. И поскольку, в отличие от русских крестьян-общинников, украинские крестьяне были индивидуалистами, то «великий вождь» устроил «геноцид украинского народа». Однако Международная комиссия по расследованию голода на Украине признала, что «не имеется серьезных свидетельств

---

<sup>539</sup> Penner A. Stalin and the Ital'ianka of 1932-1933 in the Don region //Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants . 1998. Vol. 39. N 39-1-2. P. 50.

<sup>540</sup> Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984. С. 173;

<sup>541</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 629.

<sup>542</sup> Там же. С. 915. Прим. 194..

<sup>543</sup> Там же. С. 639.

<sup>544</sup> Penner A. Op.cit. P. 27.

о том, что голод был действительно организован властями с целью... осуществления их политики»<sup>545</sup>.

Другая теория, объясняющая причины голода, исходит из того, что «стихийное бедствие» все же было – точнее, имелся целый комплекс бедствий, погубивших урожай 1932 года. Среди факторов, резко снизивших урожайность, называют как чисто стихийные (засуха, проливные дожди, болезни растений), так и обусловленные нежеланием крестьян работать в колхозах: недосев зерна, нарушение севооборота, плохая вспашка и прополка, что вызвало засоренность полей сорняками. Говорится также о нехватке рабочих лошадей: крестьяне не заботились о колхозном имуществе, у колхозов не хватало кормов, и падеж лошадей был очень значительным. Соответственно, недостаток лошадей препятствовал выполнению сельскохозяйственных работ в необходимые сроки, что приводило к потерям зерна<sup>546</sup>.

С этой теорией можно согласиться лишь отчасти: в пострадавших от голода весны 1932 года северных областях Украины действительно имел место большой недосев зерна, что и было здесь главной причиной неурожая. Но в других районах положение с севом было лучше, и был выращен, в целом, удовлетворительный урожай. Имеются документы, которые доказывают, что урожай 1932 года был не хуже, чем в предыдущем году. Один из таких документов – это докладная записка сектора учета Наркомзема СССР, составленная в сентябре 1932 года<sup>547</sup>. Записка, прежде всего, констатирует, что «система учета урожая, основанная в текущем году на донесениях самих предприятий, колхозов и совхозов, *исключает преувеличенную оценку* на всех стадиях созревания хлебов». Затем приводится оценка урожайности по данным на 1 августа – то есть на время, когда треть хлебов была уже скошена и шел массовый обмолот<sup>548</sup>. Конечно, часть урожая еще стояла на корню, а часть была сложена в скирды, но при всем том приводимые данные – это не «пробный умолот» и не «биологический урожай»: они основаны на результатах массового умолота на больших площадях и учитывают все имевшиеся на тот момент потери (см. табл. 4.3).

---

<sup>545</sup> Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932—1933 годов. Итоговый отчет 1990 г., Киев, 1992. II. 53.

<sup>546</sup> Tauger M. B. Natural disaster and human actions in the Soviet famine of 1931 – 1933. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 2001. № 1506. P. 45-47; Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P.438-440.

<sup>547</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 495-500.

<sup>548</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 132.

Таблица 4.3. – Урожайность и потери в 1932 году (ц/га)<sup>549</sup>.

	Данные Наркомзема на 1 августа 1932 г.	Данные отчетов колхозов (начало 1933 г.)	Потеряно и расхищено
Украина	7,4	5,1	2,3
Северный Кавказ	6,2	3,9	2,3
Нижняя Волга	4,3	3,7	0,6
Средняя Волга	5,5	5	0,5
ЦЧО	8,1	6,4	1,7
Урал	5,8	4,6	1,2

Но существуют еще и другие данные – данные годовых отчетов колхозов. Эти отчеты составлялись по итогам года, и они содержат информацию об амбарном сборе – то есть о том зерне, которое реально поступило в колхозные или государственные амбары. И эти данные раскрывают неожиданную картину: амбарный урожай 1932 года составлял всего лишь 500 млн. ц, на 38% меньше официальной оценки (699 млн. ц)<sup>550</sup>. На Украине по данным Наркомзема средняя урожайность составляла 7,4 ц/га, а по данным отчетов – только 5,1 ц/га.

«...По оценке источников и свидетельству очевидцев, – констатирует В. В. Кондрашин, – в 1932 г. урожай был выращен средний и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать без потерь его не удалось»<sup>551</sup>.

Куда же пропали 2,3 центнера зерна с каждого гектара? Ведь это было реально существовавшее зерно, частью собранное в скирды и ждавшее обмолота? Спецсводки ОГПУ дают ясный ответ на этот вопрос – и более того, они выделяют прописью наиболее важные моменты: «В результате затяжной уборки В РЯДЕ МЕСТ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПЛОЩАДИ ПОСЕВОВ УЖЕ СОЗРЕЛИ И ЗЕРНО ОСЫПАЕТСЯ... Крайне неудовлетворительное качество уборочных и молотильных работ, небрежная перевозка убранных хлеба, также обуславливают значительные ПОТЕРИ УРОЖАЯ. ТАК, В НЕКОТОРЫХ РАЙОНАХ

<sup>549</sup> Там же. С. 497; Tauger M. B. The 1932 harvest and the famine of 1933// Slavic Review. 1991. Vol. 50. P. 83.

<sup>550</sup> Tauger M. B. The 1932 harvest... P. 84.

<sup>551</sup> Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 110.

УКРАИНЫ, НВК, КРЫМА, КАЗАХСТАНА И ДР. ПОТЕРИ ЗЕРНА СОСТАВЛЯЮТ ОТ 25 ДО 50%... Падение трудовой дисциплины проявляется прежде всего в массовых невыходах на работу. Невыходы на работу местами достигают 30-70% (УССР, СВК и др.)...»<sup>552</sup>. «Вследствие затяжки уборки урожая наблюдаются большие потери зерна от перезревания и осыпания хлебов, местами достигающие 20% урожая»<sup>553</sup>. «В ряде случаев при обмолоте оставляется в соломе 30-50% зерна с целью последующего обмолота. Кроме того, в целом ряде сел обнаружено большое количество ям со спрятанным хлебом, в размере от 10 до 1 тыс. пудов в каждой»<sup>554</sup>.

В Винницкой области к 10 декабря в полях и на токах остались необмолоченными 30% зерновых<sup>555</sup>. В Нижне-Чирском районе Нижне-Волжского края на 15 декабря были скошены хлеба с площади 142 тыс. га, но обмолот произведен только на 95 тыс. га. Заскিরдованный, но необмолоченный хлеб подвергался порче. Еще 25 тыс. га хлебов было оставлено на корню в полях, 7 тыс. га скошенного хлеба остались под снегом в валках<sup>556</sup>.

Все это были проявления «итальянской забастовки». «Летом и осень 1933 г. сопротивление крестьян Дона принимало многообразные формы, – отмечает А. Пеннер. – Три самых важных формы были: замедленная работа, сельскохозяйственная забастовка и “незаконное присвоение” зерна. Первые два способа особенно уменьшили сбор зерна...»<sup>557</sup>

Упомянутые выше 2,3 центнера с гектара – это зерно, осыпавшееся или сгнившее из-за затягивания уборки, зерно, оставшееся в соломе после умышленно «вредительского» обмолота, и зерно, расхищенное крестьянами. 2,3 центнера, помноженные на 17 млн. га посевов<sup>558</sup> дают 39 млн. центнеров зерна; этого достаточно для пропитания всего сельского населения Украины в течение года. Судя по сравнительно небольшому количеству хлеба, впоследствии конфискованного у крестьян<sup>559</sup>, укрыть в ямах-схронах удалось лишь меньшую часть этого зерна. Его основная часть осталась в неубранных в поле колосках, на стерне,

---

<sup>552</sup> РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 74.

<sup>553</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 529

<sup>554</sup> Советская деревня... С. 246

<sup>555</sup> Мошков Ю. А. Зерновая проблема... С. 210.

<sup>556</sup> РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 913. Л.38.

<sup>557</sup> Penner A. Op. cit. P. 37.

<sup>558</sup> Tauger M. B. The 1932 harvest... P. 84.

<sup>559</sup> Советская деревня... С. 204, 223, 255.

в соломе и в поле: крестьяне надеялись собрать это зерно, когда уйдут заготовители<sup>560</sup>. Но заготовители долго не уходили, и зерно осталось неукрытым. Это и было одной из главных причин произошедшей трагедии<sup>561</sup>. «Бесчисленное количество жизней было потеряно из-за гибели зерна в полях, – пишет А. Пеннер, – из-за его порчи или из-за невозможности подобрать его ввиду бдительности охранников»<sup>562</sup>.

Известно, что бывает, когда по каким-то причинам в полях остается неубранный урожай: приходят мыши. Такое не раз наблюдалось в истории российского земледелия: это была естественная реакция популяции грызунов на внезапно появившееся изобилие корма. Крестьяне называли это явление «мышьиной напастью»: мыши уничтожали все, что осталось в поле<sup>563</sup>. «Мышиная напасть» 1932 года была уникальным биологическим феноменом: она намного превзошла все, что когда-либо наблюдали биологи. «Массовое нашествие мышей... осенью 1932 г. создало колоссальную угрозу...» – писал известный биолог Н. Я. Кузнецов<sup>564</sup>.

Специалисты свидетельствуют, что в обычное время на Ставрополье в скирдах почти не бывает мышей, но зимой 1932/33 года в скирдах половы находили до четырех тысяч мышей: по 70 грызунов на кубический метр. Обильный корм запустил механизм взрывного размножения полевков: число нор доходило до 10 тысяч на гектар, то есть по норе на каждый квадратный метр!<sup>565</sup> Биологи пишут, что «сплошным массовым размножением мышевидных грызунов была охвачена почти вся степная зона Европейской части СССР – от Бессарабии до Дона и к югу... до предгорий Кавказа»<sup>566</sup>. На заседании СНК Украины 11 ноября 1932 года указывалось, что распространение полевых мышей приобретает размеры *стихийного бедствия*<sup>567</sup>.

---

<sup>560</sup> Penner A. Op.cit. P. 39

<sup>561</sup> Tauger M. B. Natural disaster... P. 39.

<sup>562</sup> Penner A. Op. cit. P. 41.

<sup>563</sup> Материалы по динамике фауны мышевидных грызунов СССР (исторический обзор массовых размножений/ сост. Б. С.Виноградов. Л.: тип. Им. Володарского, 1934. С. 11-17.

<sup>564</sup> Борьба с грызунами в степях Предкавказья/ отв. ред. Н. Я. Кузнецов. Ростов н/Д., 1935. С. 5.

<sup>565</sup> Материалы по динамике... С. 6, 32.

<sup>566</sup> Там же. С. 31.

<sup>567</sup> Фиров В. П. Голодомор 1932-1933 гг.: причины, последствия, виновники. Севастополь, 2003. С. 19

Едва ли не единственным официальным документом, в котором детально разбираются причины катастрофически низких сборов 1932 года, являются «Материалы Комиссии Президиума ВЦИК по ознакомлению с состоянием советского, хозяйственного и культурного строительства Северо-Кавказского края»<sup>568</sup>. В «Материалах» подробно говорится о том, что «кулацкий саботаж» привел к затяжке сева, к отсутствию прополки и зарастанию полей сорняками, что обусловило значительные потери урожая. «Еще большие потери имели место при уборке урожая». К концу нормального срока было убрано лишь 46% зерновых. Документ в итоге констатирует, что «значительные потери, имевшие место при уборке урожая, способствовали разведению неметного количества мышей, которые распространились на всей территории Северного Кавказа, поедая огромное количество хлеба и других продуктов»<sup>569</sup>.

Очевидцы в ярких красках описывали нашествие мышей на степном Юге. «В ноябре 1932 года пошли лавой мыши, – вспоминал один крестьянин, – и ели все на свете, даже людям спать не давали, обгрызали пальцы. И шли мыши через воду, с севера на юг. Народ тогда взволновался. “Это перед какой-то пропастью, или перед голодом”, – говорили старики»<sup>570</sup>. «Хороший урожай... съели мыши», – писал мобилизованный на хлебозаготовки учитель С. М. Куля. Он свидетельствует, что мыши начисто съедали то, что было укрыто крестьянами в соломе и оставлено на полях, проникали в жилища крестьян, под одежду. Со слов Кули, под Нальчиком огромная масса мышей однажды остановила поезд, колёса которого забуксовали в толще грызунов, переваливавшихся через рельсы<sup>571</sup>. «Хаты кишели мышами, – писали агрономы Б. Эльфон и П. Подгорный, – по улицам в бурьяне раздавался непрерывный треск. Это двигались мыши, наводняя собой все новые и новые населенные пункты. Такого нашествия мышей не запомнят сторожилы. Наглость мышей и крыс переходила всякие границы: обувь, продукты, семена – все уничтожалось прожорливыми грызуна-

---

<sup>568</sup> ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1362.

<sup>569</sup> Там же. Л. 200.

<sup>570</sup> Голод в станице Новодеревянковской. Из воспоминаний станичников//Кубанский сборник. 2007. № 11. <http://www.gipanis.ru/?level=328&type=page&lid=317>

<sup>571</sup> Рожков А.Ю. «Мыши съели людей...»: память о голоде 1932–1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко// Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. / Под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. С. 54.

ми»<sup>572</sup>. Живший под Харьковом крестьянин Н. Н. Белоус писал в своем дневнике: «Все время мыши, и в поле, и в доме – такая сила, что и кошка уже не хочет душить, мышеловкой по 50 штук за ночь ловим»<sup>573</sup>.

Нападениям мышей подвергался также и хлеб, укрытый в амбарах и ямах. Нужно сказать, что обычная в крестьянском хозяйстве «хлебная яма» – это отнюдь не просто яма, вырытая в земле. Для того, чтобы избежать проникновения мышей и влаги, яму нужно было рыть в глинистой почве или обмазывать глиной. Затем в яме разводили костер и прокаливали до тех пор, «покуда прогорит по стенам на четверть и сделается как железная изгора». Яма должна была быть герметичной, если в нее попадал воздух, то хлеб портился. Поэтому зерно в яме хранили до весны, или большее время – но после вскрытия зерно нужно было сразу же извлекать и использовать<sup>574</sup>. Хлебная яма обычно находилась во дворе, о ее местонахождении все знали, и в ней нельзя было прятать украденный хлеб. В 1932 году похитившие зерно крестьяне были вынуждены прятать его в спешно выкопанных тайниках – и конечно, они не имели возможности прокаливать эти маленькие ямы-схроны. В обычных условиях еще была надежда сохранить спрятанный в схронах хлеб, но в условиях «мышьиной напасти» это было невозможно. Писатель Лев Копелев передает рассказ председателя сельсовета об одном крестьянине: «Он думал, он самый хитрый. Закопал на дальнем поле. Да только мышей не перехитрил... Открыли ту хитрую яму. А зерно уже пополам с мышиним говном. Ну, хозяина, конечно, забрал НКВД... А семья без хлеба осталась»<sup>575</sup>.

Таким образом, зерно, оставленное крестьянами в соломе и в колосках, было уничтожено нашествием мышей. Зерно, спрятанное в ямах-схронах, по-видимому, тоже погибло, было испорчено грызунами, или попросту сгнило. Можно понять разочарование и ужас крестьян, которые надеялись на спрятанные запасы, и, открыв весной свои ямы, обнаруживали в них то, что означало голодную смерть.

Зимой и весной 1933 года, когда катастрофа стала фактом, власти, наконец, спохватились. Были мобилизованы тысячи работников, под-

---

<sup>572</sup> Эльфон Б. Подгорный П. Тихорецкая МИС в борьбе с мышами // На защиту урожая. 1933. №1. С. 26.

<sup>573</sup> Аваков А. «Пришлось умереть от голода...» (Дневник 30-х годов – рукописи не горят даже в НКВД) //Украинская правда. 2008. 23 травня.

<sup>574</sup> Милов Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.,1998. С. 144-145.

<sup>575</sup> Копелев Л. З. И сотворил себе кумира. Харьков, 2010. С. 252.

везены ядохимикаты, и началась грандиозная операция по истреблению грызунов. «Масштабы истребительной операции... представляли собой еще невиданный в истории факт...» – писал Н. Я. Кузнецов<sup>576</sup>. Но было уже поздно.

В итоге, как отмечает, В. В. Кондрашин, «если бы сталинское руководство приняло во внимание быстро распространяющиеся панические настроения в деревне... то тогда бы удалось избежать огромных потерь зерна при уборке урожая, его массового воровства колхозниками. Его бы не пришлось прятать в ямы, где оно сгнило. В этом случае последствия кризисной ситуации 1932 года не были бы столь трагичными»<sup>577</sup>.

Даже после того, как начали поступать известия о голоде, власти долгое время не понимали масштабов происходящего. Только этим можно объяснить высказывание Хатаевича: «В облотделе ГПУ скопилось уже немало сообщений об отдельных фактах голодной смерти... *Я менее всего прихожу от этих фактов в расстройство*»<sup>578</sup>. Лишь в начале февраля Днепропетровский обком всполошился: выяснилось, что от голода погибают не только единоличники, но и колхозники с большим числом трудодней – те, кто не воровал зерно. «В отношении колхозников, выработавших достаточное количество трудодней и оставшихся без хлеба, должна быть оказана немедленно продовольственная помощь», – гласило постановление обкома<sup>579</sup>. Но ресурсов для оказания помощи было очень мало. Поэтому, говорилось в постановлении, «колхозникам, которые имеют мало трудодней, и единоличникам, которые остались без хлеба, нужно предложить активно заняться вскрыванием разворованного и припрятанного хлеба с тем, чтобы... обеспечить себя продовольствием»<sup>580</sup>.

Однако украинским руководителям приходилось оправдываться перед Москвой, объяснять, что это не они отняли у крестьян весь хлеб. «Основная причина голода, – докладывал Косиор, – плохое хозяйничание и недопустимое отношение к общественному добру (потери, воровство и растрата хлеба)... *Ибо в большинстве голодающих районов хлеба по заготовкам было взято ничтожное количество...* Почему голодают в Киевской области, где хлебозаготовок... почти не брали. В этих районах был весной большой недосев..., а то, что собра-

---

<sup>576</sup> Борьба с грызунами... С. 5.

<sup>577</sup> Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 352.

<sup>578</sup> Цит. по: Ивницкий Н. А. Голод 1932-1933 годов... С. 203.

<sup>579</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 261.

<sup>580</sup> Там же.

ли, – проели на общественном питании, кто сколько хотел, а также растащили те, кто не работал»<sup>581</sup>.

Неизвестно, как реагировала на эти оправдания Москва, но в безвыходной ситуации Украине была выделена значительная помощь – около 5 млн. ц зерна<sup>582</sup>. Для сравнения, в первом квартале на снабжение всех городов и строек страны было отпущено лишь 15 млн. ц хлеба<sup>583</sup>. Для экспорта было выделено 3,5 млн. ц; этот экспорт был необходим для оплаты по краткосрочным кредитам, иначе бы Москве грозило банкротство<sup>584</sup>. В начале апреля экспорт был прекращен.

#### 4.4. Масштабы голода

Большой голод начался в марте, когда смертность на Украине в четыре раза превысила обычный уровень<sup>585</sup>. Интенсивность голода в разных регионах определялась размерами потерь в ходе аграрной стачки. Чем больше были потери, тем меньше зерна осталось у колхозов на распределение по трудодням. На Украине средняя выдача на трудоспособного колхозника составила 170 кг зерна, на Северном Кавказе – 190 кг, на Нижней Волге – 240 кг. В Западной Сибири, где стачки практически не было, крестьяне получили по 610 кг, а в среднем по СССР – 240-282 кг<sup>586</sup>. Для нормального питания требовалось не менее 200 кг зерна на душу, и если учесть, что в семье были дети, то средняя выдача в 170 кг означала голод. Эпицентр этого голода был на Юге – там, где аграрная стачка приняла наибольшие масштабы.

Существуют прямые данные об уровне потребления продуктов питания по областям СССР во время голода 1933 года. Речь идет, прежде всего, о данных бюджетных обследований, приводящихся в бюллетене ЦУНХУ «Бюджеты колхозников за 1933 и 1934 годы»<sup>587</sup>. Может вызвать некоторое удивление, что в голодном 1933 году ЦУНХУ проводило обследования питания и фиксировало масштабы голода – хотя, конечно, соответствующие материалы имели гриф «Не подлежит оглашению».

---

<sup>581</sup> Операция «Голодомор»: когда безумствует мечта //Родина. 2007. №1. С. 75.

<sup>582</sup> Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 243.

<sup>583</sup> Davies R., Wheatcroft S. *Op. cit.* P. 186.

<sup>584</sup> Tauger M. B. *The 1932 harvest...* P. 88; Penner A. *Stalin and the Ital'ianka...* P. 34.

<sup>585</sup> Davies R., Wheatcroft S. *Op. cit.* P. 511.

<sup>586</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 76. Д. 158. Л. 23.

<sup>587</sup> РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а.

Таблица 4.4. – Потребление продуктов питания колхозниками в I и II полугодиях 1933 года (в граммах на душу населения в месяц)<sup>588</sup>

	По- лу- год.	Ленин- градская	Мос- ков- ская	ЦЧО	Средне- Волж- ский кр.	БССР	Киев- ская	Одес- ская
Хлеби мука в переводе на хлеб	I	20537	19506	11511	15688	11242	6222	7222
	II	19647	18731	11374	16960	12203	13146	15652
Крупа и бобовые	I	1003	805	1526	1459	996	2177	1502
	II	874	870	1509	1625	1046	2190	1309
Карто- фель	I	13891	16974	19490	7821	28715	9171	3669
	II	20674	22399	20652	12673	34406	12022	6478
Овощи и корне- плоды	I	4244	4687	6652	2627	4069	7917	9101
	II	5593	6943	10853	4788	4853	6960	12644
Сахар, конфеты	I	190	192	31	18	46	48	89
	II	140	129	100	29	52	111	134
Масло расти- тельное	I	34	31	51	9	20	43	121
	II	28	25	20	5	14	42	51
Бахчевые	I	1	0	24	370	0	932	601
	II	139	17	1741	1376	98	3290	2121
Мясо вяжое	I	1179	900	588	320	1192	401	378
	II	1103	899	444	448	999	389	269
Сало	I	36	12	40	8	485	182	31
	II	25	15	16	5	357	79	16
Рыба	I	347	70	39	63	115	105	421
	II	261	73	41	55	119	155	209
Молоко цельное	I	9377	8482	6956	5954	8361	4471	5626
	II	9960	10125	10463	7273	10288	8198	6179
Молоко сбитое	I	904	387	326	1987	1037	255	475
	II	969	151	707	1919	1098	629	717
Сметана	I	111	47	39	89	110	28	25
	II	85	27	65	38	107	95	92
Масло коровье	I	50	9	16	42	16	6	55
	II	36	11	26	42	15	26	114

<sup>588</sup> Там же. Л. 91-92.

Бюджетные обследования проводились в Белоруссии, в четырех российских регионах (Московской, Ленинградской, Центрально-Черноземной областях и в Средне-Волжском крае), и в двух областях Украины (Киевской и Одесской). Было обследовано следующее количество крестьянских хозяйств: в Белоруссии – 770, в Московской области – 980, в Ленинградской – 700, в ЦЧО – 1050, в Средне-Волжском крае – 980, в Киевской области – 560, в Одесской – 700. Рассмотрение сравнительных данных о колхозах, в которых располагались обследованные хозяйства<sup>589</sup>, позволяет сделать вывод, что эти колхозы не выделялись из основной массы коллективных хозяйств, и выборка была достаточно репрезентативной. Таким образом, мы можем использовать бюджетные данные о потреблении продуктов для характеристики состояния питания в охваченных обследованиями областях (см. табл. 4.4 и 4.5).

Можно подсчитать энергетическую ценность указанного набора продуктов. Для определения калорийности продуктов мы используем данные справочника ЦСУ «Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов»<sup>590</sup> и данные ФАО<sup>591</sup> (которые в табл. 4.6 выделены курсивом).

Хлеб бывает разных сортов и разной калорийности, поэтому подсчет калорийности указанных в табл. 4.4 и 4.5 «хлеба и муки в переводе на хлеб» может вызвать некоторые затруднения. Однако на стандартном бланке итогов бюджетных обследований указывалось, что ржаной хлеб переводится в муку из соотношения 1 кг хлеба = 0,715 кг муки, пшеничный хлеб – из соотношения 1 кг хлеба = 0,785 кг муки<sup>592</sup>. Отсюда получим, что калорийность ржаного хлеба равна 2113 ккал, пшеничного хлеба – 2579 ккал. Это немного больше, чем величины калорийности, используемые статистиками 1920-х годов<sup>593</sup>, но мы вынуждены использовать эти значения, так как они подразумеваются коэффициентами перевода хлеба в муку, применявшимися в 1930-х годах.

---

<sup>589</sup> См.: там же. Л. 3-5.

<sup>590</sup> Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // Труды ЦСУ. Т. 22. Вып. 1. М., 1925. С. 33-44.

<sup>591</sup> См. страницу для СССР: URL: [faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor](http://faostat.fao.org/site/368/DesktopDefault.aspx?PageID=368#ancor)

<sup>592</sup> См., например: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 734. Л. 1-60.

<sup>593</sup> См.: Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // Труды ЦСУ. Т. 22. вып. 1. М., 1925. С. 40.

Таблица 4.5. – Потребление продуктов питания колхозниками в I и II полугодиях 1934 года (в граммах на душу населения в месяц)<sup>594</sup>

		Ленинградская	Московская	ЦЧО	Средне-Волжский край	БССР	Киевская	Одесская
Хлеб и мука в переводе на хлеб	I	19341	19007	13864	16828	13184	15591	18060
	II	20631	18813	13167	17992	13042	13935	14112
Крупа и бобовые	I	1248	1617	2899	2704	1432	2446	2652
	II	1004	1106	2097	1818	1095	2035	1993
Картофель	I	18363	20075	15631	12743	28614	8150	3433
	II	18592	23136	22423	15758	38750	17522	6093
Овощи и корнеплоды	I	5037	6849	10460	2916	3264	6226	8198
	II	6875	7743	10467	5690	5840	8400	11467
Сахар, конфеты	I	220	218	82	66	91	141	212
	II	253	256	130	64	66	320	230
Масло растительное	I	74	52	88	18	16	63	148
	II	47	45	35	9	31	75	109
Бахчевые	I	6	0	71	152	0	234	781
	II	341	25	1793	2689	161	3844	4820
Мясо всякое	I	954	942	403	355	1168	438	476
	II	873	926	426	401	750	282	676
Сало	I	88	11	24	2	433	167	142
	II	18	19	160	4	248	99	85
Рыба	I	348	84	70	102	165	196	409
	II	326	135	72	110	163	188	410
Молоко цельное	I	10277	9760	8034	6174	10092	6188	4292
	II	11385	11791	10980	7929	12204	9933	5093
Молоко снятое	I	758	728	973	2955	1087	602	524
	II	815	483	1217	3122	1627	1298	684
Сметана	I	82	52	59	44	145	95	91
	II	92	73	66	65	159	168	117
Масло коровье	I	34	15	24	68	18	19	73
	II	49	16	41	80	29	64	124

<sup>594</sup> РГАЭ. Ф. 1562 Д. Оп. 77. Д. 5а. Л. 91-92.

Таблица 4.6 – Калорийность продуктов, принимаемая при расчете потребления (ккал/кг)

Продукты	ккал/кг	Продукты	ккал/кг
Мука ржаная	2955	Мясо в среднем	1742
Мука пшеничная	3285	Сало	6470
Крупа и бобовые	3378	Рыба в среднем	860
Картофель	670	Молоко цельное	635
Овощи	204	Молоко снятое	370
Сахар	3875	Сметана	2482
Масло растительное	8517	Масло коровье	7795
Бахчевые	200	Фрукты	560

Кроме того, статистики 1920-х годов, по-видимому, несколько занижали калорийность картофеля: они полагали, что потери равнялись 25% общей массы, в то время как крестьяне часто варили картофель в «мундире», и потери были меньшими – поэтому в данном случае мы используем при подсчетах более современные данные ФАО. Небольшое превышение используемых нами значений калорийности хлеба и картофеля по сравнению с величинами, использовавшимися ЦСУ в 1920-х годах, приводит к тому, что при пересчете калорийности пищевых наборов 1920-х годов по нашей методике мы получим немного большие цифры, чем те, которые указывались статистиками 1920-х годов: например, для обследования февраля 1924 года в Воронежской губернии мы получим 3391 ккал в день вместо 3311 ккал по данным ЦСУ (то есть на 2,5% больше)<sup>595</sup>.

Пользуясь данными табл. 4.6, можно найти калорийность используемого в бюджетных сводках условного «хлеба». Как показывают обследования 1920-х годов, в российских областях и в Белоруссии крестьяне потребляли почти исключительно ржаной хлеб<sup>596</sup>. На Украине потреблялся и белый хлеб, и, если учесть доли потребления ржаного и пшеничного хлеба<sup>597</sup>, то получим, что принимаемая в расчетах кало-

<sup>595</sup> Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. Т. 30. Вып. 2. М. 1928. С. 118. В этом издании указано количество калорий на взрослого «едока», и чтобы найти калории, приходящиеся на «душу», нужно разделить указанные числа на 1,4.

<sup>596</sup> Там же. С. 140.

<sup>597</sup> См.: там же.

рийность употреблявшегося на Украине хлеба равна примерно 2188 ккал/кг.

Используя эти значения калорийности упомянутых в таблице продуктов, получим общую калорийность продуктового набора (табл. 4.7).

*Таблица 4.7 – Уровень душевого потребления сельского населения в различных регионах СССР по полугодиям 1933 и 1934 годов (ккал/день)*

Область, край, республика	1933		1934		Губерния, республика	1924, февраль
	I	II	I	II		
Ленинградская	2251	2325	2323	2412	Ленинградская	2881
Московская	2156	2267	2342	2392	Московская	2956
ЦЧО	1686	1809	1983	2099	Воронежская	3391
Средне-Волжский край	1660	1927	2021	2151	Самарская	2676
БССР	1965	2172	2177	2366	БССР	2898
Киевская	1149	1809	1893	2082	УССР	3040
Одесская	1072	1767	2017	1788		

Для сравнения в этой таблице помещен сделанный по той же методике расчет калорийности продуктового набора по данным обследования питания в феврале 1924 года<sup>598</sup>. ЦСУ СССР в 1920-х годах считал, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворяет норма в 3750 кал на взрослого «едока»<sup>599</sup>. Среднестатистическая «душа» потребляет в 1,4 раза меньше «едока», следовательно, минимальная норма для сельской души составляет 2680 ккал в день. Принятая Всемирной организацией здравоохранения минимальная норма среднедушевого потребления продовольствия существенно ниже: она составляет 2300–2400 ккал на человека в день<sup>600</sup>. Примерно на таком уровне находится потребление пищи в современных Индии и Пакистане. В 1924 году в СССР крестьяне питались намного лучше: калорийность продуктового набора составляла от

<sup>598</sup> Там же. С. 140.

<sup>599</sup> Там же. С. 50.

<sup>600</sup> См., например: Naiken L. 2002. FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. URL: [www.fao.org](http://www.fao.org).

2900 до 3400 ккал в день (за исключением еще не оправившейся от голода 1922 года Самарской губернии). На этом фоне картина потребления в 1933 году представляется подлинной катастрофой: в I полугодии, во время голода на Украине, потребление составляло около 1100 ккал на человека в день или 1540 ккал на взрослого «едока». Известно, что для простого поддержания жизни (без каких-либо затрат на мышечную деятельность) взрослому мужчине требуется 1600 ккал<sup>601</sup>, а при самой легкой работе – в 1,4 раза больше, то есть 2240 ккал; в этом случае появляется дефицит в 700 ккал. Энергетические запасы организма взрослого мужчины оцениваются в 165 900 ккал; по данным физиологов, можно израсходовать 40-45% этих резервов, прежде чем наступит гибель организма<sup>602</sup>. Простой расчет показывает, что в условиях украинского голода 1933 года выполняющий легкую работу взрослый мужчина мог прожить только 90-100 дней.

В Средне-Волжском районе и в ЦЧО ситуация была не столь трагической: при среднем потреблении около 1700 ккал на «едока» приходилось 2380 ккал, что было достаточно для выполнения легкой работы. Однако сельские работы во время посевной компании требовали значительно больших энергетических затрат, поэтому большая часть населения в этих регионах страдала от голода или от недоедания.

Что касается Московской и Ленинградской областей, то данные бюджетов свидетельствуют о том, что в этих областях не было голода; средний уровень потребления здесь примерно соответствовал минимальной норме ВОЗ.

Как показывают данные табл. 4.7, во второй половине 1933 года положение на Украине улучшилось и потребление увеличилось примерно до 1800 ккал на душу населения. Голод отступал постепенно, и от него страдала еще значительная часть населения. В 1934 году во всем бедствующем регионе, на Украине, в ЦЧО и в Поволжье, потребление поднялось примерно до 2000 ккал на душу – это было все еще существенно меньше нормы ВОЗ. И конечно, питание крестьян не могло сравниться с «благословенными» временами нэпа, когда уровень потребления достигал 3000 ккал.

---

<sup>601</sup> Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации МР 2.3.1.2432 -08. URL: [www.detnadzor.ru/docs/phis\\_nom\\_08.pdf](http://www.detnadzor.ru/docs/phis_nom_08.pdf)

<sup>602</sup> Волович В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. М., 1983. С. 23.

Таблица 4.8 – Уровень потребления семейных рабочих в СССР (в граммах на душу населения в месяц (ккал/день<sup>603</sup>).

	февраль 1925 г.	I кв. 1933г.	I кв. 1934г.	весь 1933 г.	весь 1934 г.
Мука и хлеб в переводе на муку	13771	12393	14254	13691	14420
Крупа	1316	1120	1046	1053	982
Прочие хлебные продукты	123	364	439	329	360
Картофель	8758	7881	11710	10593	13964
Овощи	3063	2911	3932	6209	6750
Мясо	4207	1219	1145	1162	1098
Сало	271	29	33	20	36
Рыба	861	743	644	979	823
Молоко	4797	2167	2783	3618	4291
Прочие молочные продукты		127	146	342	288
Масло коровье	197	37	101	96	155
Яйца (шт.)	3	8	7	38	31
Масло растительное	357	86	74	77	56
Сахар	775	556	615	543	620
Кондитерские изделия	49	552	512	394	509
Фрукты	209	91	150	294	609
Калорийность (ккал/ день)	2523	1956	2263	2194	2391

Таково положение с потреблением крестьян. Каково было питание рабочих? Материалы бюджетных обследований о потреблении рабочих в 1932-1933 гг. имеются в известной работе Е. А. Осокиной<sup>604</sup>. Однако сравнение данных бюллетеня ЦУНХУ «Бюджеты рабочих»<sup>605</sup> с

<sup>603</sup> Данные для 1926 года подсчитаны по: Состояние питания городского населения СССР в 1924-25 сельскохозяйственном году// Труды ЦСУ СССР. Т. 30. Вып. 3. 76-77.

<sup>604</sup> Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. М., 1998.

<sup>605</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8.

данными, приводимыми в книге Е. А. Осокиной<sup>606</sup>, показывает, что автор книги приводит лишь размеры приобретения рабочими продуктов питания, не учитывая продукты, поступившие из приусадебных хозяйств рабочих<sup>607</sup>. Между тем, выращенный на своем участке картофель имел существенное значение для питания рабочих семей. В таблице 4.8 мы суммировали поступление продуктов из всех источников и подсчитали общую калорийность продуктового набора.

Для сравнения в табл. 4.8 приводятся также данные о потреблении в феврале 1925 года; причем калорийность во всех случаях подсчитана по единой методике, описанной выше. Данные табл. 4.8 говорят о том, что кризис отразился и на городском населении: в I квартале 1933 года потребление семей рабочих упало до 1956 ккал на душу. Однако в целом оно оставалось значительно более высоким, чем в сельской местности; при этом нужно учитывать, что интенсивность труда в городе значительно меньше, чем в деревне и в обычные годы потребление горожан по калорийности было меньше, чем потребление крестьян<sup>608</sup>. Это, в частности, видно из сравнения калорийности питания в городе и в деревне в 1924-1925 годах (см. табл. 4.7 и табл. 4.8). В 1934 году потребление семей рабочих несколько возросло, но не достигло уровня 1925 года. При этом после кризиса резко изменилась структура питания: потребление мяса уменьшилось в четыре раза, а потребление хлеба увеличилось.

Когда начался сев, для колхозников были организовано питание в поле: кто мог и хотел работать в колхозе, тот и получал пищу. Единоличники не получали помощи, голодали и умирали – все источники говорят о том, что умирали, в первую очередь, крестьяне-единоличники. Это был метод сталинского перевоспитания крестьянства, метод, которым большевики пытались сломить традиционную крестьянскую психологию. Сталин не организовывал голод, но он приказал блокировать села, не выпуская из них голодающих крестьян. Применение таких методов усугубило ситуацию и увеличило число жертв «тихой войны»<sup>609</sup>.

---

<sup>606</sup> Осокина Е. А. Указ. соч. С. 333.

<sup>607</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1934. Л. 8, 25

<sup>608</sup> Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания// Статистическое обозрение . 1927. № 12. С. 18.

<sup>609</sup> Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 136, 167; Penner A. Stalin and the Italianka... P. 47.

#### 4.5. После кризиса

В конечном счете, Сталин одержал победу: с помощью голода он сломил крестьянина-собственника. Если весной 1932 года на Украине отмечались сотни крестьянских выступлений, и число участников во многих случаях превышало 500 человек, то весной 1933 года значительных выступлений не отмечалось<sup>610</sup>. Измученные голодом крестьяне капитулировали перед властью. Анн Пеннер приводит характерные заявления крестьян Северного Кавказа: «Мы понимаем наши ошибки и готовы работать. Мы сделаем все, что от нас ждут»<sup>611</sup>.

Более того, советской власти удалось добиться существенных изменений в крестьянском менталитете. Этот излом в ментальности произошел одномоментно, пишет С. В. Кульчицкий<sup>612</sup>. Он хорошо иллюстрируется рассказом Ефима Косых, председателя колхоза из Днепропетровской области. Косых рассказывает о борьбе прежде нерадивых односельчан за урожай 1933 года. «Мы повесили на своих домах замки. Мы перевели правление колхоза в борозду... Мы всем селом – от мала до велика вышли таскать пырей, травить мышей и сусликов. И пошло дело, которому мы сами удивлялись... И вот из супесчаных наших участков, из убогих наших гектаров мы взяли по 15 ц яровой и озимой пшеницы... На трудодень получили свыше пуда зерна...»<sup>613</sup>.

«Сталин не стоял за ценой – добавляет С. В. Кульчицкий. – Речь шла... об изменении силовыми методами социальной природы крестьянства. Чтобы оно избавилось от “индивидуально-рваческих привычек, навыков и традиций”, нужны были сильные средства... После Голодомора украинским крестьянам пришлось принять те правила игры, которые привыкли к хозяйствованию в общине русские крестьяне приняли сразу»<sup>614</sup>.

Изменения в менталитете крестьян сразу же отразились на хозяйственных результатах. Перед весенним севом 1933 года обстановка в деревне была очень тяжелой: люди голодали; численность рабочих лошадей сократилась до 14,2 млн. (по сравнению с 24,2 млн. в 1928 году), и многие оставшиеся лошади были до крайности истощены из-за отсутствия фуража. Тракторов было еще мало (только 103 тыс.),

---

<sup>610</sup> Советская деревня... С. 109-110.

<sup>611</sup> Penner A. Stalin and the Ital'ianka... P. 46.

<sup>612</sup> Кульчицкий С. В. Указ. соч. С. 189.

<sup>613</sup> Там же.

<sup>614</sup> Там же. С. 161, 189.

приходилось пахать на коровах<sup>615</sup>. Тем не менее, сев был произведен вовремя, осенняя уборка была проведена в сжатые сроки. Несмотря на засуху на Украине и в Поволжье, был собран хороший урожай, по данным хлебофуражного баланса из фондов РГАЭ он составлял 752 млн. ц<sup>616</sup>. План заготовок зерна из урожая 1933 года составлял 193 млн. ц – то есть был больше, чем в предыдущем году (181 млн. ц.); тем не менее, он был, в основном, выполнен; реально было заготовлено 189 млн. ц против 146 млн. ц в 1932/33 году<sup>617</sup>.

Таблица 4.9 – Выработка трудодней колхозниками<sup>618</sup>

	1932	1933		1932	1933
УССР	121	144	Северный Кавказ	149	195
в т.ч. Киевская обл.	84	120	ЦЧО	93	116
Винницкая обл.	98	118	Свердловская обл.	139	199
Средняя Волга	103	121	Западная Сибирь	162	167

После заготовок в деревне осталось большое количество хлеба, и власти не пытались его забрать. Летом 1933 года было принято решение распределять хлеб по трудодням сразу по окончании хлебосдачи, не дожидаясь финансовых расчетов в конце года. Командированный на Украину нарком Я. А. Яковлев докладывал Сталину, что колхозники не верят в то, что действительно получают хлеб. «Буквально во всех колхозах... полное недоверие колхозников, особенно женщин в то, что хлеб по окончании заготовок... будет действительно распределен между колхозниками. В нескольких колхозах, оканчивающих заготовки, где я разговаривал с женщинами и производил вместе с ними подсчеты получения хлеба по отдельным колхозникам, единственным ответом, который приходилось слышать, был: “Цъего не буде! Этот хлеб все равно у нас заберут!”. Ваше решение о распределении доходов буквально попало в точку и является самым важным документом для выправления положения на Украине»<sup>619</sup>. В 1933 году выдачи колхозникам по трудодням составили на Украине и на Северном Кавказе 460-

<sup>615</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 465; Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 706-709.

<sup>616</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 19. Д. 38. Л. 30-37.

<sup>617</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 503.

<sup>618</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 77. Д. 70. Л. 29.

<sup>619</sup> РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 234. Л. 89.

470 кг зерна на работника, на Нижней Волге – 390 кг, в среднем по СССР – 469 кг<sup>620</sup>.

Хороший урожай 1933 года способствовал тому, что крестьяне в своей массе смирились с судьбой, и к 1936 году доля коллективизированных хозяйств составила 91%<sup>621</sup>. Советская власть пошла на существенные уступки колхозникам. В январе 1933 года было принято постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б), восстановившее максимальную норму сдачи зерна государству (в 1/3 среднего валового сбора); задание на поставку должно было выдаваться не позднее 15 марта; «встречные планы» были запрещены. В феврале 1933 года Сталин пообещал обеспечить всех колхозников коровами; он выдвинул задачу «сделать всех колхозников зажиточными». «Тихая гражданская война» прекратилась; осужденные за незначительные «хищения» были амнистированы и вернулись в свои деревни; массовые «раскулачивания» и высылки ушли в прошлое<sup>622</sup>.

Наиболее важной уступкой власти было разрешение колхозникам иметь значительное подсобное хозяйство. При рассмотрении Примерного устава сельскохозяйственной артели на Втором всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1935 года было решено закрепить за колхозниками право на приусадебные участки размером от 0,25 до 1 га (в зависимости от региона). Полученную в приусадебном хозяйстве продукцию разрешалось продавать на рынке по свободным ценам. В конце второй пятилетки подсобные хозяйства колхозников давали большую часть производства мяса и молока, половину картофеля и овощей<sup>623</sup>.

«Человек есть человек, – признал Сталин. – Он хочет иметь кое-что для себя... Он хочет иметь свою корову. Ничего преступного в этом нет... это надо понять»<sup>624</sup>.

Весьма важным решением, страхующим правительство от дальнейших грубых ошибок в хлебозаготовительной политике, было создание Центральной государственной комиссии по определению урожайности (ЦГК)<sup>625</sup>. Как отмечалось выше (в п. 1.2) применяемые до 1933 года методы не позволяли получить достаточно точную оценку урожайности в период созревания зерновых. Это обстоятельство и

---

<sup>620</sup> Davies R., Wheatcroft S. Op. cit. P. 503.

<sup>621</sup> Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 204.

<sup>622</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 38-42.

<sup>623</sup> Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 301.

<sup>624</sup> Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 396.

<sup>625</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 755-758.

обуславливало завышение планов, «перегибы» и их трагические последствия. Экстремистски настроенные вожди ВКП(б) не только не умели, но и фактически не могли управлять создаваемой ими огромной новой хозяйственной системой. Они попросту не имели необходимой для управления информации – в том числе данных о реальных урожаях. Они учились на своих ошибках – но эти ошибки обходились в миллионы жизней. В итоге, Совнарком принялся за организацию необходимых статистических служб только в декабре 1932 года – когда избежать кризиса было уже невозможно.

Следует признать, что модернизация сельского хозяйства путем его механизации и создания коллективных хозяйств была единственным возможным решением в ситуации 1930-х годов. Но, как мы видели, на этом пути было сделано много грубых организационных ошибок, повлекших трагические последствия. Об ошибках такого рода можно сказать словами Телейрана: «Это хуже, чем преступление». Кто-то должен был заплатить за эти ошибки – и поскольку правитель не может наказать самого себя, то он карает плохих советников и неудачливых исполнителей. 6 марта 1933 года в «Правде» появилось сообщение ОГПУ о раскрытии и ликвидации контрреволюционной группы «вредителей». Это были прежние руководители «Трактороцентра», которые ввели «упрощенную агротехнику» и вызвали совхозный кризис в 1931-1932 годах. Суд был скорым, 12 марта 35 видных работников наркоматов были расстреляны. Академик Н. М. Тулайков отрекся от «упрощенной агротехники» и сохранил свои должности<sup>626</sup>.

Молчаливое признание своих ошибок и уступки Сталина способствовали улучшению во взаимоотношениях властей и крестьянства – хотя, конечно, в какой-то степени сопротивление продолжалось. Во время уборки 1933 года отмечались те же явления, что и в 1933 году – но в гораздо меньших масштабах<sup>627</sup>. Шейла Фицпатрик отмечает, что «подобное поведение оставалось для многих колхозников характерным на протяжении всех 1930-х годов»<sup>628</sup>. Вероятно, это была одна из причин, по которой аграрная модернизация 1930-х годов, несмотря на все усилия, не привела к существенному увеличению урожайности зерновых культур.

---

<sup>626</sup> Москалев Б. Указ. соч.

<sup>627</sup> Трагедия советской деревни... Т. 3. С. 794-795.

<sup>628</sup> Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 165.

## Глава 5. Аграрная модернизация

### 5.1. Механизация сельского хозяйства

И. В. Сталин видел в колхозах, главным образом, средство модернизации сельского хозяйства – модернизации, в основе которой лежало подражание Западу. Подобно тому, как советская промышленность копировала американские заводы, советские сельское хозяйство должно было скопировать американские «агрофабрики». Цель коллективизации, сказал Сталин в мае 1928 года, заключается «в том, чтобы перейти от мелких, отсталых, распыленных крестьянских хозяйств к объединенным, крупным, общественным хозяйствам, снабженным машинами, вооруженным данными науки и способным произвести наибольшее количество товарного хлеба»<sup>629</sup>.

Аграрная модернизация поначалу подразумевала внедрение механизации на конной тяге – внедрение жнеек, молотилок, сноповязалок и плугов. Первый пятилетний план подразумевал увеличение производства сельскохозяйственных машин в три раза, в том числе выпуск 1,6 млн. жнеек и 0,5 млн. молотилок, которые и должны были составить техническую базу первых колхозов. Кроме того, планировалось производство 88 тыс. и импорт 71 тыс. тракторов. Поскольку один трактор заменял примерно 10 лошадей, то 159 тыс. тракторов в сравнении с 24 млн. лошадей – это было очень немного; время тракторов было еще впереди<sup>630</sup>.

Первым шагом в «тракторизации» сельского хозяйства было строительство Сталинградского завода – это был крупнейший тракторный завод в Европе. Советские заводы, как и советские «агрофабрики», копировали американские предприятия. Сталинградский тракторный завод был построен в Чикаго, а затем демонтирован и перевезен на Волгу; он должен был выпускать американские колесные тракторы «Интернационал-15/30», переименованные в СТЗ-15/30. В апреле 1932 года завод вышел на проектную мощность в 50 тыс. тракторов в год<sup>631</sup>.

---

<sup>629</sup> Сталин И. В. Сочинения. Т. XI. М., 1949. С. 88.

<sup>630</sup> Пятилетний план... Т.1. С. 45, 47; Т. 2. Ч. 1. С. 267; Т. 2. Ч. 2. С. 8.

<sup>631</sup> Шпогов Б.М. Не дано нам было историей тише идти. Техническая помощь Запада советской индустриализации [электронный ресурс]. URL:

В 1932-1933 годах вступили в строй еще два тракторных завода в Харькове и в Челябинске. К 1935 году производство тракторов достигло 113 тыс. в год, СССР вышел на второе (после США) место в мире по выпуску тракторов. В 1937 году вместо 30-сильных колесных машин на всех заводах стали выпускаться мощные гусеничные тракторы. Количество выпускаемых машин при этом уменьшилось вдвое отчасти вследствие большей трудоемкости новых моделей, отчасти в связи с начавшимся переводом заводов на производство танков. Советские тракторные заводы изначально были предприятиями двойного назначения; одновременно с тракторами они выпускали танки, и подразумевалось, что в случае войны они будут полностью переведены на производство танков. Потребности аграрной модернизации в этом аспекте сопрягались с потребностями создания сильной механизированной армии, и это обстоятельство, по-видимому, сыграло немаловажную роль в решении о «тракторизации» сельского хозяйства.

К 1940 году в советском сельском хозяйстве работало 531 тыс. тракторов общей мощностью 17,6 млн. л.с. Это позволило, в основном, механизировать главные сельскохозяйственные операции: трактора выполняли 83% вспашки паров, 62% пахоты под яровые культуры, 56% сева яровых, 46% уборки зерновых<sup>632</sup>. Остальной объем работ выполнялся преимущественно машинами на конной тяге. При этом в совхозах уровень механизации был намного выше, чем в колхозах: практически все работы выполнялись тракторами и комбайнами<sup>633</sup>. Имелась также существенная разница в уровне механизации по регионам: на степном Юге этот уровень был значительно выше, чем в других областях. В 1937 году в Краснодарском крае тракторы производили 100% пахоты под яровые, в Челябинской области – 90%, в Свердловской области – 81%, а в Центрально-Черноземном районе – 76%<sup>634</sup>.

Процесс «тракторизации» протекал отнюдь не гладко. Американские специалисты неоднократно отмечали плохую подготовку советских трактористов и их пренебрежительное отношение к техническому

---

<http://www.pseudology.org/razbory/IndustriaGAZ.htm> (дата обращения 1.04.2011).

<sup>632</sup> Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 485, 487, 491, 509.

<sup>633</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 177.

<sup>634</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке. М.-Л., 1939. С. 24.

обслуживанию машин<sup>635</sup>. Руководители Трактороцентра придерживались «теории быстрого износа тракторов»; в соответствии с которой из техники выжимали все возможное в первые годы эксплуатации, а затем списывали по причине износа<sup>636</sup>. В итоге, осенью 1932 года тракторное хозяйство постиг тяжелый кризис. «Спецсообщение ОГПУ о срыве осенних полевых работ в системе Зернотреста СКК» говорит, что «основной причиной создания прорыва является расстройство тракторного парка. На октябрь месяц в Зерносовхозах края бездействует 1300-1400 тракторов из-за плохого ухода и неумения распорядиться запасными частями. Из работающего парка 30-40% тракторов не используются из-за отсутствия трактористов и перебоев в снабжении горючим»<sup>637</sup>. По другим данным в совхозах Зернотреста простаивали 45% тракторов; было подготовлено только 80% от необходимого числа трактористов<sup>638</sup>. Этот кризис был одной из причин репрессий в отношении руководителей Трактороцентра, о которых говорилось выше. Чтобы исправить ситуацию, были произведены серьезные организационные изменения: тракторы стали закрепляться за трактористами, которые вместе с ремонтниками несли личную ответственность за состояние машин; было упорядочено снабжение запчастями и горючим. Однако серьезные срывы снабжения случались и позднее, например, в июне 1937 года в Воронежской области половина тракторного парка стояла без горючего<sup>639</sup>. Но при всем этом тракторы использовались значительно интенсивнее, чем в США, где их более производительной эксплуатации мешали относительно малые (по сравнению с колхозами) размеры фермерских хозяйств<sup>640</sup>.

Вторым после «тракторизации» шагом в преобразовании сельского хозяйства была «комбайнизация». Уборка зерновых была самой трудозатратной операцией сельскохозяйственного сезона, она требовала привлечения всех членов крестьянской семьи, даже детей, которые собирали пропущенные уборщиками колоски. Нужно было убрать

---

<sup>635</sup> Fitzgerald D. *Op. cit.* P. 459-486.

Москалев Б. Указ. соч.

<sup>636</sup> Левитанус И. Вредительство в области механизации сельского хозяйства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1933. № 8. С. 141.

<sup>637</sup> ГАРФ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 238. Л. 413.

<sup>638</sup> Гайстер А. Сельское хозяйство в последний год пятилетки // Плановое хозяйство. 1932. № 1. С. 153.

<sup>639</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 126. Л. 7.

<sup>640</sup> The economic transformation of the Soviet Union... P. 121.

хлеб за две-три недели, до того, как он начнет осыпаться – но это никогда не удавалось, косовица затягивалась на месяц и более, а молотба продолжалась и зимой. Тяжелый труд на уборке доводил крестьян до изнеможения, почему его и называли уборочной «страдой». К концу 1920-х годов этот труд был отчасти облегчен конными жнейками, которые срезали колосья и укладывали их рядами (а сложные модели жнеек даже вязали колосья в снопы). Применение жнеек в ЦЧО позволяло снизить затраты на уборку гектара зерновых с 18,7 человеко-дней до 11,9 человеко-дней<sup>641</sup>, но эта экономия сопровождалась увеличением потерь. Потери при жатве серпом составляли 4% урожая, а при уборке простыми моделями жнеек («лобогрейкой» и «самосброской») они поднимались до 10-15%<sup>642</sup>. Но кроме этих потерь были еще потери при перевозке и молотбе.

«Уборка – дело сезонное, и она не любит ждать, – говорил Сталин в 1935 году на совещании передовых комбайнеров. – Убрал вовремя – выиграл, опоздал в уборке – проиграл. Значение комбайна состоит в том, что он помогает убрать урожай вовремя. Это очень большое и серьезное дело, товарищи. Но значение комбайна этим не ограничивается. Его значение состоит еще в том, что он избавляет нас от громадных потерь. Сами знаете, что уборка при помощи лобогрейки дает громадные потери зерна. Сначала скосить, потом собрать в снопы, потом собрать в скирды, потом свозить урожай к молотилкам – все это потери и потери. Все признают, что при этой системе уборки мы теряем около 20-25% урожая. Великое значение комбайна состоит в том, что он доводит эти потери до незначительного минимума»<sup>643</sup>.

Прицепной комбайн на тракторной тяге был высшим достижением американской агротехнической революции; он позволял намного уменьшить потери и сократить затраты труда. Однако американская комбайнизация вскоре зашла в тупик, так как дорогие машины могли применяться только в крупных хозяйствах. Несмотря на то что были разработаны модели небольших комбайнов, производство этих машин в США упало с 37 тыс. в 1929 году до 4 тыс. в 1935 году<sup>644</sup>. Но для советских лидеров было очевидно, что комбайн, так же как трактор, –

---

<sup>641</sup> Матвеев И. О некоторых вопросах комбайнизации уборки зерновых // Плановое хозяйство. 1937. №7. С. 116.

<sup>642</sup> Юрцовский М. Потери зерна... С. 108; Чмора Н. Я. Борьбу с потерями – во главу угла работы при уборке // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1933. №7. С. 30.

<sup>643</sup> Цит. по: Сельскохозяйственная энциклопедия. Т.2. М.-Л., 1937. С. 292.

<sup>644</sup> Там же. С. 291.

это машина, внедрение которой должно воочию продемонстрировать преимущества социализма. В 1931 году началось производство комбайнов на крупнейшем в мире заводе сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону. В 1932 году было произведено 10 тыс. прицепных комбайнов, а в 1936 году – 43 тыс. В 1937 году советский комбайн «Сталинец-1» получил диплом «Гран-при» на промышленной выставке в Париже.

Поначалу внедрение комбайнов не вызывало опасений. В 1930 году закупленные в США комбайны обеспечили уборку хлебов в совхозах Зернотреста, при этом потери урожая составили 5-7%. Но на следующий год наступил «совхозный кризис»: в результате нарушения агротехники поля заросли сорняками, и комбайны не могли работать из-за засорения молотильных аппаратов; там, где уборка все-таки производилась, потери возросли до 16%<sup>645</sup>. В совхозах были приняты решительные меры по борьбе с сорняками и по введению правильных севооборотов. Кризис был преодолен, и в 1934 году комбайны убрали  $\frac{3}{4}$  совхозного урожая<sup>646</sup>. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1935 года подчеркивало, что «Опыт уборки зерновых культур... доказал явное превосходство комбайнов перед всеми уборочными машинами как по скорости уборки, так и по сокращению потерь»<sup>647</sup>.

В 1936 году количество зерноуборочных комбайнов в СССР возросло до 60 тыс., и июньский пленум ЦК ВКП(б) призвал к массовому внедрению комбайновой уборки на колхозных полях<sup>648</sup>. Но при выполнении этой программы во весь рост встали те же проблемы, что прежде мешали уборке урожая в совхозах: массовое засорение полей сорняками вызывало поломки машин, затягивание сроков уборки и большие потери от осыпания. Условия засухи 1936 года усугубили проблему осыпания, так как мотовило комбайна выбивало зерно из сухих колосьев. Кроме того, комбайны были еще технически несовершенны, и в, частности, имелись проблемы с регулировкой высоты хедера, что при пониженном хлебостое приводило к срезанию колоса. В колхозах степного Юга потери при уборке яровой пшеницы достигли

---

<sup>645</sup> Юрцовский М. Потери зерна... С. 115; Гайстер А. Указ. соч. С. 153.

<sup>646</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 91.

<sup>647</sup> О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)// Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1935. № 21. Ст. 164. С. 305.

<sup>648</sup> Правда. 1936. 5 июня.

21-27% урожая<sup>649</sup>. Этот технологический кризис наложился на засуху и привел к голоду в отдельных районах СССР. Как и 1933 году, следствием кризиса были обвинения во вредительстве и репрессии<sup>650</sup>.

Конечно, нельзя отрицать, что как в период кризиса 1931-1932 годов, так и позже, саботаж и вредительство имели место. Обстановка в деревне была напряженной, отдельные пострадавшие от коллективизации крестьяне мстили властям, выводя из строя тракторы и комбайны, злонамеренно нарушая агротехнику<sup>651</sup>. Но гораздо большее значение имели отсутствие производственной дисциплины, расхлябанность, технологическая неграмотность. Коллективизация была лишь началом длительного и тяжелого *процесса адаптации общества к новым технологиям*. «Возьмите любого нашего крестьянина, – говорил нарком земледелия Я. А. Яковлев на VI съезде Советов, – он знает, как строить хозяйство на трех гектарах земли. Тысяча практических правил была у него в резерве... переходила из поколения в поколение, тысяча примет, привычек, устоев. Теперь по крайней мере 90% этого рушилось, оказалось неприменимым в крупном хозяйстве... Тут нужны иные правила, по-иному складываются отношения людей в процессе производства... Опыт только создается, причем *опыт этот создается на собственных ошибках*»<sup>652</sup>.

В конечном счете кризис 1936-1937 года был преодолен. Как говорится в служебной записке Воронежского ОблУНХУ 1938 года, «в текущем году наша область после разгрома основных гнезд врагов народа убирала урожай лучше и быстрее. Лучше организована уборка против прошлого года, сжатые сроки уборки при более высоком качестве обусловили более низкие потери»<sup>653</sup>. Введение севооборотов уменьшило засоренность хлебов, и, кроме того, для уборки комбайнами стали выделяться более чистые поля, в то время как поля с засоренными и полегшими хлебами убирались конными жатками, а иногда и вручную. Комбайновая уборка, действительно, позволила уменьшить

---

<sup>649</sup> Левитин И. Ликвидация потерь при уборке зерновых культур – важнейшее звено борьбы за высокий урожай // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. №5. С. 101.

<sup>650</sup> Шапошников К. О вредительстве в сельском хозяйстве Азово-Черноморья // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. №9-10. С. 95.

<sup>651</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 36.

<sup>652</sup> Яковлев Я. А. О колхозном строительстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. №3. С. 22.

<sup>653</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 126. Л. 25.

потери: в 1938 году в Воронежской области средний сбор озимой ржи составил 8,4 ц/га, а на полях, убранных комбайнами, – 9,1 ц/га<sup>654</sup>.

В 1940 году в СССР работало 182 тыс. зерновых комбайнов и они убрали 42% урожая; 4% урожая было убрано другими машинами на тракторной тяге; 34% – конными жнейками и 20% – вручную<sup>655</sup>. Комбайны применяли, в основном, в черноземной полосе: в Нечерноземье их применение затруднялось повышенной влажностью хлебов. На Северном Кавказе «комбайнизация» достигала 60%. В совхозах практически вся уборка осуществлялась комбайнами<sup>656</sup>. Конечно, технические проблемы были решены далеко не в полной мере. Неудовлетворительное качество ремонта техники вызвало частые поломки машин; в Воронежской области в 1940 году план комбайновой уборки был выполнен только на 76%. Накануне войны обострилась проблема запчастей, деревенских механизаторов и тракторы отправляли в армию; выработка на трактор и комбайн падала<sup>657</sup>.

Тем не менее, применение комбайнов в ЦЧО позволяло снизить затраты на уборку гектара зерновых с 18,7 человеко-дней (при ручной уборке) до 1,1 человеко-дня<sup>658</sup>. Если раньше в крестьянском хозяйстве ЦЧО все трудовые затраты на 1 гектар посева составляли 23,6 человеко-дня, то в 1937 году (с учетом того, что часть работ еще производилась вручную) они снизились до 10,6 человеко-дней. В степном Причерноморье, где комбайнизация достигла наибольших успехов, затраты на 1 га составляли только 2,5 человеко-дня. В целом по стране трудовые затраты уменьшились вдвое – с 20,8 до 10,6 человеко-дней на гектар<sup>659</sup>. Огромная экономия живого труда и снятие пиковых нагрузок в период уборки позволили отпустить в город 18,5 млн. жителей деревни, которые стали, в основном, промышленными и строительными рабочими<sup>660</sup>. В то же время оставшееся в деревне население посредством новой системы хлебозаготовок было принуждено обеспечивать

---

<sup>654</sup> Там же. Л. 23.

<sup>655</sup> Народное хозяйство СССР в 1958 году.... С. 489, 491.

<sup>656</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 177; Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 248.

<sup>657</sup> Артемов Б. А. Укрепление экономики Воронежской области в предвоенные годы (1937-июнь 1941 г.). Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. С. 117, 121.

<sup>658</sup> Матвеев И. Указ. соч. С. 116.

<sup>659</sup> Меринов И. Производительность труда в колхозах //Плановое хозяйство. 1939. №4. С. 144; Мацкевич С. Производительность труда в колхозах //Плановое хозяйство. 1938. № 10. С. 94.

<sup>660</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 279. Л. 23.

рабочих хлебом – отчасти в качестве платы за механизацию, отчасти (как мы увидим далее) за счет снижения своего уровня потребления. Эти два взаимосвязанных процесса – миграции сельских жителей в города и обеспечение городов хлебом за счет увеличения производительности труда в деревне – являются основой индустриализации в любой стране мира. Однако интенсивность протекания этих процессов в СССР была уникальной, и она была достигнута, в основном, путем механизации сельского хозяйства.

Процесс механизации нашел свое выражение в резком росте энергетических мощностей сельского хозяйства (табл. 5.1).

*Таблица 5.1 – Энергетические мощности сельского хозяйства (на конец года, млн. лошадиных сил)<sup>661</sup>*

	1916 г.	1928 г.	1940 г.
Механические двигатели	0,2	1,1	36,9
в т.ч. тракторы	-	0,5	17,6
в т. ч. моторы комбайнов	-	-	5,8
в т.ч. автомобили	-	0,02	11,9
в т.ч. электроустановки и др. двигатели	0,2	0,6	1,6
Рабочий скот (в пересчете на механическую силу)	23,7	20,2	10,6
Все мощности	23,9	21,3	47,5

К 1940 году механические двигатели составляли в сельском хозяйстве 78% всех мощностей. Наименее механизированным участком оставались перевозки зерна и других грузов; грузовых автомобилей было еще недостаточно; в 1940 году их парк в сельском хозяйстве насчитывал 228 тыс. машин<sup>662</sup>.

В 1928 году рабочий скот давал 95% энергетических мощностей сельского хозяйства, к 1940 году его доля сократилась до 22%. Численность рабочего скота в результате механизации уменьшилась примерно вдвое, что привело, в частности, к значительной экономии фуража. В 1928 году поголовье рабочих лошадей составляло 24,2 млн., а средняя норма кормления – 4,9 ц в год<sup>663</sup>; таким образом, на корм лоша-

<sup>661</sup> Народное хозяйство СССР в 1958 г... С. 485.

<sup>662</sup> Там же. С. 487.

<sup>663</sup> Животноводство СССР. М., 1930. С. 142, 196; Животноводство СССР за 1916-1938 гг. М.-Л., 1940. С. 5.

дей уходило примерно 119 млн. ц зерна, и при сокращении поголовья наполовину экономия фуража составляла порядка 60 млн. ц – примерно 10% от чистого сбора зерновых.

К концу 1930-х годов сельское хозяйство СССР по уровню механизации значительно превосходило другие страны. В 1935 году в США насчитывалось лишь 75 тыс. комбайнов, и на один комбайн приходилось 188 га убранных площадей. В СССР было вдвое больше комбайнов, и – несмотря на все организационные недостатки – на каждый комбайн приходилось около 300 га убранных площадей<sup>664</sup>. В европейских странах практически не было зерноуборочных комбайнов; здесь убирали хлеб конными жнейками. В Германии на 1 га посева озимой пшеницы трудозатраты составляли от 19 до 32 человеко-дней (в зависимости от доли ручного труда)<sup>665</sup> – в два-три раза больше, чем в СССР. Трактора в немецких хозяйствах были большой редкостью (производство тракторов в 1934 году составило лишь 4,9 тыс.<sup>666</sup>). Немецкие крестьяне добивались больших урожаев, главным образом, за счет применения минеральных удобрений и совершенствования агротехники.

## 5.2. Агротехнические проблемы

Как отмечалось выше, уровень агротехники в крестьянских хозяйствах 1920-х годов был достаточно примитивным. В Центрально-Черноземном районе этот уровень был следствием аграрного перенаселения, которое обуславливало скудость инвентаря, плохую обработку почвы и, кроме того, вынуждало крестьян пасти скот на парах. Когда сессия ЦИК в 1928 году обсуждала перспективы повышения урожайности, то было определено, что в течение пятилетки урожайность в РСФСР может быть увеличена: за счет использования сортовых семян – на 10,6%, за счет зерноочистки и сортировки семян – на 5,2%, за счет борьбы с вредителями – на 9%, за счет замены сохи плугом – на 1,6%, за счет рядового посева – на 2,1%. Еще 3,6% повышения урожайности рассчитывали получить за счет улучшения севооборота и 1,9% – за счет применения минеральных удобрений. В целом, пятилетний план

---

<sup>664</sup> Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М., 1963. С. 486.

<sup>665</sup> Мацкевич С. Указ. соч. С. 99.

<sup>666</sup> Югенбург С. Уровень производства машиностроения СССР и крупных капиталистических стран //Плановое хозяйство. 1937. № 4. С. 57.

предполагал увеличить среднюю урожайность зерновых культур на 35%. Это были, в основном, те резервы, которые можно было использовать в мелких крестьянских хозяйствах; речь шла, главным образом, об улучшении семенного материала и об организации протравливания семян для защиты от болезней; было намечено построить завод по производству сортировок-триеров в Воронеже<sup>667</sup>.

Коллективизация, в принципе, должна была помочь в реализации этих планов. Во время раскулачивания в колхозы первым делом передавали принадлежащие кулакам триеры, и организация очистки зерна считалась едва ли не первым признаком создания колхоза<sup>668</sup>. Таким образом, задача очистки и сортировки семян, в основном, была решена в относительно короткое время – хотя и в конце 1930-х годов встречаются указания на то, что часть семян высевается без должной очистки<sup>669</sup>.

Задача распространения сортовых посевов оказалась намного более сложной. Пятилетний план предусматривал, что в 1932 году 40% всех полей должно быть засеяно сортовыми семенами, но в реальности доля сортовых посевов в этом году составила только 24%<sup>670</sup>. Второй пятилетний план намечал увеличить процент сортовых посевов до 75%, но в действительности удалось довести эту долю только до 44%<sup>671</sup>.

Проблема заключалась в недостатке отпускаемых средств и в плохой организации семеноводческого дела, однако власти, прежде всего, искали вредителей. «Преступную беспечность руководящих работников Наркомзема использовали враги народа, пролезшие в Главзерно, чтобы запутать семенное дело», – писал журнал «Плановое хозяйство»<sup>672</sup>. В 1937 году СНК СССР принял постановление «О мерах по улучшению семян зерновых культур». Была организована новая система семеноводства, состоящая из селекционных станций, районных

---

<sup>667</sup> Матюхин В. В. К постановлению сессии ЦИК СССР о подъеме урожайности // Пути сельского хозяйства. 1929. №1. С. 16; Пятилетний план... Т.2. Ч. 1. С. 308.

<sup>668</sup> Трагедия советской деревни. Т.2... С. 278.

<sup>669</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 1. Л. 15.

<sup>670</sup> Пятилетний план... Т.2. Ч. 1. С. 337; Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger... P. 105.

<sup>671</sup> Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 139.

<sup>672</sup> Иванов П. Задачи сельского хозяйства в завершающем году второй пятилетки // Плановое хозяйство. 1937. № 4. С. 77.

семеноводческих хозяйств и семенных участков колхозов<sup>673</sup>. Уже в 1938 году доля сортовых посевов достигла 67%, а в 1940 году – 84%<sup>674</sup>. «Объяснительная записка» Воронежского ОблУНХУ отмечает «исключительную роль», которую сыграли в 1938 году семенные участки колхозов; благодаря этому доля сортовых посевов озимой ржи достигла 72%<sup>675</sup>. Однако в области семеноводства еще оставалось много нерешенных проблем; одной из них было получение малоосыпающихся и неполегающих сортов зерновых, более пригодных для комбайновой уборки.

Коллективизация и механизация открывали возможность улучшения агротехники за счет лучшей и более своевременной обработки почвы. Увеличение энергетических мощностей позволяло проводить сев и пахоту в более оптимальные сроки, несколько раз культивировать пары и зябь. Эти обстоятельства были учтены в планах на вторую пятилетку; за счет чистых паров планировалось увеличить урожайность на 0,55 ц/га, за счет зяблевой вспашки – на 0,32 ц/га. Кроме того, ожидалось прибавка в 0,85 ц/га за счет сортовых посевов, в 0,5 ц/га за счет улучшения севооборота и в 0,2 ц/га за счет (довольно ограниченного) применения минеральных удобрений<sup>676</sup>.

Прежде всего, требовалось перейти к чистым (или ранним) парам – парам, которые поднимают в апреле-мае и затем культивируют вплоть до посева озимых. В центральных районах, где не хватало земли для пастбищ, эти перемены тормозились традиционной практикой весеннего выпаса скота на парах. Аналогичная проблема существовала с введением зяблевой вспашки, поскольку в августе и сентябре крестьяне пасли по стерне скот. До некоторой степени проблема выпаса была смягчена той катастрофой, которую постигло животноводство в период коллективизации: численность скота уменьшилась примерно вдвое. В этих условиях чистые пары и зяблевая вспашка вводились в колхозах в приказном порядке, несмотря на пассивное сопротивление колхозников, терявших возможности выпаса своего скота. О том, что это сопротивление было упорным, говорит, например, то обстоятельство, что в мае 1937 года, когда нужно было поднимать пары, в Курской

---

<sup>673</sup> О мерах по улучшению семян зерновых культур. Постановление СНК СССР от 29 июля 1939 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. № 39. Ст. 168. С. 373-382.

<sup>674</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 1. Л. 6; Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 97.

<sup>675</sup> РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 85. Д. 126. Л. 10.

<sup>676</sup> Куликов Н. Итоги и перспективы производства зерновых культур // Плановое хозяйство. 1932. №5. С. 60.

области на них еще паслась половина стада<sup>677</sup>. На одном из пленумов ЦК ВКП(б) В. В. Осинский говорил, что в ЦЧР колхозницы выходили на поля и не давали поднимать пары<sup>678</sup>.

Таблица 5.2 – Обеспеченность посевов парами и зябью (в %) <sup>679</sup>

	1927 <sup>680</sup>	1933	1938
Обеспеченность озимых чистыми парами	25	46	63
Обеспеченность яровых зябью или парами	32	29	64

Как видно из данных табл. 5.2, к 1938 году удалось ввести чистые пары и зяблевую вспашку примерно на 2/3 посевных площадей. В Воронежской области положение было лучше, чем по стране в целом, здесь по чистому пару производилось 80% посевов ржи и все посевы озимой пшеницы. Зябью было обеспечено 82% посевов яровых культур<sup>681</sup>. Правда, нередко пары и зябь поднимались с опозданием от лучших агрономических сроков, и надлежащий уход за парами не обеспечивался. В 1938 году по сравнению с 1937 годом удельный вес паров, поднятых в установленные сроки, уменьшился. В 1939 году положение улучшилось: основные сельскохозяйственные работы были проведены более качественно и в более ранние сроки<sup>682</sup>.

В совхозах положение с агротехникой было значительно лучше, чем в колхозах: в 1937 году по чистым парам сеялось 94% озимых и 90% яровых были обеспечены зябью или парами. Вся площадь паров в совхозах боронилась и культивировалась два раза<sup>683</sup>. Благодаря лучшей агротехнике, а также более широкому использованию комбайнов, намолот с гектара в совхозах был выше, чем в колхозах: в 1938 году по совхозам намолот составил 8,4 ц/га, а по колхозам – 7,2 ц/га<sup>684</sup>.

Наряду с улучшением обработки земли, испытанным средством увеличения урожайности являлись севообороты с участием азотсобирающих бобовых растений, клевера или люцерны. Как отмечалось

<sup>677</sup> Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 149.

<sup>678</sup> Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 522.

<sup>679</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Д. 85. Д. 1. Л. 4.

<sup>680</sup> Данные по РСФСР: Квиринг Э. И. Указ. соч. С. 40.

<sup>681</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 126. Л. 10, 18.

<sup>682</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Д. 85. Д. 1. Л. 6; Мкртумов А. Сельское хозяйство в 1940 г.// Плановое хозяйство. 1940. № 2. С. 56.

<sup>683</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 176.

<sup>684</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Д. 85. Д. 1. Л. 11.

выше, внедрение клеверных севооборотов в XIX веке привело к удвоению урожайности зерновых в Германии, и при разработке столыпинской аграрной реформы возлагались большие надежды на внедрение таких севооборотов в России. При этом расчет делался не только на увеличение урожайности, но и на то, что сеяные травы обеспечат увеличение кормов для скота, а рост поголовья, в свою очередь, будет способствовать удобрению полей навозом. Классический европейский севооборот подразумевал не только распространение клевера, но и посадки картофеля: в этом севообороте после корнеплодов сеяли яровые, затем клевер, который занимал место пара, а после него – озимые<sup>685</sup>. Хотя клеверные севообороты не оправдывали себя в засушливых черноземных областях, в нечерноземной полосе они давали существенный эффект, и в 1920-е годы советские власти всячески способствовали их распространению. Наряду с однолетними травами, но в меньших масштабах, сеяли двухлетний клевер и некоторые другие многолетние травы – но по отношению к общей посевной площади площадь под всеми кормовыми травами составляла только 2%<sup>686</sup>.

Процесс внедрения многопольных севооборотов шел медленно, и с началом коллективизации Наркомзем попытался ускорить его в административном порядке; колхозам было приказано расширить посевы кормовых трав. В 1932 году доля кормовых трав в общей посевной площади возросла до 6,1%. Однако после кризиса 1932-1933 годов в условиях недостатка тягловой силы все внимание властей было сосредоточено на сохранении зерновых посевов, и доля кормовых трав в 1935 году сократилась до 5,3%<sup>687</sup>.

В начале второй пятилетки одной из самых острых проблем сельского хозяйства было нарушение севооборота. Земельное переустройство периода коллективизации привело к тому, что прежний севооборот был нарушен, а требования властей об увеличении посевов приводили к сокращению паров, к тому, что пшеницу сеяли по пшенице. Прежде всего, нужно было восстановить хоть какой-нибудь севооборот – но и это было непростой задачей в условиях, когда еще продолжалось перераспределение земель, а спускаемые планы посева часто не учитывали севооборотов. В итоге, хотя по плану в 1937 году 2/3

---

<sup>685</sup> Прянишников Д. Н. Севообороты и удобрения // Правда. 14 августа 1937 г. (№ 223). С. 3.

<sup>686</sup> Вильямс В. Р., Буш А. Я. Недостатки введения севооборотов и задачи в третьей пятилетке // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 6. С. 21.

<sup>687</sup> Там же. С. 21.

колхозов должны были иметь утвержденные севообороты, в действительности их имела только пятая часть всех колхозов. Как было принято в то время, не справившиеся с заданием руководители соответствующих отделов Наркомзема были обвинены во вредительстве и репрессированы<sup>688</sup>.

Севообороты, которые вводились в 1933-1936 годах, были паропропашными, в основном, это было обычное трехполье с редкими вкраплениями полей пропашных культур – картофеля, сахарной свеклы, кукурузы. В этих севооборотах не было места для кормовых трав. В июле 1937 года был опубликован проект Наркомзема «О введении правильных севооборотов», в котором говорилось о необходимости «наведения большевистского порядка в деле правильного использования земли»<sup>689</sup>. В проекте предполагалось ввести в колхозах «правильный севооборот» и довести посевы многолетних трав до 25-27 млн. га против 4,8 млн. га в 1937 году<sup>690</sup>. Поскольку общая посевная площадь в 1932-1937 годах составляла 134-135 млн. га<sup>691</sup>, то это означало, что посевы кормовых трав составят примерно 1/5 от общей площади посевов.

Под «правильным севооборотом» в проекте подразумевался травопольный севооборот, который еще с 1920-х годов пропагандировал академик Р. С. Вильямс. Это был севооборот с двухлетним клевером, который перемешивался с другими травами (в частности, с тимофеевкой); эта травяная смесь способствовала созданию «комковатой» структуры почвы, которая лучше удерживала воду<sup>692</sup>. Однако против внедрения травопольной системы выступила группа авторитетных ученых во главе с академиками Д. Н. Прянишниковым и Н. М. Тулайковым. Оппоненты Вильямса доказывали, что примесь тимофеевки отрицательно влияет на азотный баланс, создаваемый клевером, что чистый клевер является лучшим предшественником для озимых. Но главное возражение против использования многолетних трав заключалось в том, что, оставаясь в поле несколько лет, они отнимают землю у

---

<sup>688</sup> Эйхе Р. И. О плане сельскохозяйственных работ // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1938. № 1. С. 36.

<sup>689</sup> О введении правильных севооборотов. Проект Комиссии Народного Комиссариата Земледелия СССР и Народного Комиссариата Зерновых и Животноводческих Совхозов СССР // Правда. 6 июля 1937 г. С. 2.

<sup>690</sup> Там же.

<sup>691</sup> Социалистическое народное хозяйство... С. 471.

<sup>692</sup> Вильямс В. Р. Пути повышения урожайности и реконструкция сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С.46-71.

зерновых культур, что их использование приведет к сокращению посевов зерновых, и в особенности, наиболее урожайных озимых культур. Кроме того, необоснованные надежды, возлагаемые на травопольную систему, создавали иллюзию, что ее внедрение может стать экономичной заменой дорогостоящему проекту создания промышленности по производству минеральных удобрений<sup>693</sup>. В ходе последовавшей дискуссии против Прянишникова и его сторонников были выдвинуты обвинения в мальтузианстве и в преклонении перед германской агрономической наукой<sup>694</sup>. Тулайкову, кроме того, напомнили его роль во внедрении «упрощенной агротехники» в период первой пятилетки; он был арестован и погиб в тюрьме. Однако противники Вильямса нашли поддержку у председателя Госплана Н. И. Вознесенского, который был озабочен перспективой существенного сокращения посевов зерновых<sup>695</sup>. Третий пятилетний план предусматривал вдвое меньшее расширение посевов многолетних трав, нежели это намечалось в проекте Наркомзема: к 1942 году предполагалось вывести эти посевы до 13,3 млн. га. При этом оговаривалось, что расширение посевов трав должно производиться, в основном, за счет освоения новых земель<sup>696</sup>.

Помимо всего прочего, внедрение травопольной системы наталкивалось на технические трудности: план посевов 1938 года не был выполнен из-за отсутствия семян многолетних трав<sup>697</sup>. В итоге, несмотря на поддержку Сталина, введение травопольной системы было медленным, и в 1940 году многолетние травы занимали только 7,7% общей площади посевов<sup>698</sup>. Площадь посевов зерновых при этом сократилась со 104,5 млн. га в 1937 году до 100,4 млн. га в 1940 году, то есть на 3,9%<sup>699</sup>. Это, конечно, негативно отразилось на снабжении страны хлебом. Как показал опыт последующего внедрения травопольной систе-

---

<sup>693</sup> Прянишников Д. Н. Севообороты и удобрения... С. 3.

<sup>694</sup> Кукса И. Боевые задачи агрохимической науки в связи с повышением урожайности // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 6. С. 87, 91; Вильямс В. Р. Своеобразная педагогика «минеральной агрохимии» // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. №9-10. С. 181.

<sup>695</sup> Вылцан М. А. Советская деревня... С. 97; Трагедия советской деревни... Т. 5. С. 167.

<sup>696</sup> Демидов С. Расцвет социалистического сельского хозяйства// Плановое хозяйство. 1039. №3. С. 127, 133.

<sup>697</sup> Демидов С. К новым успехам социалистического земледелия //Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1938. № 11. С. 29.

<sup>698</sup> Социалистическое народное хозяйство... С. 468.

<sup>699</sup> Там же. С. 472.

мы в конце 1940-х-начале 1950-х годов, она могла относительно эффективно использоваться только в нечерноземной полосе, а в засушливых южных и юго-восточных областях введение этой системы приводило к понижению урожайности зерновых<sup>700</sup>.

Одним из аргументов сторонников введения травопольной системы было кризисное положение животноводства, которое испытывало недостаток кормов. С введением чистых паров и зяблевой вспашки крестьяне лишились возможности пасти скот на пару и по стерне; таким образом, животноводство лишилось значительной части своих кормовых ресурсов. Вдобавок, продолжалась распашка лугов с целью увеличения пашни: с 1928 по 1935 год площадь сенокосов в Нечерноземье уменьшилась на 8,8%, на Украине – на 16,2%, в ЦЧР – на 26%<sup>701</sup>.

Обеспеченность кормами в различных районах СССР была существенно различной. В Нечерноземной полосе на одну голову крупного скота приходилось 1,2 га сенокосов и пастбищ, а на Украине и в ЦЧР – примерно 0,45 га. В то же время норма выпаса на корову составляла 1,5 га, то есть недостаток кормов была повсеместным, но он особенно проявлялся в Центрально-Черноземном районе. При недостатке пастбищ приходилось пасти скот на сенокосах и, как отмечалось выше, несмотря на введение чистых паров и зяби, часть скота по-прежнему пасли на парах и по стерне<sup>702</sup>.

В результате кризиса времен коллективизации поголовье скота в ЦЧР уменьшилось примерно вдвое, и, таким образом, увеличилась площадь выгонов, приходящаяся на голову скота. Но это не компенсировало утрату кормовых ресурсов, и Наркомзем был вынужден возмещать образовавшийся дефицит посевами кормовых культур (табл. 5.3).

Таким образом, к 1935 году доля кормовых культур в посевной площади увеличилась в пять раз, и площадь посевов кормовых культур превзошла площадь естественных сенокосов. Травопольная система предлагала дальнейшее продвижение в этом направлении, причем предлагалось не только увеличивать посевы трав, но и распахать луга, высевая на них многолетние травы. Противники травопольной системы утверждали, однако, что выгоднее выращивать на полях не травы, а кукурузу на силос, или кормовые корнеплоды, которые дают гораздо большую урожайность<sup>703</sup>.

---

<sup>700</sup> Слободин В. М. Системы земледелия – что это такое? М., 1973. С. 90-91.

<sup>701</sup> Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 148.

<sup>702</sup> Там же.

<sup>703</sup> Слободин В. М. Указ. соч. С. 91.

Таблица 5.3 – Характеристика кормовой базы в Воронежской области<sup>704</sup>

	1928	1935
Площадь естественных сенокосов, тыс. га	450	388
Площадь посевов кормовых культур, тыс. га	97,0	453,8
в т. ч. корнеплоды, тыс. га	30,0	67,2
сеяные травы, тыс. га	67,0	330
Удельный вес кормовых культур во всей посевной площади (%)	1,7	7,3
Площадь выпасов и выгонов, тыс. га	540	676
На одну условно-крупную голову скота приходилось выпасов и выгонов, га	0,19	0,42

С течением времени состояние естественных сенокосов ухудшалось, луга засорялись и зарастали кустарником. До коллективизации, в условиях мелкого крестьянского хозяйства, о сенокосах никто не заботился, и в 1930-х годах 15 из 16,5 млн. га сенокосов в нечерноземной полосе требовали улучшения. В силу неудовлетворительного состояния лугов и пастбищ сбор сена в среднем по СССР составлял 10-12 ц/га, в то время, как, например, во Франции получали 30 ц/га. После коллективизации колхозам было предписано заняться улучшением лугов, но за 1932-1935 года были проведены соответствующие работы только на 3 млн. га. Медленно внедрялся и такой перспективный метод, как раннее сенокосение, которое позволяло взять два укоса с одного гектара<sup>705</sup>.

Таблица 5.4 – Производство сена в 1913-1937 годах (млн. ц)<sup>706</sup>

	1913	1928	1936	1937
Сено естественных сенокосов	693,3	683,9	518,0	718,4
Сено сеянных трав	35,5	126,1	90,9	110,2
Силосные культуры	-	-	128,7	59,3

<sup>704</sup> Экономико-статистический справочник Воронежской области. Воронеж, 1936. С. 74.

<sup>705</sup> Цылько Ф. Победы социалистического животноводства и наши задачи // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 3. С. 43-44.

<sup>706</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 83. Д. 36. Л. 24, 28.

В целом по СССР объем сенокосения с естественных сенокосов остался примерно на том же уровне, что и до коллективизации. Однако увеличилось количество сена сеянных трав, и появился новый кормовой ресурс – силос.

Модернизация затронула производство кормов посредством внедрения процесса силосования. Это была новая (для России) технология приготовления кормовой смеси в герметичных емкостях, где зеленые корма подвергались воздействию молочнокислых бактерий. Силосование позволяет возделывать такие кормовые культуры, которые дают наивысший урожай зеленой массы (например, кормовая капуста давала до 85 тонн с га), и убирать их независимо от погодных условий. Силос можно готовить из сорных трав, осоки, камыша, а также из ботвы корнеплодов, из отходов огородов и бахчей. В 1935 году в колхозах было заготовлено 120 млн. ц силоса; по масштабам использования этой новой технологии СССР уступал лишь США, где было заготовлено около 330 млн. ц силоса. Однако в погоне за отчетностью колхозы часто использовали непригодные хранилища, иногда даже не обеспечивавшие герметичности простые траншеи. Когда выяснилось, что в таких условиях силос приходит в негодность, производство силоса значительно уменьшилось<sup>707</sup>.

Среди кормовых ресурсов важное место занимала солома. Валовая масса соломы урожая 1937 года оценивалась в 1320 млн. ц, то есть этот источник кормов превосходил все другие источники. До коллективизации солома была основным кормом для скота во многих районах черноземной полосы. В 1930-х годах сбору соломы не уделялось достаточного внимания, и эта проблема стала особенно острой с распространением комбайновой уборки: комбайн оставлял солому в поле, и ее подборка оказалась трудоемким делом. В совхозах солому просто запахивали в землю; в колхозах использовали более питательную солому яровых культур, но примерно половина озимой соломы пропадала неубранной. Лишь в 1938 году был решен вопрос о применении соломоподборщиков в одном агрегате с комбайном<sup>708</sup>.

До конца 1930-х годов проблема кормов не была решена, и это было главным фактором, сдерживавшим развитие животноводства. Особенно остро нехватка кормов ощущалась в июле, когда пары были уже распаханы, а сенокосы еще не убраны. В Курской области в июле

---

<sup>707</sup> Цылько Ф. Указ. Соч. С. 45.

<sup>708</sup> Демидов С. К новым успехам... С. 37; Чуистов В. О переработке соломы в зерносовхозах// Социалистическое сельское хозяйство. 1940. №11-12. С. 82-88.

свыше половины стада испытывала нехватку кормов; даже в относительно богатой пастбищами Оренбургской области в этот месяц около трети стада не было обеспечено кормами в достаточной мере<sup>709</sup>. В 1938 году план сенокосения был выполнен только на 87%<sup>710</sup>. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О подготовке к уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1939 году» признавало, что «несмотря на неоднократные указания ЦК ВКП(б)... дело сенокосения и силосования остается заброшенным участком, в результате чего животноводство поставлено в тяжелые условия»<sup>711</sup>.

В период до коллективизации животноводство было главным источником получения удобрений, и от количества скота зависело количество вывозимого на поля навоза. Впрочем, крестьяне черноземной полосы полагались на естественное плодородие черноземов, и часто сбрасывали навоз в овраги. Агрономы также считали, что навоз не дает существенной прибавки урожая на черноземе. Однако с истощением черноземов положение изменилось, как отмечал Д. И. Прянишников, «возможность получения удовлетворительных урожаев хлебов без удобрений в районах старой культуры отошла в прошлое»<sup>712</sup>. Речь в данном случае шла, прежде всего, о Центральном Черноземье и Северной Украине; в степном Причерноморье проблема удобрений пока не стояла. И конечно, удобрение полей было чрезвычайно важно в нечерноземной полосе, где безнавозное земледелие было практически невозможно. Д. И. Прянишников считал, что в нечерноземной полосе применение удобрений (при внесении 120 кг действующего вещества на гектар) увеличивает урожайность на 100-110%, а в северных черноземных районах – на 37-45%<sup>713</sup>.

После кризиса 1931-1933 годов количество скота сократилось вдвое и, соответственно сократилось количество навоза. Кроме того, колхозы испытывали недостаток в тягловой силе и часто не могли вывозить навоз на поля; в 1933 году было вывезено лишь 252 млн. возов навоза (1 воз равнялся 20 пудам). В 1935 году количество вывезенного навоза увеличилось до 420 млн. возов, однако проверка, проводимая на местах, показала, что используется только половина навоза, другая половина навоза пропадает. Более того, даже используемый навоз час-

---

<sup>709</sup> Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 150.

<sup>710</sup> Демидов С. К новым успехам... С. 35.

<sup>711</sup> О подготовке к уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1939 году // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. №6. С. 15.

<sup>712</sup> Прянишников Д. Н. Частное земледелие... С. 241.

<sup>713</sup> Цит. по: Писаржевский О. Н. Прянишников... С. 215.

то хранился в ненадлежащем виде и запахивался в землю несвоевременно, отчего терялись его полезные качества. В этой связи отмечалось влияние аграрных традиций прошлого, в соответствии с которыми чернозем не нуждался в удобрениях<sup>714</sup>. Эти традиции получали поддержку со стороны некоторых крупных специалистов 1930-х годов, в частности, в работах академика Н. М. Тулайкова утверждалось, что в засушливом климате удобрения неэффективны<sup>715</sup>.

В результате сомнений в эффективности удобрений, а иногда вследствие недостатка тягловой силы или отсутствия заинтересованности в труде, отношение к применению удобрений в различных колхозах было различным. Нарком Я. А. Яковлев приводил данные о том, что лучшие колхозы вывозят 50-60 тонн навоза на гектар пара, а в среднем вывозится только 10-20 тонн, что можно и нужно добиться удвоения количества навоза на полях<sup>716</sup>. В 1936 году вывоз навоза на поля увеличился до 639 млн. возов, но в 1937 году сократился до 475 млн. и оставался примерно на этом уровне в 1938 году<sup>717</sup>.

Особенно плохо обстояло дело с удобрениями в Центрально-Черноземном районе, где крестьяне прежде не привыкли вывозить навоз на поля. В 1938 году в Воронежской области было удобрено лишь 3,1% площади посева ржи и 8% площади посева озимой пшеницы<sup>718</sup>. В «Объяснительной записке» Воронежского ОблУНХУ по этому поводу говорится, что главная причина низкого процента вывоза навоза заключается в «недооценке навозного удобрения». «В большинстве случаев навоз хранится неправильно, даже варварски, в бесформенных кучах, которые просыхают, промерзают, и в которых не происходит нужных процессов разложения... Разбрасывается навоз по полю крайне неравномерно... после разбрасывания навоз нередко лежит незапаханным несколько дней. Все это приводит к тому, что навоз теряет больше, чем наполовину, свою удобрительную ценность. Иногда вывез-

---

<sup>714</sup> Чернов М. А. Закрепим победы социалистического сельского хозяйства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. №1. С. 20; Котов Г., Струков М., Горбатенко Г. Советская деревня к третьей пятилетке // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. №4. С. 147.

<sup>715</sup> Цит. по: Струков М. Урожай зерновых в условиях засухи // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 1. С. 106-122.

<sup>716</sup> Яковлев Я. А. На борьбу за сталинские 7-8 миллиардов пудов зерна! // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. №1. С. 7-8.

<sup>717</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 1. Л. 6; Котов Г., Струков М., Горбатенко Г. Указ. соч. С. 147.

<sup>718</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 126. Л. 8.

женный в поле навоз до того высыхает, что он не запахивается, а сжигается»<sup>719</sup>. В итоге, Воронежское ОблУНХУ констатирует, что «вопрос о навозе требует особой постановки»<sup>720</sup>.

Если власти не могли наладить вывоз на поля имеющегося навоза, то тем более сомнительными были перспективы использования минеральных удобрений. Если навоза вносилось на поля порядка 150 млн. т, то минеральных удобрений было внесено в 1933 году 0,88 млн. т, в 1938 году – 3,5 млн. т<sup>721</sup>. Минеральные удобрения были дороги и использовались, в основном, на хлопковых плантациях Средней Азии в рамках программы по достижению «хлопковой независимости». За рубежом минеральные удобрения применялись в странах с развитой химической промышленностью и с относительно небольшими посевными площадями; в конце 1920-х годов в Голландии вносилось 600 кг удобрений на гектар, в Германии – 300, во Франции – 120 кг на гектар<sup>722</sup>. В США минеральные удобрения почти не применялись; процесс «химизации» сельского хозяйства здесь развернулся в 1950-х годах. Однако к концу 1930-х годов перспективы химизации стали более близкими: появились новые методы получения дешевых минеральных удобрений путем связывания азота воздуха и из отходов металлургической промышленности (томасшлаков). Благодаря усилиям академика Д. И. Прянишникова в третьей пятилетке было запланировано увеличение производства минеральных удобрений до 24 млн. т<sup>723</sup>. Таким образом, планировалось начать химизацию сельского хозяйства – однако ввиду предвоенной обстановки эти планы оказались нереалистичными. Реальная химизация сельского хозяйства СССР началась только в 1960-х годах.

В итоге, можно констатировать, что в 1930-х годах в СССР были достигнуты значительные успехи в улучшении агротехники. В особенности это касалось распространения семенных посевов, расширения площади зяби и чистых паров. Специалисты полагали, что это должно повлечь за собой существенное увеличение урожаев, и, соответственно, рост потребления широких масс. Насколько оправдались эти надежды?

---

<sup>719</sup> Там же. Л. 9.

<sup>720</sup> Там же.

<sup>721</sup> Котов Г., Струков М., Горбатенко Г. Указ. соч. С. 147.

<sup>722</sup> Лебедевцев А. К. Ближайшие перспективы химизации нашего земледелия// Пути сельского хозяйства. 1928. №10. С. 62.

<sup>723</sup> Писаржевский О. Н. Прянишников... С. 217.

### 5.3. Динамика сельскохозяйственного производства

Прежде всего, рассмотрим вопрос о динамике посевных площадей. Данные о посевных площадях для всего СССР приводились в справочниках 1930-х годов, но на региональном уровне эти данные были несопоставимы из-за постоянных изменений границ областей. В 1940 году статистики ЦУНХУ привели эти данные к существовавшим на тот момент границам, благодаря чему мы можем судить об изменении размеров площадей в тех регионах, которые нас интересуют в первую очередь – то есть в Центрально-Черноземном районе и на Урале (см. табл. 5.5).

Как известно, после коллективизации власти проводили политику расширения посевных площадей зерновых культур, и к 1934 году эти площади увеличились по сравнению с 1928 годом на 13,6%. В дальнейшем эта политика натолкнулась на необходимость сохранения паров и стабилизации севооборота, а с 1938 года посевные площади зерновых стали уменьшаться ввиду начавшегося перехода к травопольной системе. В регионах динамика посевных площадей имела определенную специфику. В перенаселенном Центрально-Черноземном районе все удобные земли были уже распаханы, поэтому увеличение посевов было незначительным, а после 1934 года они стали сокращаться, и в итоге в 1940 году площадь посевов была на 3% меньше, чем до коллективизации. На Урале еще имелось значительное количество целинных земель – в особенности на юге, в Челябинской области. К 1937 году посевы зерновых на Урале увеличились на 28%, но потом ввиду перехода к травопольной системе они немного сократились. В целом по СССР в 1940 году посевы зерновых были на 8,9% больше, чем до коллективизации, и на 6,4% больше, чем на соответствующей территории в 1913 году. Таким образом, расширение посевных площадей было сравнительно небольшим: в 1930-х годах страна еще не обладала достаточными ресурсами для освоения целинных земель Казахстана. Как отмечалось выше, уже с 1937 года производство тракторов стало уменьшаться из-за перевода заводов на производство танков. В этих условиях главную роль в росте производства должно было играть увеличение урожайности.

Наблюдался ли в 1930-х годах рост урожайности? Как отмечалось выше (в п. 1.2), публиковавшиеся в 1930-х годах данные об урожайности были получены различными способами. С 1939 года в статистических справочниках стали приводиться данные об урожае на корню или так называемом «биологическом урожае», и в своих документах

ЦУНХУ пересчитал данные прошлых годов, исходя из величины биологического урожая. Эти данные представляют интерес, главным образом, для изучения вопроса о величине потерь при уборке урожая. Данные о реальном сборе с гектара с разбивкой по годам были опубликованы лишь в 1987 году в статистическом справочнике «Народное хозяйство СССР за 70 лет». Как отмечалось в п. 1.2, эти данные достаточно точны для периода 1937-1940 годов, но могут быть немного занижены для 1933-1936 годов (см. ниже, табл. 5.6).

Таблица 5.5 – Посевные площади зерновых культур в 1913-1940 годах в границах 1938 года (тыс. га)<sup>724</sup>

	1913	1928	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
СССР	9438	92172	9969	101554	104677	103440	102441	104453	102411	99820	100369
в % к 1928г.	102,4	100,0	108,2	110,2	113,6	112,2	111,1	113,3	111,1	108,3	108,9
ЦЧР	8084	8292	8561	8572	8837	8607	8436	8509	8188	7890	8042
в % к 1928г.	97,5	100,0	103,2	103,4	106,6	103,8	101,7	102,6	98,7	95,2	97,0
в т.ч. Кур- ская обл.	2288	2194	2350	2234	2338	2324	2247	2211	2162	2099	2147
Воронеж- ская обл.	2465	2437	2583	2587	2648	2581	2559	2602	2480	2414	2410
Тамбов- ская обл.	1503	1497	1443	1521	1568	1500	1469	1520	1456	1306	1362
Орловская обл.	1828	2164	2185	2230	2283	2202	2161	2176	2090	2071	2123
Урал	4097	4155	5071	5015	4894	4966	5028	5333	5191	5173	5188
в % к 1928г.	98,6	100,0	122,0	120,7	117,8	119,5	121,0	128,4	124,9	124,5	124,9
в т.ч. Моло- товская обл.	1159	994	1132	1226	1330	1357	1323	1370	1293	1243	1263
Свердлов- ская обл.	800	750	938	909	921	956	912	918	885	866	868
Челябин- ская обл.	2138	2411	3001	2880	2643	2653	2793	3045	3013	3064	3057

При сопоставлении реального сбора (намолота) с гектара с биологической урожайностью обычно указывают на огромные размеры потерь. Однако, как отмечалось выше, потери в 15-23% (без учета потерь

<sup>724</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 87. Д. 11. Л. 1-40. Суммарные данные по ЦЧР (4 области), Уралу (3 области) и проценты подсчитаны автором.

от осыпания зерна) были обычными для крестьянских хозяйств. Если же хлеб убирали конными жатками, то потери увеличивались; при уборке «лобогрейкой» с учетом потерь при перевозке и обмолаоте терялась четверть урожая. Поэтому в 1933-1936 годах, когда основная часть урожая убиралась конными жнейками, потери возросли до 24%. Ожидалось, что с распространением комбайновой уборки потери уменьшатся – и в 1937-1940 годах они действительно уменьшились, хотя и не в такой степени, как ожидалось. Сказывались техническое несовершенство машин и неопытность комбайнеров, но большое значение имели также засухи 1938-1939 годов. В годы засух потери существенно возрастали из-за повышенной осыпаемости зерна. Кроме того, мотвила комбайнов и жнеек действовали на пересушенные колосья как молотилка, выбивая из них зерна. При ручной уборке серпом потери были бы существенно ниже.

Таблица 5.6 – Валовой сбор зерновых, средний сбор с гектара, биологическая урожайность и потери в 1937-1940 годах<sup>725</sup>

	Сред ние 1925	Годы								Сред ние 1933	Сред ние 1937
		1 9									
	3	3	3	3	3	3	3	3	4	1933	1937
	-28	3	4	5	6	7	8	9	0	-36	-40
Валовой сбор (намоло), млн ц	747	684	676	750	558	984	739	736	847	667	827
Сбор с га	7,9	6,7	6,5	7,3	5,4	9,4	7,2	7,4	8,4	6,5	8,1
Биологическая урожайность, ц/га		8,8	8,5	8,7	8,1	11,5	9,3	10,1	10,8	8,5	10,4
Потери, ц/га		2,1	2,0	1,4	2,7	2,1	2,1	2,7	2,4	2,1	2,3
Потери, %		24	24	16	33	18	22	27	22	24	22
Сбор с га совхозах, ц/га		5,5	6,3	7,5	6,3	10,7	8,5	8,3	8,9	6,4	9,1

Анализируя данные табл. 5.6, мы приходим к выводу, что в 1937-1940 годах сбор с гектара был лишь на 0,2 ц выше, чем во времена нэпа. В контексте значительного улучшения агротехники такой резуль-

<sup>725</sup> Данные за 1937-1940 гг.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 739. Л. 10; Оп. 87. Д. 11. Л. 1-40. Сбор с га подсчитан автором. Данные за 1933-1936: Народное хозяйство СССР за 70 лет... С. 208, 210. Данные за 1925-1928 гг.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 49. Л. 2. Данные о совхозах: Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 181.

тат представляется странным: напомним, что в расчете на это улучшение второй пятилетний план проектировал поднять урожайность в среднем на 2,4 ц/га. Конечно, планы агротехнических мероприятий не были выполнены полностью, но и то, что было сделано к концу 1930-х годов, должно было более существенно повысить урожайность по сравнению с эпохой нэпа. Почему же этого не случилось?

Одна из причин отсутствия значительного роста урожайности заключается в экологических сдвигах, которые постепенно накапливались в течение длительного времени и привели к экологическому кризису 1930-х годов. Эпоха нэпа была последним благополучным периодом перед кризисом: в 1925-1928 годах не отмечалось больших засух. Но на первое четырехлетие после кризиса пришлось две большие засухи (1934 и 1936 годы), а на четырехлетие 1937-1940 годов – еще две (1938 и 1939 годы). О ситуации нарастающего экологического кризиса говорилось, в частности, в связи с появлением постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах Юго-Востока СССР»<sup>726</sup>. Специалисты отмечали, что в XVIII веке было 10 засушливых лет, в XIX веке – 26, а с 1891 года за последние 48 лет – 15 засушливых лет, то есть 31,5%<sup>727</sup>.

Если при подсчете средней урожайности в 1937-1940 годах мы исключим засушливые годы, то средний сбор составит 9,0 ц/га. Это на 1,1 ц/га (на 14%) больше, чем во времена нэпа. Эта цифра, конечно, меньше, чем то повышение, которое ожидалось от улучшения агротехники (2,4 ц/га), но, на наш взгляд, она в достаточной степени отражает сдвиги, произошедшие в производстве зерновых в результате коллективизации. Заслуживает внимание и такой показатель, как сбор в совхозах: в 1937-1940 годах он составил 9,1 ц/га<sup>728</sup>. Новая агротехника и механизация применялись в совхозах шире, чем в колхозах, и более высокая урожайность в совхозах говорит о принципиальной возможности повышения урожайности во всей стране.

О том, как специалисты оценивали эти сдвиги, говорит, в частности, докладная записка ЦУНХУ в СНК СССР об урожае 1938 года<sup>729</sup>.

---

<sup>726</sup> О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах Юго-Востока СССР. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 октября 1938 г. //Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938. № 48. Ст. 248. С. 618-628.

<sup>727</sup> Ицков Н. О засухе и агрономических приемах по обеспечению устойчивых урожаев //Социалистическое сельское хозяйство. 1939. №1. С. 19.

<sup>728</sup> Зеленин И. Е. Совхозы СССР... С. 181.

<sup>729</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 85. Д. 1. Л. 1-9.

В записке констатируется, что засуха 1938 года превзошла по своим масштабам губительную засуху 1936 года. Уровень осадков в Воронежской области в июле составлял всего 9 мм при среднем многолетнем уровне 60 мм. Тем не менее, урожай зерновых культур в 1938 году намного превысил урожай 1936 года и находился на уровне относительно благоприятного 1935 года. «Такой уровень урожайности в текущем году, – говорится в записке, – является наглядным выражением огромных побед, одержанных социалистическим земледелием за годы второй пятилетки в области повышения агротехники, явившейся мощным орудием против исключительно неблагоприятных метеорологических условий, которые по интенсивности своего проявления и размеров территории охвата в текущем году значительно превзошли засушливый 1936 год»<sup>730</sup>. Далее говорится о конкретных последствиях засухи: она не только уменьшила урожайность, но также вызвала осыпание зерна и его выбивание из колосьев рабочими органами зерноуборочных машин. Это приводило к значительному росту потерь при уборке урожая (см. табл. 5.6). Докладная записка заканчивается перечислением конкретных недочетов, препятствующих получению высоких и устойчивых урожаев<sup>731</sup>.

В следующем, 1939 году, докладная записка ЦУНХУ вновь констатировала, что «высокий урожай 1939 года по зерновым культурам получен при очень неблагоприятных климатических условиях... Количество выпавших в течение вегетационного периода 1939 года осадков на очень значительной части районов уступало даже количеству осадков, выпавших в течение засушливого 1938 года. Особо резко сказались эти неблагоприятные условия на территории Поволжья, в примыкающих к нему центральных областях и на значительной части территории Казахской ССР. Таким образом, высокий урожай зерновых культур, полученный страной в 1939 году, является результатом последовательного внедрения улучшенной агротехники в совхозное и колхозное производство»<sup>732</sup>. Хотя докладная записка допускает некоторое преувеличение в оценке «высокого урожая», нужно признать, что в прежние времена две засухи подряд означали бы катастрофу и голод – как это было в 1890-1891 и 1920-1921 годах. Но ни в 1939, ни в 1940 году голода не было – хотя имели место определенные продовольственные трудности.

---

<sup>730</sup> Там же. Л. 2.

<sup>731</sup> Там же. Л. 9.

<sup>732</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 86. Д. 6. Л 5-6.

С другой стороны, то обстоятельство, что ожидания специалистов по повышению урожайности оправдались далеко не полностью, говорит о том, что существовали какие-то иные факторы, препятствовавшие этому повышению. Мы вернемся к этому вопросу позднее, в п. 6.2.

Если обратиться к динамике урожайности на региональном уровне, то здесь ярко проявляется различие между регионами, затронутыми засухами 1938-1939 годов, и регионами, в которых неблагоприятные условия сказались в меньшей степени. Нужно, однако, отметить, что мы имеем региональные данные лишь для намолота по годовым отчетам колхозов, то есть без учета урожайности в совхозах.

Из данных табл. 5.7 видно, что Центрально-Черноземный район был поражен засухой, как в 1938, так и в 1939 году, а Урал – только в 1939 году. В итоге, средняя урожайность в ЦЧР в 1937-1940 годах по данным годовых отчетов колхозов была на 4% меньше, чем во времена нэпа. Посевные площади были на 1% меньше (см. табл. 5.5), и в итоге валовой сбор был на 5% меньше, чем до коллективизации.

Таблица 5.7 – Намолот с гектара по данным годовых отчетов колхозов<sup>733</sup>

	Средние 1925-28	1937	1938	1939	1940	Средние 1937-40
ЦЧР	8,0	9,9	5,2	6,8	9,1	7,7
Курская		10,1	5,6	7,4	10,4	8,4
Воронежская		10,2	5,1	7,4	9,8	8,1
Тамбовская			4,4	4,9	8,1	6,9
Орловская		9,0	5,3	6,7	7,6	7,2
Урал	9,0	11,1	11,2	7,1	9,4	9,7
Свердловская		12,0	11,0	8,7	12,8	11,1
Молотовская				8,1	10,6	10,4
Челябинская		10,5	11,3	6,2	8,0	9,0

<sup>733</sup> ГАРФ. Ф А374. Оп. 16. Д. 769; Д. 770; Д. 771; Д. 880 (ленты без нумерации листов); Д. 879 Л. 23об, 56об, 163об; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 84. Д. 30. Л. 15; Оп. 323. Д. 86. Л. 1-10. Данные за 1925-1928 гг.: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 178-179. Средние данные по ЦЧР и Уралу подсчитаны автором.

На Урале средняя урожайность по данным годовых отчетов колхозов по сравнению с временами нэпа увеличилась на 8%. Посевные площади увеличились на 27% (см. табл. 5.5), и в итоге валовой сбор вырос на 38%. В табл. 5.8 для сравнения приводятся данные о биологической урожайности на Урале и в Центрально-Черноземном районе.

Таблица 5.8 – Биологическая урожайность в ЦЧР и на Урале<sup>734</sup>

	1937	1938	1939	1940	Средние 1937-40 гг.
ЦЧР	12,0	6,9	9,7	10,9	9,9
Курская	12,2	7,3	10,2	12,4	10,5
Воронежская	12,1	6,7	10,9	11,0	10,2
Тамбовская	12,9	6,2	7,3	9,6	9,0
Орловская	11,1	7,1	9,3	10,0	9,4
Урал	13,2	12,8	10,0	10,8	11,7
Свердловская	16,0	13,7	11,7	14,4	14,0
Молотовская	13,5	9,0	11,4	12,2	11,5
Челябинская	12,3	14,1	8,9	9,2	11,1

Если условно подсчитать потери как разность между биологическим урожаем и намолотом по годовым отчетам колхозов, то обнаруживаются сильные колебания в потерях в зависимости от года (см. табл. 5.9). Эту неравномерность можно объяснить влиянием засух, когда резко увеличивались потери от осыпания зерна.

Таблица 5.9 – Потери при сборе урожая в ЦЧР и на Урале (в %) <sup>735</sup>

	1937	1938	1939	1940	Средние 1937-40 гг.
ЦЧР	17,9	24,9	29,9	16,4	21,6
Урал	15,9	12,4	29,0	12,6	17,0

Рассмотрим теперь динамику производства картофеля (табл. 5.10).

<sup>734</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 87. Д. 11. Л.1-10. Средние данные по ЦЧР и Уралу подсчитаны автором.

<sup>735</sup> Подсчитано по табл. 5.7 и 5.8.

Таблица 5.10. – Динамика производства картофеля в 1925-1939 годах<sup>736</sup>

	средние 1925-28	1937	1938	1939	средние 1937-39	1937-39к 1925-28, %
Посевные площади, тыс. га	5341,8	6865	7365	7021	7083,7	133
Урожайность, ц/га	79,6	95,6	57,0	69,3	74,0	93
Валовой сбор, млн. ц.	425,4	656,3	419,6	486,4	520,8	122

У нас отсутствуют данные за 1940 год в сопоставимых границах, поэтому сравнение четырех урожайных лет (1925-1928), осуществляется с тремя годами (1937-1939), два из которых были неурожайными. Тем не менее, можно констатировать увеличение посевных площадей на 33% и валовых сборов на 22%. Рост посевных площадей под картофелем был намного более быстрым сравнительно с ростом посевных площадей зерновых; это была одна из тенденций аграрной модернизации, которая проявлялась еще в XIX веке. Картофель был менее калорийной, но намного более урожайной культурой, чем рожь или пшеница, так что в условиях СССР гектар картофеля давал примерно в два раза больше калорий, чем гектар зерновых.

Но выращивание картофеля не поддавалось механизации, и он был намного более трудоемкой культурой, чем зерновые. В Центрально-Черноземном районе трудозатраты на гектар картофеля составляли 58 человеко-дней, в то время как гектар зерновых до механизации требовал 23,6 человеко-дня, а после механизации (в 1937 году) – 10,6 человеко-дней<sup>737</sup>. В Центрально-Нечерноземном районе и в Белоруссии, где механизация не получила такого развития, а природные условия увеличивали трудозатраты на производство зерна, возделывание картофеля было более рентабельно, чем в ЦЧР. В 1940 году посевы картофеля в СССР занимали 5,1% всей посевной площади, но в Центральном Нечерноземье и в Белоруссии это доля составляла 17-18%<sup>738</sup>.

<sup>736</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 86. Д. 20. Л. 39.

<sup>737</sup> Меринов И. Указ. соч. С. 144; Мацкевич С. Указ. соч. С. 94; Минц Л. Е. Указ. соч. С. 109.

<sup>738</sup> Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М., 1963. С. 479.

При общем увеличении посевов картофеля по стране посе­вы в ЦЧР не увеличились: в 1938 году они составляли в Воронежской и Орловской областях 575 тыс. га – столько что, сколько на той же территории в 1928 году<sup>739</sup>. Таким образом, в картофелеводстве ЦЧР наблюдалась такая же стагнация, как в зерновом производстве. На Урале картина была иной, здесь наблюдался бурный рост посевов картофеля. До коллективизации картофель не пользовался популярностью у уральских крестьян: в 1927 году посе­вы картофеля в УрО составляли только 85 тыс. га. В период коллективизации колхозам было предписано расширить посе­вы картофеля, и в 1933 году они достигли 275 тыс. га., то есть возросли более чем втрое. На этом уровне посе­вы сохранились и в конце 1930-х годов<sup>740</sup>. Уральское картофелеводство обладало определенной спецификой: основная часть посевов здесь распо­лагалась на колхозных полях, а крестьяне по-прежнему не любили выращивать картофель: на них приходилась только пятая часть посе­вов. Зато примерно столько же картофеля выращивали рабочие: рабочим выделяли специальные участки «под картошку»<sup>741</sup>.

В то время как зерновая отрасль аграрного сектора была коллек­тивизирована и механизирована, животноводство, в основном, осталось сферой приложения индивидуального труда в приусадебных хозяйст­вах колхозников, рабочих совхозов, крестьян-единоличников, а иногда и городских жителей. В 1941 году в личной собственности населения находилось 75% коров, 60% свиней, 53% овец и коз<sup>742</sup>.

В период коллективизации животноводство постиг тяжелый кри­зис, к 1933 году поголовье скота уменьшилось почти вдвое. Затем на­чалось восстановление поголовья, но это касалось не всех видов скота: в результате механизации численность рабочих лошадей продолжала сокращаться. В 1939 году численность крупного рогатого скота достигла 90% от численности 1928 года, но в 1940 году сократилась до уровня в 80%. Уменьшение поголовья было связано с появлением в 1939 году постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Это постановление запретило колхозниками самостоятельно использовать для заго­товки кормов колхозные сенокосы. Поскольку многие колхозы не мог-

---

<sup>739</sup> Посевные площади СССР. Статистический справочник. М.-Л., 1939. –

<sup>740</sup> Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х-начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск., 2006. С. 365-366.

<sup>741</sup> Подсчитано по: там же. С. 367-370.

<sup>742</sup> Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1958 году... С. 447.

ли обеспечить своих членов кормами в централизованном порядке, то колхозники были вынуждены либо передавать скот на колхозные фермы, либо забивать его. поголовье крупного рогатого скота у колхозников за два года сократилось на 5,9 млн. голов, свиней – на 4,3 млн.<sup>743</sup>

Таблица 5.11 – Численность скота в СССР в 1916-1940 годах (млн. голов, на начало года)<sup>744</sup>

	1916	1928	1933	1937	1938	1939	1940
Лошади	34,2	32,1	17,3	15,9	16,2	17,2	17,7
Крупный рогатый скот	51,7	60,1	33,5	47,5	50,9	53,5	47,8
в т.ч. коровы	24,9	29,3	19,4	20,9	22,7	24,0	22,8
Свиньи	17,3	22,0	9,9	20,0	25,7	25,2	22,5
Овцы	82,5	97,3	34,0	46,6	57,3	69,9	66,6
Козы	6,2	9,7	3,3	7,2	9,3	11,0	10,1

Существенным недостатком статистики животноводства является то обстоятельство, что приводящаяся в справочниках статистика не учитывает колебаний численности скота в течение года. Осенью происходил забой скота, поэтому его зимняя численность была всегда меньше летней. Весной же происходил отел и численность восстанавливалась. Эти колебания были весьма значительными, достигая 10-15% численности крупного рогатого скота. Особенно «виртуальной» была статистика свиноводства. Свиноматка приносит за два годовых опороса 12-20 поросят; то есть численность свиней после опороса может увеличиться в несколько раз. Часть поросят забивают в течение месяца, часть ставят на откорм до 6-7 месячного возраста, но большинство забивают к зиме. Статистика, фиксирующая численность свиней только в начале года, не замечает всех этих изменений, а между тем, именно от количества поставленных на откорм поросят зависит расход кормов и производство мяса.

После катастрофы, постигшей животноводство в период коллективизации, ЦК ВКП(б) принял решение восстановить производство мяса путем развития свиноводства. Во второй пятилетке планировалось увеличить

<sup>743</sup> Выльцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны... С. 122-123.

<sup>744</sup> Народное хозяйство СССР в 1958 году... С. 445..

производство свинины в четыре раза, до 2,5 млн. т; поголовье свиней в частном секторе должно было увеличиться до 27,1 млн. Поскольку свиней откармливают по большей части зерном, то это требовало значительного увеличения расхода фуражного зерна – до 320-350 млн. ц против 230-240 млн. ц в 1920-е годы<sup>745</sup>. План был выполнен лишь частично, но численность свиней значительно увеличилось – на летнюю дату 1936 года было учтено 30,5 млн. голов<sup>746</sup>. Однако ввиду «виртуальности» имеющейся статистики трудно судить о том, каково было реальное поголовье свиней в 1920-е и 1930-е годы.

Сравнение показателей развития животноводства в региональном разрезе затрудняется изменениями границ областей. В справочнике «Животноводство СССР за 1916-1938 гг.» статистики ЦУНХУ пересчитали данные о динамике поголовья скота в границах, существовавших в 1937 году. В табл. 5.12. в графе «Урал» просуммированы эти данные для Свердловской, Челябинской и Пермской областей, а в графе «ЦЧР» – для Воронежской, Орловской и Курской областей.

Таблица 5.12 – Численность скота на Урале и Центрально-Черноземном районе (тыс. голов)<sup>747</sup>

	Урал		ЦЧР	
	1928	1938	1928	1938
Лошади	1753	647	1938	1061
в т.ч. рабочие	1585	441	1419	693
Крупный рогатый скот	3110	2222	3514	2545
в т.ч. коровы	1498	1120	1653	1298
Свиньи	856	823	2479	1936
в т.ч. взрослые	223	182	361	425
Овцы и козы	4411	2363	8483	2441
в т.ч. взрослые	2380	1395	4727	1658

Однако данные указанного справочника страдают существенным недостатком: численность скота в 1928 году приводится на летнюю дату, а данные конца 1938 года – на начало года, поэтому уменьшение

<sup>745</sup> Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933-1937 гг.). Т. I. М., 1934. С. 232-238.

<sup>746</sup> Животноводство СССР за 1916-1938 гг... С. 5.

<sup>747</sup> Подсчитано по: Животноводство СССР за 1916-1938 гг... С. 5-49.

количества скота отчасти объясняется сезонными колебаниями. Но в целом региональные данные демонстрируют те же тенденции развития животноводства, которые наблюдаются в масштабе всей страны. Однако имеются и некоторые особенности. На Урале бросается в глаза почти четырехкратное уменьшение количества рабочих лошадей. Как отмечалось выше (в п. 3.3) тягловая сила лошадей здесь использовалась слабо, и существовало значительное избыточное поголовье. В Центрально-Черноземном районе обращает на себя внимание трехкратное уменьшение численности овец и коз. Овцы и козы питаются почти исключительно сеном и уменьшение их поголовья, по-видимому, было следствием уменьшения сенокосов и недостатка сена в приусадебных хозяйствах колхозников.

Таблица 5.13 – Производство продуктов животноводства в 1925-1939 годах<sup>748</sup>

	1925/ 26	1926/ 27	1927/ 28	сред- ние 1925/26 -27/28	1937	1938	1939	средние 1937-39	1937-39 к 1925/26 -27/28
Население	143,6	147,1	150,4	147,03	164,2	167,6	170,9 5	167,58	114,0
Мясо и сало (млн. т)	3,06	3,40	3,64	3,36	2,54	3,82	4,38	3,58	106,4
Молоко (млн. л)	28,79	31,20	31,27	30,42	26,06	28,96	27,53	27,52	90,5
Яйца (млн. шт.)	8469	9549	10967	9662	8179	11025	12048	10417	107,8
На душу населения:									
Мясо и сало (кг)	21,3	23,1	24,2	22,9	15,5	22,8	25,6	21,3	93,2
Молоко (л)	200	212	208	207	159	173	161	164	79,4
Яйца (шт.)	59	65	73	66	50	66	70	62	94,5

Производство продукции животноводства отражает те изменения, которые произошли в рассматриваемый период в численности скота. Как можно заключить из рассмотрения данных табл. 5.13, к концу 1930-х годов производство мяса было восстановлено и несколько превысило уровень, достигнутый в эпоху нэпа. Производство молока не было восстановлено и

<sup>748</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 740. Л. 7, 15, 24. Для 1920-х годов: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 226-227.

оставалось на уровне примерно на 10% меньшем, чем в 1925/26-27/28 годах. В расчете на душу населения уменьшилось производство всех видов животноводческой продукции. Особенно сильно – на 20% – уменьшилось производство молока.

#### 5.4. Распределение сельскохозяйственной продукции

Доля продуктов, идущих на непосредственное потребление, зависит от распределения сельскохозяйственной продукции, поэтому важно выяснить, как распределялась эта продукция в 1930-х годах, и что изменилось в этой сфере по сравнению с 1920-ми годами. В 1941 году отдел балансов ЦУНХУ составил «Баланс зерна и продуктов его переработки за 1937/38-1940/41 сельскохозяйственные (июльские) годы»<sup>749</sup>. Ниже мы приводим таблицу из этого до сих пор неопубликованного, но весьма важного документа (табл. 5.14).

Таблица 5.14 – Хлебофуражный баланс (зерна и продуктов его переработки, млн. пудов) СССР в границах 1938 года<sup>750</sup>

		1937/38	1938/39	1939/40	1940/41
	А) Ресурсы				
1	Запасы на начало года (1 июля)	546,6	1535,8	1040,6	665,4
2	в т.ч. в сельском хозяйстве	187	990,5	596,6	306,6
3	в т.ч. у заготовительных организаций	283,7	472,9	383,5	310,5
4	Валовая продукция (общий урожай)	7344	5799	6157	6605
5	в т.ч. товарная продукция	2438,5	2190,4	2244,5	2524,1
6	в т.ч. государственные заготовки и закупки	1979,8	1795,3	1909,8	
	Реализовано на колхозном рынке				
7	а) неземледельческим населением и учреждениями	153,8	109,5	70	70,9
8	б) земледельческим населением (внутридеревенский оборот)	279,7	270,8	251,3	
9	Прочий приход	10,5	0,1	0	0
<b>10</b>	<b>Итого</b>	<b>7901,1</b>	<b>7334,9</b>	<b>7197,6</b>	<b>7270,4</b>

<sup>749</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 739.

<sup>750</sup> Там же. Л. 43.

	Б) Распределение				
11	И. Израсходовано в сельском хозяйстве	2569,2	2697,2	2599,9	2509,6
	из этого количества:				
12	а) на обсеменение полей	872,1	867,6	849,6	843,9
13	в т.ч. из товарной продукции (семенные ссуды)	16,4	86,9	53,4	21,5
14	б) на корм скоту и птице	1697,1	1829,6	1750,3	1665,7
15	из них определено по данным отчетов и бюджетных обследований колхозников	1202,9	1313,3	1170,5	1206,6
16	II. Потреблено земледельческим населением	1141	1172,2	1133,5	1086,1
17	в т.ч. товарной продукции (куплено у государства)	221,3	298,1	313,4	343,8
18	Итого (I+II)	3710,2	3869,4	3733,4	3595,7
19	Потреблено неземледельческим населением	827,1	859,2	958,9	970
20	в т.ч. куплено на колхозном рынке	100,6	70,9	51,1	40
21	Переработано в промышленности (кроме мукомольной)	251,8	248,3	248,8	250
22	Израсходовано на корм скоту, принадлежащему несельскохозяйственным предприятиям и неземледельческому населению	240,4	228,6	239,8	250
23	Прочий расход	312,7	129,7	125,4	279,5
24	Потери при уборке, хранении и переработке	1023,1	959,1	1225,9	1137,6
25	в т.ч. потери при уборке	822,9	755,7	1060,4	963,8
26	Запасы на конец года (1 июля)	1535,8	1040,6	665,4	787,6
27	в т.ч. в сельском хозяйстве	990,5	596,6	306,6	387,6
28	у заготовительных организаций	472,9	383,5	310,5	350
29	<b>Итого</b>	<b>7901,1</b>	<b>7334,9</b>	<b>7197,6</b>	<b>7270,4</b>

В комментариях к таблице указано, что баланс за 1940/1941 год является предварительным (поэтому некоторые графы в соответствующем столбце остались незаполненными).

Составители баланса исходили из размеров биологического урожая, но учитывали потери при уборке, хранении и переработке. Выше (п. 1.2) мы рассматривали структуру потерь в сельском хозяйстве, которые, помимо потерь при уборке и молотье, включали недоучет и неучтенные расходы в поле. При этом часть потерь – зерно, подобранное скотом при пастьбе по стерне, зерно, оставшееся при молотье в соломе и полове и затем скормленное скоту – составляли «используемые потери». Валовая продукция – это намолот с добавлением недоучета, неучтенного расхода в поле и потерь при уборке и обмолоте.

Составители баланса включали недоучет, расходы в поле и используемые потери в корм скоту, за счет чего реальное количество кормов, указанное в графе 15 («из них определено по данным отчетов и бюджетных обследований колхозников») увеличивалось до количества, указанного в графе 14. При этом авторы баланса признавали, что количество кормов получается слишком большим<sup>751</sup>.

Расход зерна и продуктов его переработки на личное потребление в сельском хозяйстве устанавливался по данным бюджетов колхозников, а в неземледельческом секторе – по данным бюджетов рабочих, то есть выведенная из бюджетов средняя норма умножалась на количество населения в соответствующем секторе<sup>752</sup>.

Попытаемся исключить из баланса потери при уборке, недоучет, неучтенные расходы в поле и прочие виртуальные величины. Заметим сначала, что помимо потерь при уборке и молотье были еще потери собранного зерна при хранении и переработке; величину этих потерь можно найти, вычитая из графы 24 графу 25 (см. табл. 5.14). Далее мы заменим «валовую продукцию» намолотом, а в качестве реально израсходованных кормов примем только те, которые подтверждаются данными отчетов колхозов и бюджетных обследований колхозников. Кроме того, мы исключим графы, не являющиеся необходимыми для наших целей. В итоге получается таблица 5.15.

---

<sup>751</sup> Там же. Л. 4.

<sup>752</sup> Там же. Л. 1-10.

Таблица 5.15 – Преобразованный хлебофуражный баланс (млн. пудов)

	1937/38	1938/39	1939/40	1940/41
<b>А) Ресурсы</b>				
Запасы на начало года (1 июля)	546,6	1535,8	1040,6	665,4
Намолот	6010	4511	4491	5168
Прочий приход	10,5	0,1	0	0
<b>Итого прихода</b>	<b>6567,1</b>	<b>6046,9</b>	<b>5531,6</b>	<b>5833,4</b>
<b>Б) Распределение</b>				
На обсеменение полей	872,1	867,6	849,6	843,9
На корм скоту и птице по данным отчетов и бюджетных обследований колхозников	1202,9	1313,3	1170,5	1206,6
Потреблено земледельческим населением	1135,3	1166,4	1127,9	1080,7
Потреблено неземледельческим населением	827,1	859,2	958,9	970,0
Переработано в промышленности (кроме мукомольной)	251,8	248,3	248,8	250,0
Израсходовано на корм скоту, принадлежащему несельскохозяйственным предприятиям и неземледельческому населению	240,4	228,6	239,8	250,0
Прочий расход	312,7	129,7	125,4	279,5
Потери при переработке и хранении	200,2	203,4	165,5	173,8
Запасы на конец года (1 июля)	1535,8	1040,6	665,4	787,6
<b>Итого расхода</b>	<b>6578,3</b>	<b>6057,1</b>	<b>5551,8</b>	<b>5842,1</b>
Невязка баланса	11,2	10,2	20,2	8,7
Погрешность, %	0,17	0,17	0,36	0,15

Итак, если отображать в балансе только реальный расход и приход, то он сходиться практически точно; статьи расхода и прихода подтверждают друг друга. Если бы имелся существенный недоучет, то это отразилось бы повышением расхода на корма в бюджетах колхозников, а поскольку в приходной части недоучета нет, то баланс бы не

сошелся. Но баланс сходится, и это означает, что не имелось ни сколько-нибудь существенного недоучета, ни повышенного расхода на корма. Одновременно это означает, что величины намолота, кормов и потребления населения определялись статистиками ЦУНХУ достаточно точно.

Балансы 1930-х годов по статьям расхода отличаются от балансов 1920-х годов, поэтому при сопоставлении балансов нам придется сравнивать несколько различающиеся второстепенные статьи. В балансах 1920-х годов присутствовала строка «самогон, потери», а в 1930-х годах – потери при хранении и переработке, аналогично складывается ситуация со строками «промышленность и армия» и «переработка в промышленности, «вывоз» и «прочие расходы» (куда в 1930-х годах включался вывоз). Графа «накопление» показывает увеличение (или уменьшение) запасов за прошедший год (табл. 5.16).

При сопоставлении средних данных получается, что население выросло в рассматриваемый период на 14,9%, а чистый сбор – на 9,7%, то есть рост производства зерновых отставал от роста населения. Но имелось также перераспределение ресурсов от потребления в пользу других статей; доля пищевого потребления в чистом сборе уменьшилась с 51,3 до 48,5%, в результате чего пищевое потребление выросло только на 3,8% (меньше, чем чистый сбор). Вместе с ростом населения это привело к тому, что душевое потребление сократилось на 9,6%.

Хотя численность лошадей сократилась примерно вдвое, доля фуража в чистом сборе уменьшилась незначительно, с 36,5 до 34,9%. Это обстоятельство обуславливалось стремлением восстановить производство мяса путем развития свиноводства<sup>753</sup>. Расход фуража на взрослую свинью возрос в среднем с 237 до 415 кг<sup>754</sup> зерна, увеличился откорм поросят, и это поглотило ту экономию, которая получалась за счет сокращения численности лошадей.

В 1920-х годах потери вместе с расходами на самогон составляли 33,7 млн. ц, из них на самогонование приходилось примерно 20 млн. ц<sup>755</sup>, то есть на собственно потери приходилось около 14 млн. ц. В 1930-х годах потери при хранении увеличились вдвое – до 30 млн. ц.

---

<sup>753</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 739. С. Л. 2.

<sup>754</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп.3. Д. 433. Л. 5.

<sup>755</sup> Подсчитано по: Алкоголизм в современной деревне. М., 1929. С. 38.

Таблица 5.16 – Сопоставление хлебофуражных балансов 1925/26-28/29 и 1937/38-40/41 годов

	средние 1925/26- 28/29	1937 /38	1938 /39	1939 /40	1940 /41	сред- ние 1937/38- 40/41	1937/38- 40/41 к 1925/26- 28/29, %	в% к чистому сбору	
								1925/26- 28/29	1937/38- 40/41
Население	148,8	165,9	169,3	172,6	175,9	170,9	114,9		
Сбор (млн. ц)	747,9	984,4	738,9	735,6	846,5	826,4	110,5		
Высев (млн. ц)	122,9	142,8	142,1	139,2	138,2	140,6	114,4		
Чистый сбор (млн. ц)	625,1	841,6	596,8	596,5	708,3	685,8	109,7	100	100
Душевой чистый сбор (ц)	4,21	5,07	3,53	3,46	4,03	4,02	95,5		
Потребление (мука, крупа) (млн. ц)	320,7	321,4	331,8	341,8	335,9	332,7	103,8	51,3	48,5
Душевое по- требление (ц)	2,16	1,94	1,96	1,98	1,91	1,95	90,3		
Самогон, поте- ри (млн. ц)	33,74							5,4	
Потери при хра- нении и обрабо- тке (млн. ц)		32,79	33,32	27,11	28,47	30,42			4,4
Фураж (млн. ц)	228,06	236,4	252,6	231	238,6	239,6	105,1	36,5	34,9
Фураж на душу населения (ц)	1,54	1,43	1,49	1,34	1,36	1,4	90,9		
Промышлен- ность и армия (млн. ц)	11,09							1,8	
Переработано в промышленно- сти (млн. ц)		41,24	40,67	40,75	40,95	40,9			6,0
Вывоз (млн. ц)	11,76							1,9	
Прочие расхо- ды (млн. ц)		49,5	21,23	20,54	45,78	34,26			5,0
Накопление (млн. ц)	20,16	162	-81,1	-61,5	20	9,9	49,1	3,2	1,4
Душевой оста- ток на потреб- ление (ц)	4,05	4,54	3,17	3,12	3,55	3,6	88,9		

Вывоз хлеба в 1937-1940 годах составлял в среднем 12,2 млн. ц<sup>756</sup> – то есть был примерно таким же, как в период нэпа. Перераспределение ресурсов произошло между статьей 1920-х годов «промышленность и армия» (11,1 млн. ц) и статьями «переработано в промышленности» и «прочие расходы», которые с исключением вывоза в сумме составляли 62,4 млн. ц., т. е. на 51,3 млн. ц больше. Если исключить отсюда производство самогона, которое было заменено производством казенной водки, то останется примерно 30 млн. ц. Эту разницу вряд ли можно объяснить увеличением расходов на армию и производством технического спирта – возможно, речь идет о создании стратегических запасов на случай войны. По данным М. А. Вылцана в 1937/38 году в госрезерв поступило 13,8 млн. ц пшеницы и ржи, в 1938/39 году – 10,9 млн.ц, в 1939/40 году – 14,3 млн.ц. Государственные резервы зерна, муки и крупы в начале 1941 года составляли 61,6 млн. ц<sup>757</sup>.

Представляют интерес данные последней графы табл. 5.14, «душевой остаток на потребление». Как отмечалось в п. 3.2, для дореволюционных времен мы знаем лишь величину «остатка на потребление», включающую суммарные расходы на потребление в пищу, фураж, потери и накопление. В 1908/09-11/12 годах душевой остаток на потребление был равен 3,05 ц, в 1909/10-13/14 годах – 3,46 ц, в 1925/26-28/29 – 4,05 ц и в 1937/38-40/41 годах – 3,6 ц. Таким образом, хотя уровень потребления зерновых в конце 1930-х годов был ниже, чем во времена нэпа, он оставался более высоким, чем в самое благополучное дореволюционное пятилетие.

Рассмотрим теперь, как изменилось распределение сборов картофеля. Имеющиеся в нашем распоряжении балансы 1938 и 1939 календарных годов несколько различаются своей формой и отличаются по структуре от балансов 1920-х годов. Главное затруднение состоит в том, что в балансах 1930-х годов не указаны расходы на посев, поэтому нам пришлось заполнить эту графу, опираясь на размеры посевных площадей (см. табл. 5.10) и указанную в одном из документов норму высева картофеля в 12,6 ц на гектар<sup>758</sup>. Остальные лакуны были заполнены, исходя из имеющихся в исходных балансах данных. Нужно учесть, что в календарных годах используется часть урожая прошлого года, а в хозяйственных годах – только урожай текущего года, так как картофель более года не хранится.

---

<sup>756</sup> Подсчитано по: Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. М., 1960. С. 144; Внешняя торговля СССР. 1918-1966. М., 1967. С. 20-21.

<sup>757</sup> Вылцан М. А. Советская деревня... С. 138.

<sup>758</sup>РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 86. Д. 20. Л. 1.

Данные табл. 5.17 показывают, что доля пищевого потребления картофеля в его общем использовании уменьшилась с 45,5 до 37,4%, и поэтому потребление возросло только на 6,8% – притом, что общее использование увеличилось на 30%. Душевое потребление уменьшилось на 7,4%. Это уменьшение произошло вследствие роста населения, а также в результате увеличения потребления в промышленности, роста расходов на фураж и потерь. Нужно также иметь в виду, что 1938 и 1939 годы были неурожайными, но 1937 год дал хороший урожай картофеля, который был отчасти израсходован в 1938 году.

Таблица 5.17 – Сопоставление балансов картофеля 1925/26-1926/27 и 1938-1939 годов<sup>759</sup>

	1925/26	1926/27	среднее 1925/26-26/27	1938	1939	среднее 1938-39	1938-39 к 1925/26-26/27, %	Доля в использованном количестве, %	
								1925/26-26/27	1938-39
Население (млн. чел)	143,6	147,1	145,4	165,9	169,3	167,6			
Валовой сбор (млн. ц)	388,7	432,6	410,6	419,6	486,4	453,0	110,3		
Использовано в текущем году с учетом урожая прошлого года (млн. ц)	388,7	432,6	410,6	564,9	503,5	534,2	130,1	100,0	100,0
Душевое использование (ц)	2,71	2,94	2,83	3,41	2,97	3,19	112,8		
Высев (млн. ц)	64,9	69,2	67,0	92,8	88,5	90,6	135,2	16,3	17,0
Потребление населения (млн. ц)	176,4	197,3	186,8	224,0	175,2	199,6	106,8	45,5	37,4
в т.ч. земледельческого населения (млн. ц)	156,1	175,6	165,8	150,9	118,1	134,5	81,1	40,4	25,2
в т.ч. неземледельческого населения (млн. ц)	20,4	21,7	21,0	73,1	57,1	65,1	309,8	5,1	12,2
Душевое потребление (ц)	1,23	1,34	1,29	1,35	1,03	1,19	92,6		
Корма (млн. ц)	104,7	139,9	122,3	174,0	159,5	166,8	136,3	29,8	31,2
Потребление промышленности (млн. ц)	6,5	8,8	7,6	22,0	14,3	18,2	238,1	1,9	3,4
Потери при хранении (млн. ц)	35,7	18,0	26,8	21,5	66,5	44,0	163,9	6,5	8,2

<sup>759</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 585. Л. 15; Д. 669. Л. 18. Для 1920-х годов: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 248-249.

## Глава 6. Уровень жизни в СССР в конце 1930-х гг.

### 6.1. Доходы колхозного крестьянства

Социальный кризис времен коллективизации привел к негласному компромиссу между советской властью и основной массой крестьянства. В основе этого компромисса лежали обещания властей ограничить государственные поставки третью валового сбора, предоставить колхозникам большие приусадебные участки и обеспечить каждое хозяйство коровой. Каковы были реальные размеры государственных поставок?

Таблица 6.1. *Зернопоставки, натуроплаты МТС и госзакупки (в % к валовому сбору)*<sup>760</sup>

	1933/34	1935/36	1936/37	1937/38	1938/39	1939/40
Зернопоставки	33,4	21,9	22,5	11,7	14,3	14,9
Натуроплата МТС	7,8	10	13,6	12,9	15,1	20,2
Госзакупки	-	5,1	3,7	3,4	4,5	4,2
Всего	41	37,1	39,9	28	34,0	39,2

В 1933 году государственные зернопоставки в среднем по стране, действительно, составили треть урожая. Но по регионам имелись существенные вариации: в Центрально-Черноземной и Уральской областях госпоставки достигли 36% от валового сбора<sup>761</sup>. В дальнейшем госпоставки стали снижаться, и в 1935-1937 годах они составляли примерно 1/6 часть урожая. Однако процент товарности колхозов при этом не уменьшился. Прогрессирующая механизация сельского хозяйства привела к увеличению натуроплаты МТС, и зерно теперь поступало государству не в качестве

<sup>760</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Л. 84; Колхозы во второй сталинский пятилетке... С. 95; Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 144; История советского крестьянства. Т.3. М.,1987. С. 80, 91.

<sup>761</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 70. Л. 84.

ничем не прикрытых изъятий, а как оплата за выполненные сельскохозяйственные работы. Кроме того, появились государственные закупки, которые осуществлялись хотя и под нажимом властей, но по более выгодным ценам, нежели обязательные зернопоставки.

В итоге, в результате коллективизации и введения госпоставок доля валового сбора, шедшая на личное потребление крестьян, значительно сократилась. В 1929/30 хозяйственном году эта доля составляла в Центрально-Черноземной области 33,6%, а в Уральской области – 36,2%<sup>762</sup>. В 1938/39 году доля зерна, выдаваемая на трудодни, составляла в Курской области 19,4%, в Свердловской области – 25,7%<sup>763</sup>. Таким образом, доля зерна, идущая на личное потребление крестьян, после коллективизации намного уменьшилась, причем в ЦЧР это уменьшение было более значительным, чем на Урале.

Поступления зерна от колхоза играло главную роль в доходах колхозников – это зерновое довольствие должно было обеспечить пропитание крестьянской семьи.

Таблица 6.2 – Поступление зерна от колхозов и МТС, кг на наличное лицо<sup>764</sup>

	1935 /36	1936 /37	1937 /38	1938 /39	1939 /40	среднее 1937/38- 39/40	продукция личного хозяйства, среднее 1937/38- 39/40	общее поступление зерна
СССР	204,8	150,3	390,9	189,8	193,7	258,2	17,3	275,4
Воронежская обл.	175,7	69,2	460,9	95,0	155,5	237,1	23,7	260,8
Свердловская обл.	292,3	113,7	814,1	390,9	243,3	482,7	3,8	486,6

<sup>762</sup> ГАРФ. Ф. А374. Оп. 16. Д.129. Л. 8,15.

<sup>763</sup> Подсчитано по ГАРФ. Ф. А374. Оп.16. Д. 770, 771. Ненумерованные ленты годовых отчетов колхозов.

<sup>764</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 81. Д. 40. Л. 11-16, 171-172; Оп. 83. Д. 1. Л. 11; Д. 2. Л. 12; Оп. 327. Д. 26. Л. 7-12.

Как следует из данных табл. 6.2 в конце 1930-х годов колхозники получали из колхоза и от МТС в среднем 258 кг на душу, и еще 17 кг составлял урожай приусадебных участков и арендованных у колхоза полей. Душевая норма потребления зерна вместе с картофелем (в пересчете на зерно) составляет примерно 240 кг в год. 275 кг зерна было вполне достаточно для пропитания, однако поступление было крайне неравномерным, как по годам, так и по регионам. В 1930-х годах засухи следовали одна за другой, поражая, прежде всего, Центральное Черноземье. В 1936/37 году колхозники Воронежской области получили на трудодни только 69 кг на душу. В результате весной 1937 года начался голод, который не привел к большим жертвам лишь благодаря помощи государства. Зато в следующем, 1937 году, урожай был высокий, и колхозники Воронежской области получили 461 кг зерна на душу, а Свердловской области – даже 814 кг. Но в 1938 году в Центральном Черноземье снова случилась засуха, и поступление зерна составило всего лишь 95 кг на душу.

Голод весны 1937 года охватил значительную часть территории СССР, и оказался последним в трудную эпоху, когда кризис коллективизации совпал с экологическим кризисом 1930-х годов. Обильный урожай 1937 года позволил колхозникам создать значительные запасы и пережить два неурожая 1938 и 1939 годов (табл. 6.3).

*Таблица 6.3 – Запасы зерновых в хозяйствах колхозников на конец июня, кг на душу<sup>765</sup>*

	1936	1937	1938	1939	1940
СССР	42,74	25,73	153,6	72,5	42,8
Воронежская обл.	37,3	5,95	229,76	61,26	30,4
Свердловская обл.	67,3	12,01	403,44	256,09	58,5

Помимо зерновых, большую роль в продовольственном обеспечении колхозников играл картофель. Однако, картофель, в основном, производился в подсобном хозяйстве колхозников, на выдачи по трудодням приходилась только четвертая часть всего поступления картофеля.

<sup>765</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 327. Д. 26. Л. 17; Оп. 83. Д. 1. Л. 187; Оп. 83. Д. 1. Л. 12; Оп. 81. Д. 40. Л. 15.

Засухи 1936, 1938 и 1939 годов отразились не только на производстве зерновых, но и на производстве картофеля – и особенно в Воронежской области. В среднем по СССР в 1940 году 42% всех посевов картофеля приходилось на приусадебные участки колхозников. Картофель и раньше выращивался по большей части на приусадебных землях; после коллективизации он стал основой личного хозяйства колхозников. Как показывает баланс картофеля 1937/38 года, примерно 11% от чистого сбора картофеля в хозяйствах колхозников приходилось на обязательные поставки государству или МТС, 10% продавалось, 29% шло на личное потребление и 36% – на корм скоту<sup>766</sup>. Таким образом, картофель составлял существенную часть кормовой базы индивидуального животноводства

Таблица 6.4 – Производство картофеля в подсобных хозяйствах колхозников, кг на душу<sup>767</sup>

	1935 /36	1936 /37	1937 /38	1938 /39	1939 /40	сред- нее 1937/38 -39/40	получе- но из колхоза, среднее 1937/38- 1939/40	общее поступ- ление картофе- ля
СССР	390,7	297,6	402,2	252,2	233,4	295,9	106,8	402,8
Воронежская обл.	472,2	248,6	397,8	131,4	272,0	267,1	40,7	307,7
Свердловская обл.	439,9	177,2	291,6	419,1	442,7	384,5	16,5	400,9

Продукты животноводства, мясо и молоко также производились, в основном, в подсобном хозяйстве, выдачи этих продуктов с колхозных ферм были незначительны.

В производстве мяса наблюдается так же картина, что и в производстве зерновых: колхозники Свердловской области получают мяса больше, чем в среднем по стране, а колхозники Воронежской области получают меньше среднего. В связи с проблемой обеспечения колхозников молоком будет уместно вспомнить об обещании Сталина обеспечить каждого колхозника коровой. Было ли выполнено это обеща-

<sup>766</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562 Оп. 303. Д. 37. Л. 21.

<sup>767</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 81. Д. 40. Л. 11-16, 171-172; Оп. 83. Д. 1. Л. 11; Д. 2. Л. 12; Оп. 327. Д. 26. Л. 7-12.

ние? Летом 1939 года был достигнут максимальный для предвоенных лет уровень обеспеченности колхозников скотом: коровами было обеспечено 87% семей. При этом в Свердловской области корова была в каждом дворе, но в Воронежской области четверть семей не имела коров (до коллективизации в ЦЧО на двор приходилось в среднем 0,85 коровы, а на Урале – полторы коровы)<sup>768</sup>. Однако, как отмечалось выше, постановление «О мерах охраны общественных земель колхозов...» привело к нехватке кормов и сокращению поголовья личного скота колхозников. К началу 1940 года обеспеченность колхозников коровами упала в среднем по СССР до 73%, в Свердловской области – до 86%, в Воронежской области – до 66%<sup>769</sup>.

Таблица 6.5 – Производство мяса и молока в индивидуальных хозяйствах колхозников, кг на душу<sup>770</sup>

	1936	1937	1938	1939	1940	среднее 1937-40
Мясо и сало						
СССР	18,3	15,7	25,2	27,9	18,5	21,8
Воронежская обл.	16,9	нет св.	21,6	20,6	15,4	19,2
Свердловская обл.	24,1	10,8	28,0	46,0	20,5	26,3
Молоко						
СССР	192,4	192,1	202,2	194,1	186,9	193,8
Воронежская обл.	192,1	нет св.	219,0	221,0	237,3	225,8
Свердловская обл.	178,2	258,1	280,2	233,2	207,2	244,7

Что касается денежных доходов колхозников, то они складывались, в основном, из сумм, получаемых из колхоза, от работы отходников по найму, от продажи и сдачи государству мяса и молока и от продажи продуктов на колхозном рынке.

<sup>768</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 83. Д. 2. Л. 35. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. С. 123.

<sup>769</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 83. Д. 2. Л. 35.

<sup>770</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 81. Д. 40. Л. 11-16, 171-172; Оп. 83. Д. 1. Л. 11; Д. 2. Л. 12; Оп. 327. Д. 26. Л. 13.

Таблица 6.6 – Структура денежных доходов колхозников в 1939 году (руб. на одно наличное лицо)<sup>771</sup>

	СССР	Воро- нежская	Сверд- ловская	Днепропет- ровская
Всего поступило денег, руб.	586,5	455,4	554,3	723,1
в т. ч. из колхоза	96,2	22,6	56,2	233,1
заработано в МТС	14,8	14,9	24,5	11,9
заработано по найму	85,7	108,2	80,5	57,4
от продажи и сдачи продук- тов животноводства	112,4	102,8	81,3	175,1
от продажи сельхозпродук- тов на колхозном рынке	152,7	117	230,4	165

Как следует из данных, приводимых в табл. 6.6, крестьяне получали наибольшие доходы от продажи сельхозпродуктов на колхозном рынке и сдачи (или продажи) мяса и молока государству и кооперации. Продаваемые товары были, в основном, продукцией приусадебных хозяйств. В Воронежской области, где доходы были меньше, чем в других областях, крестьяне отчасти компенсировали потери доходом от работы на стороне. В сравнении с денежными доходами рабочих, денежные доходы колхозников были невелики: в 1939 году средний доход в семьях рабочих составлял 2172 руб. в год<sup>772</sup>. Но из этой суммы 1226 руб. уходило на питание<sup>773</sup>, в то время как колхозники получали продукты натурой; если мы примем во внимание это обстоятельство, то доходы колхозников и рабочих оказываются более сопоставимыми.

Коллективизация не разрешила проблемы региональных различий в уровне потребления; как и прежде, в стране продолжали существовать относительно бедные и относительно богатые области. Наиболее богатыми областями СССР продолжали оставаться области степного Причерноморья. После голода 1933 года Сталин пошел на уступки крестьянам и казакам Юга; им были обеспечены большие приусадебные участки (0,72 га в Ростовской области), и они получали много зерна и денег от богатых колхозов. На Юге не знали голода весны 1937 года – в 1936/37 году (когда воронежцам досталось по 69 кг зерна)

<sup>771</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 83. Д. 1. Л. 19; Д.2. Л. 18.

<sup>772</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1076. Л. 30.

<sup>773</sup> Там же.

колхозники Днепропетровской области получили по 431 кг зерна на душу и потратили по 150 кг на откорм свиней<sup>774</sup>.

## 6.2. Аграрное перенаселение и трудозатраты в колхозах

Проблема региональных различий в уровне жизни была связана с сохраняющимся аграрным перенаселением центральных областей. В 1924 году на крестьянский двор в Воронежской губернии приходилось 9,4 га сельскохозяйственных угодий, а в 1937 году – 11 га, в то время как в среднем по СССР эта цифра составляла 20 га, в Свердловской области – 27 га, а в Челябинской области – даже 40 га<sup>775</sup>. Поэтому колхозники Воронежской области имели в среднем 261 кг зерна на душу, а колхозники Свердловской области – 487 кг.

К концу 1930-х годов механизация еще более обострила проблему аграрного перенаселения. В 1920-х годах уборка урожая требовала привлечения всех сил деревни, а в конце 1930-х годов в уборке участвовало только 57-60% трудоспособного сельского населения<sup>776</sup>. Все остальные могли уйти на заработки в город – тем более что там (в отличие от 1920-х годов) была работа и платили гораздо больше, чем в колхозе. Действительно, данные бюджетных обследований показывают огромный рост отхода: трудоспособный мужчина в среднем проводил 77 дней в отъезде. В колхозе он работал только 169 дней и еще 119 дней проводил в праздности или работал на приусадебном участке (см. табл. 6.7). Эти средние цифры, конечно, несколько искажают реальность: одни крестьяне могли работать в колхозе весь год, а другие – весь год находиться в отходе. Как отмечалось выше, в 1926-1939 годах из деревни в город переселилось 18,5 млн. человек; в первую очередь в города уходили молодые мужчины, поэтому на селе образовалась диспропорция полов: в 1937 году на 16,4 млн. работников-мужчин приходилось 19,9 млн. женщин<sup>777</sup>. При этом 6 млн. мужчин и 7 млн. женщин выработали в 1937 году менее 50 трудодней<sup>778</sup>. Эти мужчины по большей части находились в отходе, а женщины работали

---

<sup>774</sup> Там же. С. 10; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 81. Д. 40. Л. 12, 27.

<sup>775</sup> Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции// Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Вып. 1. Воронеж, 1926. -С. 142.; Колхозы во второй сталинской пятилетке... С. 9.

<sup>776</sup> Матвеев И. О некоторых вопросах комбайнизации... С. 116.

<sup>777</sup> Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно»... С. 73.

<sup>778</sup> Аристов Н. Организованный набор рабочей силы// Плановое хозяйство. 1939. №11. С. 94; Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР. М.-Л., 1939. С. 4.

на приусадебном участке и ухаживали за личным скотом (93% работы на приусадебном участке приходилось на долю женщин)<sup>779</sup>. По традиции считалось, что если муж работает хорошо (например, является трактористом), то жена может сидеть дома. Но были семьи, в которых муж постоянно находился в отходе, а жена почти не работала в колхозе – такие семьи называли «мнимыми колхозниками». В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» говорилось: «Ввиду того, что в колхозах имеются не только честные труженики... но имеется также некоторая часть трудоспособных колхозников, вырабатывающих в течение года не более 20-30 трудовых, но продолжающих числиться колхозниками и сидящих на шее у колхоза, считать целесообразным установить, начиная с 1939 г. для каждого трудоспособного колхозника и колхозницы обязательный минимум трудовых в году»<sup>780</sup>.

Таблица 6.7 – Среднее распределение рабочего времени в течение года для взрослого работника-мужчины<sup>781</sup>

	годы	СССР	ЦЧР	УрО
Рабочие дни по месту жительства	1924-25	222	203	213
Рабочие дни в колхозе	1938-40	169	157	181
Дни отсутствия	1924-25	9	18	4
	1938-40	77	85	73
Нерабочие дни	1924-25	134	143	123
Нерабочие дни или работа на приусадебном участке	1938-40	119	123	111

После введения минимума трудовых в некоторых колхозах (например, в Сумской области Украины) стало выходить на работу вдвое больше

<sup>779</sup> Стеценко Н. Трудовые ресурсы и их использование в колхозах УССР // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 7. С. 33.

<sup>780</sup> О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г. // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1939. № 34. Ст. 235.

<sup>781</sup> Для 1924-25 гг. подсчитано по: Минц Л. Е. Указ. соч. С. 22-23. Для 1938-40 гг. подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 81. Д. 40. Л. 6, 168; Оп. 83. Д. 1. Л. 3; Д. 2. Л. 3; Оп. 327. Д. 26. Л. 3. Данные по ЦЧР для Воронежской области, для Урала – по Свердловской области.

работников, чем прежде. Но в целом по Украине число отработанных человеко-дней в расчете на одного трудоспособного увеличилось только на 2,5%. Колхозы других республиках также не торопились выполнять предписания центра; кое-где попросту отсутствовал точный учет трудоспособных колхозников<sup>782</sup>.

В целом, нужно заметить, что крестьяне работали в колхозе намного меньше, чем прежде в своем хозяйстве. К тому же и рабочий день стал короче: раньше единоличник работал от зари до зари, а теперь колхозник трудился в среднем 10 часов летом и 7 часов зимой<sup>783</sup>. Нужно учесть также, что по переписи 1926 года сельским хозяйством занималось 71,7 млн. «активных» работников, в том числе 11,8 млн. – в возрасте от 10 до 15 лет и 4,8 млн. – в возрасте 60 лет и старше<sup>784</sup>. В страду в поле от зари до зари работали все – и стар и мал. В 1930-е годы, судя по годовым отчетам колхозов, несовершеннолетних и стариков за работников не считали, а использование детского труда было прямо запрещено законом. (Лишь в октябре 1940 года, в предвоенной обстановке, подростков 14-15 лет стали включать в число трудоспособных, поскольку они проходили обучение рабочим специальностям в рамках подготовки трудового резерва<sup>785</sup>.) Таким образом, механизация сельского хозяйства (в основном) освободила несовершеннолетних и стариков от тяжелого «страдного» труда. Трактора и комбайны сняли сезонные пики нагрузки, и трудовая мобилизация всех членов крестьянской семьи на уборку урожая отошла в прошлое.

Конечно, избыток рабочей силы имелся не во всех регионах. Отход колхозников на заработки был наиболее высоким в районах аграрного перенаселения, в частности, в Центрально-Черноземном районе. Как отмечалось выше, к концу 1930-х годов сельское население ЦЧР сократилось на 20% и это привело к некоторому уменьшению демографической нагрузки на единицу пашни<sup>786</sup>. С другой стороны, механизация примерно

---

<sup>782</sup> Карпов И. За дальнейшее усиление трудовой дисциплины в колхозах//Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 4. С. 34-40; Стеценко Н. Указ. соч. С. 28.

<sup>783</sup> Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. М., 1939. С. 266.

<sup>784</sup> Всесоюзная перепись населения 1926 года. Краткие сводки. Вып. X. М., 1929.С. 8.

<sup>785</sup> Вылцан М. А. Трудовые ресурсы колхозов в довоенные годы// Вопросы истории. 1973. №2. С. 21.

<sup>786</sup> Акользина М. К., Канищев В. В. Изменение демографической нагрузки сельского населения Тамбовского региона на природные ресурсы в первой

вдвое уменьшила затраты труда, и в итоге колхозники-мужчины работали в колхозе лишь 157 дней в году (см. табл. 6.7). Власти пытались хотя бы отчасти решить проблему избытка рабочей силы за счет переселения; в 1934-1936 годах в организованном порядке из Воронежской области в Сибирь и на Украину было переселено 6 тыс. крестьянских хозяйств<sup>787</sup>. В докладной записке начальника областного управления НКВД констатировалось, что «область нуждается в переселении некоторой части населения, занимающегося сельским хозяйством»<sup>788</sup>.

Аграрное перенаселение сказывалось и на уровне заработной платы рабочих ЦЧР: излишек рабочих рук приводил к понижению зарплаты. Рабочие в Воронеже получали в 1936 году в среднем 190 руб. в месяц, а рабочие Свердловска – 234 руб. Наибольшей была заработная плата в Москве и Ленинграде, соответственно 271 и 273 руб.<sup>789</sup>

Как отмечалось выше, в 1930-х годах отмечалась массовая миграция крестьян Центрального Черноземья в промышленные города Центра и Урала. Хотя формально не имевшие паспортов крестьяне не имели права проживать в городе, в действительности они без особого труда нанимались на промышленные предприятия и через некоторое время получали паспорта<sup>790</sup>. Кроме того, существовал организованный набор крестьян на крупные заводы и стройки. В 1939 году на XVIII съезде ВКП(б) Сталин просил колхозников направлять в промышленность ежегодно не менее 1,5 млн. работников<sup>791</sup>.

В итоге, можно констатировать, что, и вопреки суждениям некоторых авторов<sup>792</sup>, аграрное перенаселение центральных районов сохранялось. По оценке М. А. Вылцана резерв неиспользуемой рабочей силы в колхозах составлял 8-9 млн. работников – более четвертой части трудоспособного населения деревни<sup>793</sup>. Как и предсказывал О. Крицман, после механизации колхозы стали центрами

---

трети XX в. // Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке. Москва-Тамбов, 2010. С. 48-70.

<sup>787</sup> Высотина Е. А. Указ. соч. С. 90.

<sup>788</sup> Цит. по: там же.

<sup>789</sup> См.: Численность и заработная плата рабочих и служащих СССР. М., 1936. С. 131.

<sup>790</sup> Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 113.

<sup>791</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке... С. Х.

<sup>792</sup> Акопов Р. Я. Ликвидация аграрного перенаселения в СССР (1017-1932 гг.) // Вопросы истории. 1969. № 3. С. 32-40.

<sup>793</sup> Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 100.

скопления излишней рабочей силы, которую пока не могла использовать промышленность.

В Центрально-Черноземном районе доля излишних работников была выше, чем в среднем по стране: даже в сезон страды здесь не использовалось более трети трудовых ресурсов<sup>794</sup>. Аграрное перенаселение и повторяющиеся засухи были причиной относительной бедности крестьян Центрального Черноземья, более низкого уровня потребления в ЦЧР по сравнению с Уралом или со средним уровнем по стране.

Проблема наличия огромного числа «мнимых колхозников» смыкалась с другой важной проблемой – с нежеланием значительного числа крестьян работать в колхозе. Колхозники уходили «в отход» не только потому, что в деревне были излишек рабочих рук. Стремление советской власти ввести минимум трудовой говорит о том, что во многих колхозах имелаась работа для крестьян, и имеются свидетельства выполнения в более оптимальные сроки – то есть урожайность увеличивалась. В беседе с днепропетровскими колхозниками Сталин сказал, что *если бы все колхозники работали честно*, то в колхозах было бы изобилие продуктов и СССР был бы самой богатой страной в мире<sup>795</sup>.

В этих словах кроется ответ на загадку 30-х годов – ответ на вопрос о том, почему же, несмотря на улучшение агротехники, урожайность в 1930-е годы практически не увеличилась. Значительная часть крестьян в силу своей индивидуалистической психологии не хотела работать в колхозе. Но как оценить степень этого скрытого крестьянского сопротивления? Один из показателей – это процент крестьян, оставшихся единоличниками. На тамбовщине, в районе антоновского восстания, к 1937 году 13% крестьян так и не вступили в колхозы<sup>796</sup>. Их лишали земли, переобременяли налогами – но они как-то выживали в этой тяжелой обстановке. Другой показатель, характеризующий приверженность людей к доколхозным традициям, – это открытое выполнение религиозных обрядов. В 1934 году 15% мужчин и 48% женщины в возрасте от 40 до 59 лет открыто выполняли религиозные обряды<sup>797</sup>. Если вспомнить о том, что коллективизация сопровождалась закрытием церкви, то отношение к гонимой церкви, очевидно, характеризует и отношение к колхозу.

---

<sup>794</sup> Там же. С. 102.

<sup>795</sup> Цит. по: Карпов И. Указ. соч. С. 34

<sup>796</sup> Колхозы во второй сталинской пятилетке... С. 4.

<sup>797</sup> СССР – страна социализма. Статистический сборник. М., 1936. С. 65.

Главным очагом неприятия колхозного строя оставался степной Юг. По некоторым подсчетам, около 100 тыс. донских и кубанских казаков в 1941-1945 годах добровольно вступили в ряды германской армии<sup>798</sup>. Это было продолжение той борьбы Юга и Севера, которая велась в гражданскую войну, а потом – во время коллективизации.

Но помимо противников, у колхозов были и горячие сторонники. Это была, в первую очередь, не связанная прежними традициями и ищущая способ проявить себя молодежь. Во время коллективизации, в 1928-1932 годах, число членов комсомола увеличилось с 1,9 до 4,5 млн.; комсомольцы были активистами, создававшими колхозы, и механизаторами, выведшими в поле первые трактора. Среди 2,5 млн. трактористов, комбайнеров, шоферов, подготовленных в 1931-1934 годах, было 80% молодежи. Комсомольцев активно выдвигали на руководящие должности, в 1936 году в Московской области 19% председателей колхозов и 39% бригадиров были комсомольцами. В 1938 году в целом по стране среди бригадиров и трактористов молодежь составляла больше половины, а среди комбайнеров и шоферов – 45%<sup>799</sup>. Как отмечалось выше, большинство граждан СССР еще считали себя верующими, но большая часть молодежи не верила в Бога. В 1934 году среди мужчин до 24 лет религиозные обряды выполнял только 1%, среди мужчин от 25 до 39 лет – 3,2%<sup>800</sup>.

Разное отношение к колхозу у разных групп крестьян проявлялась, прежде всего, в результатах их труда. Урожайность в передовых хозяйствах и бригадах нередко вдвое превосходила урожайность в соседних хозяйствах и бригадах. Анализируя причины столь больших различий, специалисты приходили к выводу, что секрет высоких урожаев заключается, в первую очередь, в отношении к труду<sup>801</sup>.

Помимо противостояния колхозных активистов и приверженцев традиций в колхозах имелись и чисто организационные проблемы, связанные с трудностями адаптации к новым условиям сельскохозяйственного производства. Первоначально колхозники были организованы в большие бригады (в некоторых колхозах была только одна бригада); эти бригады делились на звенья пахарей, бороновальщиков, кос-

---

<sup>798</sup> Дробязко С. Казачьи части в составе германской армии, 1941-45 гг. – <http://elan-kazak.forum2x2.ru/t120-topic>

<sup>799</sup> Озеров Л. С. Комсомол в годы первых пятилеток. М., 1978. С. 45, 46, 60.

<sup>800</sup> СССР – страна социализма... С. 65.

<sup>801</sup> Вылцан М. А. Завершающий этап... С. 138; Карг Н. Наши агротехнические резервы// Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 1. С. 131.

цов и т.д. За конечный результат работы отвечала вся бригада, конкретного виновника низкого урожая нельзя было найти, так как на одном и том же участке работали все члены бригады: одни пахали, другие сеяли, третьи бороновали и т.д. В конце года в бригаде производилось распределение по трудодням без учета качества работы каждого члена – таким образом, колхозники не были заинтересованы в том, чтобы выполнять работу качественно<sup>802</sup>.

Ввиду очевидной необходимости реформирования бригадной системы XVIII съезд ВКП(б) рекомендовал колхозникам перейти к звеньевой организации. При такой организации работы за небольшим звеном закреплялись поля и часть колхозной техники. Предполагалось, что при такой системе будет виден результат работы каждого колхозника, и появится возможность распределять доход между членами звеньев в зависимости от результата. Новая организация не успела проявить себя в предвоенный период, но ее появление обозначило начало поиска организационных форм, способных усилить заинтересованность колхозников в труде<sup>803</sup>.

### **6.3. Уровень потребления колхозников**

Бюджетные обследования 1930-х годов дают данные о потреблении продуктов питания в семьях колхозников, которые можно сопоставить с данными ЦСУ 1920-х годов.

В 1920-х годах ЦСУ ориентировалось на данные обследований питания, которые проводились в феврале и в ноябре. Данные за ноябрь завышают картину потребления крестьян, так как в ноябре идет забой скота; данные за февраль являются более репрезентативными. В 1930-х годах ЦУНХУ использовало данные круглогодичных бюджетных обследований, и в бюллетене «Бюджеты колхозников» приводятся данные за каждый месяц. Чтобы данные были сопоставимыми, мы рассмотрим данные о питании за февраль 1924-1927 и 1937-1940 годов.

Для определения калорийности продуктов мы используем данные справочника ЦСУ «Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов» и данные ФАО (см. табл. 4.6). Нужно отметить также, что статистики ЦСУ брали калорийность муки существенно большей, чем та, которая получается, исходя из зерновых

---

<sup>802</sup> Шеховцов А. О звеньях в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 8/9. С. 46.

<sup>803</sup> Чувиков В. Организация и оплата труда в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 5. С. 13-14.

норм ФАО (2965 ккал/кг). Эта разница, по-видимому, обусловлена тем обстоятельством, что нормы ФАО предназначены для использования балансового метода и предполагают значительные потери при сборе урожая и переработке зерна в муку. Далее, статистики 1920-х и 1930-х годов использовали несколько различающуюся номенклатуру продуктов. Мы подсчитываем калорийность наборов по исходной номенклатуре, приведенной в источниках. Однако чтобы сделать сравнимыми сами продуктовые наборы, необходимо привести их к единой форме. В 1920-х годах отдельно указывали потребление хлеба пшеничного, хлеба ржаного и муки, а 1930-х годах объединяли эти продукты в графе «мука и хлеб в переводе на муку». Чтобы сделать эти величины сопоставимыми, мы переводим хлеб в муку согласно указанным выше коэффициентам (см. п. 4.4). Далее, в 1920-х годах использовалась графа «молоко», а 1930-х номенклатура была более подробной: «молоко цельное», «молоко снятое», «творог и сыр», «сметана и сливки». Учитывая, что три последние группы продуктов получают при сепарации цельного молока, мы суммируем «молоко цельное» и «молоко снятое» в графе «молоко». При этом мы полагаем это «молоко» цельным, но не учитываем все остальные молочные продукты. В итоге, мы получим таблицу 6.8.

Если подсчитать калорийность непосредственно по этой таблице, то она получится примерно на 1% отличной от калорийности, указанной в таблице и подсчитанной по исходному набору продуктов. Эта небольшая невязка является результатом приведения исходных продуктовых наборов к единой форме.

Анализируя представленные в таблице материалы, можно прийти к выводу, что колхозники в конце 1930-х годов питались существенно хуже, чем в период нэпа. Как отмечалось выше, 1924-1927 годы по погодным условиям были относительно благополучными, но на 1930-е годы приходится несколько засух, одна из которых выпала на 1936 год. Последствием этой тяжелой засухи был резкий продовольственный дефицит весны 1937 года; в феврале этого года душевое потребление упало до 2373 ккал. Если учесть, что рекомендованная ВОЗ минимальная норма среднечеловеческого потребления продовольствия составляет 2300-2400 ккал на человека в день<sup>804</sup>, то нужно сделать вывод, что в 1937 году потребление упало до голодного минимума.

---

<sup>804</sup>См., например: *Naiken L.* 2002. *FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment*. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. URL: [www.fao.org](http://www.fao.org).

Таблица 6.8 – Потребление продуктов питания крестьянами (в граммах на душу в день)<sup>805</sup>

	1924	1925	1926	1927	1937	1938	1939	1940	1924-27	1937-40	1938-40
Мука и хлеб в пересчете на муку	593	584	584	579	466	538	565	537	585	527	547
Крупа и бобовые	101,7	73,5	78,4	70,4	37	39	36	44	81	39	40
Картофель	530	468	442	463	626	577	356	370	476	482	434
Овощи и фрукты	145	141	137	127	131	177	109	141	138	140	143
Масло растительное	9,7	8,1	8,4	10,2	2,1	4,2	4,1	4,1	9,1	3,6	4
Масло коровье	4,9	4,6	5,0	4,3	1,4	1,7	1,7	1,3	4,7	1,5	2
Мясо	68	84	104	96	57	59	70	76	88	65	68
Сало	8,6	10,7	12,8	10,8	10	12	13	13	11	12	13
Рыба	20	22	18	22	5	5	4	3	21	4	4
Молоко	211	226	275	242	151	203	176	153	238	171	177
Сахар	4,7	7,9	13,2	15,2	11,5	14,0	18,6	7,0	10,2	12,8	13
Яйца	3,4	5,0	4,2	4,2	1,6	3,5	3,6	2,3	4,2	2,7	3
Калорийность в феврале, ккал в день	3008	2895	3006	2956	2373	2682	2614	2514	<b>2966</b>	<b>2546</b>	<b>2604</b>
Процент животных калорий	12,3	14,5	16,6	15,2	11,8	12,8	13,3	13,3	14,6	12,8	13,1
Калорийность годовая, ккал в день	нет сведений				2528	2607	2548	2454	нет свед.	2534	2536

<sup>805</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 327. Д. 26 (нумерованные листы); Оп. 82. Д. 1а. Л. 53-56; Оп. 83. Д. 1 (нумерованные листы). Данные 1924-1927 гг.: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 850-851.

Но если даже не принимать во внимание голодный февраль 1937 года, то общая калорийность питания (в 1938-1940 годах по отношению к 1924-1927 годам) уменьшилась на 12%, причем это произошло, в основном, за счет падения потребления продуктов животного происхождения. Потребление мяса уменьшилось на 22%, потребление молока – на 26%; коровье масло стало деликатесом, его потребление снизилось в три раза, а потребление рыбы – даже в пять раз. Потребление хлебных продуктов уменьшилось на 7%. Но в 1938-1940 годах положение было существенно лучше, чем в 1937 году, и уровень потребления в 2604 ккал на душу был выше минимальной нормы. Однако понятие минимальной нормы потребления весьма растяжимо. Как отмечалось выше, в 1920-х годах ЦСУ СССР считал, что средним условиям крестьянской жизни и работы удовлетворяет норма в 3750 ккал в день для взрослого мужчины («едока»)<sup>806</sup>. Среднестатистическая «душа» потребляет в 1,4 раза меньше «едока», следовательно, рекомендуемая норма для сельской души составляла 2680 ккал в день. Таким образом, потребление в 1938-1940 годах было больше нормы ВОЗ, но меньше уровня, рекомендованного ЦСУ. Впрочем, нужно учитывать, что в конце 1930-х годах на селе преобладало женское население, а интенсивность труда уменьшилась – поэтому норма ЦСУ 1920-х годов не вполне соответствует новым условиям.

Ввиду необычно низкого потребления в феврале 1937 года встает вопрос о том, насколько потребление в феврале характеризует годовое потребление. В табл. 6.8 для 1937-1940 годов приведены величины среднего потребления в течение года, и можно видеть, что для 1937 года среднее годовое потребление существенно выше, чем потребление в феврале, но для 1938-1940 годов февральское потребление примерно равно среднегодовому.

В 1937-1940 годах бюджетные обследования ЦУНХУ проводились по широкой программе: они производились не менее чем в 28 регионах (республиках, краях и областях) СССР. В 1935-1936 годах обследования имели меньший масштаб, они проводились в 13 регионах (Белорусская ССР, Мордовская АССР, Западно-Сибирский и Азово-Черноморский края, Ленинградская, Западная, Московская, Воронежская, Куйбышевская, Оренбургская, Свердловская, Киевская, Днепропетровская области). Среднее душевое потребление по этим 13 регионам составляло в 1935 году 2414 ккал/день, а в 1936 году – 2516

---

<sup>806</sup> Состояние питания сельского населения... С. 50.

ккал/день<sup>807</sup>. Эти цифры не вполне сопоставимы с данными для 1937-1940 годов, но все же можно сделать вывод, что к концу 1930-х годов потребление колхозников возросло.

Таблица 6.9 – Потребление продуктов питания крестьянами на Урале (в граммах на душу в день)<sup>808</sup>.

	1924	1925	1926	1927	1937	1938	1939	1940	1924 -27	1937 -40	1938 -40
Мука и хлеб пересчете на муку	600	594	619	597	447	660	673	614	602	599	649
Крупы и бобовые	74	50	41	39	15	34	25	14	51	22	25
Картофель	358	313	256	318	517	402	314	379	311	403	365
Овощи	93	85	70	59	148	198	59	65	77	117	107
Масло растительное	4,0	2,0	2,0	1,0	0,3	0,3	0,3	0,2	2,3	0,3	0,3
Масло коровье	8,0	8,0	8,0	7,0	1,5	1,7	3,3	1,0	7,8	1,9	2,0
Мясо и сало	82	155	176	186	95	44	106	120	150	91	90
Рыба	24	20	21	20	4	6	6	3	21	5	5
Молоко и молочные продукты	277	333	327	305	193	189	197	197	311	194	194
Сахар	2	6	13	13	11	15	22	4	9	13	14
Яйца	2,0	3,0	4,0	4,0	0,9	1,2	3,6	1,3	3,3	1,8	2,1
Калорийность в феврале, ккал в день	2861	2924	3001	2950	2170	2792	2882	2634	2934	2619	2769
Процент животных калорий	15	20	22	22	14	8	13	13	20	12	11
Калорийность годовая, ккал в день	нет сведений				2391	2789	2777	2592	нет свед.	2637	2719

Переходя к региональным данным, нужно отметить, что изменения границ областей до крайности затрудняют приведение имеющихся материалов к одной территории. В табл. 6.9 данные 1920-х годов приводятся для Уральской области, а данные 1930-х годов – для Сверд-

<sup>807</sup> Подсчитано по: РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 80. Д. 5. Л. 33-35.

<sup>808</sup> Подсчитано по: РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 327. Д. 26 (нумерованные листы); Оп. 82. Д. 1а. Л. 53-56, 251-252, 411-413. Оп. 83. Д. 1 (нумерованные листы); Оп. 83. Д. 2. Л. 29-32. Данные 1924-1927 гг.: Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 4... С. 554-557.

ловской области, которая выделилась из Уральской области в 1934 году. Так же как и в предыдущем случае, эти данные относятся к февралю месяца и приведены к одной продуктовой номенклатуре, однако общая калорийность продуктового набора подсчитана по исходной номенклатуре источника.

Данные табл. 6.9 показывают, что в феврале 1937 года на Урале имело место резкое падение потребления – ниже минимального уровня ВОЗ. Население отчасти компенсировало нехватку хлеба увеличением потребления картофеля и овощей, которые выращивались в приусадебных хозяйствах. В последующие годы, когда положение с хлебом нормализовалось, потребление картофеля и овощей снизилось; эти продукты стали использоваться на корм скоту, вследствие чего увеличилось потребление мяса. Если же мы исключим из рассмотрения 1937 год, то придем к выводу, что в 1938-1940 годах потребление на Урале (2769 ккал в день) было выше, чем в среднем по стране (2604 ккал). Однако по сравнению с 1924-1927 годами наблюдалось небольшое уменьшение потребления (на 6%). Это уменьшение произошло за счет резкого падения потребления мяса (на 40%) и молока (на 37%). Нужно учесть, однако, что до коллективизации потребление мяса и молока на Урале было значительно большим, чем в среднем по стране, поэтому уменьшение потребления животных продуктов было здесь особенно ощутимым; процент животных калорий уменьшился почти вдвое. Потребление хлеба и картофеля в количественном отношении возросло – но это не компенсировало качественного ухудшения рациона.

Для Воронежской губернии в нашем распоряжении имеются данные февральских бюджетных обследований 1923-1926 годов. Для ЦЧР это были не лучшие годы нэпа: в 1923 году крестьянские хозяйства еще восстанавливались после голода 1922 года, когда в голодающих районах был забит почти весь скот. В 1924 году положение осложнилось засухой на Черноземье, которая привела к снижению потребления весной 1925 года. Кроме того, опубликованные данные обследований 1925-1926 годов дают более узкую номенклатуру продуктов, чем в обычных обследованиях (в частности, нет данных о коровьем масле и яйцах), поэтому мы лишены возможности самостоятельно подсчитать калорийность исходного продуктового набора, и в графе «калорийность в феврале» в данном случае указывается калорийность, приводимая в источнике. Как отмечалось выше, в предыдущих случаях эта калорийность была на 2-3% ниже, чем данные, подсчитанные по нашей методике. Тем не менее, несмотря на засухи и возможную зани-

женность данных для 1920-х годов, средняя калорийность питания воронежцев в эти годы оказывается примерно такой же, как на Урале и в среднем по СССР (см. табл. 6.10). Правда, нужно отметить, что и в те годы крестьяне ЦЧР потребляли значительно меньше мяса, чем в среднем по стране, и почти вдвое меньше – чем на Урале.

*Таблица 6.10 – Потребление продуктов питания крестьянами в Воронежской области (губернии) (в граммах на душу в день)<sup>809</sup>*

	1923	1924	1925	1926	1937	1938	1939	1940	1923 -26	1937 -40	1938 -40
Мука и хлеб перевод на муку	593	603	501	530	332	515	549	465	557	465	510
Крупа и бобовые	144	182	97	162	50	59	47	82	146	59	62
Картофель	447	741	484	596	694	645	204	181	567	431	343
Овощи	297	222	172	191	232	219	134	229	221	203	194
Масло растительное	21,7	30,8	16,8	23,0	1,6	13,8	5,1	13,3	23,1	8,4	10,7
Сало	0,4	5,7	11,1	13,1	3,6	2,7	11,5	9,1	7,6	6,7	7,8
Мясо всякое	3,7	32,0	72,6	73,0	34,1	23,3	31,9	38,4	45,3	31,9	31,2
Рыба	6,6	7,0	4,9	11,5	3,4	2,4	2,0	0,7	7,5	2,1	1,7
Молоко цельное	135	260	191	285	137	191	172	178	218	169	180
Сахар	1,2	3,3	4,9	9,4	8,2	11,1	11,9	6,5	4,7	9,4	9,8
Калорийность в феврале, ккал в день	2659	3311	2618	3126	1922	2628	2366	2272	2929	2297	2422
Процент живот- ных калорий	3,8	8,0	12,4	12,9	9,1	7,6	10,8	10,9	9,3	9,6	9,8
Калорийность годовая, ккал в день	нет сведений				2205	2620	2356	2354		2384	2429

Как следует из данных табл. 6.10, в 1930-х годах положение в ЦЧР резко ухудшается. Неурожай 1936 года приводит к падению потребления в феврале 1937 года до 1922 ккал на душу. Это, конечно,

<sup>809</sup>Подсчитано по: РГАЭ, Ф. 1562. Оп. 327. Д. 26. Л. 25-34; Оп. 82. Д. 1а. Л. 53-56, 251-252, 411-413. Оп. 83. Д. 1. Л. 25-50; Оп. 83. Д. 2. Л. 29-32. Данные 1923-19267 гг.: Состояние питания сельского населения СССР... С. 122-123, 140-141; Население и хозяйство Воронежской губернии. Статистический сводный сборник. Вып. 2. Воронеж, 1927. С. 254-255.

больше, чем в «голодомор» 1933 года (тогда уровень потребления в ЦЧО оценивался в 1686 ккал на душу), но, учитывая неравномерность распределения, такой средний уровень потребления означает голод для многих тысяч крестьян. После рекордного урожая 1937 года положение улучшилось, но даже в «сытом» феврале 1938 года потребление находилось на уровне худших годов нэпа. Затем, в 1938 и 1939 годах, случились две засухи подряд; запасы, созданные после урожая 1937 года, и помощь властей помогли смягчить последствия экологического кризиса, но в феврале 1940 года потребление упало до 2297 ккал на душу. Лишь хороший урожай этого года спас население ЦЧР от очередного голода.

В целом, если даже не учитывать голодный 1937 год, потребление в 1938-1940 годах по сравнению с 1923-1926 годами упало на 17%. Падение уровня потребления было более значительным, чем в среднем по стране (12%). При этом потребление хлеба снизилось на 8%, молока – на 17%, мяса – на 31%, картофеля – на 40%. Уровень душевого потребления в Воронежской области (2422 ккал) был на 7% меньше среднего по стране (2604 ккал) и на 11% меньше, чем в Свердловской области (2719 ккал). Как отмечалось ранее, причинами такого положения были аграрное перенаселение и поразивший Центральное Черноземье экологический кризис.

Необходимо сказать об еще одном потребительском продукте, которому обычно придается особое значение – об алкогольных напитках. Эпоха нэпа была знаменита развитием самогонварения, и душевое потребление алкоголя (в пересчете на 40-градусный) в РСФСР составляло 9,3 литра на душу (в Центральном Черноземье оно составляло 11,3 литра, а на Украине было еще больше)<sup>810</sup>. В период коллективизации был введен строгий запрет на самогонварение – и очевидно, он стал одной из причин крестьянского сопротивления. Производство алкоголя стало государственной монополией, и в конце 1930-х годов оно давало значительную часть государственных доходов. В 1939 году душевое потребление водки в СССР составляло 6,4 литра в год<sup>811</sup> – по сравнению с эпохой нэпа оно уменьшилось примерно в полтора раза.

Представляет интерес также вопрос о динамике потребления промышленных товаров. Ш. Фицпатрик характеризует ситуацию таким образом: «Во многих областях России крестьяне в конце 20-х гг. еще пряли и ткали сами, а лапти служили на селе привычной обувью...

---

<sup>810</sup> Подсчитано по: Алкоголизм в современной деревне... С. 16, 20, 36.

<sup>811</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 715. Л. 107.

До начала 30-х гг. верхнюю одежду, как правило, изготавливали из домотканых материалов и шили ее либо местные, либо бродячие портные... После коллективизации обстановка мгновенно изменилась. Резко сократилось домашнее ткачество. Старая “грязная” одежда – лапти, домотканые зипуны, грубая дерюга – исчезла. Как говорили в 1935 г. колхозники из Курской области, “сейчас мы носим одежду фабричную”<sup>812</sup>.

Данные бюллетеня «Бюджеты колхозников», действительно, указывают на рост покупки фабричных тканей – преимущественно в центральных областях, и в частности, в ЦЧР (см. табл. 6.11)

*Таблица 6.11 – Потребление некоторых промышленных товаров в 1925/26 и 1938-1939 годах*<sup>813</sup>

	Ткани (м)		Керосин (л)		Мыло (кг)	
	1925/26	1938-39	1925/26	1938-39	1925/26	1938-39
УрО (для 1938 г. – Свердловская обл.)	6,2	8,2	3,3	2,3	1,3	1,3
ЦЧР (для 1938 г. – Воронежская обл.)	3,5	8,0	3,2	3,0	1,3	1,5
Северный Кавказ (для 1938 г. – Краснодарский край)	10,5	13,4	4,7	2,5	1,9	1,8

Потребление таких традиционных товаров крестьянского спроса, как керосин и мыло, в конце 1930-х годов оставалось примерно на том же уровне, что и во времена нэпа. Но на деревне появились так же и новые товары, такие, как часы, велосипеды, радиоприемники. Реальную стоимость таких товаров оценить сложно, так как их цена со временем уменьшалась, но, во всяком случае, они не имели такого значения, как необходимые для жизни продукты питания.

В целом, нужно сделать вывод, что уровень потребления продовольственных товаров в деревне уменьшился, а уровень потребления промышленных товаров увеличился, то есть усилился – отчасти при-

<sup>812</sup> Фицпатрик Ш. Указ. соч. С.242.

<sup>813</sup> Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 82. Д. 1. Л.193-194, 403-404. Данные 1925/26 г.: Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 142-143.

нудительный и, конечно, неэквивалентный – обмен продовольственных товаров на промышленные.

#### 6.4. Уровень потребления рабочих

Рассмотрим теперь вопрос о питании рабочих. В этом случае у нас имеются материалы о потреблении различных продуктов в октябре 1925-1927 и ноябре 1938-1939 годов. Так же как в предыдущем случае, сначала мы подсчитаем калорийность по исходным продуктовым наборам, а затем приведем их к единой форме.

Таблица 6.12 – Потребление продуктов питания семьями рабочих (в граммах на душу в день)<sup>814</sup>

	1925	1926	1927	1938	1939	1925-27	1938-39
Мука и хлеб в пересчете на муку	493	476	481	527	549	483	538
Крупа и бобовые	38	34	32	31	24	35	28
Картофель	280	286	255	364	255	274	309
Овощи и фрукты	206	239	186	125	138	210	132
Масло растительное	10	9	8	6	6	9	6
Масло коровье	9	11	12	8	8	11	8
Мясо	154	151	156	102	114	154	108
Сало	7	7	9	6	4	8	5
Рыба	22	21	22	27	26	22	27
Молоко	176	179	191	94	79	182	87
Сахар	32	37	45	71	76	38	74
Яйца	6	7	10	3	3	8	3
Калорийность	2639	2612	2655	2756	2764	2635	2760
Процент животных калорий	19,7	20,6	21,9	14,5	14,6	20,7	14,5

Рассматривая данные табл. 6.12, можно констатировать, что калорийность питания рабочих семей увеличилась на 5%. Это произошло за счет увеличения потребления хлебных продуктов (на 11%) и картофеля (на 13%). В то же время потребление мяса уменьшилось на 30%, а потребление молока – вдвое. Качество питания ухудшилось:

<sup>814</sup> Подсчитано по: Ф. 1562. Оп. 15. Д. 1676; Статистический справочник СССР за 1928 г... С. 856.

если в период нэпа калории животного происхождения давали 21% общего количества калорий, то в конце 1930-х годов – только 15%.

Таким образом, в качественном отношении питание крестьян и рабочих в конце 1930-х годов было значительно хуже, чем эпоху нэпа. В количественном отношении потребление крестьян уменьшилось, а потребление рабочих немного возросло. При этом, если в 1920-х годах пища крестьян была калорийнее, чем пища рабочих, то в 1930-х годах наблюдалась обратная картина.

Центральное Черноземье оставалось аграрным регионом, и доля рабочих в населении ЦЧР была невелика. Урал, напротив, играл роль промышленной базы СССР, и в конце 30-х годов половина населения здесь проживала в городах. Как уже не раз отмечалось, сопоставление данных для 1920-х и 1930-х годов затрудняется изменением административных границ. В табл. 6.13 данные 1920-х годов приводятся для Уральской области, а данные 1930-х годов – для Свердловской области. Во всех случаях обследования питания производились в ноябре.

*Таблица – 6.13. Потребление продуктов питания семьями рабочих Урала (в граммах на душу в день)<sup>815</sup>*

	1925	1926	1927	1938	1939	1925-27	1938-39
Мука и крупа	569	583	569	548	603	574	575
Картофель	238	293	252	347	314	261	330
Овощи	73	49	93	132	145	72	139
Масло растительное	2	2	2	2	4	2	3
Масло коровье	5	4	6	7	6	5	6
Мясо и сало	124	125	133	70	116	127	93
Рыба	10	15	16	26	18	13	22
Молоко и молочные продукты	201	186	209	121	71	198	96
Сахар	26	27	33	42	42	29	42
Яйца	0,6	0,5	0,8	1	1	0,6	1
Калорийность	2485	2566	2584	2601	2870	2545	2736
Процент животных калорий	16,0	15,4	16,6	8,9	12,3	16,0	10,6

<sup>815</sup> Подсчитано по: ГАРФ. Ф. А374. Оп. 21. Д. 368. Л. 59; Д. 590. Л. 23, 23 об, Д. 593. Л. 23, 23 об; Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 3... С. 198-200.

Рассматривая данные табл. 6.13, можно констатировать, что калорийность питания рабочих семей увеличилась на 7%. Это произошло за счет значительного увеличения потребления картофеля (на 27%) и овощей (на 193%). В то же время потребление мяса и сала уменьшилось на 27%, а потребление молока – вдвое. Качество питания ухудшилось: если в период нэпа калории животного происхождения давали 16% общего количества калорий, то в конце 1930-х годов – только 11%. По калорийности питание уральских рабочих было таким же, как в среднем по СССР, а по составу отличалось меньшим потреблением мяса.

*Таблица 6.14 – Потребление продуктов питания семейными рабочими Ленинграда (в граммах на душу в день)<sup>816</sup>*

	1928	1929	1930	1931	1934	1936	1937	1938	1928 -29	1936 -38
Мука и хлеб в пересчете на муку	538	543	593	616	679	623	591	517	540	577
Крупа и бобовые	29	31	19	28	40	23	19	24	30	22
Картофель	246	263	297	251	361	373	348	304	255	341
Овощи и фрукты	125	116	110	129	196	95	147	107	121	116
Масло растительное	4	5	13	13	2	4	5	4	5	4
Масло коровье	18	12	6	13	11	15	16	21	15	17
Мясо и сало	182	152	95	112	82	129	129	152	167	136
Рыба	28	39	45	37	42	29	30	36	34	32
Молоко	111	122	58	53	30	44	84	71	116	66
Сахар	69	52	53	48	58	66	69	78	60	71
Калорийность	2840	2735	2763	2897	3058	2966	2903	2756	2788	2875
Процент животных калорий	20,7	18,3	11,1	13,3	9,8	14,2	15,6	19,5	19,5	16,3

<sup>816</sup> Подсчитано по: Шкаратан О. И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда)// История СССР. 1963 . № 3. С. 41. В статье О. И. Шкаратана имеется очевидная опечатка: вместо «хлеб и мука в переводе на муку» написано «хлеб и мука в переводе на хлеб»

Власти старались поддерживать более высокое потребление в столичных городах, в Москве и Ленинграде. В частности, имеются данные о динамике потребления в Ленинграде по обследованиям в ноябре. Чтобы сделать возможным сопоставление, мы привели эти данные к той же номенклатуре продуктов, что и в предыдущих таблицах (табл. 6.14).

Из данных табл. 6.14 следует, что в отношении калорийности уровень питания рабочих Ленинграда в конце 1930-х годов был выше, чем по стране в целом, и выше, чем во времена нэпа. Это повышение было достигнуто, в основном, за счет увеличения потребления картофеля (на 34%) и хлеба (на 7%), но потребление мяса и молока по сравнению с 1928-1929 годами существенно сократилось. Однако при этом рабочие Ленинграда по-прежнему потребляли значительно больше мяса и сала, чем рабочие СССР в среднем. В 1938 году на каждого жителя Ленинграда было продано 45,2 кг мяса, и по этому показателю Ленинград превосходил средний французский уровень (36,2 кг) и приближался к американскому (47,8 кг)<sup>817</sup>. Процент животных калорий в рационе семей ленинградских рабочих в 1938 году достиг 19,5% (в среднем по стране он составлял 14,5%).

Таким образом, в отношении продовольствия властям, в основном, удавалось поддерживать относительно высокий уровень потребления ленинградских рабочих, который сформировался после революции. Но в отношении потребления промышленных товаров наблюдалась другая картина. Потребление тканей уменьшилось с 17,4 м на душу в 1928/29 году до 11,8 м в 1937 году и ненамного превосходило потребление в деревне (см. табл. 6.12); уменьшилось также потребление кожаной обуви и некоторых других товаров<sup>818</sup>. Таким образом, наблюдалось сближение уровня потребления города и деревни в отношении промышленных товаров.

Касааясь вопроса об уровне жизни рабочих, необходимо упомянуть также и о продолжительности рабочего дня. В течение первой пятилетки в СССР был осуществлен переход с 8-часового на 7-часовой рабочий день при сохранении 5-дневной рабочей недели. 5 млн. шахтеров и рабочих, занятых на вредных производствах, имели 6-часовой рабочий день, поэтому средняя продолжительность рабочего дня в промышленности была меньше 7 часов: в 1934 году она составляла 6,6

---

<sup>817</sup> Там же; Хейнман С. Подъем уровня жизни трудящихся СССР в свете основной экономической задачи // Проблемы экономики. 1940. № 5/6. С. 149.

<sup>818</sup> Шкартан О. И. Указ. соч. С. 43.

часа. Кроме того, все рабочие и служащие имели право на оплачиваемый отпуск в 15 рабочих дней<sup>819</sup>.

Рабочие (в отличие от колхозников) пользовались так же значительными выплатами за счет фонда социального страхования, расходы по которому в годы второй пятилетки увеличились в 20 раз и достигли 25,5 млрд. руб. В частности, в 1933-1937 годах была создана обширная сеть санаториев и домов отдыха для рабочих, в которых отдохнуло 8,4 млн. человек<sup>820</sup>. Таким образом, уровень жизни городских рабочих существенно превосходил уровень жизни колхозников, что и объясняет огромный отток рабочей силы из деревни в город.

\*\*\*

В конце 1930-х годов среднее душевое потребление крестьян составляло около 2600 ккал, а потребление рабочих – около 2760 ккал. Поскольку городское население составляло треть от всего населения, то среднее потребление всего населения должно было составить около 2650 ккал на душу. Для эпохи нэпа аналогичный подсчет дает примерно 2900 ккал на душу, то есть душевое потребление уменьшилось на 250 ккал. Но, как отмечалось выше (в п. 1.1), балансовый метод Роберта Аллена дает увеличение душевого потребления с 2500 ккал в конце 20-х годов до 2900 ккал в конце 30-х годов. В чем причина столь большого расхождения?

В соответствии с балансовым методом Р. Аллен получал потребление, вычитая из валового урожая расходы на посев, фураж, экспорт и потери. Аллен использовал «минимальные» оценки валового урожая 1920-30-х годов, которые приводятся Уиткрофтом и Дэвисом<sup>821</sup>. Для 1920-х годов эти оценки примерно на 100 млн. ц меньше официальных данных. Таким образом, при составлении баланса потребление оказывается на 100 млн. ц меньше, что и приводит к занижению душевого потребления более чем на 400 ккал в сутки. Для 1930-х годов минимальные оценки Уиткрофта и Дэвиса совпадают с данными о намолоте, поэтому причину расхождений нужно искать в другом. Помимо потребления, наиболее значительная из статей расходов – это расходы на фураж. Как советские статистики, так и Р. Аллен, получали эти расходы, умножая численность скота на нормы кормления. В обоих случаях использовались одни и те же данные о численности скота, которые потом были опубликованы в официальных стати-

---

<sup>819</sup> История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1984. С. 245.

<sup>820</sup> Там же. С. 245, 247.

<sup>821</sup> The economic transformation... P. 286-287.

стических справочниках<sup>822</sup>. Однако нормы кормления брались разные (табл. 6.15).

Таблица 6.15 – Нормы кормления скота зерном, применяемые для составления балансов, кг<sup>823</sup>.

	ЦУНХУ, 1935/36	Аллен
Лошади	612	400
Крупный рогатый скот	31	75
Свиньи	194	14
Овцы и козы	4	3

При рассмотрении этой таблицы нужно отметить, что указываемая Р. Алленом норма кормления свиней в 14 кг – это, конечно, ошибка. Свиноматка приносит за два годовых опороса 12-20 поросят; только на откорм одного поросенка до 6-7 месячного возраста (когда его забивают) может быть израсходовано порядка 400 кг зерна, так что все зависит от того, сколько поросят ставится на откорм<sup>824</sup>. В СССР норма определялась формально, как количество израсходованных за год кормов, деленное на число переписанных в январе животных; таким образом, родившиеся весной, откормленные и забитые к началу зимы поросята не учитывались статистикой. В итоге, норма расхода на корм свиньям могла быть очень разной, но никак не 14 кг. В документах ЦУНХУ указывается расход зернового фуража, определенный по результатам выборочного обследования колхозов, и эти цифры выглядят достаточно реальными<sup>825</sup>.

В итоге, если рассчитать потребление зернового фуража в 1937-1938 годах по нормам Аллена, то мы получим цифру примерно на 60 млн. ц меньше, чем по данным баланса ЦУНХУ. При применяемой Алленом методике это количество зерна зачисляется в пищевое потребление; в расчете на душу эта добавка даст около 300 ккал/день. Это и объясняет разницу между оценкой Аллена и реальным потреблением по данным ЦУНХУ.

<sup>822</sup> Животноводство в СССР за 1916-1938 гг. М., 1939; Животноводство СССР. М., 1930.

<sup>823</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 433. Л. 5.; Allen R. Op. cit. P. 238-239.

<sup>824</sup> Справочник председателя колхоза. М., 1941.

<sup>825</sup> РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 739. С. Л. 2.

## 6.5. Динамика антропометрических данных

Помимо непосредственных данных об уровне потребления продуктов питания, значительный интерес представляют антропометрические данные о росте и весе людей, юность которых прошла в 1920-30-х годах. Рост и вес являются интегральными показателями, в которых находит выражение не только уровень питания, но и размеры трудовых затрат, уровень заболеваемости и другие условия жизни.

Главным источником данных о росте мужчин 1906-1950 годов рождения являются материалы П. И. Зенкевича и Н. Я. Алмазовой<sup>826</sup>, которые приводят результаты антропометрических обследований, проведенных в 1927, 1957 и 1975 годах. В ходе этих обследований было измерено 17 тыс. мужчин разных возрастов; главным образом это были рабочие из городов России: Архангельска, Астрахани, Владимира, Калининна, Куйбышева, Ленинграда, Людинова, Москвы, Мурманска, Новгорода, Перми, Пскова, Ростова-на-Дону, Свердловска, Ставрополя, Ульяновска, Уфы, Челябинска, Ярославля.

Известно, что после достижения совершеннолетия рост людей практически не меняется, поэтому, к примеру, средний рост 50-летних мужчин, замеренный в 1975 году, можно принять за средний рост мужчин, родившихся в 1925 году. Данные обследований приводятся в табл. 6.16.

Таблица 6.16 – Средний рост мужчин 1906-1950 годов рождения по материалам обследований<sup>827</sup>

годы рождения	Средний рост, см			Число измерений			Объединение обследований, средний рост, см
	Серия 1927г.	Серия 1957г.	Серия 1975г.	Серия 1927г.	Серия 1957г.	Серия 1975г.	
1896	165,62			98			165,62
1897	166,32			148			166,32
1898	165,93	166		145	20		165,94
1899	166,15	164,4		131	15		165,97
1900	166,51	164,2		134	25		166,15
1901	166,42	164,9		142	15		166,27

<sup>826</sup> Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Об изменении размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Проблемы размеров антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 64-71.

<sup>827</sup> Там же. С. 68-71

1902	166,09	164,5		203	76		165,66
1903	165,75	165,2		179	48		165,63
1904	165,33	164		177	39		165,09
1905	164,96	164,7		219	52		164,91
1906		164,1			46		164,10
1907		166			44		166,00
1908		164,2			58		164,20
1909		165,5			53		165,50
1910		166,1			57		166,10
1911		167			58		167,00
1912		168,5			44		168,50
1913		166,8			56		166,80
1914		166,5			47		166,50
1915		166,9			60		166,90
1916		166,2	167,03		32	61	166,74
1917		166,6	166,68		26	71	166,66
1918		168	167,19		40	72	167,48
1919		167,5	167,01		43	80	167,18
1920			167,71			86	167,71
1921			168,04			91	168,04
1922			168,04			123	168,04
1923			166,62			134	166,62
1924			167,2			174	167,20
1925			167,01			192	167,01
1926			166,82			230	166,82
1927			167,56			296	167,56
1928			167,37			345	167,37
1929			167,37			346	167,37
1930			167,56			326	167,56
1931			166,89			336	166,89
1932			167,69			312	167,69
1933			167,08			230	167,08
1934			167,45			246	167,45
1935			168,02			292	168,02
1936			168,24			271	168,24
1937			169,18			394	169,18
1938			169,39			385	169,39
1939			168,73			365	168,73
1940			168,81			370	168,81

1941			168,47			365	168,47
1942			168,55			240	168,55
1943			170,46			163	170,46
1944			169,62			158	169,62
1945			170,39			195	170,39
1946			170,75			234	170,75
1947			170,55			274	170,55
1948			171,31			328	171,31
1949			171,14			368	171,14
1950			171,63			364	171,63

В табл. 6.17 приводится средний рост по пятилетиям.

*Таблица 6.17 – Средний рост мужчин 1906-1950 годов рождения по пятилетиям*

годы рождения	средний рост	годы рождения	средний рост
1896-1900	166,00	1925-30	167,34
1901-05	165,51	1931-35	167,43
1906-10	165,18	1936-40	168,87
1911-15	167,14	1941-45	169,50
1916-20	167,15	1946-50	171,08
1921-25	167,38		

Б. Н. Миронов полагает, что средний рост характеризует уровень жизни, главным образом, в год рождения человека<sup>828</sup>. Анализируя динамику среднего роста по пятилетиям (табл. 6.17), он приходит к выводу, что «увеличение роста взрослых мужчин... начиная со второй половины 1930-х годов налицо»<sup>829</sup>. Следовательно, по логике Миронова, жизненный уровень со второй половины 1930-х годов возрастал. Если следовать этой логике, то он возрастал и в период войны 1941-1945 годов: дефинитивный рост мужчин, родившихся в эти годы, был значительно выше, чем рост мужчин родившихся до войны.

Увеличение роста мужчин, родившихся во время войны, по сравнению с их довоенными сверстниками, отмечают и другие авторы – в том числе, Е. Брайнерд, которая использовала данные антропометрических обследований 1992 и 1994 годов. Брайнерд предполагает, что

<sup>828</sup> Миронов Б. Н. Жизненный уровень в Советской России... С. 566-567.

<sup>829</sup> Там же. С. 578.

рост родившихся в войну детей увеличился в послевоенные годы, когда продовольственное положение улучшилось – то есть имел место «догоняющий рост». Она отмечает, что это явление не было уникальным для Советского Союза, что подобное увеличение роста детей, родившихся во время Второй мировой войны, имело место также в Англии<sup>830</sup>.

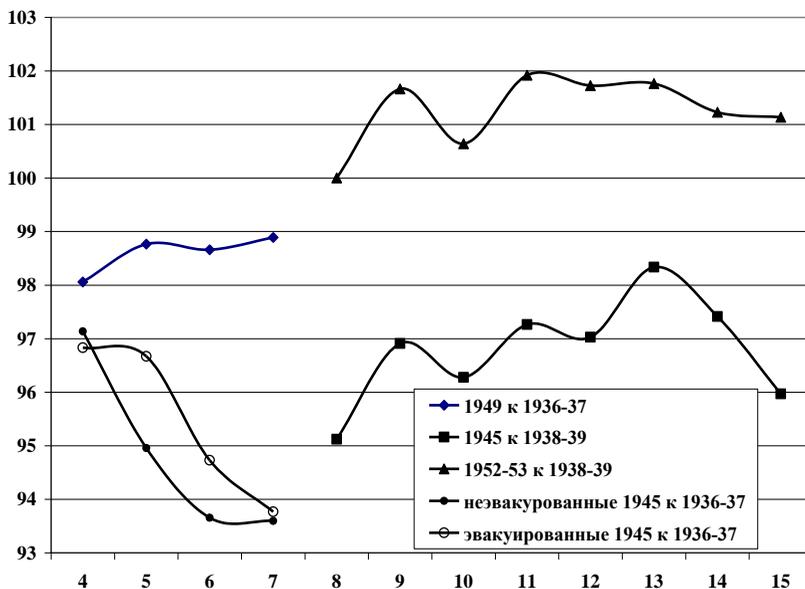


Рисунок 6.1 – Рост детей, перенесших войну в процентах к росту их довоенных сверстников. На нижней шкале отмечен возраст в момент обследования<sup>831</sup>

Мы можем проверить предположение Е. Брайнерд, исследуя динамику роста детей, переживших блокаду Ленинграда. Как отмечалось

<sup>830</sup> Brainerd E. Reassessing the Standard of Living in the Soviet Union: An Analysis Using Archival and Anthropometric Data // The Journal of Economic History. 2010. Vol. 70. P. 83-117.

<sup>831</sup> Шнитникова З. З. Физическое развитие детей дошкольного возраста Ленинграда // Здоровоохранение Российской Федерации. 1963. № 12. С. 13; Физическое развитие детей дошкольного и школьного возраста/разраб. С. М. Левиант. Л., 1964. С. 6, 10.

выше, Миронов полагает, что дефинитивный рост людей определяется уровнем их жизни во младенчестве; следовательно, тяжелые испытания, которые перенесли эти дети, должны были очень существенным образом отразиться на их росте, как в юности, так и во взрослые годы. В нашем распоряжении имеются результаты нескольких обследований, проведенных в школах и детских садах Ленинграда в 1936-1937, 1938-1939, 1945 и 1952-1953 годах. На графиках (рис. 6.1) показан рост мальчиков и юношей, перенесших войну, в процентах к росту их довоенных сверстников.

Как видно из соотношения роста детей 4-7 летнего возраста, измеренных в 1945 и 1936-1937 годах (левая нижняя кривая), более всего пострадали мальчики семилетнего возраста, которые родились еще до войны. В 1952-1953 гг. этим детям было 14-15 лет; и как можно видеть на правой верхней кривой, они уже превосходили в росте своих сверстников, измеренных в 1938-1939 годах. Что касается младенцев, родившихся во время войны, то в 1949 году им было 4-8 лет, и как показывает верхняя левая кривая, они еще уступали в росте своим сверстникам, измеренным в 1936-1937 годах. В 1952-1953 годах им было от 8 до 12 лет, и они не уступали в росте довоенным сверстникам, измеренным в 1939-1939 годы (правая верхняя кривая). Правый нижний график показывает, что из детей более старшего возраста наиболее тяжело перенесли войну 8-летние и 15-летние. 8-леткам 1945 года в 1952 году было 15 лет, и как видно из правого верхнего графика к этому времени они успели восстановиться, а о дальнейшем росте 15-летних нет соответствующих сведений. Однако обследование московских юношей, которым в 1943 году было 13-18 лет, показало, что ухудшение питания во время войны привело к уменьшению их дефинитивного роста<sup>832</sup>. Что касается более младших возрастов, то в Москве «догоняющий рост» протекал еще быстрее, чем в Ленинграде, и к 1950 году школьники 8-15 лет уже не уступали в росте своим довоенным сверстникам. В 1957 году родившиеся во время войны 15-летние мальчики были на 5% выше довоенных одногодков<sup>833</sup>.

Итак, дети в благоприятных условиях сравнительно быстро восстанавливаются от последствий голода, перенесенного во младенчестве, и пример блокадного Ленинграда показывает, что дефинитивный рост практически не зависит от уровня потребления в первые годы жизни. «Конечный рост когорты... – отмечал С. Хок, – может зависеть

---

<sup>832</sup> Властовский В. Г. Акселерация роста и развития детей. М., 1976. С. 83.

<sup>833</sup> Цейтлин А. Г. Физическое развитие детей и подростков. М., 1963. С. 68.

от различных факторов, действующих через значительный промежуток времени... Миронов неправ в своем предположении, что причина различий роста в последовательных когортах рождения ограничена событиями, происходящими на первом году жизни в старшей когорте»<sup>834</sup>. «Не является очевидным то, что антропометрические индикаторы отражают уровень жизни исключительно в год рождения», – писал М. Эллман<sup>835</sup>. С. Уиткрофт отмечал, что голод мог привести к смерти младенцев, но если они выживали, то были все шансы, что их рост догонит рост незатронутых голодом детей, особенно в периоды всплеска роста<sup>836</sup>.

Итак, очевидно, что методология Миронова неверна: рост не является характеристикой уровня жизни исключительно в год рождения. «Это – серьезный статистический недостаток, который подрывает все последующее обсуждение», – писал С. Хок<sup>837</sup>.

Но о чем же в действительности говорит динамика антропометрических данных? Конечно, дефинитивный рост человека зависит от условий, складывавшихся на протяжении его жизни вплоть до совершеннолетия. Однако наибольшее значение имеет уровень питания в период «пубертатного скачка» (или «всплеска роста»), который в современных условиях происходит в 13-16 лет. В этот период в связи с резким ускорением роста организм чутко реагирует на условия питания. Как отмечалось выше, голод военных времен не отразился на московских детях до 13-летнего возраста, но не прошел бесследно для юношей, которым было 13-18 лет. Таким образом, можно утверждать, что дефинитивный рост отражает условия жизни человека, в основном, в период пубертатного скачка. В исследуемый период этот скачок происходил позже, чем в наше время. Стабилизация длины и пропорций тела сейчас наступает у мужчин уже к 18–19 годам, тогда как ранее это отмечалось в 22–25 лет<sup>838</sup>. Соответственно этому сдвигу можно полагать, что до середины XX века пубертатный скачок происходил в 14-18 лет.

Итак, для того, чтобы примерно оценить уровень жизни, скажем, в 1928 году, нужно подсчитать средний дефинитивный рост людей,

---

<sup>834</sup> Hoch S. Tall Tales: Anthropometric Measures of Well-Being in Imperial Russia and the Soviet Union, 1821-1960 // *Slavic Review* 1999. Vol. 58. N 1. P. 67.

<sup>835</sup> Эллман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных // *Экономическая история. Обзорение*. Вып. 11. М., 2005. С. 164.

<sup>836</sup> Wheatcroft S. *The Great Leap Upwards...* P. 44.

<sup>837</sup> Hoch S. *Op.cit.* P. 67.

<sup>838</sup> Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков Н. В. *Антропология*. М., 1991. С.128.

которым в 1928 году было 14-18 лет, людей, которые родились в 1910-1914 годы. Если воспользоваться данными таблицы 6.16, то мы получим следующую картину (рис. 6.2).

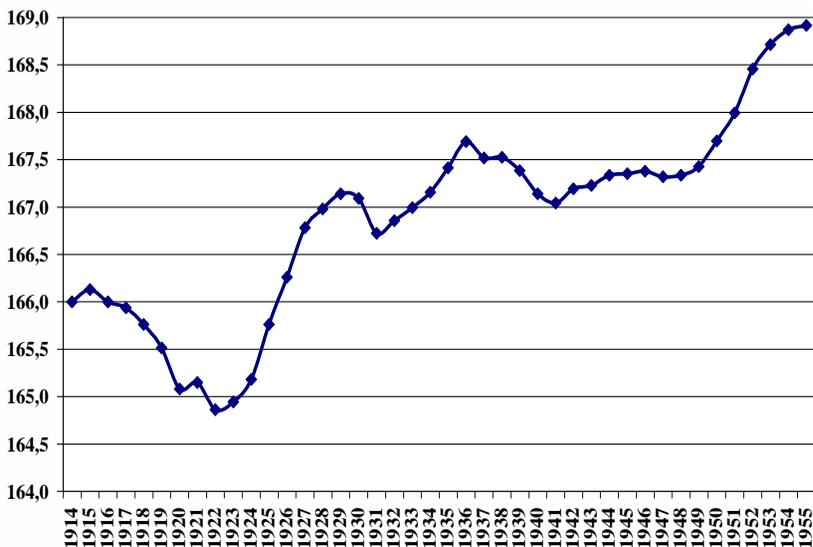


Рисунок 6.2 – Динамика среднего роста мужчин (в см).

Конечно, наш метод не претендует на абсолютную точность, и в качественной картине происходящих перемен возможен сдвиг до трех лет. С учетом этого замечания можно проанализировать предположительную динамику уровня жизни. Итак, период гражданской войны и последующих голодовок приводит к катастрофическому уменьшению среднего роста мужчин на 1,5 см. Далее начинается впечатляющий подъем уровня жизни: к 1929 году рост мужчин увеличился на 2,3 см и на 1,0 см превзошел уровень 1916 года. После 1930 года происходит падение уровня жизни, связанное с коллективизацией и голодом 1933 года. Заметим, что данные Зенкевича и Алмазовой относятся к городскому населению России, и они не отражают того, что происходило в это время на Украине. Однако после 1933 года начинается рост уровня жизни, и по антропометрическим данным к 1936 году он превосходит уровень 1929 года. Война 1941-1945 годов приводит к падению потребления, и рост мужчин уменьшается на 0,8 см. Нужно отметить, что для данных 1930-х и 1940-х годов наши расчеты ускоряют реальные собы-

тия на 1-2 года. После войны нехватка продовольствия продолжается до 1950 года, но затем начинается быстрое и устойчивое улучшение.

Таким образом, можно констатировать, что антропометрические данные дают полезные дополнительные сведения об уровне жизни. Если понимать эти данные, как характеристику уровня жизни, то они как будто свидетельствуют о том, что в конце 1930-х годов уровень жизни был выше, чем в конце 1920-х гг. Нужно, конечно, оговориться, что речь идет об уровне жизни горожан, который был более высоким, чем уровень жизни крестьян (особенно в Москве и Ленинграде). Как отмечалось ранее, питание городских рабочих в конце 1930-х годов несколько увеличилось по калорийности, но при этом существенно ухудшилось в качественном отношении. Как это согласуется с полученными антропометрическими данными?

Необходимо отметить, что антропометрические данные характеризуют уровень потребления не всех горожан, а юношества – тех, кому в 1930-е годы было 14-18 лет. Хорошо известно, что советская власть принимала специальные меры в области охраны здоровья и организации школьного питания детей и подростков. К примеру, были организованы пионерские лагеря, в которых в 1937-1938 годах отдыхало 2,5 млн. детей. Большие средства отпускались на физкультурное движение, проходившее под лозунгом «Будь готов к труду и обороне» (ГТО). К 1939 году более 5 млн. юношей и девушек сдали нормы физкультурного комплекса ГТО; это, несомненно, говорит о том, что подрастающее поколение находилось в хорошей физической форме<sup>839</sup>.

Принимались также меры по охране труда рабочей молодежи. Известно, что детский труд в СССР был запрещен с первых дней советской власти; на работу принимали только с 16 лет. С 1928 года продолжительность рабочего дня 16-18-летних молодых людей была ограничена шестью часами. При этом, естественно, уменьшались размеры трудовых затрат, что должно было отразиться в антропометрических данных. Таким образом, увеличение роста горожан, чья юность проходила в конце 1930-х годов, представляется вполне объяснимым явлением. Как отмечалось выше, трудовые затраты сельских детей и подростков также уменьшались – и даже в большей степени, чем у горожан. Механизация сельского хозяйства избавила детей от тяжелой работы в поле – поэтому можно предположить, что антропометрическая динамика на селе должна выглядеть примерно так же, как и в городе.

---

<sup>839</sup> Озеров Л. С. Указ. соч. С. 60; История советского рабочего класса. Т. 2... С. 245-246.

## Заключение

Подводя итоги нашего исследования, необходимо, прежде всего, отметить, что в контексте неомальтузианской концепции период нэпа был периодом восстановления после острой фазы экосоциального кризиса, пришедшейся на 1914-1922 годы. Согласно теории, в этот период должно наблюдаться увеличение крестьянских наделов, уменьшение хлебных цен и ренты, увеличение потребления, повышение уровня жизни, и в результате – ускоренный рост населения. В 1914-1922 годах экосоциальный кризис привел к трансформации структуры «народ-государство-элита», к гибели значительного числа крупных собственников и к уравнительному перераспределению огосударственной собственности. Раздел помещичьих земель означал радикальное перераспределение ресурсов в структуре «народ-государство-элита»; это привело к увеличению потребления крестьян на 20-40%. Душевое потребление продуктов питания в период нэпа составляло около 3000 ккал в сутки, а налоги не превосходили 4% чистого дохода<sup>840</sup>.

Хотя жизненный уровень крестьянства существенно повысился, на селе отчасти сохранялись проблемы, характерные для предыдущего периода. Одной из проблем была архаическая агротехника, которая не могла совершенствоваться в условиях parcelлярного землевладения. Другой проблемой было аграрное перенаселение, которое проявлялось теперь не в недостатке продовольствия, а в избытке рабочих рук. Аграрное перенаселение носило сезонный характер: в период уборки урожая, один месяц в году, деревня испытывала недостаток рабочей силы, но большую часть года десятки миллионов крестьян оставались не полностью занятыми.

Основная проблема советской власти заключалась в том, что, поскольку налоги уменьшились, то государство потеряло часть ресурсов и не могло обеспечить оборону страны. Кроме того, были нарушены связи города и деревни, так как в дореволюционные времена именно налоги и необходимость платить земельную ренту вынуждали крестьян поставлять в города дешевый хлеб. Советская власть пыталась заставить крестьян продавать хлеб государству по заниженным закупочным ценам, но эта политика закончилась неудачей.

---

<sup>840</sup> Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги... С. 121-122,130.

Как отмечалось выше, помимо демографического фактора на развитие исторического процесса существенное влияние оказывает другой фактор – *технологический*. Влияние этого фактора проявлялось в двух аспектах. Во-первых, промышленная революция, произошедшая в западных странах, дала им не только новую технику, но и новое оружие. Фундаментальные инновации в области вооружений всегда вызывают волну завоеваний. Россия испытала на себе мощь западной военной техники во время германского вторжения 1915 года. Чтобы избежать новой катастрофы, нужно было спешно перенимать технику завоевателей и строить заводы, производящие эту технику. Индустриализация была жизненно необходимой – и это многократно усиливало потребность в ресурсах, потребность в их перераспределении в пользу государства.

Во-вторых, произошедшая на Западе агротехническая революция предоставляла новые возможности для коренной модернизации аграрного производства. Трактор и комбайн могли использоваться только в крупных хозяйствах, поэтому внедрение новой техники подразумевало социальную перестройку на селе, и, в частности, ликвидацию крестьянских парцелл. Механизация уборки должна была снять пиковые сезонные нагрузки и высвободить миллионы не полностью используемых деревенских работников, чтобы они смогли уйти в города. Таким образом, «тракторизация» в небывало краткие сроки превращала крестьян в строителей, возводивших заводы, и в промышленных рабочих, которые производили, в том числе, новую военную технику.

Появление новой техники на полях само по себе должно было доказать крестьянам необходимость коллективизации, и первый пятилетний план подразумевал постепенную коллективизацию по мере увеличения количества тракторов. Однако катастрофическая нехватка ресурсов вынудила форсировать процесс коллективизации; при этом на первый план выходила не механизация производства, а перераспределение доходов путем обременения новосозданных колхозов государственными поставками зерна. Это увеличение налоговой нагрузки сомкнулось с неприятием крестьянами реформы, которая разрушала их традиционный мир мелких индивидуальных хозяйств. Ответом была традиционалистская реакция 1930 года, а затем аграрная стачка 1932 года.

Если обратиться к опыту прошлого, то следует вспомнить о том, что сталинская индустриализация была не первым опытом такого рода в России. До этого была индустриализация предреволюционного периода, обычно ассоциирующаяся с именем С. Ю. Витте, а еще раньше – индустриализация Петра I. Опыт показывает, что процесс индуст-

риализации всегда связан с перераспределением ресурсов в пользу государства и с отнятием у крестьян хлеба. В обоих упомянутых случаях это приводило к голоду – к голоду 1723-1725 годов и к «Великому голоду» 1892 года. Сталинская индустриализация так же сопровождалась страшным «голодомором» 1933 года.

Кризисы, вызываемые перераспределением ресурсов в структуре «народ-государство-элита» именуется в демографически-структурной теории *структурными кризисами*. Является ли структурный кризис неизбежным следствием индустриализации? Более детальное исследование показывает, что это не так. Перераспределение ресурсов может привести к голоду, но процесс перераспределения управляем и может быть остановлен, не доходя до критической точки. Причина упомянутых катастрофических голодовок заключалась, прежде всего, в отсутствии адекватного управления этим процессом<sup>841</sup>. Голод 1933 года был следствием непродуманного, поспешного проведения реформ и неумения руководителей СССР управлять создаваемой ими новой экономической машиной. Но, с другой стороны, опыт российских (и не только российских) индустриализаций показывает, что управление столь масштабными реформами – чрезвычайно сложная задача; лишь немногие правительства смогли адекватно действовать в такой ситуации.

В конечном счете, советская власть добилась перераспределения ресурсов от крестьян к государству. Государство смогло проводить индустриализацию и обеспечить хлебом растущий рабочий класс. Часть урожая, идущая на потребление крестьян, сократилась; душевое потребление продуктов питания снизилось и в конце 1930-х годов составляло в среднем 2530 ккал. В результате уменьшения потребления снизилась рождаемость; смертность, которая в 1920-х годах показывала тенденцию к уменьшению, в 1930-х годах такой тенденции уже не демонстрировала.

Возвращаясь к сформулированным во введении задачам нашего исследования, следует напомнить о заочной дискуссии между Пайпсом, Бжезинским и крупнейшим западным «советологом», Стивеном Уиткрофтом. Говоря об отсутствии у оппонентов серьезных попыток оценить советский жизненный уровень, Уиткрофт писал, что в эпоху Сталина «был замечательный прогресс в улучшении благосос-

---

<sup>841</sup> См.: Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. II... С. 110-120, 404-407.

тояния, уменьшении смертности, увеличении роста людей...»<sup>842</sup>. Наше исследование было посвящено выяснению вопроса о том, действительно ли этот прогресс имел место – и в итоге мы должны констатировать, что в уровне жизни сельского населения прогресса не было: продовольственное потребление падало, а смертность не уменьшалась. Потребление городских рабочих несколько возросло и антропометрические данные, действительно, указывают на улучшение их уровня жизни – но эти данные характеризуют, в основном, потребление молодежи, о которой советская власть проявляла особую заботу.

Более высокий уровень жизни рабочих побуждал крестьян к переселению в города. Наиболее значимым демографическим последствием коллективизации было бегство из деревни более 18 млн. крестьян. «Извращенным способом, однако, коллективизация ускоряла индустриализацию, – констатирует Р. Аллен, – и этот способ был – движение крестьян от земли. В отсутствие коллективизации миграции от села в город были бы меньше, и фабричная продукция была бы меньше. *Советская индустриализация держалась на быстрой передаче рабочих от деревни на заводы, и коллективизация ускорила этот процесс*»<sup>843</sup>. Авторы первого пятилетнего плана не могли представить таких масштабов бегства в города; они полагали, что процесс будет развиваться постепенно по мере распространения «тракторизации».

Модернизация сельского хозяйства подразумевала не только его механизацию, но и коренное улучшение агротехники. Новая агротехника должна была значительно увеличить урожайность, и в таком случае можно было бы избежать того падения потребления, которое было обусловлено введением госпоставок. Однако, несмотря на улучшение агротехники, существенного увеличения урожайности к концу 1930-х годов не наблюдалось. Одной из главных причин была негативная роль *географического* фактора: происходившие на протяжении предыдущего столетия чрезмерные распашки черноземов привели к нарушению водного баланса и усыханию степей. Начался экологический кризис, пик которого пришелся на 1936-1940 годы, когда степную полосу три раза поражали катастрофические засухи. Другой причиной отсутствия прогресса в увеличении урожайности было нежелание многих крестьян работать в колхозах – следствие многовековой привычки к индивидуальному хозяйствованию.

---

<sup>842</sup> Wheatcroft S. The Great Leap Upwards... P. 59.

<sup>843</sup> Allen R. Op. cit. P. 110.

Поскольку урожайность почти не возросла, а возможности расширения посевных площадей были ограниченными, то средний валовой сбор зерновых в конце 1930-х годов превзошел сборы периода нэпа лишь на 12%. Из-за увеличения потерь и расходов в промышленности пищевое потребление зерновых увеличилось только на 4%. Поскольку численность населения за это время возросла на 15%, то это означало уменьшение душевого потребления хлеба. Несмотря на то, что потребление рабочих несколько увеличилось, для всего населения душевое потребление пищевых продуктов уменьшилось с 2900 ккал в период нэпа до 2650 в конце 1930-х годов. Это уменьшение душевого потребления было обусловлено, в основном, ростом населения – таким образом, в СССР 1930-х годов мы наблюдаем проявление тех же мальтузианских закономерностей, что и в России XIX века. Обусловленное ростом населения падение потребления имело место, даже несмотря на кризис 1933 года, унесший жизни примерно 6 млн. человек.

Рассматривая региональные особенности развития СССР в 1930-х годах, нужно отметить огромное различие между ситуацией в промышленных областях и положением в депрессивных сельских регионах. Положение в Центрально-Черноземном районе определялось, прежде всего, наличием давней проблемы аграрного перенаселения. На душу сельского населения в ЦЧР приходилось втрое меньше сельскохозяйственных угодий, чем на Урале, а выдачи зерна в счет трудодней были почти в два раза меньше. Положение осложнялось экологическим кризисом, который в первую очередь ударил по Центральному Черноземью. В итоге, потребление крестьян упало здесь более значительно, чем в среднем по стране, до уровня около 2400 ккал на душу; смертность по сравнению с временами нэпа существенно возросла, а поток мигрантов из области в 1936 году достиг 415 тыс. человек. Пример Центрального Черноземья наглядно показывал, как в результате коллективизации и падения потребления миллионы крестьян уходят из деревни, чтобы стать рабочими в индустриальных центрах за пределами своего перенаселенного региона.

На Урале положение было существенно лучше, чем в ЦЧР. Крестьяне здесь тоже уходили в промышленные города – но главным образом потому, что уровень потребления в городах вырос и был выше, чем на селе. Уровень смертности на Урале существенно понизился; благодаря относительно высокому уровню жизни регион стал центром прибытия для огромного количества мигрантов из других районов – в том числе из ЦЧР.

Подводя итоги, следует констатировать, что модернизация сельского хозяйства в 1930-х годах не смогла увеличить урожайность и преломить мальтузианскую тенденцию падения потребления. Но она резко увеличила производительность труда в деревне, высвободила и направила на промышленные стройки многие миллионы крестьян, которые прежде имели работу лишь несколько месяцев в году. Более того, в конце 1930-х годов в деревне имелось еще 6 млн. рабочих-мужчин, которые, в основном, занимались отходничеством – то есть фактически были заняты в промышленности или в строительстве. Сельскохозяйственные работы, которые прежде выполняли 72 млн. крестьян (включая детей и стариков), теперь выполняли 30 млн. колхозников, из них 7 млн. женщин работало, в основном, в своем приусадебном хозяйстве. Таким образом, производительность труда в сельском хозяйстве возросла более чем в два раза. Бывший министр продовольствия Временного правительства, известный экономист С. Н. Прокопович, произведя аналогичные подсчеты, сделал следующий вывод: «Подводя итог всем приведенным выше данным, мы должны установить, что за 11 лет планового строительства Союза СССР, с 1927/28 года по 1938/39 год, сельское хозяйство в Союзе сделало значительные успехи»<sup>844</sup>.

Эти успехи сказались, прежде всего, в том, что была обеспечена индустриализация страны. Успехи индустриализации, в свою очередь, позволили отодвинуть начало войны, угроза которой была более чем реальна. В 1932 году японская армия, оккупировав Маньчжурию, вышла к границам Советского Союза. В июне 1933 года на совещании японского Генштаба обсуждался вопрос о начале войны с СССР. Решающее значение имело мнение генерал-лейтенанта Исихара Кандзи, который непосредственно занимался планированием вторжения. «Наиболее опасным для нас противником остается наш традиционный враг — Россия... – заявил Исихара. – Однако сейчас империя должна сконцентрировать свои усилия на увеличении своей экономической мощи, доведя ее до уровня, позволяющего состязаться с производственной мощью Советского Союза»<sup>845</sup>.

В итоге было принято решение отложить войну до того времени, когда будет создана промышленная база, подобная той, которую создал СССР в течение первой пятилетки»<sup>846</sup>.

---

<sup>844</sup> Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 223.

<sup>845</sup> Кошкин А. А. Нейтралитет по-японски //Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М., 2010. С. 13.

<sup>846</sup> Там же.

## **Использованные источники**

### **Использованные архивные фонды**

- Российский государственный архив экономики (РГАЭ): фонд 478 (Наркомзем РСФСР), фонд 1562 (ЦСУ СССР), фонд 1943 (Народный комиссариат продовольствия), фонд 3429 (ВСНХ СССР), фонд 4372 (Госплан), фонд 7486 (Минсельхоз СССР).
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): фонд 374 (ЦСУ РСФСР), фонд 1235 (ВЦИК).
- Государственный архив Свердловской области: фонд 239 (Уральское областное земельное управление), фонд 241 (Уральская областная плановая комиссия), фонд 1812 (Уральское областное статистическое управление).
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) : фонд.17 (ЦК КПСС).
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО): фонд 4 (Уральский областной комитет КПСС).

### **Опубликованные источники**

- Аваков А. «Пришлось умереть от голода...» (Дневник 30-х годов – рукописи не горят даже в НКВД) //Украинская правда. 2008. 23 января.
- Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928-1934 гг. Сборник документов и материалов/ сост. Е.Ю. Баранов, Г.Е. Корнилов. Т. 1 – Оренбург: Оренбургское литературное агентство, 2005. – 284 с.
- Бабынин Б. Сила смертности в РСФСР и рост населения// Статистическое обозрение. 1929. № 1. – С. 98-105.
- Васильев Г. Хлебные перевозки в 1928/29 году// Статистическое обозрение. 1929. № 8. – С. 82-88.
- Внешняя торговля СССР за 1918-1940 гг. – М.: Внешторгиздат, 1960. – 1135 с.
- Внешняя торговля СССР. 1918-1966. – М.: Изд. междунар. отн. , 1967. – 242с.
- Впечатления экспедиции по эффективности мероприятий в сельском хозяйстве ЦЧО // Пути сельского хозяйства. 1928. №11. – С. 135-147.
- Врангель П.Н. Записки. Минск: Харвест, 2003. Т. 1. – 479 с.

- Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Краткие сводки. Вып. III. – М.: Изд. ЦСУ, 1927. – 63с.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III, IV, XVII. М.: Издат. ЦСУ СССР, 1928.
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. Краткие сводки. Вып. X. М.: Издат. ЦСУ СССР, 1929.
- Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сб. док. матер./ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2007. – 320 с.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М.: Наука, 1992. – 256 с.
- Всесоюзная перепись населения 1939 года. Уральский регион/ сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург: Изд. Гуманитарного ун-та, 2002. – 372с.
- Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933-1937 гг.). Т. I. – М.: Госплан СССР, 1934. -56с.
- Голод в СССР. 1929-1934: в 3 т. – М.: МФД, 2011.
- Голод в станице Новодеревянковской. Из воспоминаний станичников//Кубанский сборник. 2007. № 11. <http://www.gipanis.ru/?level=328&type=page&lid=317>
- Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. – Київ: Політвидав України, 1990. – 605с.
- Горький М. О русском крестьянстве. – Берлин: Изд.И. П. Ладыжникова, 1922. – 44с.
- Дебу К. И. Ответ отдела машиноведения на вопрос РКИ о поднятии урожаев при помощи машин// Пути сельского хозяйства. 1928. №7 . С. 82-87.
- Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. – М.: Айрис-пресс, 2006 – 832с.
- Дмитриев В. Комбайнизация уборки в колхозах // Плановое хозяйство. 1938. № 12. С. 57-79.
- Дмитриев Л. Д. К вопросу о применении жней-молотилок //Пути сельского хозяйства. 1929. №5. С. 65-81.
- Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь. – М.-Л.: Огиз-Сельхозгиз, 1936. – 119с.
- Дубенецкий Н. Продукция зерновых культур СССР в 1927 году// Статистическое обозрение. 1928. № 5. – С. 16-25.
- Дубенецкий Н. Состояние животноводства к осени 1927 г. и условия стойлового содержания в 1926/27 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 4. – С. 16-22.

- Дубенецкий Н. Хлебофуражный баланс СССР 1925/26 и 1926/27 с.-х. годов // Статистическое обозрение. 1927. № 4. С. 23-85.
- Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. – 174 с.
- Естественное движение населения Союза ССР. 1923-1925. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. – 111 с.
- Животноводство в СССР за 1916-1938 гг. – М.; Госпланиздат, 1940. – 219с.
- Животноводство СССР. – М.: Гос. план. комисс., 1930. – 321 с.
- Измаильский А. А. Как высохла наша степь // Измаильский А. А. Избранные сочинения. – М.: Гос. изд. сельск. лит., 1949. – С. 27-80.
- Как ломали энп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 1-2. – М.: МДФ, 2000.
- Каплун М. Брачность населения РСФСР// Статистическое обозрение. 1929. № 7. – С. 90-95.
- Колхозная жизнь на Урале. 1935-1953./сост. Х. Кесслер, Г. Е. Корнилов. – М.: РОССПЭН, 2006. – 912с.
- Колхозы во второй сталинской пятилетке. – М.-Л.: Госпланиздат, 1939. – 240с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 5. М., 1984.
- Крестьянские бюджеты 1925-26 гг. Основные материалы. – М.: Изд. ЦСУ РСФСР, 1929. – 349 с.
- Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. – М.: Наука, 2003. – 478с.
- Крестьянское хозяйство, колхозы и совхозы СССР в 1924/25 – 1927/28 гг. По данным сводок наркомфина СССР/ сост. В. П. Данилов, Т. И. Славко. Вып. I – III. М., 1977.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42. – М.: Госполитиздат, – 725 с.
- Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания// Статистическое обозрение . 1927. № 12. С. 17-25.
- Лосицкий А. Нормы потребления хлебных продуктов в СССР //Статистическое обозрение. 1927. № 8. С. 13-14.
- Лубны-Герцык Л. И. Естественное движение населения за 1926 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 8. – С. 85-90.
- Лубны-Герцык Л. И. Механическое движение населения в городах СССР в летнее полугодие 1927 года//Статистическое обозрение. 1928 . № 6. – С. 95-103.

- Маркс К. Капитал. Т. II. – М.: Политиздат, 1988. – 654с.
- Материалы по вопросам разработки продовольственного плана. Вып. I. Нормы продовольствия населения России по данным бюджетных исследований. М., 1916. – 123 с.
- Материалы по динамике фауны мышевидных грызунов СССР (исторический обзор массовых размножений/ сост. Б. С. Виноградов. Л.: тип. Им. Володарского, 1934. – 61с.
- Материалы по перспективному плану развития сельского хозяйства/ ред. И. А. Теодорович. – М.: Новая деревня, 1928.
- Материалы по сельскохозяйственной статистике Урала. Итоги с.-х. переписей и выборочных обследований на Урале за 1916-1926 гг. // Труды Уральского областного статистического управления. Сер. V. Т. 6. 1928. – Свердловск, 1928. – 244. с.
- Материалы по статистике цен. Вып. 1. – М.: ЦСУ РСФСР, 1928. – 56 с.
- Международная комиссия по расследованию голода на Украине 1932—1933 годов. Итоговый отчет 1990 г., Киев: УкрЦЕНДИСИ, 1992. – 192с.
- Менделеев Д. И. О сельскохозяйственной мелиорации // Менделеев Д. И. Работы по сельскому хозяйству и лесоводству. М., 1954. С.
- Милявский И. Балансы специальных культур // Статистическое обозрение. 1928. № 12. – С. 13-34.
- Михайлов А. В. Записка симбирского землевладельца статского советника А. В. Михайлова о причинах, вызывающих упадок экономического благосостояния центрально-черноземных и восточных губерний России, и о мерах, к поднятию благосостояния этого земледельческого региона // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 38. Симбирская губерния. СПб, 1903. С. 297-312.
- Михайловский А. Хлебооборот по районам СССР // Статистическое обозрение. 1929. № 6. – С. 66-76.
- Народное хозяйство СССР в 1958 году. – М.: Госстатиздат, 1959. – 958с.
- Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический справочник. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766с.
- Население и хозяйство Воронежской губернии. Статистический сводный сборник. Вып. 2. – Воронеж: Изд. Воронежского губстройотдела, 1927. – 389 с.
- Нифонтов В. Мясной баланс СССР в 1925/26 и 1926/27 годах // Статистическое обозрение. 1928. № 9. – С. 10-29.

- Нормальный состав пищи и пищевое значение продовольственных продуктов // Труды ЦСУ. Т. 22. вып.1 – М., 1925. – 162 с.
- Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. Методические рекомендации МР 2.3.1.2432 -08. URL: [www.detnadzor.ru/docs /phis\\_nom\\_08.pdf](http://www.detnadzor.ru/docs /phis_nom_08.pdf).
- О введении правильных севооборотов. Проект Комиссии Народного Комиссариата Земледелия СССР и Народного Комиссариата Зерновых и Животноводческих Совхозов СССР //Правда. 6 июля 1937 г. С. 2.
- О колхозном строительстве. Постановление VI съезда советов СССР // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 3. – С. 43-47.
- О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах Юго-Востока СССР. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 октября 1938 г. //Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1938. № 48. Ст. 248. С. 618-628.
- О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 мая 1939 г.// Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1939. № 34. Ст. 235.
- О мерах по улучшению семян зерновых культур. Постановление СНК СССР от 29 июля 1939 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1937. № 39. Ст. 168. С. 373-382.
- О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1932. № 31. С. 295-297.
- О подготовке к уборке урожая и заготовке сельскохозяйственных продуктов в 1939 году. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР //Социалистическое сельское хозяйство. 1939. №6.
- О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)// Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1935. № 21. Ст. 164. С. 305-309.
- Об уборочной кампании 1932 г. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1932. № 7. – С. 1-2.

- Операция «Голодомор»: когда безумствует мечта //Родина. 2007. №1. С. 60-76.
- Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. – 522с.
- Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923-1927 гг. – М.: Статиздат, 1930. – 169 с.
- Песчанский В. Основные показатели естественного движения населения Европейской части РСФСР в 1927 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 10. – С. 89-92
- Песчанский В., Каплун М. Детская смертность //Статистическое обозрение. 1929. № 2. – С.91-96.
- Поляк Г. С. Динамика рабочего бюджета (ноябрь 1926- ноябрь 1927 г.)//Статистическое обозрение. 1928 . № 5. – С. 44-57.
- Поплавский И. Транспортные балансы сельскохозяйственных продуктов// Статистическое обозрение. 1928. № 3. – С. 83-91.
- Посевные площади СССР. Статистический справочник. М.-Л.: Госпланиздат, 1939. – 331с.
- Потребление основных продуктов питания населением Российской Федерации – [http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc\\_1286360627828](http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticJournals/doc_1286360627828)
- Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 2. /ред. Г. Е. Корнилов, В. В. Маслаков. – Екатеринбург: Академкнига, 2000. – 456с.
- Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. I-IV. М.: Плановое хозяйство, 1930.
- Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. – СПб.: Блиц, 1995. – 415с.
- Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. П. П. Семенова. Т. 2. Среднерусская черноземная область. СПб: издание Девриена, 1902.
- Рыков А. И. Избранные произведения. – М.: Экономика, 1990. – 495 с.
- Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып. I. – СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1902. – 525 с.
- Сельское хозяйство СССР. 1925-1928. – М.: Стат. Изд. ЦСУ, 1929. – 503 с.
- Сельскохозяйственная техника. Высочайше утвержденное совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1903.
- Сельскохозяйственная энциклопедия. В 4 т. – М.-Л.: Сельхозгиз, 1937.

- Сельскохозяйственный обзор Уральской области за 1922-23 – 1926-27 гг. Итоги разработок годового цикла и осеннего опроса// Труды Уральского областного статистического управления. Сер V. Т. 5. Свердловск, 1928. – 218 с.
- Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.-Л.: Планхозгиз, 1930. – 139с.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. Т.3. Кн. 2. 1932-1934/ред. А. Берелович, В. Данилов. – М.: РОССПЭН, 2005. – 840с.
- Состояние питания городского населения СССР в 1924-25 сельскохозяйственном году// Труды ЦСУ СССР. Т. 30. Вып. 3. – 125с.
- Состояние питания сельского населения СССР. 1920-1924 // Труды ЦСУ. Т. 30. Вып. 2. – М. 1928. – 172с.
- Состояние сельского хозяйства и работа в деревне на Урале. – Свердловск: Изд. Уралобкома, 1929. – 93 с.
- Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933-1940 гг. М.: Изд. АН СССР, 1963. – 666с.
- Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР. – М.-Л.: Госплан-издат, 1939. – 128 с.
- Социалистическое строительство Союза ССР (1933-1938). – М.: Госполитиздат, 1939. – 207 с.
- Социалистическое строительство СССР. – М.: Союзоргучет, 1934. – 496 с.
- Социалистическое строительство СССР. – М.: Союзоргучет, 1936. – 718с.
- СССР – страна социализма. Статистический сборник. М., 1936. С. 65.
- Сталин и Каганович. Переписка 1931-1936 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 798с.
- Сталин И.В. Сочинения. – Т. 11-12. – М.: ОГИЗ, 1949.
- Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб: Типолитография М. Я. Минкова, 1907. - 199с.
- Статистика Российской империи. Т. 83. Военно-конская перепись 1912 года. Петроград, 1914. – 439 с.
- Статистический ежегодник 1924 г. Вып.1 //Труды ЦСУ. Т. VIII. Вып. 7. М. 1926. – 334с.
- Статистический сборник по Тамбовской губернии за 1926 год. – Тамбов, 1926.
- Статистический справочник СССР 1927. – М.: Изд. ЦСУ, 1928. – 506 с.

- Статистический справочник СССР за 1928 г. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. – 926 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т. 1-5. М.: РОССПЭН, 2000-2004.
- Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. – М.: Терра, 1997. – 397с.
- Троцкий Л. Д. Преданная революция. – М.: НИИ культуры, 1991. – 254с.
- Уральское хозяйство в цифрах. 1930. Вып. 1-5. Свердловск: Издат. Статсектора Уралплана, 1930.
- Урожай хлебов в России в 1917 г./ под. ред. А. Е. Лосицкого. – М.: Изд. Моск. обл. прод. комитета, 1918. – 220 с.
- Фельштинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. – Нью-Йорк: Телекс, 1991. – 145с.
- Ц. Ч. О. Статистический справочник. 1930. – Воронеж: Коммуна, 1930. – 520 с.
- Центрально-Черноземная область. Справочная книга. – Воронеж: Коммуна, 1931. – 456 с.
- Центрально-Черноземная область. Статистический справочник. – Воронеж, 1929. – 463с.
- Чаянов А. В. Техничко-экономические вопросы строительства социалистического земледелия// Научное слово. 1930. № 4.
- Челинцев А., Тумановский А. Данные опытных учреждений в связи с реорганизацией сельского хозяйства ЦЧО //Пути сельского хозяйства. 1927. № 6-7. С. 46-61.
- Численность и заработная плата рабочих и служащих СССР. – М.: ЦУНХУ Госполана СССР, 1936. – 309с.
- Чуев Ф. И. Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М.: Отечество, 1992. – 207с.
- Эйхе Р. И. О плане сельскохозяйственных работ // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1938. № 1. С. 34-45.
- Экономико-статистический справочник Воронежской области. – Воронеж: УНХУ Воронежской обл., 1936. – 107с.
- Яковлев Я. А. На борьбу за сталинские 7-8 миллиардов пудов зерна! // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. №1. С. 7-8.
- Яковлев Я. А. О колхозном строительстве // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 3. С. 34-45.

## Литература

- Акользина М. К. Изменение состояния ресурсов для сельского хозяйства Тамбовского региона во второй половине 1920-х-1930-х гг. как экологическая проблема //Экологическая история России в XVIII – начале XX вв. Сборник науч. статей./ Отв. ред. Канищев В.В. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С.89-99.
- Акользина М. К., Канищев В. В. Изменение демографической нагрузки сельского населения Тамбовского региона на природные ресурсы в первой трети XX в.//Демографические и экологические проблемы истории России в XX веке. Сб. науч. стат./отв. ред. В. Б. Жиромская, В. В. Канищев. –Москва-Тамбов: Изд. ТГУ, 2010. С. 48-70.
- Акопов Р. Я. Ликвидация аграрного перенаселения в СССР (1017-1932 гг.) //Вопросы истории. 1969. № 3. С. 32-40.
- Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX вв.). – М.: РОССПЭН, 2007 – 368с.
- Алкоголизм в современной деревне. – М.: Издание ЦСУ, 1929. – 55 с.
- Алпатьев А. М. Характеристика засух //Климатические ресурсы центральных областей европейской части СССР и использование их в сельскохозяйственном производстве. М.: Гидрометеиздат, 1956. С. 160-171.
- Алпатьев А. М., Иванова В. Н. Характеристики и географическое распространение засух //Засухи в СССР, их происхождение, повторяемость и влияние на урожай. Л.: Гидрометеиздат, 1958. С. 31-45
- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история Российской Федерации, 1927-1959. – М. 1998. – 226 с.
- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. 1922-1991. – М.: Наука, 1993. – 143 с.
- Антошин И. Снабжение крупнейших экономических центров потребляющей полосы в первой половине 1928/1929 хозяйственного года// Статистика и народное хозяйство. Статьи и материалы. 1929. Вып. 8. – С. 110-124.
- Анфимов А. М. Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901-1912 гг.)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1962 г. – Минск, 1964. – С. 489-505.
- Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881-1904 гг. – М.: Наука, 1984. – 230 с.

- Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927-1959 гг. – Тула: Гиф и К, 2009. – 304с.
- Аристов Н. Организованный набор рабочей силы// Плановое хозяйство. 1939. №11. С. 89-99.
- Арина А. Колхозы в 1938 году (по материалам годовых отчетов колхозов)// Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 12. С. 63-69.
- Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923/24 года// Труды ЦСУ. Т. 29. – М., 1926. – 345 с.
- Баранов Е. Ю. Демографическое развитие Среднего Урала в 1930-е гг.: факторы и показатели кризисных явлений// Девятые Татищевские чтения. Всероссийская научно-практическая конференция/ под ред. В. А. Шкерина. – Екатеринбург: Изд. УМЦ УПИ, 2012. – С. 223-227.
- Баранов Е. Ю. Симптомы и масштабы голода начала 1930-х годов в Уральской области// Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII-XX веках. Сб. стат. – Оренбург: Изд. ОГПУ, 2006. – С. 163-167.
- Баранов Е. Ю., Корнилов Г. Е., Лабузов В. А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928-1934 гг. М.: Дашков и К°, 2009. – 629с.
- Барсов А. А. Против извращения истории советского крестьянства буржуазной историографией //История СССР. 1962. № 2. – С. 189-210.
- Баткис Г. А., Политов Л. Г. Сдвиги в питании населения // Баткис Г. А. Вопросы санитарной и демографической статистики. – М.: Статистика, 1964. – С. 260-271.
- Белозерцев А. Г. Зерновое хозяйство России (1865-1997). Историко-экономический очерк. – М., 1998. – 224с.
- Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. 2. – М.: ИздАТ, 2000. – 424 с.
- Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 г.// Вестник статистики. Кн. XIII. № 1. – С. 131-153.
- Бокарев Ю. А. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. Источники, методы исследования, этапы взаимоотношений. – М.: Наука, 1989. – 310 с.
- Бокарев Ю. П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. – М.: Наука, 1981. – 310 с.
- Борейко В. Е. На колени перед русским черноземом // Биология. 2002. № 22. (<http://bio.1september.ru / 2002 /22 / 5. htm>).

- Борьба с грызунами в степях Предкавказья/ отв. ред. Н. Я. Кузнецов. Ростов н/Д.: Азово-Черноморское кр. кн. изд., 1935. – 232с.
- Боярский А. Я. К вопросу о естественном движении населения России и СССР в 1915-1923 гг.// Боярский А. Я. Население и методы его изучения. – М.: Статистика, 1975. – С. 225-239.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII веках. Т. 1-3. – М.: Прогресс, 1986, 1992.
- Бумбер Я. К вопросу о ликвидации перенаселения в советской деревне //На аграрном фронте. 1933 № 4. С. 81-94.
- В. В. Судьба капиталистической России. – СПб.: тип. Стасюлевича, 1907. – 220с.
- Вавилов Н. И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. - С. 74-79.
- Вайнштейн А. Л. Эволюция урожайности зерновых в России до войны и перспективы ее развития в будущем// Вайнштейн А. Л. Избранные труды. Кн.1. – М.: Наука, 2000. – С. 275-330.
- Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921-1928 гг. – М.: Наука, 1972. – 190 с.
- Васильчиков А. Сельский быт и сельское хозяйство в России. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1881. – 161с.
- Венгрова И. В., Шилипис Ю. А. Социальная гигиена в СССР. – М: Медицина, 1976. – 213с.
- Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897-1959 гг. (историко-демографический аспект). – Москва-Тула: Гриф и К, 2009. – 296с.
- Вербовский Б. Динамика урожайности и плановые задачи. I // Плановое хозяйство. 1930. № 3. – С. 311-324.
- Вильямс В. Р. Собрание сочинений. Т. 3. – М.: Гос. изд. с.-х. лит., 1949. – 568с.
- Вильямс В. Р., Буш А. Я. Недостатки введения севооборотов и задачи в третьей пятилетке // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 6. С. 9-31.
- Вильямс В. Р. Своеобразная педагогика «минеральной агрохимии» // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. №9-10. С. 174-183.
- Вильямс В. Р. Пути повышения урожайности и реконструкция сельского хозяйства// Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С.46-71.
- Виноградова Н. Русская урожайная статистика//Вестник статистики. 1926. Кн. XXIII, XXIV.

- Виноградский Н. Н. Болезни хлебного рынка// Плановое хозяйство. 1927. № 4. – С. 92-107.
- Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. – М.: РОССПЭН, 2010. – 367с.
- Вишневский А. Г. Демографическая революция. – М.: Статистика, 1976. – 240с.
- Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. – М.: ОГИ, 1998. – 432с.
- Вишневский Н. М. Статистика и сельскохозяйственная действительность. – М.: б. и., 1922. – 95 с.
- Властовский В. Г. Акселерация роста и развития детей. – М.: Изд. Моск. Ун-та, 1976. – 279с.
- Волков А. Г. Из истории переписи 1937 года// Вестник статистики. 1990. № 8. – С. 45-56
- Волков Е. З. Динамика населения СССР за 80 лет. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 271 с.
- Волович В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды. – М.: Мысль, 1983. – 223с.
- Воробьев А. Сельское хозяйство Урала. – Свердловск: Уралкнига, 1926. – 120с
- Воспроизводство населения СССР/ под. ред. А. Г, Вишневого и А. Г. Волкова. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 303 с.
- Вылцан М. А. Бюджеты семей колхозников в 1933-1940 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971. С. 596-604.
- Вылцан М. А. Завершающий этап создания колхозного строя. 1935-1937. М.: Наука, 1978. – 263 с.
- Вылцан М. А. Методы исчисления производства зерна в 1933-1940 гг.//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – М.: Изд. Московского ун-та, 1970. – С. 474-481.
- Вылцан М. А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. – М.: Политиздат, 1970. – 200 с.
- Вылцан М. А. Трудовые ресурсы колхозов в довоенные годы// Вопросы истории. 1973. №2. С. 21 – 31.
- Вылцан М. А. Укрепление материально-технической базы колхозного строя во второй пятилетке. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – 144с.
- Гайстер А. Сельское хозяйство в последний год пятилетки // Плановое хозяйство. 1932. № 1. С. 141-157.

- География избытков и недостатков сельскохозяйственных продуктов. – М.: Плановое хозяйство, 1930. – 146с.
- Гологик С. И., Минаев В. В. Население и власть. Очерки демографической истории СССР 1930-х годов. – М.: Изд. Ипполитова, 2004. – 320с.
- Горинов М. М. Нэп: поиски путей развития. – М: Знание, 1990. – 63 с.
- Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917-1933. – М.: РОССПЭН, 2008. – 136 с.
- Грегори П. НЭП: кризисы, которых не было. Взгляд американского ученого // Знание-сила. 1990. № 10. – С. 40-44.
- Греф Я. Коллективизация деревни и относительное перенаселение //Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1930. №11. С.
- Гуревич А. М. Краткая история отечественного тракторостроения. – Сталинград: Сталинградское книжное издательство, 1954. – 30с.
- Гуржабидзе В. В. Пространственно-временная диффузия демографического перехода и прогнозирование естественного движения населения // Проблемы регионального демографического прогнозирования в системе народнохозяйственного планирования. – Душанбе, 1979. – С. 94-101.
- Данилов В. П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг.// Археографический ежегодник за 1968 год. – М., 1970. – С. 242-253.
- Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М.: Наука, 1977. – 316 с.
- Демидов С. Расцвет социалистического сельского хозяйства// Плановое хозяйство. 1039. №3. С. 124-136.
- Демографическая модернизации России. 1900-2000/ под. ред. А. Г. Вишневого. – М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
- Демографическая модернизация России в XX веке («круглый стол»)//Общественные науки и современность. 2007. № 3. – С. 128-140.
- Дзенискевич А. Р. Рабочие Ленинграда накануне Великой Отечественной войны. 2938-июнь 1941. – Л.: Наука, 1983. – 220 с.
- Дмитриев Л. Д. К вопросу о применении жней-молотилок //Пути сельского хозяйства. 1929. №5. С. 66-77.
- Дмитриев В. Комбайнизация уборки в колхозах // Плановое хозяйство. 1938. № 12. С. 57-73.
- Дмитриева Р. М., Андреев Е. М. Снижение смертности в СССР за годы советской власти// Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР/ ред. А. Г. Вишневы. – М.: Статистика, 1977. – С. 28-48.

- Дроздов К. С. Голод в южных украинских районах Центрально-Черноземной области РСФСР.: спланированный Москвой этногенцид украинского народа или закономерный итог сталинской политики? // Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР /ред. В. В. Кондрашин. М.: РОС-СПЭН, 2011. С. 282-388.
- Дубенецкий Н. Продукция зерновых культур СССР в 1927 году// Статистическое обозрение. 1928. № 5. – С. 16-25.
- Дубенецкий Н. Хлебофуражная продукция СССР за 1925 и 1926 гг.// Статистическое обозрение. 1928. № 1. – С. 20-31.
- Дудин К.Ф. Применение трактора в крестьянском хозяйстве. М.: Изд. Моск. Зем. Отд 1927. – 224с.
- Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. I. – СПб, 1909. – 599 с.
- Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. – М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.
- Жиромская В. Б. Основные тенденции демографического развития России в XX в.// Преподавание истории и обществознания в школе. 2008. № 8. – С. 3-14.
- Жиромская В. Б. Советский город в 1921-1925 гг.: проблемы социальной структуры. – М.: Наука, 1988. – 167с.
- Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «Секретно». Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. – 151 с.
- Жиромская В.Б. Особенности демографического развития России в XX веке // Восточноевропейские исследования. М., 2007. № 6. – С. 80-92 .
- Жуковский Ю. Г. Население и земледелие. – СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1907. – 197с.
- Загоровский Л. В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области. 1928-1934. – Воронеж: Изд. ВГУ., 1995. – 152с.
- Затейщиков Л. Сельскохозяйственные районы Уральской области // Хозяйство Урала. 1928. № 4. С. 92-93.
- Зеленин И. Е. Основные показатели сельскохозяйственного производства в 1928-1935 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965. – М.: Изд. Московского ун-та, 1970. – С. 464-473.
- Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928-1941. – М.: Наука, 1982. – 239с.

- Зеленин И. Е. Введение (Кульминация крестьянской трагедии)// Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т. 3. М.:РОССПЭН, 2001. – С. 8-45.
- Зенкевич П. И., Алмазова Н. Я. Об изменении размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Проблемы размеров антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. – С. 64-71.
- Иванов П. Задачи сельского хозяйства в завершающем году второй пятилетки //Плановое хозяйство. 1937. № 4. С. 69-78.
- Иванов Ю. М. В сталинском «раю». – М.:Карпов, 2005. – 115с.
- Иванов Ю. М. Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов //Вопросы истории. 1998. № 5. – С. 28-43.
- Иванова М.А. Повышение жизненного уровня колхозного крестьянства Урала в годы второй пятилетки // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985). Свердловск, 1988. С. 41-51.
- Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики //Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. Т.14. Пг., 1915.
- Ивницкий Н. А. Голод 1932-1933 годов в СССР. М.: Собрание, 2009.
- Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). – М.: Интерпракс, 1994. – 272 с.
- Ильиных В. А. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях Нэпа (1921-1927) // Нэп: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – С. 165-175.
- История советского крестьянства. Т. 2, 3. М.: Наука, 1986.
- История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 2. М.: Наука, 1984. – 511с.
- Ицков Н. О засухе и агрономических приемах по обеспечению устойчивых урожаев //Социалистическое сельское хозяйство. 1939. №1. С. 18-28.
- Каблуков Н. Об условиях развития крестьянского хозяйства в России. – М.: Книжное дело, 1899. – 309 с.
- Каврайский А. М. Роль живой тягловой силы при механизации сельского хозяйства и транспорта // Пути сельского хозяйства. 1929. № 8. С. 90-106.
- Канищев В. В. Экономика, демография, экология в контексте модернизации аграрного общества (Тамбовская губерния в XIX – начале XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2002.- С. 513-530.

- Канищев В. В., Цинцадзе Н. С. Экологическая история российского села в начале XX в. – Тамбов: Центр-пресс, 2010. – 45с.
- Канищев В. В., Цинцадзе Н. С. Экологическая история тамбовского села во второй половине XIX века. – Тамбов: Центр-пресс, 2012. – 43с.
- Карг Н. Наши агротехнические резервы// Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 1. С. 131 -147.
- Карпов И. За дальнейшее усиление трудовой дисциплины в колхозах//Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 4. С. 34-40.
- Квириг Э. Пути и методы повышения урожайности// Пути сельского хозяйства. 1928. №7. – С.30-45.
- Квиткин О. Население СССР в 1926 г.//Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. III. Население СССР. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927. – С. IX – XX.
- Кирсанов А. Т. Что желать, что и как делать в области земледелия // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С. 88-92.
- Киселев И. Н. Численность населения СССР в 1923-1926 гг. по данным ЦСУ СССР. (Анализ методики исчисления)// Комплексные методы изучения исторических процессов. – М., 1987. – С. 71-79.
- Клепиков С.А. Питание русского крестьянства. Ч. I. Нормы потребления главнейших пищевых продуктов. – М., 1920. – 52 с.
- Климин И. И. Российское крестьянство накануне «Великого перелома» (1928-1929 гг.) – СПб: ВВМ, 2010. – 400с.
- Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России//Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1991. – С. 18-47.
- Кондратьев Н. Д. Аграрное перенаселение и уровень развития производительных сил сельского хозяйства СССР// Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2 кн. Кн. 2. – М.: Наука, 1993. – С. 330-351.
- Кондратьев Н. Д. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1925. №4. – С. 186-214.
- Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении // Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. – С. 187-210.
- Кондратьев Н.Д., Огановский Н.П. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. – М.: Новая деревня, 1924. – 172 с.
- Кондрашин В. В. Голод 1932-1933 годов: трагедия советской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 519с.

- Конохов Г. А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928-1929). – М.: Соцгиз, 1960. – 243с.
- Копелев Л. З. И сотворил себе кумира. – Анн Арбор: Ардис 1978. – 335с.
- Корнилов Г. Е. Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Урала накануне Великой Отечественной войны // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917-1985). – Свердловск: ИИА УрО РАН, 1988. – С. 52-62.
- Корнилов Г. Е. Эволюция крестьянского менталитета (на материалах Урала 1920-1930-х годов) // Уральское село в XX веке. – Екатеринбург: Урал. с.-х. ин-т, 1994. – С. 74-92.
- Корнилов Г. Е., Трифионов А.Н. Совхозное производство на Урале накануне Великой Отечественной войны 1938-1941 гг.) // Совхозы Урала в период социализма (1938-1985 гг.). – Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. – С. 12-23
- Корнилов Г.Е. Системы земледелия на Урале // Аграрные технологии в России IX-XX вв. – Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 1999. – С. 263-271.
- Коровин Н. Р. Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки //Проблемы социального развития советского общества. – Иваново, 1998. – С. 82-88.
- Коровин Н. Р. Рабочий класс России в 30-е годы. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1994. – 149 с.
- Котов Г., Струков М., Горбатенко Г. Советская деревня к третьей пятилетке //Социалистическое сельское хозяйство. 1939. №4. С. 143-157.
- Кочетков И. В. Динамика зернового производства в СССР (1923-1926 гг.)// Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. – М., Волгоград, 1997. – С. 160-180.
- Кочетков И. В. Зерновое производство в годы НЭПа: действительность и возможности// Экономическая история России XIX-XX вв.: современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 80-92.
- Кочетков И. В. К вопросу о продовольственном положении российского крестьянства в 1920-х гг.// История крестьянства в России. Материалы 16-и Всероссийской заочной конференции/ ред. С. Н. Полторака. – СПб.: Нестор, 2000. – С. 118-122.
- Кошкин А. А. Нейтралитет по-японски //Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. – М.: Вече, 2010. – С. 6-51.
- Красильников М. Связь населения города Москвы с надельной землей // Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 103-107.

- Крицман Л. Решающий этап коллективизации // На аграрном фронте. 1930. № 5.
- Кругов А. И. Земские статистики о крестьянском хозяйстве Юга России на рубеже XIX-XX веков // Великие реформы 1860-1870-х гг. и аграрная Россия / отв. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. – Оренбург: Региональный центр развития образования Оренбургской области, 2011. – С. 85-89.
- Круминыш Ю. К. Социально-демографическая дифференциация смертности и продолжительности жизни населения Латвии в условиях демографического перехода // Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР. – М.: Ин-т Истории СССР, 1990. – С. 183-191.
- Кузьмин А. И. и др. Население Урала. XX век. – Екатеринбург: Изд. «Екатеринбург», 1996. – 212 с.
- Кукса И. Боевые задачи агрохимической науки в связи с повышением урожайности // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 6. С. 71-91.
- Куликов Н. Итоги и перспективы производства зерновых культур // Плановое хозяйство. 1932. №5. С. 40-61.
- Кульпин Э. С. Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России // Природа и общество: на пороге метаморфоз. – М.: ИАЦ Энергия, 2010. – С. 172-189.
- Кульчицкий С. В. Украинский голодомор как геноцид // Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР / ред. В. В. Кондрашин. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 107-194.
- Курбатов А. Вредительство в планировании сельского хозяйства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1933. № 8. С. 165-171.
- Лацис М. Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним. – М.-Л.: Госуд. издат., 1929. – 142 с.
- Лебедев Ф. Н. Смертность и продолжительность жизни населения Уральской области. Таблицы смертности по округам и поселениям области. – Свердловск, 1929. -51 с.
- Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. – М.: РОССПЭН, 2009. – 183с.
- Лебедянцев А. К. Ближайшие перспективы химизации нашего земледелия // Пути сельского хозяйства. 1928. №10. С. 59-72.

- Левитанус И. Вредительство в области механизации сельского хозяйства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1933. № 8. С. 138-145.
- Левитин И. Ликвидация потерь при уборке зерновых культур – важнейшее звено борьбы за высокий урожай // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. №5. С. 89-105.
- Лившиц Ф. Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в СССР. – М.: Наука, 1990.- С. 174-207.
- Лежнев-Финьковский П. Я. Очередные задачи в области сельского хозяйства // Пути сельского хозяйства. 1926. № 3. С. 3-17.
- Лейрих Э. Влияние агромероприятий на поднятие урожайности // Хозяйство Урала. 1929. № 8-9. – С. 104-120.
- Лейрих Э. Соха и плуг на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 3. С. 94 – 97.
- Лельчук В. С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. – М.: Политиздат, 1984. – 304с.
- Либкинд А. Аграрное перенаселение и коллективизация деревни. – М.: Изд. Комакадемии, 1931. – 195 с.
- Лившиц Ф. Д. Перепись населения 1937 года // Демографические процессы в России. М., 1990. – С. 174-207.
- Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. – М.: Изд. полит. лит., 1991. – 301с.
- Литвак К. Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. – М.: Наука, 1994. – С. 186-202.
- Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 536с
- Логунов В. И. КПСС – организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья. – Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1970. – 344 с.
- Логунов В.И. Значение исторического опыта восстановления сельского хозяйства Центрального Черноземья (1921-1927гг.)  
//[http://rushist.narod.ru/files/saint\\_works/art\\_16.htm](http://rushist.narod.ru/files/saint_works/art_16.htm)
- Лосицкий А. Е. Перспективы потребления продовольственных продуктов в Союзе // Плановое хозяйство. 1927. № 4. – С. 79-91.
- Лосицкий А. Нормы потребления хлебных продуктов в СССР // Статистическое обозрение. 1927. № 8. С. 5-14.
- Лосицкий А. Обследования питания и их последние результаты // Экономическое обозрение. 1924. № 1. – С. 36-46.

- Лосицкий А. Динамика потребления хлебных продуктов в СССР в связи с реконструкцией питания// Статистическое обозрение . 1927. № 12. С. 17-25.
- Лубны-Герцык Л. Густота сети ЗАГС в сельских местностях// Статистическое обозрение. 1927. № 6. – С. 90-91.
- Лубны-Герцык Л. И. Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР//Сельское хозяйство на путях восстановления. – М.: Госиздат, 1925. – С. 52-78.
- Лубны-Герцык Л. И. Аграрное перенаселение и аграрный строй// Сельское и лесное хозяйство. 1923. № 10.
- Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. – М.: Госполитиздат, 1956. – 725с.
- Максудов С. Миграции в СССР в 1926-1939 годах//Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. Vol. 40. N 4. Octobre-décembre. 1999. P. 763-796.
- Максудов С. Потери населения СССР. – Benson, Vermont, 1989. – 322 с.
- Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения//Антология экономической классики. Т. 2. – М.: «Эконов», 1993. С. 22. – С. 5-136.
- Маркус Б. Труд в социалистическом обществе. – М.: Госполитиздат, 1939. – 307 с.
- Маслов П. П. Развитие сельского хозяйства до и после революции // Известия ЦК КПСС, 1989. № 10. – С. 192-219.
- Маслов П. Перенаселение русской деревни. – М.-Л.: Госиздат, 1930. – 142 с.
- Матвеев И. О некоторых вопросах комбайнизации уборки зерновых //Плановое хозяйство. 1937. № 7. – С. 103-118.
- Маторин А. А. Материалы к изучению местной лошади в крестьянских хозяйствах Кубанского края // Пути сельского хозяйства. 1926. № 5. С. 117-129.
- Матюхин В. В. К постановлению сессии ЦИК СССР о подъеме урожайности // Пути сельского хозяйства. 1929. №1 . С. 8-19.
- Матюхин Н. К. Надо договориться окончательно// Пути сельского хозяйства. 1926. № 3. С. 165-170.
- Мацкевич С. Производительность труда в колхозах //Плановое хозяйство. 1938. № 10. – С. 82-102.
- Мерль С. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе //Отечественная история. 1998. № 1. – С. 97-117.

- Меринов И. Производительность труда в колхозах //Плановое хозяйство. 1939. №4. С. 140-145.
- Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 572с.
- Минц Л. Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. – М.-Л.: Госиздат, 1929. – 467с.
- Миронов Б. Н. «Сыт конь – богатырь, голоден – сирота»: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века//Отечественная история. 2002. № 2. – С. 30-43.
- Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М.: Новый хронограф, 2010. – 911с.
- Миронов Б. Н. Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным //Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. – С. 565-588.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в). Т. 2. – СПб: Дмитрий Буланин, 2000. – 567 с.
- Мишина А. В. Н. А. Григорьев – атаман повстанцев херсонщины// Новый исторический вестник. 2007. № 1. С. 144-154.
- Мкртумов А. Сельское хозяйство в 1940 г.// Плановое хозяйство. 1940. № 2. – С. 56-70.
- Москалев Б. Голодомор. Новый взгляд на трагедию// Единое отечество. 2008. 4 апреля. <http://www.otechestvo.org.ua/main/20084/421.htm>
- Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1966. – 229 с.
- Мстиславский П. С. Народное потребление при социализме. М.: Гос. изд-во планово-экон. лит-ры, 1961. – 310с.
- Мун Д. Экологическая история российских степей: Василий Докучаев и неурожай 1891 г.// Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 3. С. 48-71.
- Муралов Н. Центральная Черноземная область // Пути сельского хозяйства. 1925. №3. – С. 21-26.
- Народное хозяйство СССР в 1987 году. М. Финансы и статистика, 1988. -552с.
- Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 1. / Отв. Ред. Ю. А. Поляков. – М.: РОССПЭН, 2000. – 462 с.
- Несмий М. Доходы колхозов и колхозников // Плановое хозяйство. 1938. № 9. – С. 73-107.
- Немчинов В. С. Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории // Немчинов В. С. Избранные произведения. Т. 2. – М.: Наука, 1967. – 498 с.

- Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург: УГГУ, 2009. – 209 с.
- Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2005. – 539 с.
- Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I-II. – М.: Территория будущего, 2010, 2011.
- Нефедов С. А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: УГГУ, 2007. – 146 с.
- Нефедов С. А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX-начала XX века // Российская история. 2009. № 2. – С. 155-162.
- Нефедов С. А. Изменение уровня потребления продуктов питания в результате коллективизации// Вестник Тамбовского университета. 2011. № 6. – С. 208-213.
- Нефедов С. А. Уровень потребления в России начала XX века и причины русской революции. Статья 3. Проблемы антропометрической статистики// Общественные науки и современность. 2012. № 3. – С. 96-107.
- Нефедов С. А. Уровень жизни в сталинскую эпоху: питание уральцев// Известия Уральского федерального университета. Сер.2. 2012. №3. – С. 284-291.
- Нефедов С. А. Демографическая динамика СССР в 1930-х годах// Экономическая политика. 2012. №5. – С. 59-69.
- Нефедов С. А. Хлебофуражные балансы 1920-1930 гг.// Экономический журнал. 2012. №3. – С. 110-121.
- Нефедов С. А. Продовольственное потребление советских трудящихся в 1930-е гг.// Вопросы истории. 2012. № 12. С. 71-78.
- Нефедов С. А. Доходы и трудозатраты колхозников 1930-х гг.// Известия Уральского федерального университета. Сер.2. 2012. №4. С. 51-61.
- Никишин И. И. Динамика сельскохозяйственного производства и социально-экономические процессы в деревне. – М.-Л.: Печатный двор, 1930. – 143 с.
- Никулин А. "Ты теперь в совхозе!.."// Знамя. 2008. № 10. С. 178-188.
- Обухов В. М. Поправки к посевным площадям 1925 г.// Статистическое обозрение. 1928. № 5. – С. 6-10.
- Обухов В. М. Урожайность и метеорологические факторы. М., 1949.
- Огановский Н. Ближе к истине //Экономическое обозрение. 1924. № 3. – С. 38-46.

- Огановский Н. Сельское хозяйство Союза ССР в 1924/25 г. – М., 1925.
- Огановский Н. П. Популярные очерки экономической географии СССР в связи с мировой. – М.: Экономическая жизнь, 1925. – 372с.
- Огановский Н. Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана //Экономическое обозрение. 1927, июнь. – С. 21-42.
- Озеров Л. С. Комсомол в годы первых пятилеток. – М.: Знамя, 1978. – 62с.
- Ольховский Б. Г. Опыт контрольного обмера посевных площадей по культурам // Статистическое обозрение. 1928. № 2. – С. 101-108.
- Основные элементы продукции сельского хозяйства СССР за 1925/1926 – 1928/1929 гг. М., 1928. – 522с.
- Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. – М.: РОССПЭН, 1998. – 267с.
- Островский А. В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX-начале XX века. СПб., 2013. – 416с.
- Паевский В.В. Методика измерения детской смертности в возрасте от 0 до 1 года //Антонов А. Н. Смертность грудных детей, е причины и меры борьбы. М.-Л., 1931. – С. 197-241.
- Песчанский В. Предварительные итоги естественного движения населения за первое полугодие 1927 года по Европейской части РСФСР //Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 87-90.
- Писаржевский О. Н. Прянишников. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 267с.
- Пластунов Н. И. О так называемом «аграрном перенаселении» и социально-экономических предпосылках переселенческого движения в СССР накануне сплошной коллективизации// Труды Томского гос. университета. 1967. Т. 190. – С. 241-254.
- Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. – М.: РОССПЭН, 2006. – 237 с.
- Поземельная община//Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 47. Спб.: Терра, 1992. С. 196-225.
- Покшишевский В. В. Центрально-Черноземная область. – М.-Л.,: Госиздат, 1929. – 132с.
- Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М.: Наука, 1986. – 271 с.

- Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания: (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 6. – С. 3-26.
- Посевные площади СССР (динамика за 1928, 1932-1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.). Статистический справочник. М.-Л.: Госпланиздат, 1939. – 332с.
- Прозоровский К. Хлебные цены и хлебный рынок в третьем квартале 1927/28 сельскохозяйственного года// Статистическое обозрение. 1928. № 6. С. 55-61.
- Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т.1. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1952. – 398 с.
- Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в XX веке. – М.: Междунар. независимый экол.-политол. ун-т., 2001. – 275 с.
- Прянишников Д. Н. Севообороты и удобрения // Правда. 14 августа 1937 г. (№ 223). С. 3.
- Прянишников Д. Н. Частное земледелие //Избранные произведения Т. II. – М.: Колос, 1965. – 705с.
- Ремейко А. На путях восстановления хозяйства ЦЧО// Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. – С. 3-13.
- Рогалина Н. Л. Актуальные проблемы изучения российского крестьянства 1920-1930-х гг. в свете новейших документальных публикаций // Вестник архивиста. 2004. № 3-4. – С. 79-87.
- Рогалина Н. Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. – М.: Издат. Моск. ун-та, 1989. – 223с.
- Рогалина Н. Л. Крестьянская экономика в годы нэпа: проблемы историографии и идеологии// Нэп: завершающая стадия: соотношение экономики и политики. / отв. ред. В. П. Дмитренко – М.: Ин-т российской истории, 1998. – С. 185-195.
- Рогалина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство// НЭП: приобретения и потери. М., 1994. – С. 139-149.
- Рогалина Н. Л. Проблемы аграрного перенаселения в экономической литературе 10-20-х годов XX в. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения в X-XX вв. – М., 1998. – С. 105-108.
- Россия нэповская / С.А. Павлюченков и др. – М.: Новый хронограф , 2002 – 468 с.
- Рожков А.Ю. «Мыши съели людей...»: память о голоде 1932–1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеенко// Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. / Под ред.

- Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар: Традиция, 2009. – С. 48-56.
- Рянский Л. М., Бочаров Л. Н., Травина А. С. Курская деревня в 1920-30-х годах. Коллективизация. – Курск: КГПИ, 1993. – 51 с.
- Сазонов К. Н. Землепользование и землеустройство в Центрально-Черноземной области после революции// Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Вып. 1 – Воронеж, 1926. – С. 107-158.
- Саутин И. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 5. – С. 7-17.
- Сахаров А. Н. Сельскохозяйственные районы Тамбовской губернии. – Тамбов, 1928.
- Свидерский А. И. С.-х. политика за 10 лет // Пути сельского хозяйства. 1927. №10. С. 18-49.
- Сергеев В. Восстановление и реконструкция сельского хозяйства Центрально-черноземной области // Пути сельского хозяйства. 1929. № 5. – С. 116-124.
- Серешников В. Задачи реорганизации крестьянского хозяйства Сталинградской губернии // Пути сельского хозяйства. 1926. № 6-7. С. 44-61.
- Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. – М.: Наука, 2006. – 586 с.
- Симчера В. М., Соколин В. Л., Машихин Е. А., Шевлюков А. Ю. Энциклопедия статистических публикаций. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 992 с.
- Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг.//Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М.: Статистика, 1977. – С. 62-82.
- Слободин В. М. Системы земледелия – что это такое? – М.: Колос, 1973. – 239с.
- Смертность грудных детей, ее причины и меры борьбы. М.-Л., 1931. С. 200-210.
- Справочник председателя колхоза. М.: Сельхозгиз, 1941. – 608с.
- Стеблев С. П. Российская повседневность 1921-1941 гг.: новые подходы // Экономика российской повседневности: новые подходы. СПб, 1998. – С. 116-123.
- Стеценко Н. Трудовые ресурсы и их использование в колхозах УССР // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 7. – С. 27-35.

- Струков М. Урожай зерновых в условиях засухи // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. № 1. – С. 106-122.
- Струмилин С. Г. К хозяйственному плану на 1921/22 г. // На плановом фронте. 1920-1930. – М.: Госплан, 1958. – С. 20-50.
- Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. – М.: Изд. Соц-экон. лит., 1960. – 548 с.
- Струмилин С. Г. Социальные проблемы пятилетки // На плановом фронте. 1920-1930. – М.: Госплан, 1958. – С. 448-502.
- Струмилин С. К реформе урожайной статистики // Экономическое обозрение. 1924. № 10. – С. 44-50.
- Татарчуков А. Н. Об «избыточном» населении Центрально-Черноземной области // Материалы по изучению вопроса о восстановлении хозяйства Центрально-Черноземной области. Труды Плановой комиссии Центрально-Черноземной области. Т. 1. – Воронеж, 1926. – С. 15-40.
- Таугер М. Сталин, советское сельское хозяйство и коллективизация // Еженедельник 2000. 2007. № 52.
- Твердохлеб А. А. Историография материального благосостояния рабочего класса СССР в переходный от капитализма к социализму период // История СССР. 1974. № 3. – С. 113-131.
- Томилин С. А. Демография и социальная гигиена. – М.: Статистика, 1973. – 311 с.
- Тоцкий Н. Центрально-Черноземная область в системе народного хозяйства СССР // Хозяйство ЦЧО. 1928. № 2. – С. 14-24.
- Тулупников А. Н. Общественное хозяйство – основа зажиточности колхозников (бюджеты колхозников.). – М.: Сельхозгиз, 1941. – 142 с.
- Тутыхин Б. А. Центрально-Черноземная область. – М.: Изд. Комм. ун-та, 1929. 285 с.
- Уиткрофт С. О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931-1933 годах // Трагедия советской деревни. Документы и материалы. Т.3. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 842-886.
- Уиткрофт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931-1933 гг. // Трагедия советской деревни. Документы и материалы. Т.3. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 866-886.
- Урланис Б. Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. – М.: Статистика, 1977. – С. 8-26.
- Урланис Б. Ц. Динамика, география и факторы рождаемости народов СССР. – М.: Наука, 1964. – 11 с.

- Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.
- Физическое развитие детей дошкольного и школьного возраста /разработ. С. М. Левиант. Л: Ленингд. НИИ детских инфекций, 1964. – 64 с.
- Филатов В. В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х-начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. – Магнитогорск: МГТУ, 2006. – 453с.
- Филатов В. В. Уральское село, 1927-1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия. – Магнитогорск: МГТУ, 2006. – 260с.
- Фиров В. П. Голодомор 1932-1933 гг.: причины, последствия, виновники. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2003.
- Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М.: РОССПЭН, 2008. – 422с.
- Ханин Г. И. Этапы экономического развития СССР. – Новосибирск: Наука, 1991. – 267 с.
- Хейнман С. Подъем уровня жизни трудящихся СССР в свете основной экономической задачи //Проблемы экономики. 1940. № 5/6. С. 140-146.
- Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков Н. В. Антропология. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1991. – 399с.
- Цейтлин А. Г. Физическое развитие детей и подростков. – М.: Гос. изд. мед. лит., 1963. – 204с.
- Цинцадзе Н. С. Демоэкологические аспекты аграрного кризиса в центрально-черноземных губерниях Российской империи в осмыслении ученых второй половины XIX — начала XX в. // Природа и общество: на пороге метаморфоз. – М.: ИАЦ Энергия, 2010. – С. 157-171.
- Цылько Ф. Победы социалистического животноводства и наши задачи // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. № 3. С. 26-49.
- Чаянов А. В. К вопросу о проектировании крупных совхозов // Совхоз. М., 1930. № 11. С. 7
- Чернов М. А. Закрепим победы социалистического сельского хозяйства // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1936. №1. С. 13-22.
- Чмора Н. Я. Борьбу с потерями – во главу угла рыбобы при уборке // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1933. №7. С. 22-39.

- Чувиков В. Организация и оплата труда в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 5. С. 13-21.
- Чуистов В. О переработке соломы в зерносовхозах// Социалистическое сельское хозяйство. 1940. №11-12. С. 82-88.
- Шапошников К. О вредительстве в сельском хозяйстве Азово-Черноморья // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1937. №9-10. С. 94-103.
- Шарова П. Н. Коллективизация сельского хозяйства в ЦЧО. – М.:Изд. АН СССР, 1963. -288с.
- Шахназаров А. И. Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии. – СПб, 1910. – 354 с.
- Шеховцов А. О звеньях в колхозах // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 8/9. С. 48-53.
- Шкаратан О. И. Материализация благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда)// История СССР. 1963 . № 3. – С. 17-44.
- Шнирлин Ю. Рост потребления рабочего класса Советского Союза // Плановое хозяйство. 1938. № 5. – С. 75-87.
- Шнитникова З. З. Физическое развитие детей дошкольного возраста Ленинграда// Здоровоохранение Российской Федерации. 1963. № 12. – С. 12-15
- Шоноу П. Цивилизация классической Европы. – Екатеринбург: У-фактория, 2005. – 605 с.
- Шорнель В. Весенний опрос и налоговые списки// Вестник статистики. 1929. № 3-4. С. 231-239.
- Шпотов Б.М. Не дано нам было историей тише идти. Техническая помощь Запада советской индустриализации [электронный ресурс]. URL: <http://www.pseudology.org/razbory/IndustriaGAZ.htm>, (дата обращения 1.04.2011
- Элман М. Витте, Миронов и ошибочное использование антропометрических данных// Экономическая история. Обзорение. Вып. 11. М., 2005. С. 164.
- Эльфон Б. Подгорный П. Тихорецкая МИС в борьбе с мышами // На защиту урожая. 1933. №1 – С. 26-27.
- Югенбург С. Уровень производства машиностроения СССР и крупных капиталистических стран //Плановое хозяйство. 1937. № 4. С. 63-78.
- Юрцовский М. Потери зерна при уборке // Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 3. С. 107-119.

- Юрцовский М. Предварительные итоги контрольных нажимов и обмолотов в 1929 г. // Статистическое обозрение. 1930. № 3-4. – С. 96-103.
- Ячевский А. А. К вопросу о подъеме урожайности с точки зрения фитопатологии // Пути сельского хозяйства. 1928. №7. С. 94-101.
- Abel W. Crises agraires en Europe (XIII<sup>e</sup> – XX<sup>e</sup> siècle). Paris: Flammarion, 1973. – 454 p.
- Allen R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton University Press, 2003. – 302p.
- Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, Harvard University Press, 1961. – 472 p.
- Biraben J.-N. Naissances et repartition par age dans L'Empire Russe et en Union Sovjetique // Population. 1976. N. 2. – P. 441-471.
- Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. – N.Y.: Harper & Row 1966. – 200p.
- Bogue D. Principles of demography. – N. Y.: Wiley 1968. – 917 p.
- Brainerd E. Reassessing the Standard of Living in the Soviet Union: An Analysis Using Archival and Anthropometric Data // The Journal of Economic History. 2010. Vol. 70. – P. 83-117.
- Braudel F. Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. T.1-3, Le temps du monde. – Paris: Colin, 1967-1979.
- Brzezinski Z. The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. – New York: Collier Books, 1990. – 304 p.
- Chapman J. G. Real Wages in Soviet Russia since 1928. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1963. – 409p.
- Chaunu P. La civilisation de L'Europe classique. – Paris: Arthaud, 1970. – 706 p.
- Cippolla C. M. Before the industrial revolution. European Society and Economy, 1000-1700. – London, 1976. – 337 p.
- Conquest R. Casualty Figures // The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. N.Y., 1968. P. 699-713.
- Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931-1933. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 555 pp.
- Duby G. Rural economy and country life in the medieval West. – London: Edward Arnold, 1968. – 600 p.
- Fitzgerald D. Blinded by Technology: American Agriculture in the Soviet Union, 1928-1932 // Agricultural History. 1996. Vol. 70, No. 3. P. 459-486.
- Fitzgerald D. K. Every farm a factory: the industrial ideal in American agriculture. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 242 p.

- Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 386p.
- Glass D. V., Eversley D. E. (ed.) Population in History: essays in historical demography. – London: Edward Arnold, 1965. – 692 p.
- Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. – London: University of California Press, 1991. – 608p.
- Goubert P. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730: contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIIe siècle. – Paris : S.E.V.P.E.N., 1960. – 653p.
- Grigg D. Population Growth and Agrarian Change. – Cambridge, 1980. – 333 p.
- Hoch S. Tall Tales: Anthropometric Measures of Well-Being in Imperial Russia and the Soviet Union, 1821-1960 // Slavic Review 1999. Vol. 58. N 1. – P. 61-70.
- Hoffmann M. Die agrarische Überbevölkerung Russlands. – Berlin: R. Mannheim, 1932. – 143 S.
- Hunter H., Szyrmer J. M. Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928-1940, Princeton, Princeton University Press 1992. – 339 p.
- Karcz J. Thoughts on the Grain Problem //Soviet Studies. 1967. Vol. 18. No. 4. P. 399-432.
- Le Roy Ladurie E. Les Paysans de Languedoc. Vol.1. – Paris : S.E.V.P.E.N., 1966. – 745 p.
- Lorimer E. The Population of the Soviet Union. History and Prospects. Geneva: League of Nations. 1946. -289p.
- Meuvret J. Études d'histoire économique : recueil d'articles. – Paris : A. Colin, 1971. – 344 p.
- Mousnier R. Les XVI<sup>e</sup> et XVII<sup>e</sup> siècles. Les progrès de la civilisation européenne et la déclin de l'Orient (1492-1715). – Paris, 1953. – 506 p.
- Naiken L. FAO Methodology for Estimating the Prevalence of Undernourishment. Paper Presented at International Scientific Symposium on Measurement and Assessment of Food Deprivation and Undernutrition, Rome, Italy. URL: [www.fao.org](http://www.fao.org).
- Penner A. Stalin and the Ital'ianka of 1932-1933 in the Don region //Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants . 1998. Vol. 39. N 39-1-2. P. 27-67.
- Penner A. The agrarian "strike" of 1932-33. The Woodrow Wilson Center, Kennan Institute for Advanced Russian Studies, 1998. – 53p.
- Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. New York, A.A. Knopf 1994. – 587 p.

- Postan M. Essays on medieval agriculture and general problems of medieval economy. London:Cambridge University Press, 1973. – 302 p.
- Postan M. The medieval economy and society: an economic history of Britain in the Middle Ages. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. – 261 p.
- Schofield R. S. Through a Glass Darkly: The Population History of England as an Experiment in History// Population and History. From the Traditional to the Modern World. – Cambridge, 1986. – P. 11-34.
- Slicher van Bath B. H. The Agrarian History of Western Europe F. D. 500-1850. – L: Edvard Arnold., 1963. – 360p.
- Tauger M. B. The 1932 harvest and the famine of 1933// Slavic Review. 1991. Vol. 50. – P. 70-89.
- Tauger M. B. Natural disaster and human actions in the Soviet famine of 1931 – 1933. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 2001. № 1506. – P. 5-42..
- The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945/ editors R.W Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 374 p.
- Thoughts on the Grain Problem //Soviet Studies. 1967. Vol. 18. No. 4. P. 399-432.
- Volin L. A Century of Russian Agriculture. From Alexander II to Kruchev. – Cambridge (Mass.). 1970. – 650 p.
- Wheatcroft S. G. The Significance of Climatic and Weather Change on Soviet Agriculture (with particular reference to the 1920s and 1930s). Discussion Papers, SIPS. 1977. No. 11 (CREES, University of Birmingham). 47p.
- Wheatcroft S. G., Davies R. W. The crooked mirror of Soviet economic statistics// The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945/ editors R.W Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 24-37.
- Wheatcroft S. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels, 1880-1960 // Slavic Review. 1999. Vol. 58. No. 1. P. 27-60.
- Wheatcroft S. Crises and the Condition of the Peasantry in Late Imperial Russia// Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – P. 128-172..
- Wrigley E. A., Schofield R. S. The Population History of England, 1541-1571: A Reconstruction. – London: Edward Arnold,1981. – 757 p.

## Диссертации и авторефераты

- Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс... канд. ист. наук. – М., 1998. – 250 с.
- Иванова М.А. Завершение коллективизации сельского хозяйства на Урале (1932– 1937 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 1969. – 409с.
- Иванова Т. М. Подъем благосостояния трудящихся города в годы второй пятилетки (на материалах промышленных центров РСФСР). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981. – 215с.
- Корноухова Г. Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-1930-е гг. (На материалах Астраханской области). Дисс. ... канд. ист. наук. М, 2004. – 197 с.
- Плющев Г. К. Борьба за повышение уровня жизни рабочих в Курском округе (1928-1939). Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 1948.
- Артемов Б. А. Укрепление экономики Воронежской области в предвоенные годы (19137-июнь 1941 г.). Дисс... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. – 178с.
- Высотина Е. А. Социально-демографическое развитие Центрального Черноземья в 1920-1930-е гг. Дисс... канд. ист. наук. – Воронеж, 2007. -193с.
- Кириллова Д. А. Естественное движение населения СССР в 1930-е годы. Дисс... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2005. – 285с.
- Коровин Н. Р. Рабочий класс Центрально-Черноземного района в годы второй пятилетки. Автореф. .. канд. ист. наук. Воронеж, 1978. – 27с.
- Мамонтова Э. А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии. 1921-1929. Дисс... канд. ист. наук. – Тамбов: ТГПУ, 2003. – 248 с.
- Молодчик А. В. Государственная социальная политика СССР и уровень жизни советского населения в 1929-1953 гг. Дисс... докт. ист. н. – М., 2004. – 309с.
- Норицин В. П. Борьба Коммунистической партии за повышение благосостояния рабочего класса в года второй пятилетки. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1955. – 16с.
- Мигущенко О. Н. Социально-экономические и политические отношения в деревне ЦЧО. 1928-1934. Дисс... канд. ист. наук. – Воронеж: Ворон. гос. ун-т, 1994. – 285 с.

Научное издание

*Нефедов Сергей Александрович*

**АГРАРНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ  
СТАЛИНСКОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ**

**МОНОГРАФИЯ**

*Печатается в авторской редакции*

ISBN 978-5-89016-883-2



Подписано в печать 11.06.2013 г. Формат 60×84/16.  
Усл. печ. л. 16,33. Тираж 500 экз. Заказ 1457.

Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина. 392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г  
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательского дома ТГУ имени  
Г.Р. Державина.